

Память сердца

Воспоминания
жителей МО Пискаревка
о Великой Отечественной войне
1941–1945 годов

Книга четвертая

Санкт-Петербург
2010

Особая благодарность за помощь в издании книги:

Абушенко Валерию Васильевичу,
генеральному директору ООО «Ника»;

Дяченко Сергею Леонидовичу,
генеральному директору ООО «Инчкейп Олимп»;

Ишутину Алексею Ивановичу,
члену политсовета Санкт-Петербургского отделения, председателю политсовета
Калининского районного отделения политической партии «Единая Россия»;

Кушниру Роману Валерьевичу,
председателю ТСЖ «Карпинского, 33, корп. 1»;

Мамедову Джаннату Магомедовичу,
генеральному директору ООО «Юлия плюс»;

Марусенко Татьяне Николаевне,
директору государственного образовательного учреждения
дополнительного образования детей Дом детского и юношеского творчества
Калининского района за предоставленные детские рисунки;

Протасову Андрею Николаевичу,
директору официального дилера Фольксваген «Классика»;

Тютюнникову Николаю Ивановичу,
генеральному директору ОАО «Каравай»;

Ширалиеву Шахину Азизовичу,
директору ООО «БРИЗ»;

Шубареву Валерию Антоновичу,
генеральному директору ОАО «Авангард».

Память сердца. Воспоминания жителей МО Пискаревка о Великой Отечественной войне
1941–1945 годов. Книга четвертая. — СПб.: НИКА, 2010 — 256 с. с ил.

ISBN 978-5-98220-042-X

© Местная администрация муниципального образования
МО Пискаревка, 2010.

Память сердца

Любезный читатель!
 На миг задержись.
 Войди в нашу книгу,
 Как в долгую жизнь.
 В ней мудрость седая
 И юности цвет.
 В ней связь поколений
 За множество лет.
 Здесь те, кто на фронте
 Погиб, как герой,
 И те, кто с Победой
 Вернулся домой.
 Здесь те, кто в тылу,
 Выбиваясь из сил,
 Победу ковал
 И наград не просил.
 Здесь жертвы блокады
 Великой войны,
 Кому своей жизнью
 Обязаны мы.
 Пусть память о них
 Не померкнет в веках!
**СВЯЩЕННУЮ КНИГУ
 ТЫ ДЕРЖИШЬ В РУКАХ.**

Олег ПАВЛИХИН,
 житель МО Пискаревка

МЕДВЕДЕВ Дмитрий Анатольевич

Президент Российской Федерации

Дорогие друзья!

Вы держите в руках замечательную и во многом уникальную книгу, посвященную 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Основанная на подлинных документах и архивных материалах, она представляет большой интерес для широкого круга читателей, которые стремятся узнать правду о событиях тех лет.

На каждой странице книги — живая история нашей Родины. Судьба наших дедов и отцов — солдат и офицеров, партизан и тружеников тыла. Они отстаивали суверенитет, свободу и достоинство Родины. Завоевали для нас право на мирное будущее, на нашу сегодняшнюю жизнь.

«Память сердца» — это еще одно свидетельство глубокой благодарности героям, которые с честью прошли суровые испытания, познали горечь потерь и радость Победы. Сколько бы лет ни прошло — подвиг поколения победителей навсегда останется в памя-

ти людей как символ беспримерного мужества и силы духа нашего народа.

Мы хорошо знаем, как дорого дались народам Европы уроки войны. И надо последовательно и жестко реагировать на любые попытки исказить историю. Это оскорбляет нашу национальную память и память о тех, кто отдал свою жизнь, спасая мир от нацизма.

Детальное, всестороннее и объективное изучение непростых, полных драматизма событий XX века — это необходимое условие для благополучного будущего Европы и всего мира. И эта интересная, содержательная книга дает читателям серьезный материал для осмысления, помогает им существенно пополнить свои знания о значимых страницах нашей истории, связанных с Великой Отечественной войной. И, конечно, издание станет прекрасным подарком к 65-летию Великой Победы.

Память сердца

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

Дорогие братья и сестры!

Приветствуя выход в свет очередного, юбилейного тома книги, посвященной 65-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, хотел бы выразить надежду на дальнейшие труды по увековечению памяти тех, кто в невероятно трудных условиях смог отстоять независимость нашего государства, явил мужество и героизм на фронте и в тылу. Мы склоняем головы перед миллионами защитников нашего Отечества, отдавших самое дорогое — свои жизни, приближая день Великой Победы, благодарим ветеранов за их ратный и трудовой подвиг.

Страницы летописи России полны примерами боевой отваги и жертвенной любви к ближним, мужественного стояния за землю Русскую и веру православную. Несокрушимая сила духа нашего народа с особой убедительностью проявилась в годы Великой Отечественной войны.

Русская Православная Церковь всегда благословляла ратное служение, молилась о даровании побед, в скорбные дни разделяла с народом боль утраты по погибшим. Так было и в годы минувшей войны.

Ныне, когда предпринимаются попытки переписать историю и принизить значение совершенного нашим народом подвига, книга «Память сердца» призвана напомнить всем о том, сколь страшна и разрушительна фашистская идеология, какой ценой была завоевана победа над злом.

Наш общий долг — чтить память дедов, отцов, матерей, братьев и сестер, которые, не щадя сил и жизни своей, защищали рубежи нашего Отечества. Подвиг их бессмертен.

Уверен, что основа нашей обороноспособности — в глубокой преданности лучшим национальным традициям и в твердом стоянии за родную землю. «Не в силе Бог, а в правде!» — этот завет святого благоверного и великого князя Александра Невского да будет и впредь надежным ориентиром для нас в преодолении всех трудностей и испытаний, укреплении связи поколений и созидании мирной жизни, базирующейся на непреходящих духовно-нравственных ценностях.

+ *Кирилл*

Память сердца

МАТВИЕНКО Валентина Ивановна

Губернатор
Санкт-Петербурга

**Дорогие петербуржцы, ветераны Великой Отечественной войны,
жители блокадного Ленинграда, труженики тыла!**

Уважаемые читатели!

Перед вами не просто книга, у вас в руках История.

История подвига страны, города, народа, человека! На этих страницах собраны документальные хроники очевидцев тех страшных военных лет и Великой победы.

Память человека устроена особым образом — она вытесняет неприятные воспоминания, заполняя пространство радостными и счастливыми моментами жизни. Но есть особые события, память о которых не только никогда не исчезает, она передается от поколения к поколению. Это и есть ПАМЯТЬ СЕРДЦА.

Имя каждого солдата Великой Отечественной золотыми буквами вписано в историю города, России, в историю всего человечества. Подвиг советского народа не меркнет с течением времени. Напротив, чем дальше

от нас те грозные военные годы, тем глубже мы сознаем его величие.

Хочу поблагодарить инициаторов издания книги и редакционную коллегию за серьезный вклад в дело патриотического воспитания молодого поколения.

Наш долг — помнить, какой ценой далась нам Победа в этой страшной войне, чтить память погибших и проявлять неустанную заботу о живущих. И пусть завоеванная старшим поколением Победа сегодня вдохновляет молодежь на настоящие свершения, укрепляет наш дух, помогает преодолевать трудности и идти вперед.

От всей души желаю вам здоровья, счастья, благополучия и мирного неба над головой!

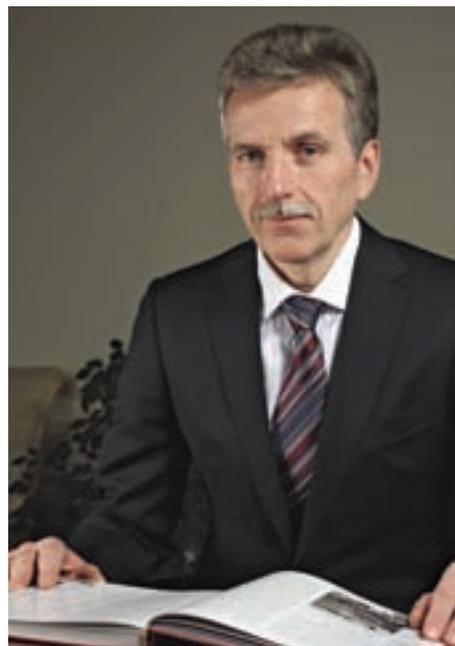
В. Матвиенко

Память сердца

САФОНОВ Михаил Михайлович

Глава администрации
Калининского района Санкт-Петербурга

Дорогие ленинградцы, петербуржцы!

65 лет прошло с незабываемого победного дня 1945 года, когда была поставлена точка в одной из самых жестоких и беспощадных войн в истории человечества. Мы всегда будем помнить, какой ценой далась нашему народу Победа в Великой Отечественной войне. Для всех ленинградцев День Победы сродни второму дню рождения, дню начала новой жизни. Те, кто выжил, знает, чего стоит этот праздник. Практически во всех ленинградских семьях есть те, чей подвиг помнят и кого оплакивают.

Жители Калининского района вместе со всем городом познали все тяготы войны. В книге «Память сердца», как в зеркале нашли отражение воспоминания ветеранов и жителей блокадного города о Великой Отечественной войне и подвиге Ленинграда. Они поражают читателей своей пронзительностью и затрагивают душу.

Вечный огонь памяти спустя многие годы после Дня Победы будет гореть не только на сотнях тысяч мемориалов по всей стране, но и в сердцах будущих поколений. Эту память хранят наши сердца в знак благодарности за то, что сделали миллионы наших соотечественников, отдавших жизни за свободу Отчизны.

Уважаемые ветераны и все те, кто прошел войну! Всей своей жизнью вы заслужили почет и уважение, доказали незыблемость вечных ценностей: любви к Родине, самопожертвования, героизма, что вызывает чувство глубочайшей благодарности. Желаю вам как можно дольше оставаться в строю, крепости духа, мира и благополучия!

Память сердца

СЕРГЕЕВА Вера Владимировна

Глава Муниципального образования
МО Пискаревка

Дорогие читатели!

Идея создания этой книги возникла в год празднования 60-летия со дня Победы над фашистской Германией. Прошло пять лет. За это время в свет вышло четыре тома книги «Память сердца». Более трехсот ветеранов приняли участие в создании книг с воспоминаниями о той, уже такой далекой войне. У этих сотен людей разные судьбы, но всех их объединяет одно — воспоминания о всеобщей трагедии сороковых.

Во второй половине XX века в России было выпущено достаточно литературы о Великой Отечественной войне.

Казалось бы, что еще можно сказать нового? И нужно ли ветеранам, теребя свою память с болью в сердце, вспоминать те страшные годы лишений и человеческого подвига?

Эти судьбы не списаны с карт сражений, не навеяны фантазией новеллистов, в подлинных историях нет места художественному вымыслу. Голод, холод, непрерывные бомбардировки блокадного города, круглосуточная работа у станка тружеников тыла, бесчеловечность концлагерей. Это страшная

хроника испытания терпением, безграничной человечностью и всепрощением...

А ветераны продолжают приносить свои рассказы о войне. С фотографий, заботливо приложенных к листкам, на нас смотрят совсем юные лица...

В роковой час во имя беззаботного детства сегодняшних подростков, воспитанных на компьютерных играх, телевизионных шоу и ненастоящих сериальных страстях и не знающих горя разлуки, голода, страданий, потери близких, их бабушки и дедушки поступали так, как требовали совесть, долг, любовь к родным людям.

И мы еще раз с чувством глубокой благодарности вспоминаем людей, которые буквально выстрадали эту победу. Их подвиг совершен ради того, чтобы новое молодое поколение никогда не узнало ужасов войны.

А мы продолжим работу над книгой «Память сердца» это то немногое, что мы можем сделать для наших ветеранов.

Мы постараемся сделать все для того, чтобы Вы могли нами гордиться...

**Дорогие наши бабушки, дедушки, прабабушки, прадедушки,
спасибо вам за то, что вы для нас сделали!**

Мы понимаем и осознаем, что живем в свободной процветающей стране, благодаря Вашему подвигу. Вы — люди с сильным характером и несгибаемой волей, и мы хотим быть похожими на вас. О вашем поколении нужно слагать стихи, писать книги и снимать

фильмы. Вы защитили Отечество, сохранили его для нас, и мы всегда будем помнить это. В свою очередь обещаем — хорошо учиться, чтобы быть достойными гражданами страны, ради которой вы не жалели жизни.

Мы преклоняемся перед вами!

*Екатерина ФРОЛОВА, ученица 7 «А» класса, школы № 653
Александр ПИКИЛИН, ученик 7 «Б» класса, гимназии № 159
Владислав СИМОНОВ, ученик 7 «Б» класса, гимназии № 159
Дмитрий СМЕШКАЛЬ, ученик 7 «Б» класса, гимназии № 159*

*Победители конкурса творческих работ «Герои живут рядом»
проекта «Эстафета памяти». Муниципальный округ «Пискаревка»*

Операция Барбаросса

План вторжения Германии в СССР на Восточноевропейском театре Второй мировой войны и военная операция, осуществлявшаяся в соответствии с этим планом на начальной стадии Великой Отечественной войны.

Разработка плана «Барбаросса» началась 21 июля 1940 года. План, окончательно разработанный под руководством генерала Ф. Паулюса, был утвержден 18 декабря 1940 года директивой Верховного главнокомандующего вермахта №21. Предусматривался

молниеносный разгром основных сил Красной Армии западнее рек Днепр и Западная Двина, в дальнейшем намечалось захватить Москву, Ленинград и Донбасс с последующим выходом на линию Архангельск — Волга — Астрахань.

Полководцы и военачальники СССР периода Великой Отечественной войны

СТАЛИН Иосиф Виссарионович (1879–1953), Генералиссимус Советского Союза, Верховный Главнокомандующий, Председатель Гос. комитета обороны, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), Председатель Совета народных комиссаров СССР. Народный комиссар обороны СССР.

БУДЕННЫЙ Семен Михайлович (1883–1973), маршал Советского Союза, заместитель Наркома обороны СССР с августа 1942 года до конца войны, член Ставки Верховного главнокомандования Вооруженных сил с 23.06.1941 по 17.02.1945, Главнокомандующий войсками Юго-Западного направления с 10.07.1941 по 13.09.1941, Главнокомандующий войсками Северо-Кавказского направления с 26.04.1942 по 20.05.1942.

ВОРОШИЛОВ Климент Ефремович (1881–1969), маршал Советского Союза, член Государственного комитета обороны с 30.06.1941 по 21.11.1944, член Ставки Верховного Главнокомандования Вооруженных сил с 23.06.1941 по 17.02.1945, Главнокомандующий войсками Северо-Западного направления с 10.07.1941 по 30.08.1941.

ЖУКОВ Георгий Константинович (1896–1978), маршал Советского Союза, заместитель Народного комиссара обороны СССР, заместитель Верховного Главнокомандующего Вооруженными

силами СССР, член Ставки Верховного Главнокомандования, Главнокомандующий войсками Западного направления с 1.02.1942 по 5.05.1942, в разное время — командующий Резервным, Ленинградским, Западным, 1-м Украинским, 1-м Белорусским фронтами.

ВАСИЛЕВСКИЙ Александр Михайлович (1895–1977), маршал Советского Союза, член Ставки Верховного Главнокомандования Вооруженных сил с мая 1942 года до конца войны, заместитель Народного комиссара обороны СССР — начальник Генерального штаба Советской армии с мая 1942 года по 20.02.1945, командующий 3-м Белорусским фронтом с 20.02.1945 по 26.04.1945, Главнокомандующий войсками Дальнего Востока с 1.08.1945 по 1.10.1945.

ТИМОШЕНКО Семен Константинович (1895–1970), маршал Советского Союза, Народный комиссар Обороны СССР до 19.07.1941, член Ставки Верховного Главнокомандования Вооруженных сил с 10.07.1941 по 17.02.1945, заместитель Наркома обороны СССР с 20.07.1941 до конца войны, Главнокомандующий войсками Западного направления с 10.07.1941 по 10.09.1941.

РОКОССОВСКИЙ Константин Константинович (1896–1968), маршал Советского Союза, в разное время — командующий Брянским, Донским, Центральным, Белорусским, 1-м Белорусским, 2-м Белорусским фронтами.

КОНЕВ Иван Степанович (1897–1973), маршал Советского Союза, командующий Западным фронтом с 12.09.1941 по 12.10.1941 и с 26.08.1942 по 27.02.1943, Калининским фронтом с 19.10.1941 по 26.08.1942, Северо-Западным фронтом с 14.03.1943 по 22.06.1943, Степным фронтом с 9.07.1943 по 20.10.1943, 2-м Украинским фронтом с 20.10.1943 по 21.05.1944, 1-м Украинским фронтом с 24.05.1944 до конца войны.

МАЛИНОВСКИЙ Родион Яковлевич (1898–1967), маршал Советского Союза, командующий Южным фронтом с 24.12.1941 по 28.07.1942 и с 2.02.1943 по 22.03.1943, Юго-Западным фронтом с 27.03.1943 по 20.10.1943, 3-м Украинским фронтом с 20.10.1943 по 15.05.1944, 2-м Украинским фронтом с 22.05.1944 по 10.06.1945, Забайкальским фронтом с 12.07.1945 по 1.10.1945.

ТОЛБУХИН Федор Иванович (1894–1949), маршал Советского Союза, командующий Южным фронтом с 22.03.1943 по 20.10.1943, 4-м Украинским фронтом с 20.10.1943 по 15.05.1944, 3-м Украинским фронтом с 15.05.1944 до конца войны.

ГОВОРОВ Леонид Александрович (1897–1955), маршал Советского Союза, командующий Ленинградским фронтом с 10.06.1942 до конца войны, 2-м Прибалтийским фронтом с 9.02.1945 по 31.03.1945.

ЧЕРНЯХОВСКИЙ Иван Данилович (1906–1945), генерал армии, командующий Западным фронтом с 15.04.1944 по 24.04.1944, 3-м Белорусским фронтом с 24.04.1944 по 18.02.1945. Погиб 18.02.1945, похоронен в Вильнюсе.

МЕРЕЦКОВ Кирилл Афанасьевич (1897–1968), маршал Советского Союза, заместитель Народного комиссара обороны СССР в течение всей войны, командующий 7-й отд. армией с 24.09.1941 по 9.11.1941, 4-й отд. армией с 9.11.1941 по 16.12.1941, Волховским фронтом с 17.12.1941 по 23.04.1942 и с 8.06.1942 по 15.02.1944, Карельским фронтом с 22.02.1944 по 15.11.1944, 1-м Дальневосточным фронтом с 12.07.1945 по 1.10.1945.

БРЕМЕНКО Андрей Иванович (1892–1970), маршал Советского Союза, в разное время — командующий Западным, Брянским, Юго-Восточным, Сталинградским, Южным, Калининским, 1-м Прибалтийским, 2-м Прибалтийским, 4-м Украинским фронтами.

ВАТУТИН Николай Федорович (1901–1944), генерал армии, первый заместитель начальника Генерального штаба Советской армии с 15.05.1942 по 11.07.1942, командующий Воронежским фронтом с 14.07.1942 по 22.10.1942 и с 28.03.1943 по 20.10.1943, Юго-Западным фронтом с 25.10.1942 по 27.03.1943, 1-м Украинским фронтом с 20.10.1943 по 2.03.1944.

БАГРАМЯН Иван Христофорович (1897–1982), маршал Советского Союза, командующий 1-м Прибалтийским фронтом с 20.11.1943 по 24.02.1945, Земландской группой войск 3-го Белорусского фронта с 24.02.1945 по 27.04.1945, 3-м Белорусским фронтом с 27.04.1945 до конца войны.

КУЗНЕЦОВ Николай Герасимович (1904–1974), адмирал флота, член Ставки Верховного Главнокомандования, народный комиссар Военно-морского флота весь период войны.

ШАПОШНИКОВ Борис Михайлович (1882–1945), маршал Советского Союза, заместитель Народного комиссара обороны СССР с 22.06.1941 по май 1942 года, член Ставки Верховного Главнокомандования Вооруженных сил — начальник Генерального штаба Советской армии с 1.07.1941 до мая 1942 года. Умер от болезни 26.03.1945.

АНТОНОВ Алексей Иннокентьевич (1896–1962), генерал армии, начальник оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба Советской армии с декабря 1942 года по май 1943 года, первый заместитель начальника Генерального штаба с мая 1943 года по февраль 1945 года, член Ставки Верховного Главнокомандования Вооруженных сил — начальник Генерального штаба Советской армии с февраля 1945 года до конца войны.

ВОРОНОВ Николай Николаевич (1899–1968), главный маршал артиллерии, начальник Главного управления ПВО страны с июня 1941 года по июль 1941 года, заместитель Народного комиссара обороны СССР — начальник артиллерии с июля 1941 года до конца войны.

ЖИГАРЕВ Павел Федорович (1900–1963), главный маршал авиации, заместитель Народного комиссара обороны СССР — начальник Главного управления ВВС (с 29.06.1941 — командующий ВВС Советской армии) с 22.06.1941 по 11.04.1942.

НОВИКОВ Александр Александрович (1900–1976), главный маршал авиации, заместитель Народного комиссара обороны СССР — командующий ВВС Советской армии с 11.04.1942 до конца войны.

ГОЛОВАНОВ Александр Евгеньевич (1904–1975), главный маршал авиации, командующий авиацией дальнего действия Советской армии с 5.03.1942 по 6.12.1944, командующий 18-й воздушной армией с 6.12.1944 до конца войны.

ХРУЛЕВ Андрей Васильевич (1892–1962), генерал армии, заместитель Народного комиссара обороны СССР — главный интендант (с 1.08.1941 — начальник тыла Советской армии) весь период войны.

**ГОЛИКОВ Филипп Ива-
нович (1900–1980)**, маршал
Советского Союза, коман-
дующий Брянским фрон-
том с 2.04.1942 по 7.07.1942,
Воронежским фронтом с
9.07.1942 по 14.07.1942 и
с 22.10.1942 по 28.03.1943,

начальник Главного управления кадров Совет-
ской армии с апреля 1943 года до конца войны.

**ЩЕРБАКОВ Александр
Сергеевич (1901–1945)**,
генерал-полковник, на-
чальник Главного по-
литического управле-
ния Советской армии и
Военно-морского флота.

**АПАНАСЕНКО Иосиф
Родионович (1890–1943)**,
генерал армии, коман-
дующий Дальневосточным
фронтом с 22.06.1941 по
5.08.1943, с 3.06.1943 про-
ходил стажировку в долж-
ности заместителя коман-
дующего Воронежским фронтом.

В боях под
Белгородом тяжело ранен, умер от ран в 1943 г.

**АРТЕМЬЕВ Павел Ар-
темьевич (1897–1979)**,
генерал-полковник, коман-
дующий Московским воен-
ным округом с 26.06.1941 до
конца войны, фронтом Мож-
айской линии обороны
с 18.07.1941 по 30.07.1941,
Московской зоной обороны
с 2.12.1941 по 15.10.1943.

**ГОРДОВ Василий Ни-
колаевич (1896–1950)**,
генерал-полковник, ко-
мандующий Сталинград-
ским фронтом с 23.07.1942
по 12.08.1942.

**ЕФРЕМОВ Михаил Гри-
горьевич (1897–1942)**,
генерал-лейтенант, ко-
мандующий Централь-
ным фронтом с 7.08.1941
по 25.08.1941. Погиб
19.04.1942, находясь в
окружении противника.

**ЗАХАРОВ Георгий Фе-
дорович (1897–1957)**, ге-
нерал армии, командую-
щий Брянским фронтом с
14.10.1941 по 10.11.1941,
2-м Белорусским фронтом
с 7.06.1944 по 17.11.1944.

**КИРПОНОС Михаил
Петрович (1882–1941)**,
генерал-полковник, ко-
мандующий Юго-Запад-
ным фронтом с 22.06.1941
по 20.09.1941. Погиб в сен-
тябре 1941.

**КОЗЛОВ Дмитрий Ти-
мофеевич (1896–1967)**,
генерал-лейтенант, коман-
дующий Закавказским
фронтом с 23.08.1941 по
30.12.1941, Кавказским
фронтом с 30.12.1941 по
28.01.1942, Крымским
фронтом с 28.01.1942 по 19.05.1942.

**КОСТЕНКО Федор
Яковлевич (1896–1942)**,
генерал-лейтенант, ко-
мандующий Юго-Запад-
ным фронтом с 18.12.1941
по 8.04.1942. Погиб под
Харьковом 26.05.1942.

КУЗНЕЦОВ Федор Исидорович (1898–1961), генерал-полковник, командующий Северо-Западным фронтом с 22.06.1941 по 3.07.1941, Центральным фронтом с 26.07.1941 по 7.08.1941.

КУРОЧКИН Павел Алексеевич (1900–1989), генерал армии, командующий Северо-Западным фронтом с 23.08.1941 по 5.10.1942 и с 23.6 43 по 20.11.1943, 2-м Белорусским фронтом с 24.02.1944

по 5.04.1944.

МАСЛЕННИКОВ Иван Иванович (1900–1954), генерал армии, командующий Северо-Кавказским фронтом с 24.01.1943 по 13.05.1943, 3-м Прибалтийским фронтом с 21.04.1944 по 16.10.1944.

ПАВЛОВ Дмитрий Григорьевич (1897–1941), генерал армии, командующий Западным фронтом с 22.06.1941 по 30.06.1941. Трагически погиб в 1941 году.

ПЕТРОВ Иван Ефимович (1896–1958), генерал армии, командующий Северо-Кавказским фронтом с 13.05.1943 по 20.11.1943, Отдельной Приморской армией с 20.11.1943 по 11.02.1944,

2-м Белорусским фронтом с 24.04.1944 по 6.06.1944, 4-м Украинским фронтом с 5.08.1944 по 26.03.1945.

ПОПОВ Маркиан Михайлович (1902–1969), генерал армии, командующий Северным фронтом с 24.06.1941 по 26.08.1941, Ленинградским фронтом с 27.08.1941 по 5.09.1941, Резервным фронтом с 10.04.1943 по 15.04.1943, Брянским фронтом с 6.06.1943 по 10.10.1943, Прибалтийским фронтом с 15.10.1943 по 20.10.1943, 2-м Прибалтийским фронтом с 20.10.1943 по 23.04.1944.

ПУРКАЕВ Максим Алексеевич (1894–1953), генерал армии, командующий Калининским фронтом с 26.08.1942 по 25.04.1943, Дальневосточным фронтом с 25.04.1943 по 4.08.1945, 2-м Дальневосточным фронтом с 5.08.1945 по 1.10.1945.

РЕЙТЕР Макс Андреевич (1886–1950), генерал-полковник, командующий Брянским фронтом с 28.09.1942 по 12.03.1943 и с 28.03.1943 по 5.06.1943.

РЯБЫШЕВ Дмитрий Иванович (1894–1985), генерал-лейтенант, командующий Южным фронтом с 30.08.1941 по 5.10.1941.

СОБЕННИКОВ Петр Петрович (1894–1960), генерал-лейтенант, командующий Северо-Западным фронтом с 4.07.1941 по 23.08.1941.

фронтом с 28.02.1943 по 15.04.1944.

**СОКОЛОВСКИЙ Васи-
лий Данилович (1897–
1968)**, маршал Советско-
го Союза, заместитель
начальника Генерального
штаба Советской армии с
22.06.1941 по 30.07.1941,
командующий Западным

**ТЮЛЕНЕВ Иван Влади-
мирович (1892–1978)**, ге-
нерал армии, командую-
щий Южным фронтом с
25.06.1941 по 30.08.1941,
Закавказским фронтом с
15.05.1942 до конца вой-
ны.

**ФЕДЮНИНСКИЙ Иван
Иванович (1900–1977)**,
генерал армии, коман-
дующий Ленинградским
фронтом с 11.10.1941 по
26.10.1941.

**ФРОЛОВ Валериан
Александрович (1895–
1961)**, генерал-полковник,
командующий Карель-
ским фронтом с 1.09.1941
по 21.02.1944.

**ХОЗИН Михаил Семено-
вич (1896–1979)**, генерал-
полковник, командующий
Ленинградским фронтом
с 27.10.1941 по 9.06.1942.

**ЧЕРЕВИЧЕНКО Яков
Тимофеевич (1894–1976)**,
генерал-полковник, ко-
мандующий Южным
фронтом с 5.10.1941 по
24.12.1941, Брянским
фронтом с 24.12.1941 по
2.04.1942.

**ЧИБИСОВ Никандр Ев-
лампиевич (1892–1959)**,
генерал-полковник, ко-
мандующий Брянским
фронтом с 7.07.1942 по
13.07.1942.

**БАСИСТЫЙ Николай
Ефремович (1898–1971)**,
вице-адмирал, коман-
дующий Черноморским
флотом с 10.03.1944 по
28.03.1944.

**ВЛАДИМИРСКИЙ
Лев Анатольевич (1903–
1973)**, вице-адмирал, ко-
мандующий Черномор-
ским флотом с 24.04.1943
по 10.03.1944.

**ФЕДОРЕНКО Яков Ни-
колаевич (1896–1947)**,
маршал бронетанковых
войск, начальник Главно-
го управления БТ и МВ
Советской армии с июня
1941 года по декабрь
1942 года, заместитель

Народного комиссара обороны СССР — ко-
мандующий бронетанковыми и механизиро-
ванными войсками Советской армии с де-
кабря 1942 года до конца войны.

ГОЛОВКО Арсений Григорьевич (1906–1962), адмирал, командующий Северным флотом весь период войны.

ОКТАБРЬСКИЙ Филипп Сергеевич (1899–1969), адмирал, командующий Черноморским флотом с 22.06.1941 по 23.04.1943 и с 28.03.1944 до конца войны.

ТРИБУЦ Владимир Филиппович (1900–1977), адмирал, командующий Краснознаменным Балтийским флотом весь период войны.

ЮМАШЕВ Иван Степанович (1895–1972), адмирал, командующий Тихоокеанским флотом с 22.06.1941 по 3.09.1945.

ГРОМАДИН Михаил Степанович (1899–1962), генерал-полковник, заместитель Народного комиссара обороны СССР — командующий войсками ПВО с 1941 года до 1943 года, командующий Западным фронтом ПВО с 1943 года по 1944 год, Северным фронтом ПВО с 1944 года по 1945 год, Центральным фронтом ПВО с 1945 года до конца войны.

ВОРОБЬЕВ Михаил Петрович (1896–1957), маршал инженерных войск, заместитель Народного комиссара обороны СССР — начальник инженерных войск Советской армии с апреля 1942

года до конца войны.

ПЕРЕСЫПКИН Иван Терентьевич (1904–1978), маршал войск связи, заместитель Народного комиссара обороны СССР — начальник войск связи Советской армии весь период войны.

ДЕГТЯРЕВ Петр Алексеевич, генерал-лейтенант, заместитель Народного комиссара обороны СССР — командующий гвардейскими минометными частями Советской армии с июня 1942 года до

конца войны.

ПОНОМАРЕНКО Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984), секретарь ЦК КП(б) Белоруссии (с 25.03.1943 — генерал-лейтенант). Начальник Центрального штаба партизанского движения с 30.05.1942 по 3.01.1944.

КОТЛЯР Леонтий Захарович (1901–1953), генерал-полковник инженерных войск, заместитель Народного комиссара обороны СССР — начальник инженерных войск Советской армии с 22.06.1941 по апрель 1942 года.

Награды Родины в Великой Отечественной войне

МЕДАЛЬ «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА»

Учреждена Указом Президиума ВС СССР 1 августа 1939 года.

Медаль «Золотая Звезда» как знак особого отличия вручалась вместе с орденом Ленина и грамотой Президиума ВС СССР Герою Советского Союза.

личившиеся в боях против врагов Советской власти, за особую храбрость и мужество, проявленные при защите социалистического Отечества.

На орденах, вручавшихся при повторном награждении, под лентой на венке размещался белый щиток с цифрами, указывающими, в который раз герой награжден орденом Красного Знамени СССР.

ОРДЕН ЛЕНИНА

Учрежден 6 апреля 1930 года постановлением Президиума ЦИК СССР.

Награждались отдельные граждане, коллективы, учреждения за особые заслуги в социалистическом строительстве и вклад в укрепление обороны страны.

ОРДЕН КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

Учрежден 6 апреля 1930 года тем же указом ВЦИК, что и орденом Ленина.

Награждались военнослужащие, сотрудники госбезопасности и другие граждане СССР, а также воинские части, военные корабли, соединения и объединения; кроме того, лица, не являвшиеся гражданами СССР, особо отличившиеся в боях против врагов Советской власти.

Вначале орден носили на левой стороне груди. С 1943 года ордена, прикрепляемые на штифтах, переместили на правую сторону груди и ввели планки с лентами для ношения их взамен орденов и медалей на полевой и повседневной форме. Лента цвета бордо с продольной полосой серого цвета посередине. Внешний вид ордена оставался неизменным за все время его существования.

ОРДЕН КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Учрежден 16 сентября 1918 года. Первый советский орден.

Награждались военнослужащие, сотрудники госбезопасности и другие граждане СССР, воинские части, военные корабли, соединения и объединения, а также лица, не являющиеся гражданами СССР, но особо от-

ОРДЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

I степень

II степень

Учрежден указом Президиума ВС СССР 20 мая 1942 года.

Награждались военнослужащие и партизаны, проявившие в боях храбрость, стойкость и мужество, а также военнослужащие, которые своими действиями способствовали успеху боевых операций наших войск.

Условия для награждения орденом I степени:

- метко поразил и разрушил особо важный объект в тылу противника;
- мужественно выполнял свои обязанности в экипаже самолета во время боевого задания, за которое штурман или летчик награждены орденом Ленина;
- в составе экипажа (разных видов авиации) сбил определенное количество самолетов или в зависимости от вида авиации совершил от 15 до 60 успешных боевых вылетов;
- лично уничтожил два тяжелых или средних или три легких танка;
- первым ворвался в дзот (дот, окоп или блиндаж) противника, решительными действиями уничтожил его гарнизон;
- организовал и успешно высадил морской десант на территории противника;
- захватил и привел на свою базу боевой корабль противника.

ОРДЕН СУВОРОВА

Учрежден указом Президиума ВС СССР 29 июля 1942 года.

Награждались военачальники за отличную организацию боевых операций и проявленные при этом решительность и настойчивость, в результате чего была достигнута победа в бою. Орден I степени мог быть вручен командующим фронтами и армиями, их заместителям, начальникам штабов, оперативных управлений и родов войск фронтов и армий за отлично организованную и проведенную операцию в масштабах армии или фронта, в результате которой противник был разгромлен или уничтожен. Особо оговаривалось одно обстоятельство: орден имени великого полководца присуждался за победу, одержанную над численно превосходящими силами противника.

Орденом II степени могли быть награждены командир корпуса, дивизии или бригады, а также его заместитель и начальник штаба за организацию разгрома корпуса или дивизии, за прорыв оборонительной полосы противника с последующим его преследованием и уничтожением, а также за организацию боя в окружении, выход из окружения с

I степень

II степень

III степень

сохранением боеспособности своих частей, их вооружения и техники. Операции должны быть произведены с меньшими силами, чем у противника. Знак II степени мог получить командир бронетанкового соединения за глубокий рейд в тыл противника, «в результате которого противнику был нанесен чувствительный удар, обеспечивающий успешное выполнение армейской операции».

Орден III степени предназначался для награждения командиров полков, батальонов и рот за умелую организацию и осуществление победного боя меньшими, чем у противника, силами.

Первоначально орден Суворова носили на подвеске из прямоугольной колодки с кольцом, обтянутой красной лентой, на левой стороне груди. В июне 1943 года было решено перейти к ношению орденских планок с лентами взамен орденов на повседневной и полевой форме.

Каждой степени ордена Суворова присвоили шелковую муаровую ленту зеленого цвета с оранжевыми полосами количеством согласно степени: на ленте ордена I степени — одна оранжевая полоса шириной 5 мм посередине ленты; II степени — две полосы шириной 3 мм по краям; III степени — 3 полосы шириной 2 мм: одна посередине и две по краям. От подвески на колодке отказались и орден начали прикреплять к одежде с помощью штифта с гайкой и носить на правой стороне груди.

ОРДЕН КУТУЗОВА

Учрежден указом Президиума ВС СССР 29 июля 1942 года (I и II степени) и 8 февраля 1943 года (III степень).

Награждались военачальники за хорошо разработанный и проведенный план операции — фронтовой, армейской или отдельного соединения, в результате чего противнику было нанесено поражение, а наши войска

I степень

II степень

III степень

сохранили свою боеспособность. Орден Кутузова имеет I, II и III степени. Высшей степенью является I. Орденом I степени награждались командующие фронтами и армиями, их заместители и начальники штабов; орденом II степени — командиры корпусов, дивизий, бригад и начальники штабов; орденом III степени — командиры полков, батальонов, рот, начальники штабов полков за проявленную инициативу по выбору удачного момента для внезапного и успешного нападения на врага и нанесения ему поражения с малыми потерями для своих войск; за успешное выполнение боевого задания с уничтожением полностью или большей части пре-

восходящих сил противника; за командование артиллерийским, танковым или авиационным подразделением, нанесшим тяжелый урон противнику.

Лента ордена шелковая муаровая, темно-синего цвета с одной оранжевой полосой посередине — к ордену I степени; с двумя оранжевыми полосами по краям — к ордену II степени; с тремя оранжевыми полосами (одна посередине и две по краям ленты) — к ордену III степени.

Первоначально знаки ордена носили на левой стороне груди подвешенными к прямоугольной колодке, обтянутой красной шелковой лентой. Указом от 19 июня 1943 года введен порядок ношения орденов в форме звезды на правой стороне груди и крепления их к одежде на штифтах; колодки упразднены. Тем же Указом введено ношение планок с лентами взамен орденов на полевой и повседневной формах одежды. Ленты к орденам Кутузова были темно-синего цвета с продольными оранжевыми полосами. Для ордена I степени — одна полоса посередине шириной 5 мм; II степени — две по краям шириной 3 мм; III степени — две по краям и одна посередине шириной 2 мм.

ОРДЕН АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Учрежден указом Президиума ВС СССР 29 июля 1942 года.

Награждались командиры дивизий,

бригад, батальонов, полков, рот и взводов за проявленные в боях отвагу, мужество и храбрость; за умелое командование, обеспечившее успешные действия частей.

ОРДЕН БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО

Учрежден 10 апреля 1943 года.

Награждались орденом I степени — командующие фронтами, флотами, армиями, флотилиями, их заместители, начальники штабов, начальники оперативных управлений, отделов и начальники родов войск; командиры соединений партизанских отрядов за успешную операцию по освобождению района, города, имеющего особое значение, с нанесением врагу серьезного поражения; за проведение партизанским соединением

I степень

II степень

III степень

операций по разгрому штаба противника, захвату его военной базы, уничтожению крупных транспортов с живой силой и техникой противника и за операцию совместно с Красной Армией по освобождению значительной территории от врага.

Орденом II степени — командиры корпусов, дивизий, бригад и полков, их заместители, начальники штабов, командиры соединений партизанских отрядов, их заместители и начальники штабов, командиры партизанских отрядов за прорыв укрепленной полосы врага, успешное форсирование водного рубежа, рейд в тыл противника с нарушением коммуникаций врага и нанесением серьезного ущерба его тыловым базам; за проведенную партизанским отрядом операцию по разгрому опорного пункта противника, истреблению его гарнизона, нарушению коммуникаций и линий связи.

Орденом III степени награждался рядовой, сержантский, старшинский и офицерский состав до командира батальона включительно, а также командиры партизанских отрядов за нанесение урона противнику и срыв его военных операций; за личную инициативу и мужество, способствовавшие успеху операции, проводимой подразделением или партизанским отрядом.

Орден носили на правой стороне груди и крепили к одежде с помощью штифта с гайкой. Взамен знаков орденов разрешалось носить планки с шелковыми (муаровыми) орденскими лентами светло-синего цвета с белыми полосками. Лента ордена I степени имела одну белую полосу шириной 5 мм в середине ленты, II степени — две белые полосы шириной 3 мм по краям ленты, III степени — три белые полосы шириной 2 мм (две по краям и одна посередине).

ОРДЕН «ПОБЕДА»

Учрежден указом Президиума ВС СССР 8 ноября 1943 года.

Награждались высший командный состав Красной Армии за успешное проведение боевых операций в масштабе нескольких или одного фронта, в результате которых фронтовая обстановка менялась в пользу Красной Армии.

Орден крепили к одежде с помощью штифта и носили на левой, а не на правой стороне груди, как все ордена со штифтовым креплением. Размещался он ниже всех орденов и медалей (второе исключение — высшие ордена носят выше всех остальных). Лента ордена имела ширину 46 мм, а не 24 мм, как у остальных наград. Цвет ленты — красный в центре, а по краям — полосы зеленого, синего, бордового, голубого, оранжевого, черного цветов. Планку с лентой ордена «Победа» носили на мундире на 1 см выше планок всех остальных наград.

ОРДЕН СЛАВЫ

Учрежден 8 ноября 1943 года.

Награждались военнослужащие рядового и сержантского состава Красной Армии и

I степень

II степень

III степень

Военно-морского флота, а в авиации — лица, имевшие воинское звание младшего лейтенанта, за то, что, ворвавшись первыми в расположение противника, находясь в горящем танке, продолжали выполнять боевую задачу; спасли знамя части; из личного оружия уничтожили от 10 до 50 солдат и офицеров противника или вражеский самолет; уничтожили из противотанкового ружья не менее двух танков противника или ручными гранатами от одного до трех танков; уничтожили не менее трех самолетов противника; первыми ворвались в дзот (дот, окоп или блиндаж) противника, уничтожили его гарнизон; лично захватили в плен вражеского офицера; сняли сторожевой пост (дозор, секрет) противника или захватили его; в ночной вылазке уничтожили склад противника; рискуя жизнью, спасли в бою командира; в бою захватили неприятельское знамя; под огнем противника проделали для наступающего подразделения проход в проволочных заграждениях противника; рискуя

жизнью, под огнем противника оказывали помощь раненым в течение ряда боев; находясь в разведке, добыли ценные сведения о противнике; летчик-истребитель уничтожил от 2 до 6, а летчик-штурмовик или экипаж дневного бомбардировщика — до 2 самолетов противника; летчик-штурмовик уничтожил от 2 до 5 танков противника или от 3 до 6 паровозов, или взорвал состав, или уничтожил на аэродроме не менее 2 самолетов; экипаж дневного бомбардировщика уничтожил эшелон, взорвал мост, склад боеприпасов, уничтожил штаб соединения, разрушил станцию, уничтожил военное судно, транспорт.

ОРДЕН НАХИМОВА

Учрежден указом Президиума ВС СССР 3 марта 1944 года.

Награждались офицеры Военно-морского флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских операций, в результате которых была отражена наступательная операция противника или обеспечены активные операции флота, противнику нанесен значительный урон и сохранены свои основные силы.

Орден Нахимова располагался на правой стороне груди и прикреплялся к одежде с помощью штифта с гайкой. Взамен орденских знаков к повседневной и парадно-выходной форме одежды разрешается носить орденские планки с лентами. Цвета лент ордена перекликаются с цветами Георгиевской лен-

ты (в годы Великой Отечественной войны ее называли «гвардейской»). Лента ордена I степени — оранжевая с продольной черной полосой по центру шириной 5 мм и узкими черными полосами по краям. Лента ордена II степени — оранжевая с двумя полосами шириной 5 мм на удалении 1,5 мм от краев.

ОРДЕН УШАКОВА

Учрежден указом Президиума ВС СССР 3 марта 1944 года.

Награждались офицеры Военно-морского флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских операций, в результате чего в боях была достигнута победа над численно превосходящими силами врага.

воинского долга.

МЕДАЛЬ «ЗА ОТВАГУ»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 17 октября 1938 года.

Награждались военнослужащие Красной Армии, Военно-морского флота, пограничных и внутренних войск за личное мужество и отвагу, проявленные при защите Отечества и исполнении

С момента своего появления эта награда являлась высшей медалью СССР и оставалась таковой до распада Советского Союза. В отличие от многих других медалей и орденов, вручавшихся нередко «за участие», медалью «За Отвагу» награждали исключительно за храбрость, проявленную на поле боя.

Именно эта особенность повлияла на ее огромную популярность среди фронтовиков. В основном ею награждали рядовой и сержантский состав, но нередко она вручалась и офицерам — в основном младшего звена.

МЕДАЛЬ «ПАРТИЗАНУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

I степень

II степень

Учреждена указом Президиума ВС СССР 2 февраля 1943 года.

Награждались партизаны Отечественной войны, начальствующий состав партизанских отрядов и организаторы партизанского движения, проявившие храбрость, стойкость и мужество в партизанской борьбе в тылу врага.

Эта медаль до 1974 года была единственной медалью СССР, имевшей две степени.

МЕДАЛЬ «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 17 октября 1938 года.

Награждались военнослужащие Красной Армии, Военно-морского флота, пограничных и внутренних войск и другие граждане СССР за инициативные и смелые

действия в бою, способствовавшие успешному выполнению боевых задач воинской частью, подразделением, за мужество, проявленное при защите государственной границы СССР; за отличные успехи в боевой и политической подготовке, освоении новой боевой техники и поддержании высокой боевой готовности воинских частей и их подразделений и другие заслуги во время прохождения действительной военной службы. Медалью могли награждаться и лица, не являющиеся гражданами СССР.

МЕДАЛЬ УШАКОВА

Учреждена указом Президиума ВС СССР 3 марта 1944 года.

Награждались матросы и солдаты, старшины и сержанты, мичманы и прапорщики Военно-морского флота и морских частей пограничных войск в военное и мирное время за личное мужество и отвагу, проявленные в боях с противником; при защите государственной

морской границы; при выполнении боевых задач кораблей и частей Военно-морского флота и пограничных войск; при исполнении воинского долга в условиях, сопряженных с риском для жизни.

МЕДАЛЬ НАХИМОВА

Учреждена указом Президиума ВС СССР 3 марта 1944 года.

Награждались матросы и солдаты, старшины и сержанты, мичманы и прапорщики Военно-морского флота и морских частей пограничных войск за умелые, инициативные и смелые действия, способствовавшие успешному выполнению боевых задач; за мужество, проявленное при защите государственной морской границы СССР; за самоотверженность, проявленную при исполнении воинского долга во время прохождения действительной военной службы в условиях, сопряженных с риском для жизни.

та и войск НКВД, а также лица из гражданского населения, принимавшие участие в обороне.

Медаль вручалась защитникам города независимо от того, были они награждены другими орденами или медалями СССР за мужество и отвагу, проявленные при обороне этого города, или нет.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ СЕВАСТОПОЛЯ»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 22 декабря 1942 года.

Награждались все участники обороны Севастополя: военнослужащие Красной Армии, Военно-морского флота и войск НКВД, а также лица из гражданского населения, принимавшие участие в обороне.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ ОДЕССЫ»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 22 декабря 1942 года.

Награждались все участники обороны Одессы: военнослужащие Красной Армии, Военно-морского фло-

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 22 декабря 1942 года.

Награждались все участники обороны Сталинграда: военнослужащие Красной Армии, Военно-морского флота и войск НКВД, а также лица из гражданского населения, принимавшие участие в обороне.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 22 декабря 1942 года.

Награждались военнослужащие частей, соединений и учреждений Красной Армии, Военно-морского флота и войск НКВД, участвовавших в обороне города; рабочие, служащие и другие лица из гражданского населения, которые участвовали в боевых действиях по защите города, содействовали обороне города своей работой на предприятиях, в учреждениях, участвовали в строительстве оборонительных сооружений, в противовоздушной обороне, в охране коммунального хозяйства, в борьбе с пожарами от налетов вражеской авиации, в организации общественного питания, снабжения и культурно-бытового обслуживания населения, в уходе за больными и ранеными, в организации ухода за детьми. Медаль вручалась участвовавшим в обороне города в течение всего периода обороны и тем, кто по различным причинам был эвакуирован из города (по болезни, ранению, в связи с выполнением правительственных заданий).

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 1 мая 1944 года.

Награждались все военнослужащие и вольнонаемный состав Красной Армии и войск НКВД, участвовавшие в обороне Москвы не ме-

нее одного месяца с 19 октября 1941 года по 25 января 1942 года; лица из гражданского населения, принимавшие непосредственное участие в обороне Москвы не менее месяца с 19 октября 1941 года по 25 января 1942 года; военнослужащие частей Московской зоны ПВО и частей МПВО, а также из гражданского населения — наиболее активные участники обороны Москвы от воздушных налетов противника с 22 июля 1941 года по 25 января 1942 года, военнослужащие и гражданские лица из населения города Москвы и Московской области, принимавшие активное участие в строительстве оборонительных рубежей и сооружений Резервного фронта, Можайского, Подольского и Московского обвода, активные участники обороны Тулы.

Эта медаль — единственная награда, учрежденная в годы войны за оборону города, который в 40-е годы не был удостоен звания «Город-герой» (Указ о присвоении Москве этого почетного звания вышел 5 декабря 1966 года).

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ КИЕВА»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 21 июня 1961 года.

Награждались все участники обороны Киева: военнослужащие Красной Армии и войск бывшего НКВД, а также все трудящиеся, которые принимали участие в обороне Киева в рядах народного ополчения, в сооружении оборонительных укреплений, работавшие на фабриках и заводах, обслуживающих нужды фронта, участники киевского подполья и партизаны, сражавшиеся с врагом под Киевом. Вручение

медалей производилось от имени Президиума ВС СССР на основании документов, удостоверяющих фактическое участие в обороне.

Эта медаль — единственная советская медаль за оборону города, учрежденная через много лет после войны. Не умаляя подвига защитников Киева (многие из них погибли или попали в плен), необходимо отметить конъюнктурные соображения, которыми руководствовались при учреждении награды, чтобы угодить Хрущеву, который в годы войны возглавлял парторганизацию Украинской ССР. Медали погибших в боях или умерших передавались семьям награжденных.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ КАВКАЗА»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 1 мая 1944 года.

Награждались участники обороны Кавказа — военнослужащие Красной Армии, Военно-морского флота и войск НКВД, участвовавшие в обороне

Кавказа не менее 3 месяцев с июля 1942 года по октябрь 1943 года, лица из гражданского населения и те кто принимал активное участие в строительстве оборонительных рубежей и укреплений с осени 1941 года, участники обороны Кавказа из военнослужащих и гражданского населения, получившие в период обороны ранения или награжденные за проявленные при обороне Кавказа мужество и отвагу орденами или медалями СССР; медаль вручалась независимо от срока участия в обороне.

МЕДАЛЬ «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ВАРШАВЫ»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 9 июня 1945 года.

Награждались военнослужащие частей, соединений и учреждений Красной Армии и НКВД, непосредственно участвовавшие в освобождении Варшавы 14–17 января 1945 года, организаторы и руководители боевой операции.

МЕДАЛЬ «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛГРАДА»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 9 июня 1945 года.

Награждались военнослужащие частей, соединений и учреждений Красной Армии, Военно-морского флота и НКВД, непосредственно участвовавшие в штурме и освобождении Белграда с 29 сентября по 22 октября 1944 года, организаторы и руководители боевой операции.

МЕДАЛЬ «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАГИ»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 9 июня 1945 года.

Награждались военнослужащие частей, соединений и учреждений Красной Армии, НКВД и НКГБ, непосредственно участвовавшие в освобождении Праги 3–9 мая 1945 года, организаторы и руководители боевой операции.

МЕДАЛЬ «ЗА ВЗЯТИЕ БУДАПЕШТА»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 9 мая 1945 года.

Награждались военнослужащие частей, соединений и учреждений Красной Армии, Военно-морского флота и НКВД, непосредственно участвовавшие в штурме Будапешта с 20 декабря 1944 года по 15 февраля 1945 года, организаторы и руководители боевых операций по окружению будапештской группировки вражеских войск и взятию столицы Венгрии.

МЕДАЛЬ «ЗА ВЗЯТИЕ КЕНИГСБЕРГА»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 9 июня 1945 года.

Награждались военнослужащие Красной Армии, Военно-морского флота и НКВД, непосредственно участвовавшие в штурме Кенигсберга с 23 января по 10 апреля 1945 года.

МЕДАЛЬ «ЗА ВЗЯТИЕ ВЕНЫ»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 9 июня 1945 года.

Награждались военнослужащие частей, соединений и учреждений Красной Армии, Военно-морского флота, НКВД и НКГБ, непосредственно участвовавшие в штурме Вены с 16 марта по 13 апреля 1945 года, организаторы и руководители боевых операций.

МЕДАЛЬ «ЗА ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 9 мая 1945 года.

Награждались военнослужащие Красной Армии, Военно-морского флота и войск НКВД — непосредственные участники штурма Берлина, а также организаторы и руководители боевых операций.

МЕДАЛЬ «ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 годов»

Учреждена указом Президиума ВС СССР 9 мая 1945 года.

Награждались все военнослужащие и штатный вольнонаемный состав частей, соединений и учреждений Красной Армии, Военно-морского флота и войск НКВД, принимавших непосредственное участие в боях на фронтах Отечественной войны; работники тыловых госпиталей Красной Армии и Военно-морского флота, переданные в ведение Наркомздрава СССР и считавшиеся мобилизованными; рабочие, служащие, колхозники, принимавшие активное участие в борьбе с оккупантами в составе партизанских отрядов.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» — самая распространенная награда СССР. Она долгие годы оставалась отличительным знаком ветерана войны. Медали была присвоена лента цвета «пламени с дымом» — та же, что у ордена Славы и легендарных дореволюционных наград — ордена Святого Георгия и солдатского Георгиевского креста.

МЕДАЛЬ «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

1941–1945 годов»

Учреждена Указом
Президиума Верховно-
го Совета СССР от 6 июня
1945 года.

Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» награждаются рабочие, инженерно-технический персонал и служащие промышленности и транспорта, колхозники и специалисты сельского хозяйства, работники науки, техники, искусства и литературы, работники советских, партийных, профсоюзных и других общественных организаций, обеспечившие своим доблестным и самоотверженным трудом победу Советского Союза над Германией в Великой Отечественной войне.

Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» носится на левой стороне груди и при наличии других медалей СССР располагается после медали «За освобождение Праги».

Нагрудный знак «Гвардия»

У многих из награжденных во время войны на груди рядом с государственными наградами были и знаки отличия, учрежденные в годы Великой Отечественной войны. Первым из них стал нагрудный

знак «Гвардия», учрежденный 21 мая 1942 года одновременно с введением для военнослужащих гвардейских званий. Первыми гвардейцами стали бойцы и командиры 100-й, 127-й, 153-й и 161-й стрелковых дивизий, проявивших в боях 1941 года образец мужества, отваги, дисциплинированности и организованности. Приказом наркома обороны эти соединения были преобразованы соответственно в 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю гвардейские стрелковые дивизии.

Нарукавные знаки отличия «За ранение»

Особым почетом в годы войны пользовались воины, носившие «Знак отличия за легкое ранение» и «Знак отличия за тяжелое ранение».

Правом ношения этих знаков пользовались все военнослужащие, получившие ранения в боях с противником или раненные противником при выполнении служебных обязанностей. Отличительный знак о ранении представлял собой нашивку прямоугольной формы длиной 43 мм, шириной 5–6 мм. Нашивка изготовлялась из шелкового галуна: при легком ранении — темно-красного цвета, при тяжелом ранении — золотистого цвета.

Города-герои

Звание «Город-герой» — высшая степень отличия СССР. Присвоено 13 городам в СССР после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Кроме того, одной крепости присвоено звание «Крепость-герой». В настоящее время, 4 из них находятся на территории Украины, 2 (включая крепость-герой) — на территории Белоруссии, остальные в России.

Впервые городами-героями были названы города Ленинград, Сталинград (Волгоград), Севастополь и Одесса в приказе Верховного Главнокомандующего 1 мая 1945 года.

Официально в качестве государственной награды звание установлено 8 мая 1965 года, когда Президиум Верховного Совета СССР своим Указом утвердил Положение о высшей степени отличия — звании «Город-герой». В этот же день звание присвоено городам Ленинграду, Волгограду, Севастополю, Одессе, Киеву и Москве, а Брестской крепости присвоено звание «Крепость-герой».

В Положении о звании говорится:

Высшая степень отличия — звание «Город-герой» присваивается городам Советского Союза, трудящиеся которых проявили массовый героизм и мужество в защите Родины в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

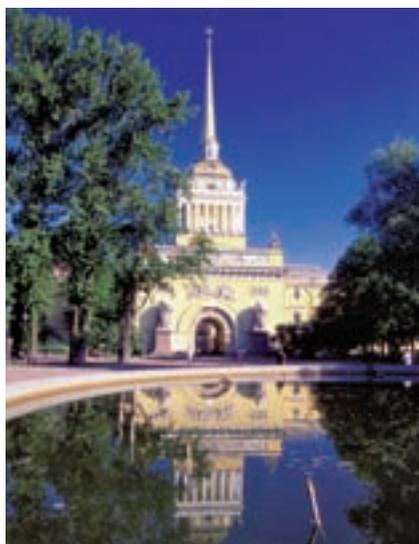
Городу, удостоенному высшей степени отличия — звания «Город-герой»:

а) вручаются высшая награда СССР — орден Ленина и медаль «Золотая Звезда»;

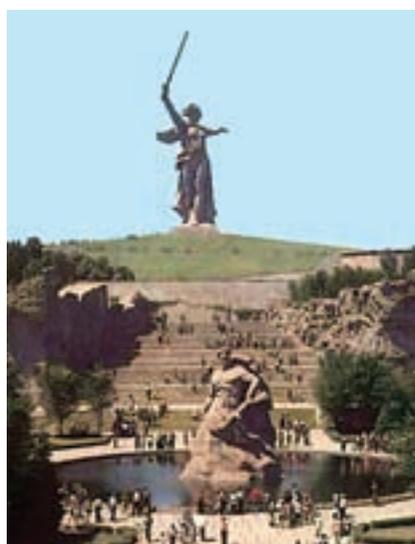
б) выдается Грамота Президиума Верховного Совета СССР.

На знамени города, удостоенного высшей степени отличия — звания «Город-герой», изображаются орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

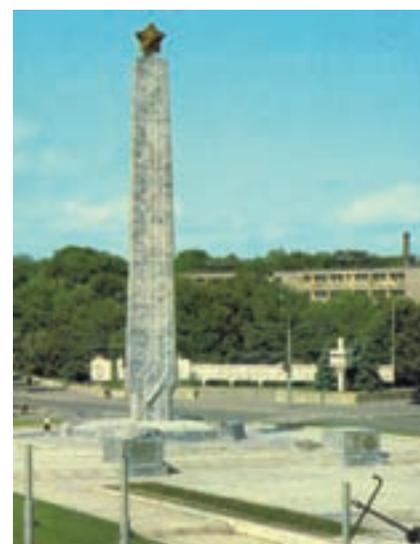
В городе, удостоенном высшей степени отличия — звания «Город-герой», устанавливается обелиск с изображением ордена Ленина, медали «Золотая Звезда» и текстом Указа Президиума Верховного Совета СССР.

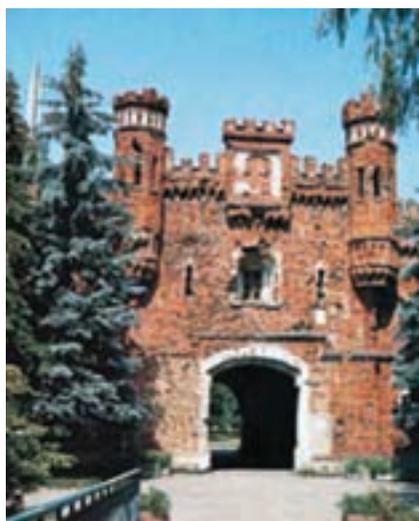
*Ленинград
(ныне Санкт-Петербург)
с 8 мая 1965*

*Сталинград
(ныне Волгоград)
с 8 мая 1965*

*Одесса
с 8 мая 1965*

*Брестская крепость
(Крепость-герой)
с 8 мая 1965*

*Киев
с 8 мая 1965*

*Минск
с 26 июня 1974*

*Москва
с 8 мая 1965*

*Севастополь
с 8 мая 1965*

*Керчь
с 14 сентября 1973*

*Новороссийск
с 14 сентября 1973*

*Тула
с 7 декабря 1976*

*Мурманск
с 6 мая 1985*

*Смоленск
с 6 мая 1985*

Города воинской славы

Город воинской славы — почетное звание Российской Федерации, установлено федеральным законом от 9 мая 2006 года №68-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации „Город воинской славы“».

Звание «Город воинской славы» присваивается городам Российской Федерации, на территории которых или в непосредственной близости от которых в ходе ожесточенных сражений защитники Отечества проявили мужество, стойкость и массовый героизм, в том числе городам Российской Федерации, которым присвоено звание «Город-герой».

В городе, удостоенном звания «Город воинской славы»:

1) устанавливается стела с изображением герба города и текстом указа Президента

Российской Федерации о присвоении городу этого звания;

2) проводятся публичные мероприятия и праздничные салюты 23 февраля (День защитника Отечества), 9 мая (День Победы), а также в День города.

Положение об условиях и порядке присвоения почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы» утверждено указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2006 года № 1340.

Указом Президента Российской Федерации №557 от 27 апреля 2007 года были внесены изменения в положение об условиях и порядке присвоения почетного звания «Город воинской славы».

Белгород	(указ Президента РФ от 27 апреля 2007 года № 558)
Курск	(указ Президента РФ от 27 апреля 2007 года № 559)
Орел	(указ Президента РФ от 27 апреля 2007 года № 560)
Владикавказ	(указ Президента РФ от 8 октября 2007 года № 1343)
Малгобек	(указ Президента РФ от 8 октября 2007 года № 1344)
Ржев	(указ Президента РФ от 8 октября 2007 года № 1345)
Ельня	(указ Президента РФ от 8 октября 2007 года № 1346)
Елец	(указ Президента РФ от 8 октября 2007 года № 1347)
Воронеж	(указ Президента РФ от 16 февраля 2008 года № 206)
Луга	(указ Президента РФ от 5 мая 2008 года № 554)
Полярный	(указ Президента РФ от 5 мая 2008 года № 555) — первый морской порт, удостоенный почетного звания «Город воинской славы»
Ростов-на-Дону	(указ Президента РФ от 5 мая 2008 года № 556)
Туапсе	(указ Президента РФ от 5 мая 2008 года № 557)
Великие Луки	(указ Президента РФ от 28 октября 2008 года № 1532)
Великий Новгород	(указ Президента РФ от 28 октября 2008 года № 1533)
Дмитров	(указ Президента РФ от 28 октября 2008 года № 1534)
Вязьма	(указ Президента РФ от 27 апреля 2009 года № 461)
Кронштадт	(указ Президента РФ от 27 апреля 2009 года № 462)
Наро-Фоминск	(указ Президента РФ от 27 апреля 2009 года № 463)
Псков	(указ Президента РФ от 5 декабря 2009 года № 1387)
Козельск	(указ Президента РФ от 5 декабря 2009 года № 1388)
Архангельск	(указ Президента РФ от 5 декабря 2009 года № 1389)

Город первого салюта

Неофициальное название городов Орла и Белгорода, которые 5 августа 1943 года в ходе Курской битвы были освобождены от немецко-фашистских захватчиков войсками Западного, Центрального, Воронежского, Брянского и Степного фронтов. По приказу И. В. Сталина №2 от 5 августа 1943 года, в этот день в Москве был дан артиллерийский салют войскам, освободившим Орел и Белгород. Этот салют был первым за время Великой Отечественной войны, поэтому за Орлом и Белгородом закрепилось название «город первого салюта». В том же приказе Верховный Главнокомандующий впервые присвоил особо отличившимся в боях частям и соединениям почетные наименования «Орловских» и «Белгородских».

Знамя Победы

Знамя Победы — штурмовой флаг 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии, водруженный 1 мая 1945 года на здании рейхстага в городе Берлине. Символизирует победу Советского Союза над нацистской Германией в Великой Отечественной войне.

В ходе штурма над рейхстагом было водружено несколько красных знамен, но Знаменем Победы считается знамя, укрепленное Михаилом Егоровым и Мелитоном Кантарией.

В настоящее время Знамя Победы является экспонатом в Центральном музее Вооруженных сил. Оно было помещено в этот музей по распоряжению Главного политуправления Советской армии от 10 июля 1945 года.

Парад Победы

Парад Победы — парад, состоявшийся 24 июня 1945 года в ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне.

22 июня 1945 года в центральных газетах СССР был опубликован приказ Верховного Главнокомандующего №370:

В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей армии, Военно-морского флота и Московского гарнизона — Парад Победы.

На парад вывести: сводные полки фронтов, сводный полк наркомата обороны, сводный полк Военно-морского флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Жукову.

Командовать Парадом Победы Маршалу Советского Союза Рокоссовскому.

Общее руководство по организации парада возлагаю на командующего войсками Московского военного округа и начальника гарнизона города Москвы генерал-полковника Артемьева.

*Верховный Главнокомандующий,
Маршал Советского Союза
И. Сталин*

Парад принимал Маршал Советского Союза Г.К.Жуков. Командовал парадом Маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский. Жуков и Рокоссовский проехали по

Память сердца

Маршал Жуков и Маршал Рокоссовский на Параде Победы в Москве 24 июня 1945 года

Красной площади на белом и вороном конях. И. В. Сталин наблюдал за парадом с трибуны Мавзолея Ленина. На трибуне также присутствовали Молотов, Калинин, Ворошилов, Буденный и другие члены Политбюро.

Вопреки распространенному заблуждению, Знамени Победы во время Парада Победы на Красной площади не было. Первым, по площади прошел сводный полк барабанщиков-суворовцев, за ним шли сводные полки фронтов (в порядке их расположения на театре военных действий к концу войны — с севера на юг): Карельского, Ленинградского, 1-го и 2-го Прибалтийских, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских, 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских, сводный полк Военно-морского флота. В составе полка 1-го Белорусского фронта особой колонной прошли представители Войска Польского. Впереди сводных полков фронтов шли командующие фронтами и армиями, Герои Советского Союза несли знамена прославленных частей и соединений. Для каждого сводного полка оркестр исполнял особый марш.

Сводные полки были укомплектованы рядовыми, сержантами и офицерами различных родов войск, отличившимися в боях

и имевшими боевые ордена (в каждом полку всего, включая командный состав, — свыше тысячи человек) Знаменщики с ассистентами несли по 36 боевых знамен наиболее отличившихся в боях соединений и частей каждого фронта. Сводный полк ВМФ состоял из представителей всех родов сил Северного, Балтийского и Черноморского флотов, Днепровской и Дунайской флотилий. В параде участвовал также сводный военный оркестр в составе 1400 человек.

Марш сводных полков завершала колонна солдат, несших 200 опущенных знамен и штандартов разгромленных немецких войск. Эти знамена под дробь барабанов были брошены на специальный помост у подножия Мавзолея Ленина. Первым был брошен личный штандарт Гитлера.

Затем торжественным маршем прошли части Московского гарнизона: сводный полк Наркомата обороны, военной академии, военные и суворовские училища, сводная конная бригада, артиллерийские, мотомеханизированные, воздушно-десантные и танковые части и подразделения.

Параду Победы посвящен одноименный документальный фильм, снятый в 1945 году, один из первых цветных фильмов в СССР.

Парад Победы 24 июня 1945 в Москве: советские солдаты бросают знамена побежденных фашистских армий к подножию Мавзолея

Почти в каждом фильме о Великой Отечественной войне есть сцены, где люди слушают по радио сводки Совинформбюро. Обычно эти сообщения зачитывал диктор Юрий Борисович Левитан, ставший с этого времени неотъемлемой частью нашей истории. Судьба Юрия Левитана удивительна и одновременно проста, как и у многих людей его эпохи, достигших всенародного уважения и любви за счет таланта и трудолюбия.

Юрий родился 2 октября 1914 года во Владимире. С детства мальчик отличался сильным и красивым голосом. В школе он участвовал в художественных кружках, играл в любительских спектаклях и даже пытался петь. В 1931 году после окончания школы Юрий поехал в Москву сдавать экзамены в Государственный институт кино. Для института он оказался молод, но возвращаться во Владимир не захотел.

Юноше повезло: на глаза попало объявление о конкурсном наборе дикторов для радио. Юрий решил рискнуть. Удивительно, но нескладного подростка с окаяющим говором приняли стажером. Не секрет, что стажер не столько учится, сколько выполняет мелкие поручения, зачастую не относящиеся к будущей профессии. Через это пришлось пройти и Юрию, но дикцию он исправил довольно-таки быстро. Вскоре ему стали поручать зачитывать небольшие сообщения и вести концерты граммофонных записей, но только в ночное время, когда слушателей немного, а ошибки начинающего диктора не столь заметны. Кстати, ошибки и оговорки в первое время у него встречались нередко.

Возможно, он бы еще долго оставался на вторых ролях, но судьба приготовила ему очередной сюрприз. Как обычно, ночью Юрий зачитывал по радио статью из «Правды». Обычная рутинная работа. Но молодого диктора услышал Сталин, традиционно работавший по ночам. Голос Леви-

тана вождю понравился. Последовал звонок в Радиокomitee СССР и указание поручить диктору, который только что зачитывал статью из «Правды», прочесть по радио доклад, который прозвучит на открывающемся XVII съезде партии. Удивительно, но пятичасовой доклад был зачитан Левитаном без единой ошибки или оговорки. После этого девятнадцатилетний Юрий Левитан стал главным диктором советского радио.

Юрий продолжал много трудиться, совершенствовал дикцию, подолгу отработывал перед эфиром каждый текст, который предстояло читать. Вскоре его голос стал узнаваем и любим всей страной.

С началом Великой Отечественной войны именно Левитан зачитал по радио сообщение о нападении фашистской Германии на СССР, а затем все долгие четыре военных года зачитывал сводки Совинформбюро.

Еще в начале войны у фашистского министра пропаганды Геббельса родилась идея, что именно Левитан должен зачитать по радио сообщение о победе в войне с Советским Союзом. Так как наступление в первые дни войны развивалось стремительно, Геббельс надеялся, что это произойдет уже вскоре. Последовало поручение руководству СС организовать захват диктора, за голову которого было обещано 250 тысяч марок — сумма по

тем временам громадная. Война вскоре приняла затяжной характер, и о скорой победе пришлось забыть, но «приз» за Левитана отменен не был, только теперь диктора предстояло не захватить, а убить. Имеются сведения, что Гитлер считал Левитана врагом рейха № 1 и настаивал на его скорейшем уничтожении. Но все попытки выполнить поручение фюрера — задействование агентуры, бомбежки Радиокomiteта — оказались безуспешными. Затем фашистам стало не до Левитана, война стремительно покатилась на запад. А в мае 1945-го над поверженным рейхстагом взвились красные знамена Победы.

Естественно, что сообщение о победе предстояло зачитать Левитану. Вот как он сам вспоминал об этом волнующем событии:

«9 мая 1945 года мне выпало счастье прочесть акт о безоговорочной капитуляции Германии. А вечером нас с председателем Радиокomiteта Алексеем Александровичем Пузиным вызвали в Кремль и вручили текст Приказа Верховного Главнокомандующего о Победе над фашистской Германией. Прочесть его надлежало через 35 минут.

Радиостудия, откуда велись такие передачи, находилась недалеко от Кремля, за зданием ГУМа. Чтобы попасть туда, предстояло пересечь Красную площадь. Но перед нами — море людское. С помощью милиции и солдат взяли с боем метров пять, а дальше — ну никак.

— Товарищи, — кричу, — пропустите, мы по делу!

А нам отвечают: “Какие там дела! Сейчас по радио Левитан приказ о победе передаст, салют будет. Стойте, как все, слушайте и смотрите!”

Ничего себе совет... Но как быть? Если пробьемся дальше, в такое плотное окружение попадем, что не выберемся. И тут нас осенило: в Кремле ведь тоже есть радиостанция, нужно читать оттуда! Бежим назад, объясняем ситуацию коменданту, и тот дает команду охране не останавливать двух бегущих по

кремлевским коридорам людей. Вот и радиостанция. Срываем с пакета сургучные печати, раскрываем текст. На часах 21 час 55 минут. “Говорит Москва. Фашистская Германия разгромлена...”».

После войны голос Левитана стал звучать значительно реже, считалось, что поручать ему зачитывать обыкновенные сводки и новости — политически неправильно, так как его голос ассоциируется у людей с какими-то важными событиями. Но когда в космос устремился первый советский спутник, а затем и корабль с Юрием Гагариным на борту, миру об этом сообщал Левитан, как и о многих других эпохальных событиях советской эпохи.

Небольшая загрузка на радио не означала, что Юрий Левитан бездельничал. Им была выполнена колоссальная работа по перезаписи всех сообщений Совинформбюро (во время войны запись практически не проводилась, диктор зачитывал текст в прямом эфире). Ведущие режиссеры стремились пригласить Левитана читать закадровые тексты к художественным фильмам или озвучивать кинохронику. С удовольствием принимал легендарный диктор и приглашения выступить перед ветеранами, студентами, в трудовых коллективах. Появилась и возможность оглянуться на пройденное. Оказалось, что диктор провел на радио почти 60 тысяч передач. Юрию Левитану первому из советских дикторов было присвоено звание Народного артиста СССР.

В начале августа 1983 года, когда отмечалось 40-летие Курской битвы, Левитан поехал по приглашению ветеранов на места бывших боев. 4 августа 1983 года на поле под Прохоровкой у Юрия Борисовича не выдержало сердце. Врачи оказались бессильны. Легендарного диктора похоронили в Москве на Новодевичьем кладбище. Но голос Юрия Левитана продолжает жить, став для миллионов людей символом целой эпохи.

Пролетарии всех стран, соединитесь!
Всесоюзная Коммунистическая Партия (больше.)

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 111 (1112) Четверг, 10 мая 1945 г. Цена 20 коп.

Вчера наш великий народ, народ-победитель праздновал день полного торжества своего правого дела.

Да здравствует великий организатор и вдохновитель исторической победы советского народа над германским империализмом—наш любимый вождь и учитель товарищ Сталин!

ОБРАЩЕНИЕ тов. И. В. СТАЛИНА К НАРОДУ

9 мая 1945 года

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим

Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ПО ВОЙСКАМ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ

от 9 мая 1945 года № 369

8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

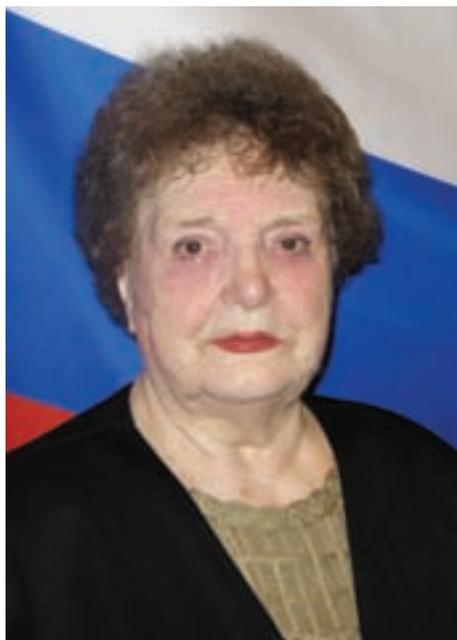
В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-морского флота, одержавшим эту блестящую победу, — тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-морской флот!

*Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН*

САМОХВАЛОВА Алла Александровна

Председатель Совета ветеранов
Великой Отечественной войны и труда
МО Пискаревка

Дорогие друзья!

Прошло всего 4 года, как вышел в свет первый выпуск книги «Память сердца». Сейчас мы с вами имеем возможность познакомиться с содержанием уже четвертого выпуска. Он посвящен 65-летию нашей славной Победы в Великой Отечественной войне.

Значимость публикуемых в книге материалов трудно переоценить. Ведь это прижизненные воспоминания очевидцев, современников трагических событий военных лет, которые с каждым годом уходят все дальше и дальше в историю.

События войны многогранны. Это не только армия, действия которой отражены в официальных государственных документах, это и каждодневный ратный труд бойцов по защите Отечества, и судьбы мирного населения, в том числе и детей. Ведь ни один официальный документ не передает те беды, которые выпали на долю конкретного человека, и ту силу страданий, которые ему довелось пережить.

Устные повествования со временем стираются в памяти, но печатное слово сохраняет события на века. Недаром в народе го-

ворят: «Что написано пером — не вырубишь топором».

Серия книг «Память сердца», включающая в себя опубликованные материалы, не только сборник воспоминаний ветеранов. Для исследователей это уже научно-исторический документ.

Хочется также отметить, что данное издание является прекрасным пособием для культурно-патриотического воспитания школьников. Ведь из него они узнают не только об отдельных событиях военного лихолетья, но самое главное — о судьбах окружающих их людей, которых они встречают в своей повседневной жизни и еще не задумываются, кто они и что ими пережито.

В заключение считаю своим долгом выразить глубокую признательность всем, кто принимал участие в создании книги «Память сердца»: депутатам нашего муниципального Совета, членам ветеранских организаций, авторам и особенно детям, чьи рисунки так трогательно и прекрасно иллюстрируют все наши книги.

С уважением!

В боях за Родину!

Память сердца

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всем своим делом и словом служить интересам и делу последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине, Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

ПРИСЯГА. Найдена в портмоне погибшего бойца, обнаруженного в воронке с 11 воинами в лесу в 500 м южнее дороги мемориал «Синявские высоты» — урочище Гонтовая Липка, у болота «Медведь», сводным отрядом «Разведка» Архангельского регионального общественного фонда «Поиск» в мае 2001 г.

Он защищал Ленинград

АГАПОВ Юрий Иванович

Юрий Иванович Агапов родился в октябре 1924 года. Детство провел в Кронштадте, окончил 425-ю школу (элитную полугимназию, где учились академик Петр Капица, оперная певица Галина Вишневская и другие), отличавшуюся своими педагогами и высокой степенью подготовки учащихся.

Наряду с учебой Юрий занимался в школьном драмкружке, где проявил недюжинные способности (учась в 5-м классе, играл Митрофанушку в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», семиклассником блистал в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба»). Одновременно много внимания уделял спорту: играл в футбол, зимой ходил на каток.

Осенью 1936 года он с матерью переехал в Таллин к месту службы отца. В начале войны они вернулись в Кронштадт на автомашине, доставлявшей снаряды.

Спустя некоторое время Юрий копал противотанковый ров за Ораниенбаумом.

В феврале 1942 года в период блокады от голода умер отец. Смерть близкого человека стала тяжелой утратой для Юрия и его матери.

Весной 1942 года он был вызван в районный военкомат. Врачи поставили диагноз: дистрофия II степени, в призыве в армию было отказано, и молодой человек был направлен на 3 месяца грузчиком на хлебозавод.

В августе 1942 года он был призван в армию, прошел подготовку в запасном ар-

тиллерийском полку, и в начале декабря 1943 года по фарватеру, очищенному ото льда ледокольными буксирами, он — сержант, командир орудия, вместе со своей 76-миллиметровой пушкой и огневым расчетом, в составе своей части ночью на барже был переправлен в город Ораниенбаум, а затем в район деревни Порожки.

— Орудия были поставлены на огневые позиции в лесу, — вспоминает Юрий Агапов, — и необходимо было расчистить сектор обстрела. Работали скрытно, по ночам, спали на снегу, не зажигая костров.

Было очень нелегко, но задание выполнили. В это время поступила новая команда. Впереди огневых позиций на открытом поле наши войска сделали двойной забор и установили «колючку». Требовалось пробить в заборе проходы, поставить в них орудия на прямую наводку, а также на краю леса построить землянку для расчета.

И снова работа по ночам, мерзлая земля, которую не берет лом, рытье землянки, валка леса за километр от нее, доставка его по лесу для изготовления наката. Несмотря на огромные трудности, было сделано и это.

13 января новая команда: выдвинуть пушки на «нейтралку».

Ночью, — продолжает Ю. Агапов, — проваливаясь выше колен в снег, выкатили пушки на «нейтралку».

Наконец, дождался момента — заработали «катюши», артиллерия. Началась операция по прорыву блокады Ленинграда!

Велико было удивление наших пехотинцев, ожидавших за ледяным валом сигнала к атаке, когда мимо них вскочили в проходы и помчались к своим пушкам на «нейтралке» наши артиллеристы».

Второй снаряд орудия Юрия Агапова влетел прямо в амбразуру дзота и вывел его из строя.

В этом бою Юрий был ранен, но не покинул поле боя. Только вечером его отправили в ПМП (пункт медицинской помощи).

Последовало пятимесячное лечение в госпитале, а затем возвращение в свой 162-й артполк, в составе которого он воевал в Прибалтике.

За время участия в войне орудие Ю. Агапова подбило две «самоходки» и немало живой силы врага. За бой под деревней Порожки, где Юрия Ивановича ранили, он был награжден орденом Славы III степени. В 1947 году Ю. Агапов демобилизовался из армии и, успешно сдав экзамены, стал студентом Ленинградской лесотехнической академии. Учился с интересом, одновременно занимался спортом, играл в футбол, волейбол, баскетбол, зимой ходил на лыжах, бегал на коньках.

Предприятие, на котором работал Ю. И. Агапов после окончания академии, претерпело ряд реорганизаций и ныне именуется ГУП «Севзаплеспроект». Здесь он прошел все стадии работ, от инженера до ее руководителя, в последней должности проработал много лет.

Ю. И. Агапов активно участвовал в общественной жизни. В течение 17 лет 7 созывов подряд он избирался депутатом Москов-

ского райсовета Ленинграда, выполнял функции председателя Комиссии по строительству и капремонту.

Одна из граней личности Юрия Ивановича — его любовь к спорту. Он увлекался хоккеем с шайбой. Чтобы спорт не мешал работе, Юрий Иванович выбрал судейство. Уже в 1952 году стал судьей республиканской, в 1963 году — всесоюзной, а в 1964 году — международной категории по хоккею с шайбой.

Кроме соревнований, турниров, чемпионатов высшей лиги он судил немало матчей за рубежом: в Польше, Румынии, ГДР, США, Канаде. Четыре раза попадал он в десятку лучших судей, был главным судьей турнира молодежи, занимал пост председателя Коллегии судей, члена Президиума Федерации РСФСР по хоккею с шайбой.

За свои подвиги на войне Юрий Иванович награжден орденами Славы III степени и Отечественной войны I степени; за успешный мирный труд — орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции; за успехи в возрождении хоккея с шайбой — орденом Дружбы народов.

Кроме того, у него полтора десятка медалей, в том числе «За оборону Ленинграда», он награжден Грамотой Верховного Совета РСФСР, а в 1975 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный лесовод РСФСР».

Его здоровье подорвано войной, блокадой, работой в экспедициях, он инвалид 2-й группы Великой Отечественной войны, и при этом Юрий Иванович полон сил, энергии и оптимизма.

От Курской дуги до Праги

АЛЕКСЕЕВ Василий Николаевич

Василий Николаевич Алексеев родился в декабре 1923 года в селе Порошино на далеком Алтае. До 1940 года жил в селе, окончил 8 классов сельской школы, в 1940 году поступил на учебу в Сельскохозяйственный техникум в Славгороде на Алтае. После окончания первого курса вернулся в свое село и в марте 1942 года был призван в армию.

Вначале проходил военную службу рядовым в запасном полку в городе Бердске, затем был направлен на учебу в Новосибирское пехотное училище. По окончании училища лейтенант В.Н. Алексеев командовал стрелковой ротой в составе 34-го гвардейского стрелкового полка 13-й стрелковой дивизии и непосредственно участвовал в боях на Курской дуге. По словам ветерана, это была настоящая мясорубка. Земля буквально содрогалась от разрывов снарядов, стоял дым, мелькал огонь, поле было усеяно трупами, горящими танками, от которых поднимались вверх столбы черного дыма. Тот, кто побывал в этой битве, не забудет этого сражения до конца дней.

С началом контрнаступления в августе 1943 года лейтенант В.Н. Алексеев был ранен в правую ногу.

После госпиталя В.Н. Алексеев попал на Второй Украинский фронт. Командуя батальоном, прошел с боями по Украине, Болгарии, Румынии. В боях на Сандомирском плацдарме в 1944 году он снова был ранен.

«Второе ранение, — вспоминает Василий Николаевич, — я ощутил сильнее, почувство-

вал удар, а затем — кровь из раны и боль, очень сильную боль. Я достал свой индивидуальный пакет (он выдается каждому солдату), извлек стерильный тампон и бинт и кое-как одной рукой перевязал рану. Рука болела, а через бинт проступало пятно крови. В медсанбате, куда меня положили в ожидании врача, было много раненых. Но мне повезло. Мимо меня прошла медсестра Галя, она раньше была в батальоне санитар-инструктором. Я окликнул ее, она меня сразу узнала, заплакала, привела санитаров

с носилками и они тут же отнесли меня в операционную».

Василию Николаевичу вспоминается еще один эпизод: «В ночь с 25 на 26 января 1945 года я с группой солдат в 25 человек переправился на лодке через реку Одер (в Германии) и занял на другом берегу круговую оборону, рассредоточив солдат, отрыв окопы и установив пулеметы. Мы должны были прикрывать огнем переправу нашей дивизии на этот берег. После чего мы вели наступление на железнодорожную станцию. В этом бою погиб командир батальона, а меня при разрыве снаряда ранило шрапнелью (маленькие металлические шарики) в руку и в спину. Была очень сильная боль. Меня переправили обратно через Одер, и потом я попал в госпиталь.

После излечения я участвовал в Берлинской операции и закончил войну, дойдя до Праги».

С 1952 по 1956 год Василий Николаевич был слушателем Краснознаменной ор-

дена Ленина и ордена Суворова Академии им. Фрунзе. После окончания академии служил командиром батальона под Выборгом в Ленинградском военном округе, с 1959 по 1965 год был заместителем командира полка, а с 1965 по 1978 год — преподавателем на кафедре в Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова в Ленинграде. В августе 1978 года ушел в отставку, прослужив в рядах Вооруженных Сил страны более 36 лет. Василий Николаевич прошел путь от рядового до полковника, он — ветеран Великой Отечественной войны, ветеран Вооруженных сил СССР.

Василий Николаевич Алексеев — кавалер орденов Красного Знамени, двух орденов Отечественной войны I степени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалей «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», трех иностранных медалей и других, всего более 30 наград, а также нагрудных знаков «Гвардия» и «Фронтовик».

У него есть сын, дочь, две внучки, два внука, два правнука, которые по праву могут гордиться своим отцом, дедом и прадедом.

Василий Николаевич Алексеев в Праге. 1945 г.

Воспоминание

*Я смотрю на солдата в строю
С гордым чувством и завистью чистой:
В нем, как в зеркале, юность свою
Вижу в той же шинели ворсистой.
Много лет с той поры утекло,
Как бои за страну отгремели,
Но солдатских землянок тепло
Не забыть, как и запах шинели!
Не забыть переклички в лесу,
Прибаутки на отдыхе кратком.
И мечты про невесту-красу,
И жестокие с фрицами схватки.
Все смешалось тогда в голове:
Юный хмель, и отвага, и робость,*

*Страх навеки остаться в траве
И бодрящая опытных строгость.
Мы мужали в те дни по часам
И давно разучились уж плакать,
И все реже фугасным басам
Уложить удавалось нас в слякоть.
Нас калила и гнула война,
Проверяла на прочность и зрелость.
Мы познали невзгоды сполна,
Даже больше того, чем хотелось!
Та година давно позади.
Отгремели удары-тараны,
Жизнь веселым потоком гудит,
И сменяют юнцы ветеранов.*

*Лев Михайлович ШУКЛИН,
участник Великой Отечественной войны*

АНДРЕЕВ Вячеслав Николаевич

Я родился 29 ноября 1926 года в Ленинграде. Войну встретил в поселке Лебяжье, где служил мой дядя. С первых же часов поселок подвергся сильнейшему обстрелу. Воздух сотрясился от взрывов бомб, сбрасываемых на наши головы самолетами мессершмитт, Ю-88, Ю-87. Вся местность была буквально усеяна бомбами и снарядами.

Во второй половине сентября я на машине с ранеными бойцами выехал в город. К тому времени я уже стал учеником Второй

ленинградской спецшколы ВВС, и мне пришлось всю осень и зиму «путешествовать» под обстрелами и бомбежкой из дома в школу. Путь был неблизкий — 11 километров, и каждый раз, отправляясь в школу, я не знал, доберусь ли живым. В связи с дальностью и опасностью таких походов мои знакомые предложили мне пожить у них в центре, на Гороховой улице.

Здесь мне, как и моим сверстникам, досталась уже настоящая ответственная боевая работа: расчистка завалов, дежурства с МПВО. Но самое главное — это охрана крыш, тушение падающих с неба «зажигалок», борьба с пожарами. И как у всех — блокадные 125 грамм хлеба.

В 1942 году наша спецшкола была эвакуирована на Большую Землю по Дороге Жизни. По пути мы были обстреляны, несколько машин на наших глазах ушли под лед. Нам повезло, и мы погрузились в эшелон. Но и в эшелоне мы не оставались в безопасности. Ослабленные, голодные люди болели и уми-

рали в дороге десятками, сотнями. В поезде не было ни врачей, ни каких-либо медикаментов, чтобы лечить дизентерию, чахотку и другие болезни. Так, из 700 человек, уехавших в город Ойрот Тура, на место прибыло лишь 100.

Жизнь в спецшколе была полна трудностей: постоянное недоедание плюс тяжелые физические работы. Мы заготавливали на зиму дрова, овощи (капусту, картофель, морковь и другие).

Свою жизнь я решил связать с военной авиацией.

После окончания спецшколы я был направлен сначала в Омское авиаучилище, а затем в Школу первоначального обучения (станция Поспелиха Алтайского края). Здесь я успешно закончил курс летного обучения на самолетах Ут-2 и был далее зачислен курсантом Сталинградского военно-авиационного училища летчиков. В училище мы летали на самолетах: Ут-2, Як-11, Як-9, Як-3. За год до окончания я по приказу Главкома ВВС как перспективный летчик был направлен в Высшую офицерскую инструкторскую школу для подготовки в качестве летчика-инструктора.

Во время обучения нами был пройден полный курс боевого применения (стрельба по воздушным и наземным целям, воздушные бои, высотные полеты и так далее). После окончания упомянутой школы был направлен назад в родное училище, где и проработал еще 3 года, выпустив 24 курсанта. В 1951 году был принят слушателем Ленинградской Краснознаменной ин-

женерной академии им. А. Ф. Можайского, которую окончил в 1958 году. С этого года прошел все ступени службы в академии: начальник лаборатории, преподаватель, старший преподаватель, зам. начальника одной из ведущих кафедр. В течение этого времени мне удалось успешно защитить сначала кандидатскую, а затем докторскую диссертации. Одновременно вел активную научно-исследовательскую работу и руководил аспирантами и докторантами.

Всего под моим руководством было защищено около 40 кандидатских и 6 докторских диссертаций. В это же время мне пришлось переучиваться на ракетную и космическую технику. Участвовал в проектиро-

вании, испытаниях, пусках ракет и их модернизации. За этот труд был награжден орденом «Знак Почета» и другими поощрениями. В 1970 году присвоено звание полковника. Кроме этого имею звания доктора технических наук, профессора, почетного профессора и академика Российской академии по отделению естественных наук.

Награжден также 18 медалями, среди которых «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «Медаль Жукова» и другие.

Имею около 180 научных трудов (5 монографий и научно-популярные издания).

В Советской армии прослужил 33 года. Закончил службу в воинском звании полковника-инженера.

«Блокадные дни Ленинграда». Екатерина Ионова, 9-й класс, школа № 72, ДДЮТ

БОГДАНОВ Валентин Иванович

Родился 3 октября 1928 года. Участник Великой Отечественной войны в составе Ленинградского фронта, сержант. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и 16 памятными медалями. В «Авангарде» работал с 1951 по 1996 год, слесарь, затем заместитель начальника отдела.

— 22 июня был солнечный день, выходной, — вспоминает Валентин Иванович, — и вот в 12 часов по радио, которое висело у нас на стенке, мы услышали, что объявлена война. Это было первое официальное заявление о начале военных действий. Жизнь резко изменилась. Уже с 1 июля были введены карточки на продукты. Немцы довольно быстро подошли к Ленинграду, уже 10 сентября они захватили Красное Село, это было совсем близко от того места, где мы жили, всего 22 километра. Я первый раз увидел вблизи немцев, когда они захватили станцию Лигово: я стоял по одну сторону железной дороги, они — по другую. Еще раньше наблюдал картинку пострашнее: как на трамвайные пути в районе Лигово выехал настоящий танк из частей немецкой разведки. А до того как пришли немцы, мы своими глазами видели, как отступали наши войска и техника. Было ясно, что и нам нужно уезжать отсюда. Но вот командование приняло решение, а силами ополченцев удалось его воплотить — немцы после крупных боев были остановлены и остава-

лись на этих землях до января 1944 года. Мы, конечно, убежали в Ленинград из-за угрозы попасть в плен. В октябре я пошел в школу, в 6-й класс. Правда, прouchились мы совсем недолго, всего три месяца. В декабре 1941 года школы перестали работать. В это же страшное время у меня умерли все родные: мама, тетки, которые жили с нами, а отец умер еще до войны — в 1935 году. Я остался один. С мая по август 1942 года нас от школ направляли на огородные работы. А я вдруг узнал, что на военном аэродро-

ме, который располагался в районе нынешнего проспекта Мориса Тореза и парка Сосновка, служит мой двоюродный брат. Я стал приходить туда, а так как там не хватало специалистов, чтобы обслуживать авиационный полк, то я стал помогать. Сначала я выполнял совсем несложные задания. Потом командование, узнав, что у меня нет родных, оставило меня служить в батальоне. Мне было 15 лет, поэтому в армию меня не зачислили, но на питание поставили. С октября 1942 года по май 1943 года я учился прямо там, на аэродроме, на курсах радистов. Закончил их, мне присвоили звание радиста третьего класса. Я стал работать в службе пеленгации и обнаружения вражеских самолетов, которые прилетали бомбить Ленинград. Хотя готовили меня совсем для другого. Я должен был работать на радиостанции под Ленинградом для связи с нашими самолетами, снабжающими партизанские отряды, воюющие с нем-

цами в Ленинградской области — под Лугой, Псковом. Но видно, не судьба... Меня в партизанскую часть должны были сбросить с парашютом. Но оказалось, что это невозможно. Я так мало весил, что парашют не раскрылся бы.

Несмотря на юный возраст, меня все же зачислили в действующую армию. В то время вышел приказ о зачислении с 16 лет юношей, годных к военной службе. Мне было 15, но для меня сделали исключение. И приказом от 26 мая 1943 года зачислили в 38-й отдельный батальон аэродромного обслуживания добровольцем, радиотелеграфистом роты связи. Мне очень запомнился день 30 мая 1943 года. В этот день я вместе с товарищем принимал присягу... И с этого дня я уже наравне со взрослыми служил, участвовал в боевых дежурствах на радиостанции, следил за авиацией противника и делил со старшими товарищами все невзгоды, трудности военных дней. Хотя я и встретил войну мальчишкой, но тогда ребята выросли рано. Свою первую медаль «За оборону Ленинграда» я получил пятнадцатилетним пацаном в августе 1943 года в блокированном Ленинграде.

Это далеко не единственная награда Валентина Ивановича. Есть еще орден Отечественной войны II степени (его он получил после войны, в 40-летнюю годовщину Победы) и 15 медалей. Часть, в которой служил Богданов, очень скоро перебазировалась под Ленинград, где участвовала в разгроме Вы-

боргской группировки, затем (в октябре 1944 года) — в освобождении Таллина, куда батальон вошел в первый день освобождения города от немцев. И до конца войны радисты, в том числе и Богданов, обслуживали авиационные полки, освобождающие от немецких оккупантов Эстонию, Латвию и Литву.

БОЛОТИН Виктор Петрович

Виктор Петрович Болотин живет рядом с Пискаревским мемориальным кладбищем. Часто вместе с женой он прогуливается по мраморным аллеям, вспоминает тяжелые военные годы и скорбит о товарищах-однополчанах, не доживших до дня Великой Победы.

Виктор Петрович родился в марте 1926 года на станции Волхово Новгородской области. Мама умерла, когда ему было всего 4 года. Виктора, сестру и трех братьев воспитывал отец. Жили бедно, терпели нужду. К началу войны

Виктор окончил 8 классов средней школы.

В 1943 году он оказался в оккупации; отступая под натиском нашей армии, фашисты вывезли его в числе других под город Тукумс в Латвию.

В 1944 году его освободили из фашистской кабалы наши войска, а в августе 1944 года Виктор Болотин уже служил в артиллерийском полку в качестве рядового, наводчика 76-миллиметровой пушки. Орудийный расчет был недоукомплектован, и артиллеристам было трудно, так как на позициях приходилось отрывать окоп для орудия, ровики, блиндаж. Когда наступало время для сна, солдаты от усталости падали замертво. Зато в походе пушку тащила на прицепе автомашина «студебекер», в ее кузове располагались боеприпасы и орудийный расчет.

Виктор Петрович с боями прошел дороги войны на территории Латвии и Литвы.

Бои были тяжелые, потому что окруженная немецкая группировка ожесточенно сопротивлялась. Орудийный расчет, в котором служил В. П. Болотин, сопровождал и поддерживал огнем нашу пехоту.

В феврале 1945 года создалась ситуация, когда наша пехота оказалась перед превосходящими силами противника, угрожавшими также орудью Виктора Петровича Болотина. Но артиллеристы

Красной Армии не растерялись, открыли меткий прицельный огонь, рассеяли вражескую группировку, после чего на поле боя остались сотни убитых фашистских солдат. За этот бой наводчик Болотин был награжден медалью «За отвагу».

Окончание войны застало Виктора Петровича Болотина под Либавой. О безоговорочной капитуляции Германии в полк сообщили ночью по телефону, а утром немцы подняли белый флаг и стали сдаваться в плен. Для наших войск Победа была огромной радостью.

После окончания войны артполк, в котором служил В. П. Болотин, был переброшен на станцию Чебаркуль, в Южно-Уральский военный округ, где Виктор Петрович в звании младшего сержанта служил до 1950 года.

БУБНОВ Феликс Иванович

Родился 27 февраля 1927 года. Участник Великой Отечественной войны в составе Ленинградского фронта, младший сержант. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и 12 памятными медалями. В «Авангарде» работал с 1953-го по март 1998 года, слесарь, заместитель начальника опытного цеха.

Феликс Иванович рано попал на фронт. Курс молодого бойца для него начался на рубежах Ленинградского фронта под свист пуль и разрывы артиллерийских снарядов, во время авиабомбежек, танковых атак и вылазок оголтелого врага. В свои неполные 17 лет он начал боевой путь солдата — защитника страны и нашего города. На долю его поколения достались тяжкие беды кровавой войны — враг стоял у ворот города, все силы были брошены на его защиту. Трудности с обеспечением оружием, боеприпасами, обмундированием, продуктами легли на плечи отчаянно сражавшихся защитников города. Бои шли за каждую пядь земли, каждый кустик, каждое дерево, каждый ручеек, каждый дом.

Были потери друзей, были ранения, были военные удачи и провалы обороны. Но была надежда на будущее, подкрепленная солдат-

ской дружбой и воинской смекалкой, и, конечно, здоровый солдатский юмор, непревзойденным мастером которого был Феликс Иванович.

В своих высказываниях о тех военных событиях он оптимистично вспоминает, что только вера в победу воодушевляла воинов, которые стояли насмерть перед хорошо обученным и до зубов вооруженным врагом. Он достойно участвовал в прорыве блокады Ленинграда.

Уже в 1943 году он получил медаль «За оборону Ленинграда», в 1944 году за участие в снятии блокады города — медаль «За отвагу».

Воинский путь Бубнов окончил в 1945 году после контузии, в звании младшего сержанта.

В декабре 1953 года он пришел к нам на предприятие сначала слесарем, а затем стал заместителем начальника опытного цеха, отработав на «Авангарде» более 25 лет. Через руки Феликса Ивановича прошли опытные образцы сложнейшего технологического оборудования и изделий специальной аппаратуры. Добросовестность, рабочая смекалка позволяли ему решать непростые производственные задачи. Девизом Бубнова Феликса Ивановича стали слова: «Пробьемся».

С боями от Невы до Эльбы

БУЗУЛУЦКИЙ Павел Михайлович

Павел Михайлович Бузулуцкий, коренной ленинградец, родился в 1925 году.

До войны окончил 8 классов средней школы.

С началом Великой Отечественной Павел Михайлович был задействован на оборонных работах: рыл противотанковые рвы под Лугой, потом под Шимском и под Выборгом.

В 16 лет поступил на работу токарем на завод «Светлана», делал снаряды к 76-миллиметровым орудиям.

В блокаду он потерял самых близких людей: умерли его мать и бабушка. Еще в 1941 году под Новгородом погиб отчим.

В 1943 году Павла Михайловича призвали в армию. Сначала он служил в запасном полку связи, затем, с февраля по май 1943 года, учился в школе радистов. По окончании школы находился в резерве Штаба Ленфронта в составе Второй ударной армии, участвовал в боях под 5-й ГЭС. Затем через Лисий нос и Кронштадт он был переброшен на Ораниенбаумский пятачок. 1 января 1944 года участвовал в операции «Искра» (прорыв блокады Ленинграда), а также в соединении с 42-й армией в районе Ропши.

В послужном списке фронтовика форсирование реки Нарова, Чудского озера, взятие Кингисеппа, Нарвы, Гдова, Тарту, Валги, Риги, участие в разгроме Курляндской группировки.

Павел Михайлович служил радистом. Случалось, что, не обращая внимания на ра-

нения, он не покидал поле боя и свою часть. На войне связь — это нерв армии, и благодаря самоотверженности наших бойцов она работала бесперебойно.

— Как-то в боях под городом Валга (на границе Эстонии и Латвии) начался артобстрел врага, — рассказывает ветеран. — Один связист был убит. Я в окопе, совсем близко разорвался вражеский снаряд, и осколок его попал мне в руку. Сгоряча ничего не почувствовал и продолжал обеспечивать связь под артиллерийскими пулями. И только спустя какое-то время увидел кровь, боль едва

мог терпеть, рука огнем горела. Вырвал кусок шинели, кое-как перевязал. Добрался до полкового медпункта, там рану очистили от загрязнения, зашили, наложили повязку...

За героизм в этом бою Павел Михайлович награжден орденом Славы III степени.

Затем его часть была переброшена в Польшу под Осовец, а оттуда в Восточную Пруссию. Павел Михайлович участвовал во взятии Кенигсберга.

— При штурме Кенигсберга, — вспоминает Павел Михайлович, — меня ранило второй раз. Я только что вырыл окоп около железной дороги, как вдруг недалеко от меня грохнул взрыв. От разорвавшегося снаряда противника посыпались осколки, и один из них угодил мне в ногу. Я сам перевязал рану при помощи индивидуального пакета. Служивцы помогли добраться до медсанбата. Там мне обработали рану по всем правилам, сделали перевязку. От направления

в госпиталь я отказался сразу, так как после госпиталя в свою часть уже было не попасть.

За участие в боях под Кенигсбергом Бузулуцкий награжден орденом Красной Звезды.

С боями он форсировал реку Висла, брал города Данциг, Голнов. В составе Второго Белорусского фронта форсировал реку Одер, брал город Гарц, участвовал во встрече с союзнической армией на Эльбе. За форсирование реки Одер Павла Михайловича наградили медалью «За боевые заслуги».

Ратный труд П. М. Бузулуцкого отмечен 19 правительственными наградами, в том числе орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», белорусской медалью «За освобождение Белоруссии», нагрудными знаками «Отличный связист», «25 лет Победы в Великой Отечественной войне».

*Среди фронтовых друзей.
Первый слева П. М. Бузулуцкий*

Смерть солдата

*Солдат лежал, смертельно ранен,
На отвоеванной земле.
Начался бой порою ранней,
И целый день кипел в огне.
Сраженный пулей автомата,
Бесстрашный воин умирал,
А луч багрового заката
Лицо героя озарял.
Овеян он ночной прохладой,
Открыл глаза в последний раз.
Какой великою наградой
Казалась жизнь ему в тот час.
Прощай, о небо голубое.
Прощай, горящая земля.*

*Ты не остыла после боя,
Но ты свободна, как и я.
Я сын твой, ты меня вскормила,
И я любил тебя как мать,
Не мог позволить вражьиим силам
Тебя в оковы заковать.
Прошел последний бой кровавый.
Я грудью встал за честь твою.
Я умираю, но со славой
Сложил я голову свою.
Закрыв глаза, прощаясь с жизнью,
Когда темнеет небосклона край,
В последний миг перед лицом Отчизны
Сказал он: «Родина, прощай!»*

*Алексей Тимофеевич ГОРОДНИЧЕВ,
инвалид 2-й группы Великой Отечественной войны*

Я выбрал свою военную судьбу — стал разведчиком

ВЕЛИКИН Яков Наумович

Родился 14 марта 1923 года. Участник Великой Отечественной войны в составе 1-го, 2-го, 3-го Степных фронтов, капитан, разведчик. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и медалями «За освобождение Белграда», «За победу над Германией» и 18 памятных медалями. В «Авангарде» работал с 1951 по 1983 год, заместитель начальника отдела.

Май 1941 года. Мне семнадцать лет. Я студент третьего курса Авиационного института. В первых числах июня наша группа студентов выезжает в Сталинград на практику. Трудились на рабочих местах, последовательно знакомясь со всеми специальностями. Работали с полной отдачей и интересом.

И вот наступило 22 июня. Война. И все кончилось: практика, юность, мечты. Через неделю нас отозвали в институт. На вокзале нас встретил декан факультета и сообщил, что уже завтра в институте будет работать медицинская комиссия, и мы будем зачислены в Сводный студенческий стрелковый батальон. Так для нас началась Великая Отечественная война. Сбор и отправление на фронт были назначены через неделю. Так оно и случилось. По сорок человек, уже красноармейцев, нас погрузили в товарные вагоны, и спустя сутки поезд тронулся на запад. До фронта эшелон не дошел. Его разбомбили немецкие бомбардировщики. Это случилось, не

доезжая до Воронежа. Трудно вспоминать этот ужас. Кто остался в живых из нашего батальона, я так и не узнал. Очнулся уже в санитарном поезде. Почти целый год провел я в госпитале. К счастью, врачи сохранили мне ногу. Затем — подразделение для выздоравливающих.

В начале 1943 года я снова в строю. Группа бойцов из числа выздоравливающих была направлена на фронт. В том числе и я. Выгрузились мы на станции Поныри Орловско-Курской дуги. И в пешем строю нас направили в распоряжение 74-й стрелковой дивизии.

Принимал нас сам командир дивизии подполковник Казарьян. В связи со сложившейся ситуацией предложил добровольцам продолжить свою службу в разведке. Я со своими тремя новыми друзьями выбрал свою дальнейшую военную судьбу: мы стали разведчиками 109-го стрелкового полка. Романтики! Начали осваивать азы новой специальности. Правда, времени нам предоставили не так уж и много. Дело в том, что на нашем участке фронта все подразделения разведки 13-й армии последние месяцы не могли взять ни одного пленного. Начальство метало молнии. Неудачи преследовали разведчиков одна за другой.

Очередная попытка нашего разведзвода уже с нашим участием, новоиспеченными разведчиками, состоялась через неделю. Мне было доверено участие в поиске в со-

ставе группы захвата. Наши две первые попытки оказались неудачными. Мы понесли значительные потери. Ночи были светлые, лунные. Нас дважды обнаруживали уже на нейтральной полосе. В ночь с 3 на 4 июля мы предприняли третью попытку. Проход через минное поле и проволочное заграждение обеспечивали саперы, как и отход группы захвата. Прозвучал условный сигнал о готовности групп отвлечения и прикрытия. Время поиска было выбрано правильно — за

час до смены часового. Мы начали движение. Я и старший группы спустились в траншею. Еще двое участников группы приблизились к месту, где находился часовой. Как видно, сон сморил часового. Мы услышали негромкое похрапывание. Василий подал сигнал, и мы в одно мгновение бросились на часового. От неожиданности он не успел издать ни одного звука, как мы накрыли его плащ-палаткой. Выбросили на бруствер. Тут его подхватили ребята, ожидавшие нас наверху. Мы выбрались из траншеи и, подхватив пленного, вчетвером, уже не таясь, бросились бегом в полный рост к месту, куда нам указывали саперы. Немцы молчали. Хватились они только тогда, когда весь наш отряд был уже почти в нашей траншее. Что касается меня, я, видимо, очень волновался, не все делал четко, но все же уже в нашем окопе старший меня похвалил и одобрил. Так состоялось мое боевое крещение. Нас всех поощрили. Испытанным разведчикам вручили медали. Мне и еще двоим из новеньких вручили значки «Отличный разведчик». Это была моя первая, самая дорогая для меня боевая награда.

Война продолжалась. Бои под Поньрями, освобождение Чернигова, Киева, прорыв под Яссами, Бухарест, Секешфехервар.

В 1945 году я в Москве участвовал в Параде Победы. Мне было присвоено звание младшего лейтенанта. Это стоило мне еще четырех лет воинской службы в составе Советской части Союзнической Комиссии (Вена, Австрия).

Мы все, живущие, как и отдавшие свои жизни, были и остались верными сынами своей Родины.

В тылу врага

ГРИГОРЬЕВ Валентин Ильич

Валентин Ильич Григорьев родился в августе 1928 года в деревне близ города Пскова. Там он учился в школе и провел часть своего детства.

В июне 1941 года Германия напала на нашу страну, в начале июля фашисты захватили Псков. Насаждаемый врагом режим вызвал народный гнев, ненависть к фашистским захватчикам. Создавались партизанские отряды, вступавшие в борьбу с врагом и наносившие ему немалый урон.

Валентину в ту пору было 12 лет, он вместе со сверстниками собирал брошенное в ходе боев оружие и прятал его.

В 1942 году ушел в партизанский отряд старший брат, воевавший в 3-й, а позднее в 8-й партизанской бригаде.

В 1943 году в партизаны попросился и Валентин; чтобы его взяли в отряд, он пошел на маленькую хитрость: прибавил к своему возрасту один год.

О партизанском движении очень точно написал поэт Валентин Шульчев:

*Враг злобствует в бешеном страхе и дрожи,
Но Родина нам дорога.*

*Ряды партизанские ширя и множа,
Народ наш встает на врага.*

В его деревне было партизанское подполье, через которое ему и нескольким его сверстникам была назначена встреча с партизанами. Так он попал в ряды 8-й партизанской бригады, причем со своим оружием (немецким автоматом «шмайсер»), позднее ему выдали наш автомат ППШ. Бригада была недавно создана, быстро пополнялась людьми,

но в ней не хватало оружия, боеприпасов, обуви. Снаряжением она была обеспечена Штабом партизанского движения и сразу вступила в бой с врагом.

Валентин Григорьев участвовал во многих операциях в районе города Остров, в частности в разгроме вражеских гарнизонов, спасении наших людей от угона в Германию, в засадах на дорогах, уничтожении телеграфной связи, в затоплении водой и сжигании дотов врага на линии «Пантера», подрыве вражеских эшелонов, шедших к

фронту.

Особо памятен ему боевой налет на станцию Дуловка. В этом жестоком бою с регулярными частями врага партизаны взорвали все стационарные постройки, железнодорожные пути, состав, 6 орудий, большое количество снарядов, уничтожили свыше 200 фашистов. До сих пор перед глазами ветерана встает картина того сражения:

«Это был сущий ад: горящие стационарные здания, летящие во все стороны осколки от подорванных повозок со снарядами, свист пуль, черный дым и пламя над станцией и в то же время четкие и слаженные действия партизан».

Вспоминает ветеран и другую тяжелую схватку с врагом в 1944 году у деревни Домахино. Под ударами нашей армии немцы бежали со Псковщины, и партизаны стали заслоном на пути врага. Немало фашистов осталось лежать на поле битвы.

В одном из боев Валентин был ранен в ногу, но, к счастью, пуля не задела кость, и,

*Встреча бывших партизан 8-й партизанской бригады после войны.
В последнем ряду четвертый слева В.И. Григорьев*

подлечившись в партизанском госпитале, он вернулся в строй.

В 1944 году произошла встреча партизан с наступающими частями нашей армии, принесший радость им и местным жителям.

Взрослые партизаны ушли в армию, а Валентин со своими сверстниками были привлечены к работе по восстановлению железнодорожного моста. Затем их доставили в Ленинград, в Смольный, отсюда на станцию Хвойное Новгородской области и далее в Тихвин, где Валентин окончил школу фабрично-заводского обучения и в качестве плотника

был направлен в город Остров Псковской области. Валентину тогда было всего 16 лет.

В.И. Григорьев отмечен орденом Отечественной войны II степени, 6 медалями, нагрудным знаком «Ленинградский партизан». Несколько раз он участвовал во встречах с сослуживцами-партизанами, которых с каждым годом становится все меньше. И в годы войны, сидя у партизанского костра, и сейчас Валентин Ильич вспоминает и поет так любимую песню-клятву партизан, сочиненную партизаном — журналистом И. Виноградовым.

Песня псковских партизан

*Окрасил дым волнистые туманы,
Ночное небо стало розовой,
В такую ночь собрались партизаны
И дали клятву Родине своей.*

*Родная мать, мы все полны стремленьем
Громить врага как ночью, так и днем,
Скорей умрем, чем встанем на колени,
Но победим скорее, чем умрем.*

*Прошел отряд по просеке знакомой,
С тех пор суров и грозен темный лес,
Сосновый бор, ты стал родимым домом,
Под вечной крышей купола небес.*

*Коварен враг, но цели его биты,
Он за броню жметя у дорог,
Страшны врагу леса и перелески,
Стреляет в фрицев каждый бугорок.*

*Строчит «максим», не сунешься в лощину,
Бьет автомат, свинцовый ураган,
Запомнит враг советскую Псковщину,
И не забудет красных партизан.*

*За нашу кровь врагу отплатим кровью,
Где мы прошли, там путь непроходим,
Мы любим жизнь особою любовью,
А если надо, жизни не щадим.*

*Гордись, страна, отважными сынами,
Пройдем сквозь дым и лютую пургу,
Навечно жизнь останется за нами,
А злую смерть мы отдадим врагу.*

*И вздрогнет лес в салютном гуле,
Исчезнут вмиг морщинки у бровей,
Мы встанем все в почетном карауле,
Мы — патриоты Родины своей.*

*И. ВИНОГРАДОВ,
партизан-журналист, редактор партизанской газеты «Коммуна»*

Партизаны на привале по пути в Ленинград

Освобождение каждого населенного пункта вселяло в нас уверенность в победе

ГРЕЙМЕР Лев Александрович

Родился 2 января 1921 года. Участник Великой Отечественной войны в составе Южного, Юго-Западного, воронежского и Западного фронтов, майор (ПВО). Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги» и еще 18 памяtnыми медалями.

В «Авангарде» работает с 1961 по 1991 год, старший инженер.

В детстве, как и большинство мальчишек моего времени, я мечтал стать военным и даже собирался поступать в Новочеркасское кавалерийское училище. Моя мечта начала осуществляться позже, когда я поступил в Ленинградскую специальную артиллерийскую школу, которую окончил в 1939 году, и после ее окончания сразу же был принят в Ленинградское краснознаменное артиллерийско-техническое училище. После его окончания мне было присвоено воинское звание — воентехник 2-го ранга, и я был направлен в Харьковский военный округ. 14 июня 1941 года я прибыл в полк для прохождения дальнейшей службы в городе Балаклея Харьковской области. С этим полком я прошел весь путь от Балаклеи через Купенск, Харьков, Россошу, Лиски, Новохаперск, Курск, Горький, Псков, Таллин.

Мой первый день войны начинался мирно. В воскресенье 22 июня 1941 года я с футбольным чемоданчиком собирался ехать в город Изюм для игры в футбол. Однако уже с

вокзала нас всех вернули в часть. В 9.00 весь командно-начальствующий состав был собран в клубе, где нам объявили, что началась война с немецко-фашистскими захватчиками. Там же была предложена и тема первых политических занятий: «Гитлер — враг собственного народа».

Наш полк предназначался для охраны малых и средних объектов и состоял из 6 батарей среднего калибра (24 орудия), 2 батарей малокалиберной зенитной артиллерии (8 орудий), пулеметной роты и прожекторного батальона. Такой состав полка мог вести оборону на всех высотах и в

любое время суток.

Мое подразделение (артиллерийская мастерская полка) должна была заниматься профилактическим ремонтом вооружения всех указанных подразделений. Однако нам постоянно приходилось выполнять более широкий объем работы. Для этого постоянно требовались инженерная мысль и смекалка солдат.

Первое серьезное испытание нам преподнесла погода. В одну из морозных ночей декабря 1941 года орудия среднего калибра «замерзли», и к утру полк оказался небоеспособным. Необходимо было срочно исправлять положение. Было принято решение залить через масленки механизма керосин. Затворы и полуавтоматику снять и отогреть в землянках. В противооткатные устройства добавлять по 500 граммов спирта, предварительно

удалив по 500 граммов тормозной жидкости, которая на морозе загустела. Для этого пришлось снимать противооткатные устройства с орудий и разогревать их горячей водой. После выполнения всех работ, через несколько часов, полк вновь стал боеспособным.

Нередко из-за интенсивной стрельбы в стволах орудий выгорали нарезы на длину 130–140 миллиметров, из-за этого снаряды не получали вращательного движения, что значительно снижало меткость стрельбы. Необходимо было в полевых условиях заменять 8 внутренних труб стволов (лейнеров). Эта работа была выполнена в кратчайший срок, без каких-либо механизмов, только с использованием деревянных ваг (рычагов) и мускульной силы солдат.

Однажды на одной из батарей во время стрельбы произошло раздутие двух орудийных стволов. Их замена была выполнена прямо на батарее. На другой при стрельбе прогнулась на 150 миллиметров продольная балка платформы одного орудия, и стрельбу из него пришлось прекратить. При осмотре на батарее было принято решение: полностью разобрать орудие, а платформу увести в железнодорожное депо — самое технически оснащенное предприятие в прифронтовой полосе. Здесь платформу перевернули и на нее положили колеса от паровоза «ИС». Через 12 часов платформа не выровнялась полностью, что потребовало увеличения груза. Тогда обрезают «яблоко» от рельса и получили Т-образную конструкцию. Эти рельсы приварили к днищу платформы, после того как она выпрямилась. Таким образом, орудие снова вступило в строй. В последующем я наблюдал за этим орудием более года, и оно ни разу не подвело.

Немало забот доставляли нам первоначально находящиеся на вооружении приборы управления артиллерийским огнем. Они представляли собой сложнейшие электромеханические устройства. Первое время мы их не знали и не ремонтировали.

Весной 1942 года к нам в полк прибыла бригада завода-изготовителя для их профилактического ремонта. Я с ними договорился, что они нам будут давать указания, а все работы мы будем выполнять сами вместе с мастером по приборам. После того как мы провели ремонт четырех приборов, мы почувствовали себя уверенно и вечерами в землянке изучали техническую документацию на эти приборы. Через некоторое время, узнав о нашей инициативе, командование дивизионного района приказало нам выезжать в другие полки для проведения ремонта таких приборов.

Однажды на одной из батарей вышла из строя синхронная связь между ПУАЗО (прибором управления артиллерийским зенитным огнем) и орудиями. Была создана комиссия из прибористов полка (я в нее не входил), которая заключила, что прибор ремонту не подлежит. Это привело к тому, что команды на орудия поступали только по телефону. Прибор простоял в нерабочем состоянии 1,5–2 месяца. Я принял решение попробовать восстановить прибор, для чего «прозвонил» схему прибора от батареи напряжением в 42 вольта. Вскрыв центральный распределительный ящик, мы убедились в том, что схема отсырела. Высушили и заменили прокладки. Синхронная связь заработала нормально. Через некоторое время на этой же батарее опять перестала работать синхронная связь. Уточнив, что в этом повинен кабель, мы его заменили запасным. Неисправный кабель мы увезли в мастерскую. При его ремонте было обнаружено, что в него была вставлена большая швейная игла с обломанными концами. По этому поводу мне пришлось вызывать работников контрразведки, поскольку выявленный факт являлся настоящей диверсией.

Для определения высоты целей на батареях находились четырехметровые оптические дальнометы. На одном из них включили светофильтр наполовину, и в последующем его невозможно было выключить. Командир

полка приказал мне отремонтировать этот дальномер, хотя по всем описаниям и инструкциям я это делать не имел права. Для ремонта дальномер следовало отвезти в тыл, но это означало оставить батарею «без глаз». Выполняя приказ командира, мы убедились, что в механизме светофильтра выпал винт. После того как винт был поставлен на место и был собран светофильтр, после тщательной его проверки по всем параметрам, мы убедились в отсутствии его «загрязнения» и в полной его боеспособности.

Итогом работы нашей мастерской за все годы войны явилось то, что ни одной единицы вооружения не было отправлено в вышестоящие ремонтные мастерские, а все неисправности устранялись на месте. В результате весь состав мастерской был награжден орденами и медалями.

Войну я окончил в Таллине, но боеготовность с нас сняли только 12 мая 1945 года, так как еще существовала Курляндская группи-

ровка. Мой футбольный чемоданчик, с которым я начинал войну, я открыл только в мае 1945 года, когда возобновил игру в футбол.

Вспоминая военные годы, могу сказать, что война принесла тяжелейшие испытания всему народу нашей страны. Особенно трудным временем было начало войны, когда мы терпели поражения и уходили на восток, оставляя города и села. Я не мог смотреть в глаза женщин и стариков, которые глядели на нас с тревогой и укором, так как мы оставляли их в неизвестности.

Очень тяжелым испытанием для нас была потеря друзей и товарищей. Их смерть, особенно в начале войны, воспринималась остро своей неожиданностью. Когда мне сказали, что убит комбат, я ответил, что этого не может быть, поскольку я его видел сегодня утром.

Меня нередко спрашивают, видел ли я глаза немца, который в меня стрелял. Да, я это видел. Это был стрелок-радист штурмовика, летевшего на высоте 50 метров. Он дал по нашей группе две очереди, которые прошли справа и слева от меня на расстоянии одного метра.

Мне задают вопрос: страшно ли на войне? Да, страшно, если ты не производишь никаких действий против врага или не занят другой работой.

Огромное воодушевление и энтузиазм вызывали каждая военная удача, а для нас — каждый сбитый самолет. Особенно радостным было освобождение каждого населенного пункта. Это внушало в нас гордость и уверенность в победе.

Это мои краткие воспоминания о войне как одного из «винтиков» большой военной машины, которая в годы Великой Отечественной войны смогла раздавить немецкий фашизм.

Это воспоминания «винтика», за которого на приеме в честь Парада Победы главнокомандующий войсками И. В. Сталин произнес тост и пожелал всем нам здоровья и личного счастья.

ДМИТРИЕВ Николай Васильевич

Николай Васильевич Дмитриев родился в одной из деревень Чкаловской области в июне 1926 года. В 1934 году вместе с семьей он переехал в Башкирию.

Николай Васильевич очень хорошо помнит день, когда началась война.

«У нас в районе был сабантуй. Мы с приятелем поехали на праздник. День стоял теплый, погожий. И тут по громкоговорителю объявили о нападении Германии на СССР. Сразу поднялась паника. Молодежь забирали на фронт. Женщины плакали...»

Самого Николая Васильевича призвали в армию в ноябре 1943 года. Сначала он учился в Окружной школе отличной стрельбы и снайперской подготовки. В июне 1944-го его направили в 1376-й стрелковый полк на 2-й Прибалтийский фронт.

Николай Васильевич не раз оказывался в миллиметре от фашистской пули, но ему везло — чудом оставался жив.

«Однажды в Прибалтике мы должны были взять небольшой городок, уже не помню его названия. Ранним утром пошли в атаку. Пробирались через небольшой лесок. Немцы заметили нас с колокольни костела и стали покрывать пулеметными очередями. Мы продвигались вперед небольшими перебежками. Вдруг совсем рядом в болото ударил снаряд. Меня отбросило метров на пять в сторону, с ног до головы обдало грязью, но остался целым и невредимым, — рассказывает Николай Васильевич. — Потом еще такой случай был. Днем один за другим шли два взвода. Наш взвод шел сзади на расстоянии сто метров. Вдруг налетели мессершмитты,

стали бомбить. Мы бросились кто куда, в канавы попрыгали. Никогда так сильно не прижимаешься к земле, как в момент, когда бомба с воем на тебя летит. После бомбежки в первом взводе в живых из сорока человек остался только один. А у нас потерь не было.

Но самое удивительное со мной произошло в августе 1944-го в бою под городом Ауцен. На нас шел фашистский танк, его снаряд взорвался совсем близко от бруствера траншеи. Трех ребят убило, а

меня только ранило в левое плечо. Что характерно, в руке я держал гранату. Так полгранаты осколком снесло. Как она не взорвалась — ума не приложу!»

С августа по ноябрь 1944 года Николай Васильевич находился в эвакогоспитале. После госпиталя с ноября 1944-го по май 1945 года он служил в учебном танковом полку старшим механиком-водителем самоходной установки СУ-152.

После окончания войны с фашистской Германией он был переброшен на Дальний Восток, где в составе 1-го Дальневосточного фронта участвовал в войне с Японией. С боями он прошел почти до Харбина, в 60 км от него завершил свой боевой путь.

Николай Васильевич Дмитриев награжден орденом Отечественной войны II степени, многими медалями, в том числе «За победу над фашистской Германией», «За победу над Японией», «30 лет Советской Армии», имеет благодарность Верховного Главнокомандующего.

О судьбе?! Она предсказуема или зависит от твоих желаний?!

ЕГОРОВА Валентина Васильевна

В моей памяти картины войны и воспоминания об отце неразрывны. Кольцов Василий Алексеевич был потрясающей души человеком и изумительным отцом, заботливым, любящим. Он погиб героически на Киришском плацдарме, но чтобы узнать о его судьбе, об обстоятельствах его гибели, потребовались годы.

Накануне войны мне было 6 лет. Я очень долго и тяжело болела. Меня положили в больницу. Обстановка в палате была угнетающая, и мне становилась только хуже. Тогда отец выкрал меня из больницы, привез домой. Пригласили доктора частным порядком. В домашней обстановке, в окружении близких любящих людей я быстро пошла на поправку. А вскоре родилась моя сестренка Наденька.

Весной к нам в Ленинград погостить приехала бабушка. Она забрала меня с собой в деревню Красный Холм Калининской (ныне Тверской) области, чтобы я там на свежем воздухе набиралась сил. А летом папа с мамой и маленькой сестренкой должны были приехать к нам в отпуск. Но отпуск не состоялся. Билеты были куплены на 22 июня. Началась война. Поезда ходили с перебоями.

Перед отправлением на фронт папа успел посадить маму с сестренкой на последний поезд, следующий в направлении Калининской области. Это было 8 сентября 1941 года.

С фронта папа писал нам письма. Какое это было счастье — читать его письма, полные

слов любви, заботы и беспокойства за нас. Мы собирались всей семьей, и я читала письмо вслух по слогам. Сама мама читать не умела, была неграмотной. Потом я ему писала ответ под мамину диктовку. В каждом папином письме был один и тот же вопрос: доехали ли Иринка с Наденькой? Оказывается, наши письма к нему не доходили, и он очень переживал за близких людей. Этот вопрос отец задал и в последнем письме, которое пришло уже после похоронки.

Я читала листочек с известием о гибели папы и не могла вникнуть в смысл, буквы расплывались перед глазами. Его смерть стала страшным ударом для нас. В тот же день вслед за похоронкой мальчишка-почтальон принес письмо, написанное папиным почерком. Это вселило в нас надежду, что папа все-таки жив. Наши надежды оказались напрасными, с фронта отца мы так и не дождалось.

И похоронку, и все папины письма у нас изъяли. Полагали, раз после похоронки пришло письмо, значит, отец переметнулся к немцам. Мне такая логика непонятна. Я ни на минуту не верила, что папа мог перейти на сторону тех, с кем воевал. Не такой он был человек.

Поскольку письма не сохранились, мы не знали, где и при каких обстоятельствах погиб отец.

Вернувшись в Ленинград, мы начали вести поиски. Я занималась поисками много

лет. Писала во все газеты, узнавала в военкоматах, опрашивала всех знакомых, обращалась в поисковые отряды, поднимала архивы — никаких следов. Позже написала письмо в передачу «Жди меня». Через два года пришел ответ. Дословно не помню, но суть его такова: мы выяснили, что ваш отец сражался на Киришском рубеже. Никто из бойцов тогда не выжил.

Я познакомилась с директором Киришского музея. Он мне рассказал, что там, на Киришском плацдарме, была подлинная мясорубка. За этот участок местности шли ожесточенные бои, проливались реки кро-

ви. Наши солдаты бились из последних сил. Стояли насмерть.

Кириши были практически отрезаны от Большой земли. Почтовая связь не работала, вот почему отец не получал от нас вестей. Свои письма он отправлял с оказией с проезжающими грузовиками.

С поставками продовольствия боеприпасов и обмундирования было трудно. Погибал один, с него снимали одежду, передавали другому. Поэтому при раскопках и перезахоронениях опознать солдат было невозможно, а документы от времени и высокой влажности тех мест размокли и не сохранились.

«Одна на целом свете...». Кира Федорова, 7 класс, школа №93, ДДЮТ

На «тридцатьчетверке» до Эльбы

ЗВЯГИНЦЕВ Иван Петрович

Иван Петрович Звягинцев родился в январе 1925 года в одной из деревень Воронежской области в многодетной семье. Его родители — колхозники — умерли после войны. Иван окончил 4 класса сельской школы. Чтобы помочь родителям прокормить трех сестер и брата, Иван сам пошел работать в колхоз.

В ноябре 1942 года его призвали в армию в танковые войска. После нескольких месяцев обучения в танковом училище в Нижнем Тагиле он был направлен в город Прохуров в 67-й танковый полк. Иван Петрович стал ветераном полка, пройдя командиром орудия среднего танка Т-34 (прославленной «тридцатьчетверки») по фронтовым дорогам войны нашей страны, а затем — Польши, Чехословакии, Германии и даже Югославии.

67-й танковый полк входил в состав знаменитой танковой армии генерала Катюкова. Танк, в экипаже которого служил Звягинцев, всегда был на острие атаки, всегда впереди, в самом пекле боя.

Иван Звягинцев трижды горел в танке: первый раз в Карпатах на Западной Украине, второй раз — в Польше, третий — в Германии, в районе реки Эльбы.

«Жив остался, и слава Богу, — отмахивается Иван Петрович. — Немцы такие зверства над нашими ребятами чинили, на пушках вешали. А мы их все равно разгромили. Фашисты боялись русских солдат, со страху бежали к американцам, сдаваться в плен».

Его «тридцатьчетверка» дошла до Эльбы, где была встреча с союзниками — американскими войсками.

Там, в районе реки Эльбы, он и застал окончание войны. Иван Петрович вспоминает, как ночью, когда все спали, началась беспорядочная стрельба. А потом командир их танковой роты сообщил своим экипажам радостную весть: «Ребята, войне конец! Победа!»

За мужество и отвагу, проявленные в боях с фашистскими захватчиками, сержант Иван Петрович Звягинцев получил 11 грамот от Верховного Главнокомандующего, награжден медалью «За отвагу», орденами Славы III степени, Красной Звезды, медалями.

Огненные километры войны

ИОНОВ Константин Александрович

Константин Александрович Ионов родился 9 августа 1924 года в селе Котлы Кингисеппского района Ленинградской области. Окончил 7 классов сельской школы. В 1941 году он был эвакуирован в Сибирь в город Тюмень.

В августе 1942 года Константина Александровича призвали в армию. Сначала его направили на военное обучение в Тюменское пехотное училище. А уже в январе 1943 года всех курсантов училища, так и не доучив, отправили на передовую в 55-й Гвардейский стрелковый полк под город Харьков. Был самый разгар войны, фронт остро нуждался в бойцах.

Весной того же года в одном из боев Константин Ионов был тяжело ранен в плечо. Тот бой и сейчас перед глазами Константина Александровича.

«Во время атаки меня как будто подкосило: вдруг я почувствовал резкий удар в плечо, пробежал пару шагов и упал. И тут я ощутил жгучую боль в плече. Огненная, нестерпимая боль в мгновение распространилась по всему телу. Я как-то весь обмяк, веки стали тяжелыми, а дальше ничего не помню — потерял сознание», — рассказывает ветеран.

Солдаты взвода видели, как Константин упал, и сочли его убитым, об этом и доложили командиру.

После боя солдаты-санитары подбирали убитых, чтобы похоронить их в братских могилах. Константин все еще лежал без со-

знания. Когда его попытались погрузить на носилки, он пришел в себя и застонал от боли. Услышав стон, солдаты поняли, что он жив, и раненого бойца срочно отправили в медсанбат, а затем в госпиталь, где он пролежал месяц.

В апреле 1943 года Константин Александрович вернулся в свой полк. Тут с ним случился казус.

«После госпиталя, я, как и положено, явился за направлением в часть. Гляжу, писарь застыл в недоумении: “Откуда ты взялся? Тебя же убили!”. Тут он открывает журнал боевых потерь и показывает

мне мою фамилию с пометкой «убит в бою» и дату моей смерти рядом. Теперь пришла моя очередь удивляться. Я просто онемел от неожиданности. Писарь исправил запись о смерти, выписал направление в подразделение и на прощание сказал: “Теперь ты бессмертен, долго жить будешь”».

И снова Константина Александровича ждала служба в 55-м Гвардейском полку и участие в ожесточенных боях на Курской дуге в составе Степного фронта.

В июне 1943 года Константина снова тяжело ранило, в левую руку. Он провел несколько недель в госпитале. После госпиталя Константин был опять на передовой. С боями он дошел до Берлина.

С июня по ноябрь 1945 года Ионов служил мотористом в 33-м штурмовом авиаполку в Польше, в районе городов Любина и Хелма. В конце 1945 года Ионов был демобилизован в звании сержанта.

Город Топпер. 10 июня 1945 года.

Слева направо: верхний ряд: Зорин, Редькин, Спирин, Бабенко, Долотов. Нижний ряд: Долгачев, Ионов

После демобилизации Константин Александрович приехал в Ленинград. Здесь он поступил на работу в объединение «Светлана». Трудом на «Светлане» в качестве столяра 6-го разряда он посвятил 44 года.

За подвиги в боях Константин Александрович получил правительственные награды. Он награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина» и другими; в 2005 году президентом Белоруссии награжден медалью «За освобождение Белоруссии». Имеет 6 грамот Верховного Главнокомандующего.

ИСАКОВ Александр Николаевич

Родился 18 августа 1929 года. Участник Великой Отечественной войны, рядовой в составе Южного фронта, санитар. Награжден орденом «Отечественной войны II степени», медалью «За победу над Германией» и еще 8 памятными медалями. В «Авангарде» работал с 1965 по 1991 год, заместитель начальника отдела.

После эвакуации из Ленинграда в конце марта 1942 года мы с мамой оказались в город Хасавюрт Чечено-Ингушской АССР.

В январе 1943 года нас приняли на работу в госпиталь легкораненых 28-й армии: маму — библиотекарем, а меня — санитаром. В дальнейшем мама вошла в состав концертной бригады армии, и мы с ней считали за счастье видеться хотя бы раз в несколько месяцев. Вольнонаемными в госпитале были женщины вспомогательного состава. Врачи и медсестры были военнослужащими. Единственным вольнонаемным мужчиной оказался я, 13-летний мальчишка.

Так как госпиталь находился в городе, то условия быта раненых и персонала были вполне сносными. Госпиталь не был стационарным. При наступлении армии, сдав раненых в тыловые лечебные учреждения, наш госпиталь перемещался вслед за армией, так как должен был находиться не далее 5 километров от фронта. Имеющихся транспортных средств хватало только на перевозку имущества, и людям приходилось двигаться пешком.

К сожалению, госпиталю очень редко удавалось разворачиваться в городах, чаще это была сельская местность: раненые в палатках, а персонал в сохранившихся постройках, а чаще в землянках.

Во время поступления потока раненых нагрузка на медперсонал была огромной, поэтому никто не делал скидок на мой возраст, и я работал наравне со всеми.

Все свободное время я проводил с ранеными. Одним помогал читать письма, с другими играл в шахматы и шашки. Немного владея аккордеоном, играл и пел

песни по их просьбе.

Начиная с 1944 года мне доверили доставку спецпакетов (сведения о раненых) в вышестоящий медицинский центр при штабе армии, который обычно располагался в городах или крупных поселках. В качестве транспорта мне выделили велосипед, а для защиты — автомат. Когда участились случаи нападения на связных и, как следствие, потери спецпакетов, приказом по армии запретили посылать одного связного, а только вдвоем.

В госпиталь наряду с ранеными воинами поступали «самострелы» и немецкие солдаты. Они содержались в отдельно охраняемых помещениях. Но особенно охранялись «самострелы», так как наши раненые относились к ним с ненавистью, считая, что, возможно, из-за них они получили ранения.

О власовцах и их делах мы слышали от политработников, но, к сожалению, жизнь сама столкнула нас с ними. В июле 1944 года

мы находились в лесу около города Глусск (Белоруссия) в свернутом состоянии (не было раненых), ожидая приказа на передвижение. Начальник госпиталя сообщил нам, что рядом с нами власовцы с особой жестокостью вырезали медицинский персонал госпиталя соседней армии. Был дан приказ на дополнительную охрану. В охране участвовал и я. Однажды, сдав пост, я вышел погулять (без оружия и пилотки) по лесу за расположение госпиталя. отошел на 500 метров, когда заметил до десяти человек в офицерской форме, которые, почему-то пригнувшись, шли быстрым шагом. Они остановили меня и стали спрашивать, откуда я взялся и где поблизости воинские части. Не знаю почему, но я выдал себя за мальчишку из соседней деревни, а где военные показал в противоположную от нас сторону. Не зная, что со мной делать, они о чем-то пошептались, затем старший дал мне команду лечь лицом в мох и лежать, пока они не уйдут. После их ухода я бегом добрался до начальника госпиталя, который по рации сообщил предполагаемое направление подозрительных военнослужащих.

Это оказались переодетые власовцы, которые в перестрелке были уничтожены. Мне повезло, я остался жив.

Нашей работе часто мешали бомбежки и обстрелы из орудий, но, к счастью, потерь не было. Однако в ноябре 1944 года госпиталь пострадал. Это произошло в оставленном жителями немецком городе Эйдкунен. В городе разместились много служб армии. На одной из улиц разместился и наш госпиталь. Раненые постоянно поступали. В один из дней на автобусах прибыла очередная партия. Я вместе с медперсоналом помогал выгружать ране-

ных, когда внезапно начался артиллерийский обстрел. Один из автобусов был уничтожен вместе с ранеными, другой загорелся, и не всех удалось спасти. В домах, где находились раненые, были выбиты рамы, и многие получили дополнительные ранения. Пострадало несколько медицинских сестер и санитаров. Я тоже был контужен и легко ранен.

По служебным обязанностям мне приходилось бывать в командировках на территории Германии, в том числе три раза в Берлине. Особенно запомнилась последняя командировка, когда мне удалось написать на рейхстаге: «Я, Исаков из Ленинграда».

Он защищал Родину

КАКУШИН Иван Павлович

Иван Павлович Какушин родился в 1926 году в селе на Днепропетровщине. Его юность прошла в Узбекистане, в городе Фергане, куда семья Какушиных переехала в 1936 году. Здесь он окончил 7 классов и добровольцем ушел в армию.

В 1943–1944 годах Иван Павлович учился в Харьковском артиллерийском училище, по окончании которого в должности командира огневого взвода был направлен на фронт. С декабря 1944-го и до самого окончания войны млад-

ший лейтенант Какушин воевал на 2-м Прибалтийском, а затем на 1-м и 4-м Украинских фронтах.

Воспоминания о сражениях свежи в памяти ветерана — все как будто случилось вчера.

«В одном из боев в Латвии немцы вели разведку боем, и я со своим огневым взводом оказался практически в огненном кольце. Положение было сложным, нам грозила скорая гибель и потеря орудия. Мы знали, что счет идет на минуты, но о том, чтобы сдаться врагу, и речи быть не могло. И хоть силы были не равные, бомбили мы иступленно, яростно. Надо сказать, что немцы вели себя слишком самоуверенно, мнили себя непобедимой силой. И наше остервенелое сопротивление стало для них неожиданностью. Не давая фашистам опомниться, я открыл по ним огонь осколочными снарядами. При таком непрерывном огне немцы не могли поднять головы, и мы сумели отбиться и продержаться до прихода своих.

Припоминается мне еще один боевой эпизод.

Как-то раз в прибалтийских лесах нас ждал сюрприз: хорошо замаскированная немецкая самоходка (артиллерийское орудие на гусеничном ходу). Самоходка заранее пристрелялась по ряду ориентиров. Простреливала себе дорогу, не давая двигаться по ней нашим автомашинам с войском. Только откуда она палит — кто разберет? Создалась нелегкая ситуация. По вспышкам пламени при пальбе из лесной

чащи мне все-таки удалось засечь точное нахождение самоходки, и я открыл по ней огонь. После нескольких выстрелов самоходка затихла».

В декабре 1944 года там же, в Прибалтике, Иван Павлович получил осколочное ранение в руку.

На счету у огневого взвода Какушина 10 подбитых немецких танков. За участие в боях Иван Павлович был награжден двумя орденами Красной Звезды.

Какушин прошел фронтовыми дорогами от Прибалтики до Праги. Здесь, в столице Чехословакии, он и встретил конец войны. Далее последовала передислокация во Львов, Кутаиси, Батуми и демобилизация из армии.

А затем был труд от электромонтера до начальника производственно-технической службы. Без отрыва от работы он в 1961 году окончил вечерний Кокандский нефтяной техникум. Общий трудовой стаж Какушина составляет более 50 лет.

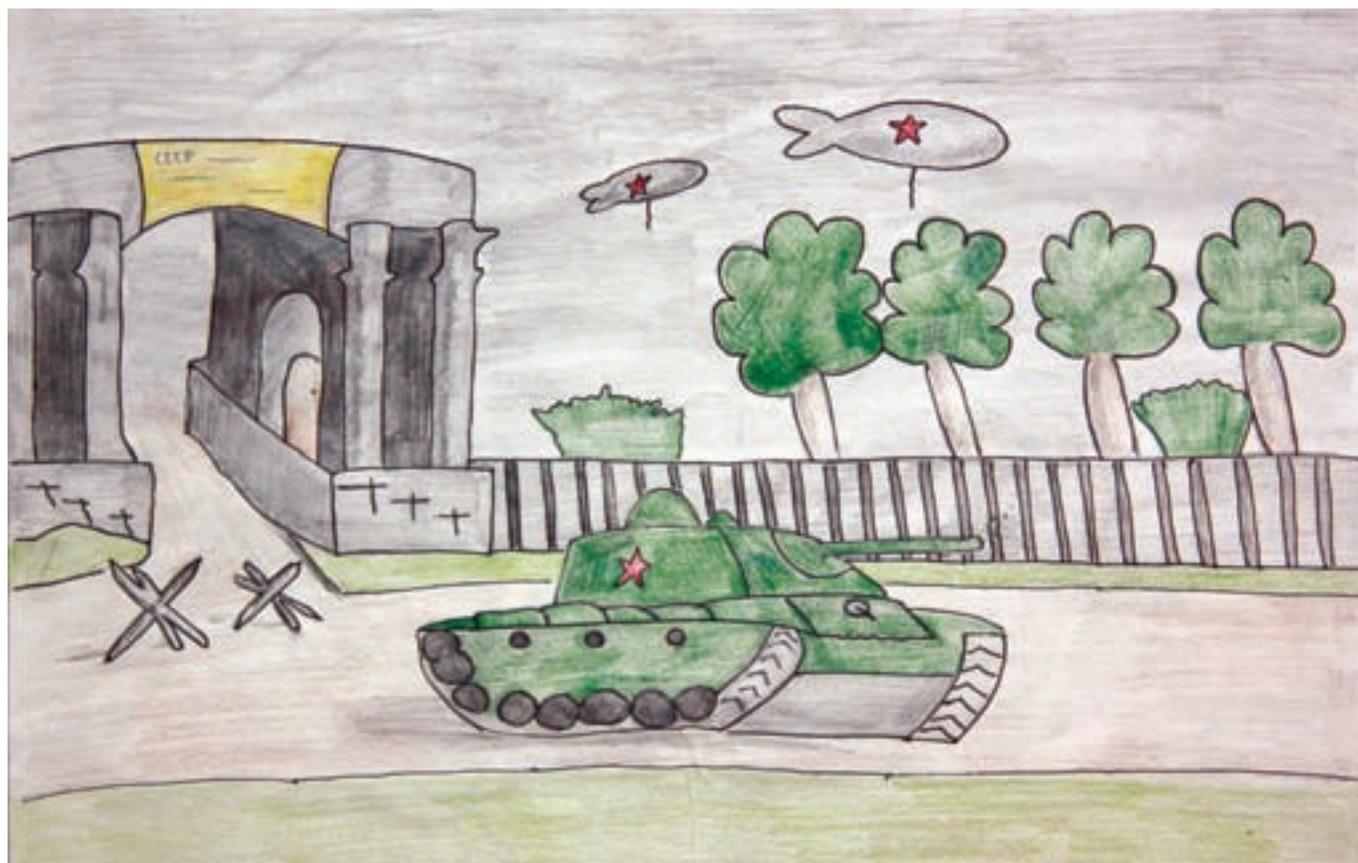

Его ратный труд отмечен рядом правительственных наград: орденом Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу», чешской медалью «За храбрость».

Иван Павлович порой сам недоумевает, как он остался жив в тех тяжелых боях. Не раз случалось так, что совсем близко рвался снаряд и в миллиметре пролетала вражеская пуля. «Мы были отчаянно храбрыми парнями, — посмеивается фронтовик, — Не боялись ничего и смело шли в атаку. Наше дело было победить!»

Он воевал, не щадя своей жизни, громил врага, защищая свою Родину, и внес свой вклад в Победу нашей армии, нашего народа над фашистской Германией в этой войне.

«Ленинград, мы тебя отстояли!» Филипп Туркин, 13 лет, ДДЮТ

Его фронтовая судьба

КИЛЬ Вальтер Карлович

Вальтер Карлович Киль родился 24 апреля 1917 года в Петрограде. Он окончил 10 классов средней школы, затем в 1939 году — Ленинградский Авиационный институт (ЛИАИ), работал инженером в Институте связи им. Бонч-Бруевича.

В 1941 году Вальтер Карлович уже был офицером, но в начале войны в армию его не взяли, потому что по национальности он эстонец. В Ленинграде в начале войны Вальтер Киль работал мастером связи в мастерских Института связи. Он был техник-лейтенант. Вальтеру Карловичу поручили командовать группой женщин из Дзержинского района.

«С этой командой женщин меня отправили рыть противотанковый ров в Московском районе, там, где сейчас здание Моссовета. Команда была на военном положении. Хотя женщины были как военнообязанные, я разрешал им по очереди по ночам ходить к детям...

В ноябре 1941 года я отпустил женщину домой, а она утром вернулась в слезах, потому что ее сын на Кировском заводе погиб под бомбежкой. Тело ей не отдали, сказали, что захоронили на территории завода», — рассказывает Вальтер Карлович.

1 января 1942 года подразделение Вальтера Карловича отправили на Охтинское кладбище, где он руководил захоронением умерших от голода и бомбежек.

«Трупы привозили на кладбище в любое время в индивидуальном порядке, и мы их хоронили. Ни документов, ни каких-либо других бумаг на трупах не было. Учета количества покойных ежедневно не велось, документального оформления не было.

Мы захоранивали людей, умерших от голода. В городе дровяные сараи были забиты трупами. Угол Лесного проспекта и Ломанского переулочка (ныне улица Комиссара Смирнова), у домов 5 и 7, все дровяные сараи были забиты трупами», — вспоминает он.

18 февраля 1942 года по приказу И. В. Сталина формировался Эстонский корпус. В числе 10 других эстонцев он был мобилизован Калининским РВК и

на грузовике вывезен через Ладожское озеро на Большую землю, направлен в Свердловск (ныне Екатеринбург) и зачислен в Эстонский национальный корпус. При корпусе он окончил курсы командного состава и был отправлен в действующую армию.

С боями дошел он до Ивангорода, в 1944 году воевал под Ленинградом, потом под Выборгом, оттуда попал на Украину и далее воевал в Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии. Он воевал на Калининском, 2-м Прибалтийском, Ленинградском, 2-м Украинском, а осенью 1945 года — на Забайкальском фронте. Участвовал в разгроме Японии.

После окончания боевых действий на Дальнем Востоке Вальтер Карлович служил в Хабаровске, затем на Сахалине, в Белоруссии и после 25-летней службы в армии, вышел в отставку в звании майора.

Более полутора десятка орденов и медалей украшали грудь ветерана, в том числе и медали «За освобождение Будапешта», «За взятие Вены», свидетельствующие о его боевых подвигах.

Ушел из жизни в феврале 2010 года.

На страже ленинградского неба

КОРОЛЕВ Владимир Николаевич

Владимир Николаевич Королев родился в ноябре 1925 года в Москве. Через два года они с матерью и бабушкой переехали в Ленинград. Здесь он окончил 8 классов средней школы.

В день, когда началась война, Владимир с друзьями собирался пойти на футбол.

«22 июня на стадионе им. Ленина должны были состояться 2 матча. Болельщики стояли у ворот стадиона, никто не понимал, почему нас не пускают. На углу улицы Добролюбова и Большого проспекта есть часовенка, там был установлен громкоговоритель. Примерно в 2 часа дня мы услышали речь Молотова. Он объявил о начале войны.

Потом начались бомбежки. Бомба попала и в наш дом № 8 по улице Правды. Это было 19 сентября 1941 года. Дома в тот момент находилась бабушка, мать была на работе, а мы с ребятами неподалеку от дома разбирали деревянный сарай на дрова. Услышав взрыв, я испугался за бабушку, пулей полетел домой. Половину дома снесло. Нашу квартиру, к счастью, не тронуло, лишь вышибло двери и повывлетали стекла. Через окно я пробрался в комнату. Убедился, что бабушка не пострадала. Помог ей пройти в бомбоубежище. Затем решил вернуться в квартиру, но по дороге почувствовал сильный удар в голову — слегка задело осколком. Я потерял сознание. Очнулся ночью на носилках во дворе поликлиники, ботинок на мне не было. Я поднялся и в носках пошел домой. Разумеется, в полуразрушенном доме я никого

не застал. Тогда решил переночевать у друга».

В феврале 1943 года Владимира призвали в армию. Службу он проходил в Ленинградской армии ПВО в 11-м полку аэростатного заграждения. Это такие, как Владимир Королев, находясь на постах ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи), внимательно следили в бинокль за воздушным пространством Ленинграда. Заметив вражеские самолеты, об этом мгновенно по телефону с вышки

сообщалось дежурному вниз, оттуда по радиации — в штаб, и тогда звучал сигнал воздушной тревоги, поднимались в небо над городом аэростаты заграждения, приводились в действие прожекторы, зенитки для достойной встречи врага.

«Фашистские самолеты мы узнавали даже по звуку. В штаб докладывали, сколько самолетов, на какой высоте и в каком направлении они летят. После чего предпринимались соответствующие меры», — рассказывает Владимир Николаевич. — В конце 1943 года армия готовилась к снятию блокады. Нас собрали на Ржевке в штабе полка, затем переправили в Красное Село. Туда по железной дороге приходили составы с боеприпасами, снаряды мы перегружали на грузовые машины и отправляли на передовую».

Победу Владимир Николаевич встретил под Выборгом.

«Мы стояли на 95 километре Выборгского шоссе, у поселка Кирилловское. Ночью нам сообщили о победе, и едва рассве-

ло, мы пошли в поселок оповестить об этом местных жителей. Заходили в дома, сообщали. Сколько радости было на лицах людей. Нас обнимали, расцеловывали и приглашали отметить это великое событие».

Владимир Николаевич Королев награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», целым рядом других медалей, нагрудными знаками «Фронтовик», «Ветеран войск связи Ленинградского фронта», «Ветеран ПВО Лен. фронта», он — член Организации ветеранов войны 6-й Отдельной Краснознаменной армии ПВО, ветеран труда.

«Битва под Сталинградом». Матвей Васильев, 10 лет, ДДЮТ

Не стареет душой ветеран

ЛЕВКОВИЧ Афанасий Егорович

Афанасий Егорович родился в 1924 году в Белоруссии, в одной из деревень Могилевской области. Окончив 7 классов школы, работал в колхозе. В период оккупации Белоруссия превратилась в партизанскую республику. В занятых врагом районах появились партизанские отряды и диверсионные группы. Народные мстители делали все, чтобы создать для врага и его пособников невыносимые условия: взрывали мосты, дороги, портили телефонную и телеграфную связь и так далее. Ушел к партизанам и Афанасий Левкович.

«Мне было 17 лет, — рассказывает Афанасий Егорович. — В отряде меня подучили партизанской жизни и владению оружием. Первое время ходил по оккупированным деревням, запоминал расположение и количество войск, техники. Данные по возвращении передавал заместителю командира отряда по разведке или комиссару отряда.

Жили в открытых и замаскированных в глухом лесу землянках. Оружие и боеприпасы доставляли с Большой земли, так же как продовольствие, газеты, листовки, батареи для рации и др. Часть оружия и боеприпасов мы отбирали у немцев. Труднее было с питанием, когда приходилось менять дислокацию отряда. Питались в основном тем, что отбирали у немцев при налете на их гарнизоны в деревнях. Помогали и жители деревни.

Приходилось освобождать наших людей от угона в Германию, они пополняли наш отряд. Ходили на задания на “железку” (желез-

ную дорогу): подрывали вражеские эшелоны, идущие на фронт. Было немало потерь, в отряде имелся свой госпиталь. Тяжелораненых отправляли прилетающими на партизанский аэродром самолетами на Большую землю. Была налажена хорошая связь со штабом партизанского движения Белоруссии и с партийными органами.

Немцы давали старостам и полицаям задания — собрать хлеб и скот для их армии. Об этом сообщалось партизанам, и те увозили хлеб и угоняли скот к себе.

Численность партизанского отряда быстро росла. Мы представляли серьезную опасность для врага».

В январе 1944 года Афанасий Егорович был призван в армию, после полковой школы в звании сержанта и должности командира отделения связи он попал под Минск на Первый Белорусский фронт.

«Это были особенно тяжелые бои, — вспоминает Афанасий Егорович. — Потом я участвовал в форсировании реки Висла и освобождении столицы Польши Варшавы, далее в форсировании реки Одер, Шпрее, во взятии Берлина. В числе многих других и я расписался на Рейхстаге.

Однажды в районе реки Одер в Германии в фабричной трубе на некоторой высоте залег немецкий наблюдатель, который корректировал артогонь своих войск по нашим целям. По заданию командования я и еще три разведчика ночью с грузом по 10 кг тола на каждого ползком к трубе, заложили заряд и взорвали трубу вместе с немцем.

В конце войны, — продолжает ветеран, — я едва не погиб. Это было тоже в районе Одера, на отдыхе и переформировании. Я случайно узнал, что недалеко от нашей части служит мой друг-односельчанин. Я отпросился у своего командира на несколько часов навестить друга. Мы встретились около расположения разведроты. Во дворе, вернувшись с задания, умывались трое разведчиков. Чтобы им не мешать, мы отошли за угол дома. И вдруг на том месте, где мы стояли минуту назад, разорвался вражеский снаряд. Одного солдата убило, двоих ранило. А мы с другом чудом избежали смерти».

В январе 1945 года Афанасий Егорович был ранен в ногу, но так как кость не была повреждена, от направления в госпиталь он отказался и уже через три недели возвратился в строй.

После окончания войны вместе с частью был в Фрейбурге, а затем возвратился на родину, в Великие Луки, Невель и в Гороховецкие лагеря под Горьким (Нижним Новгородом), где войсковая часть была рас-

*Среди фронтовых друзей.
Первый слева А.Е.Левкович*

формирована и Афанасий Левкович был уволен в запас.

Афанасий Егорович награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», на его боевом счету три благодарности Верховного Главнокомандующего за прорыв на Киев, за бои при вторжении в Германию, несколько нагрудных знаков.

На встрече фронтовиков. Во втором ряду третий справа А.Е.Левкович

Начало блокады я встретила хлебопеком

ЛЕЙБИНА Екатерина Павловна

Родилась 25 ноября 1916 года. Участница Великой Отечественной войны, боец отряда охраны Ленинградского фронта, блокадница. Награждена орденами «Знак Почета» и Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу в Великой Отечественной войне» и еще 10 памятными медалями.

«Пусть помнят потомки, как в голодном сорок первом под грохот пушек, обстрел и сирены вой эти люди пекли пайку хлеба и дарили нам жизнь» (слова на памятнике хлебозаводцам Ленинграда).

9 сентября 1941 года немцы осуществили операцию по блокированию нашего города, выйдя на окраины города. Они не смогли осуществить блиц по его захвату, прочно сев в долгую 900-дневную осаду. Начались бомбежки, артобстрелы. Ленинградцы мужественно противостояли этим атакам врага и сумели отстоять город от захвата. Голод, холод, нехватка боеприпасов, практически отсутствие мужчин, ушедших на фронт, не сломили дух ленинградских девушек, женщин и подростков, которые заняли их места на предприятиях города. Так, в этих рядах оказалась Екатерина Павловна Лейбина. Начало блокады она встретила хлебопеком на заводе, который обеспечивал снабжение города и фронта хлебом и солдатскими сухарями. Закрывая закваску теста от попадания стекол и осколков снарядов брезентом и крышкой, отстояв в цеху 12-часовую смену, работницы шли на улицы города и рыли

окопы. Екатерина Павловна попала в специальное воинское подразделение по охране города. С боевым оружием в руках хрупкие девушки несли охрану военных и оборонных объектов, помогали хоронить погибших ленинградцев, несли охрану бомбоубежищ, уцелевших водопроводных станций, энергообъектов и общественного транспорта.

Все эти тяжелые и суровые годы блокады наши девушки мужественно выполняли свои обязанности по охране города и ленинградцев, несмотря на все лишения и постоянную опасность.

В 1942 году Екатерина Павловна была одной из первых награждена медалью «За оборону Ленинграда», а в 1943 году за трудовую доблесть в промышленности — орденом «Знак Почета».

В 1945 году Лейбина была демобилизована и вернулась работать на свой хлебозавод, где проработала до 1953 года. Все доставшиеся ей трудности воспитали в ней ответственное и бережное отношение к людям на всю жизнь.

22 августа 1963 года она поступила на «Авангард», сначала комплектовщицей, а затем в отдел социального быта. Почти все знали ее и обращались к ней с просьбами помочь со специальными наборами как в праздники, так и будни, особенно в дни юбилеев и других событий.

Несмотря на свой возраст, Екатерина Павловна и сейчас звонит по праздникам и живо интересуется делами коллектива.

МАКЕЕВ Александр Ефимович

Родился 6 сентября 1925 года. Отличник школы, в 1940 году он был отобран в 8-ю Ленинградскую специальную артиллерийскую школу (подобие нынешних кадетских корпусов).

Учащихся спецшкол в ту пору называли «спецами». Они не были военнослужащими, но носили армейскую форму и кроме общеобразовательных предметов изучали и военные дисциплины.

Александр Ефимович вспоминал:

— Война застала меня в артиллерийском учебном лагере под Лугой, где спецы вместе с курсантами Артиллерийского училища постигали военные науки. Позади полная неделя напряженных занятий в полевых условиях, впереди — свободный от занятий день, воскресенье, поэтому мы крепко спали в летних палатках.

Утро началось как обычно. Подъем, зарядка, туалет, завтрак. После завтрака прибирались в палатках и вокруг них, драили до блеска пуговицы, меняли подворотнички на чистые. После «ворошиловского завтрака» (дополнительное питание между обычным завтраком и обедом) началась футбольная разминка. В конце первого тайма, когда страсти игроков накалились до предела, прибежал дежурный, влез в самую гущу игры, взял мяч и, с трудом дыша, произнес: «Ребята! Война! Быстро все на плац к громкоговорителю!» Был полдень 22 июня 1941 года. Говорил народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов: «Сегодня в 4 часа

утра, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более 200 человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий. Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов ве-

роломством.

Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора».

Это сообщение прозвучало как гром с ясного неба. Ощущалось, как нарастает ненависть у курсантов к агрессору. Командиры и политработники провели летучий митинг.

Наиболее деятельные ребята притащили большой полковой барабан и на нем первыми написали рапорты с просьбой направить их на фронт. Я не видел таких людей, которые не последовали этому патриотическому порыву.

24 июня вернулись в Ленинград. Бросилось в глаза совершенно незнакомое — множество жильцов наклеивали на оконные стекла крест-накрест бумажные полосы. Оказалось, что такая мера уменьшает поражаемость осколками выбитых стекол.

30 июня началась организация Ленинградской армии народного ополчения. Меня туда не пропустили, так как не было еще паспорта.

Большое внимание тогда уделялось военно-патриотической работе, воспитанию любви и преданности Родине. Абсолютное большинство спецов всеми правдами и неправдами пытались попасть в ряды ополченцев или просто удрать на фронт, так повелевала совесть юных патриотов своей страны. Вскоре часть липовых добровольцев была возвращена в школу, но многие так и воевали в дивизиях народного ополчения.

Спецы помогали органам милиции нести охрану в кварталах Смольнинского района по ночам, проверяли квартиры, чердаки и подвалы с целью выявления пробравшихся в город врагов Родины. Несли караул и помогали на вокзалах эвакуирующемуся населению, участвовали в тушении пожаров, оказывали помощь пострадавшим от бомбежки, охраняли здание школы, несли круглосуточные дежурства. Помогали оборудовать газозубежища, белили стропила, на чердаках устанавливали бочки с водой.

В штабе МПВО (местной противовоздушной обороны) комендант выдал мне ключи от газозубежища и чердака дома. С этих пор — как «комендант» — при объявлении воздушной тревоги я открывал вход в газозубежище, а сам отправлялся дежурить на чердак.

С 18 июля 1941 года была введена карточная система на продажу хлеба, муки, крупы, сахара, масла, мяса, рыбы.

В августе 1941 года впервые для обозрения у Народного дома были выставлены первые военные трофеи. Самое большое внимание привлекал немецкий истребитель Ме-109. В воздушном бою пуля перебила маслопровод и самолет был вынужден приземлиться.

6 сентября 1941 года я получил паспорт и, возвращаясь, попал под артиллерийский

обстрел. Так как на мне была военная форма, милиционеры не принуждали меня укрываться, а во мне вдруг сработала военная закваска. Я решил, что нужно собрать осколки и по ним определить калибр оружия, а по калибру и возможную дальность расположения вражеской батареи. Я прыгнул в воронку и стал выковыривать из земли совсем еще горячие осколки. Собрался уходить, а невдалеке разорвался еще один снаряд. К осколкам в кармане прибавилось два в ногу.

8 сентября немцы сбросили на город 12 тысяч зажигательных бомб. Начали гореть Бадаевские склады. Расплавленный сахар тек по канавам, смешивался с землей и застывал. Впоследствии куски этой земли растворяли в воде, отцеживали и этим «даром» услаждались при чаепитии.

Быстро привыкли к «дождям» из зажигательных бомб. Дежурившие на чердаках и крышах захватывали горящую бомбу длинными клещами и сбрасывали в бочку с водой.

В октябре спецы делали вылазки на убранные капустные и картофельные поля. Ходили группами. Сторожей подкупали махоркой и проникали на поля в районах Обухова и Славянки. Там собирали хряпы — верхние поврежденные листья капусты; изредка попадалась неубранная картошка. Когда начинали посвистывать пули, ложились на брюхо и ползли по борозде, как пластуны, но сбор продолжали. Щи из хряпы очень хороши, даже без мяса.

18 октября 1941 года начались занятия в школе. Спецов перевели на казарменное положение.

Жили в классах на первом этаже. Питались в столовой. С октября немцы стали бомбить город только в ночное время с высоты 5–7 км, что превышало потолок аэростатов заграждения и досягаемость луча прожектора. Наводить на цели немецкие самолеты помогали завербованные ракетчики. Того, кто посылал «зеленые цепочки» на Смольный

из дома напротив нашей школы, поймали не сразу. Сбежавшийся народ разорвал бы его на куски, но милиция успела отбить и увести этого услужника «великого рейха».

Каждый месяц нормы хлеба урезались, и с ноября рабочие и ИТР получали до 250 граммов, а служащие, иждивенцы и дети — по 125.

С 17 ноября Ленинград погрузился во тьму — было отключено электричество.

Мы, спецы, стали жить и ночевать в бомбоубежище под нашей школой.

Зима 1941 года была очень суровой, и нас никак не спасали от холода суконные шинели. Нехватка белков в пище в сочетании с физическим и психическим напряжением сказывалась на здоровье. Все больше ленинградцев становилось дистрофиками.

Спецов также косили дистрофия и цинга. Бани не работали. Появились вши. В январе 1942 года занятия в школе прекратились сами по себе, но дежурства по школе продолжались. Школу посетил генерал. Он один хо-

дил по комнатам. Спецы сидели на койках, дожидаясь обеда. Стульев не было, их все сожгли в печке-буржуйке. Все были одеты в шинели с поднятыми воротниками, в буденовки с опущенными отворотами «ушей». Некоторые лежали на кроватях, с головой накрытые одеялами и ватными матрацами сверху. Не во всех комнатах были печки-временки, и грелись так: посреди комнаты клали два листа кровельного железа, на них разжигали костер, подкладывая в костер все что горит. В раздевалке сделали «морг». Там складывали мертвых. Умирили ночью, молча, тихо. Живые спецы увозили трупы на санях, на которых возили воду с Невы для обеда. Книжные шкафы из библиотеки служили гробом. Их заполняли трупами и везли на Охтинское кладбище. Когда все стали слабеть, то сил хватало везти только до Большеохтинского моста, где по снежному откосу набережной спускали шкаф в Неву. Все это видел генерал. Он был потрясен и только повторял: «Ребята, крепитесь, мы вас всех спасем».

8 февраля 1942 года школу эвакуировали на Большую землю. Накануне отъезда из здания школы нужно было вывезти всех умерших за последние дни.

Помню, как участвовал в похоронах двух своих одноклассников. Один из них умер в изоляторе — отдельном помещении, где лежали те, кто уже не мог ходить. Другого одноклассника, Генку, нашли в давно уже не работавшей кочегарке. Рядом с трупом лежала жестяная банка с какой-то технической смазкой, похожей на тавот. Густые комочки смазки остались на руке и на губах... Славный был парень. Успешно занимался легкой атлетикой... В умирающем организме мгла окутала сознание, и человек бессознательно пытался накормить себя хоть чем-нибудь. Оба тела уложили в канцелярский шкаф со снятыми полками. Закрыли дверцы. Вытащили шкаф во внутренний двор и поставили на санки. Дождались наступления темноты и поволокли санки

по Смольному проспекту к Неве. Спустились к проруби. Постояли. Помолчали. В открытой пасти проруби бурлила черная холодная вода... Простите нас, друзья. Не мы первые... «Гроб» быстро погрузился в воду, а течение подхватило и унесло его под лед.

8 февраля 1942 года поднялись затемно. Одеваться не нужно — спали в полном обмундировании на столах и скамейках в подвалах школы (бомбоубежищах). Закинули за плечи котомки с учебниками и вышли. Когда подходили к Неве, начинало светать. Воздух над рекой был насыщен плотной изморозью. Спустились на лед и двинулись по проложенной наискось тропе к Финляндскому вокзалу. До сих пор живет в памяти картина этой скорбной цепочки из сторбленных, с трудом переставляющих ноги человеческих фигур. Некоторые падали замертво. На перроне вокзала нас посадили в вагоны. Рядом со мной в уголке полусидел-полулежал спец из нашей батареи, но из другого взвода. Его большие выразительные глаза глядели в пространство как бы из другого мира, а когда он смотрел на меня, то внутри все холодело и становилось жутко. Уже в пути он вдруг запрокинул голову, руки и ноги его судорожно дернулись... Пришел медработник и... закрыл ему глаза, потом появились еще двое. Сняли с него валенки и выволокли тело в тамбур. Кто-то видел, как тело сбросили под откос. Я передвинулся в угол, прислонился к стене и впал в забытие. Из поезда вышли на берег Ладожского озера. Посадка в автомобили, уходившие на Большую землю, проходила стихийно, штурмом. Володя Мищенко и Серега Пудков затолкали меня в открытый кузов грузовика ЗИС-5, советовали лечь на дно кузова и не подниматься. Кто-то уселся на меня. Я не противился. Сознание мое то затуманивалось, то просветлялось, и даже в минуты просветления не возникало никакого желания действовать, что-то делать. Воля к борьбе за жизнь была парализована. На

Среди школьников 157-й школы в день снятия блокады

восточном берегу Ладоги нас выгрузили в районе железнодорожной станции Войбокало. На питательном пункте дали полкотелка горячей гречневой каши и плитку ванильного шоколада. Вскоре началась посадка в теплушки — это железнодорожные грузовые вагоны, дооборудованные для перевозки людей нарами и чугунной печуркой.

До места, в Алтайский край, доехал один из трех. Меня и еще многих доходяг сняли с эшелона и лечили в городе Кирове. Почти 5 месяцев медики из Военно-морской медицинской академии, находившейся в то время в городе Кирове, пытались выводить нас, вернуть в строй. Из 18 ребят выжили четверо... В июле 1942 года я догнал школу, находившуюся в селе Тогул Алтайского края. Закончил ее.

В 1943 году был призван и направлен в Артиллерийское училище, дислоцировавшееся сначала на Урале, а затем в Ростове-на-Дону. В конце 1944 года получил звание младшего лейтенанта по специальности «истребитель-противотанкист» и попал в резерв 2-го Белорусского фронта, там формировались новые соединения для берлинской операции. До Берлина мы доехать не успели, нас отправили на Восток. Там, в составе передового отряда 17-й армии Забайкальского фронта, участвовал в боевых действиях по окружению и пленению японской квантунской армии, и к концу войны дошел до берега Желтого моря.

МОРОЗОВ Федор Александрович

Проходят годы, время неумолимо отдаляет от нас суровые, опаленные огнем годы великой Отечественной войны.

Уходят из жизни ветераны — те, кто платил за свободу нашей Родины самую великую цену.

«Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой», — утверждают строки известной песни. Таким героем в нашей семье был и навсегда останется мой отец Морозов Федор Александрович.

В 2003 году он ушел из жизни, оставив нам — своим детям, внукам и правнукам — память о судьбе, наполненной радостями и горестями, пережитыми вместе со своим народом, своей большой дружной семьей!..

Родился мой отец Федор Александрович Морозов 8 июня 1922 года недалеко от города Тихвина, Ленинградской области в большой дружной крестьянской семье. С малых лет он трудился наравне со взрослыми, жизнь заставляла чувствовать себя ответственным за благополучие своей семьи.

1 июля 1941 года отца призвали в армию. Призывной пункт находился у часовни «Крылечко» Надвратной церкви Тихвинского монастыря. В этой церкви его крестили в детстве, а впоследствии в ней же он крестил всех своих дочерей, и всю жизнь эта церковь была для него действительно святым местом.

Из Тихвина ушли на фронт 3500 человек, а вернулись домой только пятеро, в том числе и мой отец. Эта жестокая статистика — самый точный ответ на вопрос о том,

народ какого государства внес решающий вклад в победу над фашизмом во Второй мировой войне.

Три месяца воинская часть, в которой служил отец, скрытно, по ночам шла из Тихвина через пол-России к Смоленску — городу русской воинской славы.

Он участвовал в тяжелейших оборонительных боях, но вспоминать об этом не любил, относясь к войне как к суровой необходимости защищать Родину. Но всегда помнил о тех, кто

не дожил до светлого дня Победы. Об этом пел Высоцкий в одной из своих знаменитых военных песен: «Жжет нас память и мучает совесть, у кого она есть».

Отец вспоминал:

— Послали нас, молодых связистов — меня и Володю Душина, — восстанавливать прерванную связь. Когда мы обнаружили обрыв провода, рядом разорвалась мина. Володю разорвало на куски, а меня контузило, и мысль, мелькнувшая тогда, запомнилась мне на всю жизнь: «Неужели это конец?! А ведь я еще ни с одной девчонкой не целовался...»

Страшный закон любой войны заключается в том, что всегда погибают молодые лучшие представители нации, ее подлинная элита, и восполнить эти потери очень трудно.

Одним из самых важных этапов своей фронтовой биографии отец считал участие в битве за Москву.

— Тогда под Москвой, — вспоминал он, — стояли жестокие сорокаградусные морозы, солдаты замерзали в окопах, но наши войска стояли насмерть, ценой больших потерь, му-

жества и стойкости отстояли Москву, отбросив врага на 60–70 километров от города.

За участие в обороне Москвы отец был награжден медалью «За оборону Москвы» и медалью «За отвагу».

Фронтовые дороги привели молодого связиста, сержанта Федора Морозова, в мае 1945 года в Литву, город Каунас, где судьба свела его с младшим братом Николаем, о судьбе которого отец ничего не знал с начала войны...

Николай Александрович — легендарная личность в семье Морозовых... По профнабору был направлен на учебу в ФЗУ, но когда началась война, приписал себе год и сбежал на фронт в действующую армию (в те годы среди молодежи это случалось часто). Служил в разведке, в его послужном списке десятки доставленных с передовой «языков».

Грудь разведчика украшали многочисленные ордена и медали. Для всех, кто его знал, он был непререкаемым авторитетом до самой смерти в 2004 году.

В Прибалтике Федор и Николай встретили светлый праздник Победы. В 1946 году отец демобилизовался из армии: его заслуги перед Родиной были отмечены Орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы» и другими правительственными наградами.

После окончания войны надо было восстанавливать страну, и, вернувшись домой, он работал на лесозаготовках, где встретил Любовь Степановну — верную спутницу своей послевоенной жизни, с которой прожил вместе 56 лет.

У родителей выросли три дочери, и они очень гордились своими детьми, потому что воспитали нас порядочными людьми. Все три дочери удостоены почетного звания «Ветеран труда».

Отец прожил большую, красивую жизнь: воспитал троих дочерей, троих внуков, внучку и даже успел отправить правнучку в первый класс.

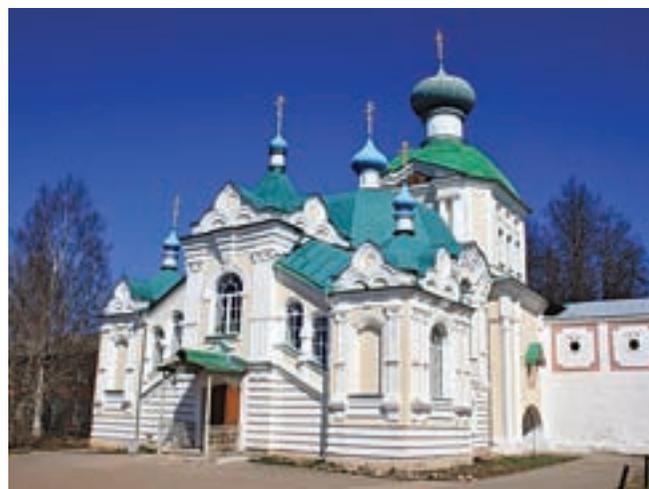
В сентябре 2003 года отец ушел из жизни, а через полгода умерла мама.

Представители молодого поколения нашей семьи хорошо знают историю своих предков и гордятся своим дедом, прадедом.

Давно известно: человек живет до тех пор, пока жива память о нем, и я верю, что отцу моему Федору Александровичу Морозову будет вечная память в сердцах потомков...

В 2005 году мне с мужем и внучкой довелось побывать в Германии у здания Рейхстага. Рассказала внучке о войне, о великой Победе, и переполняло меня чувство гордости за свою родину, за наш великий народ, сумевший дойти до Берлина, разгромив фашистскую Германию в ее логове. Вспомнила я и своих родителей, которые внесли свой вклад в нашу великую Победу.

Вечная им память!

Надвратная церковь с часовней «Крылечко»

Всю жизнь он помогает людям

НИКИТИН Георгий Дмитриевич

Георгий Дмитриевич родился 13 сентября 1920 года в Петрограде.

Его отец, инженер-судостроитель, в прошлом был рабочим, проходил срочную службу в царской армии, принимал участие в революционном движении, воевал на фронтах Гражданской войны.

Дворянские предки матери были репрессированы в связи с восстанием декабристов, жили в Финляндии. В начале XX века дед по материнской линии, Василий Антонович Ульянов, переехал в Санкт-Петербург.

В 1938 году Георгий Дмитриевич окончил среднюю школу и поступил на лечебный факультет Первого медицинского института им. академика И. П. Павлова и одновременно на композиторский факультет Ленинградской консерватории.

Во время блокады, продолжая учебу в институте, Георгий Дмитриевич работал врачом в квартирном пункте.

В апреле 1942 года в связи с истощением был эвакуирован к родителям в Омск, где закончил Второй московский медицинский институт им. И. В. Сталина. В июле 1943 года Никитин с группой выпускников выехал на фронт в действующую армию в качестве военного врача отдельного мотострелкового батальона 29-го танкового корпуса 5-й танковой армии, которой командовал будущий маршал Ротмистров. За организацию помощи раненым при взятии города Знаменки был награжден орденом Красной Звезды.

В июне 1944 года армия, в которой служил Георгий Дмитриевич, была передислоцирована на 3-й Белорусский фронт под командованием генерала армии Черняховского для осуществления стратегического плана «Багратион», предусматривающего полное освобождение Белоруссии от вражеских войск. Здесь Г. Д. Никитин участвовал в освобождении Минска, Вильнюса. 5 августа 1944 года он был тяжело ранен в живот и шейный отдел позвоночника.

Долечивался Георгий Дмитриевич в клинике госпитальной хирургии Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, где впоследствии был оставлен работать в качестве старшего ординатора. Здесь его учителями были академик С. С. Гирголав, в то время бывший заместителем Главного хирурга Советской армии, профессора В. Г. Вайнштейн и Т. Я. Арьев.

Георгий Дмитриевич Никитин является автором 355 печатных научных работ, среди которых 10 монографий.

За многие годы своей работы Никитин получил более 50 грамот с благодарностью за активную производственную и общественную работу, был награжден орденами Красной Звезды, Великой Отечественной войны I степени, 8 медалями. Ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ».

В 2000 году к 80-летию Г. Д. Никитина в Санкт-Петербургской государственной ме-

дицинской академии им. И. И. Мечникова вышла его книга «Величайшая трагедия и величайшая победа», где Георгий Дмитриевич рассказывает о своем участии в Великой Отечественной войне. Некоторые страницы мы включили в нашу книгу.

...На станции Тресвятское, куда нам было предписано прибыть, не пришлось даже вылезать из вагонов: она была полностью разбита. На станции Атрошка под Воронежем выдали сухой паек, и к вечеру мы уже были в Воронеже. Город был совершенно пуст, полностью разрушен, сохранились только коробки домов с зияющими проемами на месте окон. Впереди ночь. Где ночевать? В опустошенном городе страшно. Наконец, в полусохранившемся здании вокзала Воронеж-П нашлась комната с бетонным полом. Мы забаррикадировались, развели костер прямо на полу, сварили из концентрата кашу, наелись, разлеглись на шинелях и проспали до утра. Немцев уже давно прогнали в сторону Касторного. Поэтому нас отправили на юг, до Старого Оскола.

К вечеру в пустом товарном составе мы добрались до станции Прохоровка, которая была, как и почти все прочие, разбита и совершенно безлюдна. После долгих поисков повстречался старик, который посоветовал поскорее убраться с этой станции, так как немцы бомбят ее каждый вечер, стараясь разрушить железную дорогу, ведущую к Харькову. Мы отправились в это маленькое село, уцелевшее в знаменитом танковом бою, после которого на огромной площади остались искореженные, подбитые и сожженные танки обеих сражавшихся сторон числом не менее 400. Хозяйка дома, в котором нам дали переночевать, подробно рассказывала, как происходило сражение и как в итоге немцы были отброшены в сторону Белгорода. Таким образом, Курская дуга была выпрямлена. Это была великая битва,

вторая по значению после Сталинградской. Она явилась переломной, приблизившей нашу победу. В то время по дороге на фронт я и не думал, что попаду в знаменитую 5-ю танковую армию, которая под командованием Павла Алексеевича Ротмистрова участвовала в этом сражении.

Вот мы и в Белгороде, только что освобожденном от врага. Везде немецкие названия улиц. Навешать немецкие названия успели везде, даже Белгород превратили в Belgrad. Город был мало разрушен и остался достаточно населенным. Фронт быстро отодвигался в сторону Харькова, и мы никак не могли догнать свою часть. Наконец, где-то в районе Казачьей Лопани мы нашли штабы и здесь получили назначение: девицы — в медсанбаты и медсанзводы, а я — врачом батальона в отдельную мотострелковую бригаду 29-го танкового корпуса. Когда я прибыл в медсанзвод своей бригады, наши войска уже окружили Харьков и шли тяжелые упорные бои, чтобы перерезать немцам пути снабжения из Полтавы...

...В селе Полевом был подобран одинокий беспризорный мальчик по имени Степан, который потом стал сыном полка. Его одели в специальную форму, сшитую для него по росту индивидуально. Потом на формированиях он ходил перед строем и проверял обмундирование солдат и офицеров. Его замечания вызывали всеобщее веселье и смех. Куда делась его мать — потеряла его или была убита, — никто не знал и об этом не думал.

...В декабре началось наступление на железнодорожный узел Знаменку. Рядом с ней располагался крупный лесной массив — Черный лес. Здесь нужно было соединиться с партизанами, которые засели в этом лесу. Мы шли по узкому коридору ночью, так чтобы нас не обнаружили немцы. Запрещено было кричать и даже курить. Так мы преодолели около 12 километров Черного леса и подошли к Знаменке, которую хотели взять с ходу. Но

не получилось, потому что опоздали танки. Атака захлебнулась, так как наступающие не создали ударного кулака, а у немцев была сильная оборона. В итоге наше наступление с подошедшими танками стало успешным только с четвертой попытки, было много убитых и раненых. На опушке леса я нашел пустую кузницу, в горнах которой мы развели огонь, протопили помещение и стали работать. Я засучил рукава гимнастерки, замотал их бинтами, надел заячью телогрейку и так стал оказывать помощь раненым. Мои руки и окутывавшие их бинты были в крови. Раненых потом грузили на вагонетки узкоколейной дороги, проходившей через лес. Таким способом они были провезены через весь Черный лес, а на опушке пострадавших перегружали уже в санитарные машины и отправляли в медсанбаты.

Тыловые хирургические пункты из-за неустойчивой погоды (+3...-3 °C) отстали тогда километров на 70. Все раненые в живот считали себя погибающими, так как срочную операцию сделать было негде. Были и «счастливые» ранения. Так, к нам привезли одного танкиста, которому в танке болванкой (подкалиберный снаряд) оторвало ногу. Он был бледный, с затянутым на бедре жгутом. Была ночь — везти некуда. Пришлось попробовать снять жгут. Сняли — кровотечения нет. Оставили с незатянутым жгутом, и кровотечение не возобновилось. Всю ночь с ним сидел санитар, чтобы, если будет надо, сразу повторно наложить жгут. Такая самопроизвольная остановка кровотечения при отрывах конечностей бывает нередко. А утром танкист в хорошем состоянии был отправлен по назначению. За эту Знаменскую операцию я был награжден «Красной звездой»...

...В это время я написал солдатскую песню нашей бригады, где в словах и в музыке был отражен боевой призыв к победе над врагом.

...С Днем Победы у меня связано яркое воспоминание. Почему-то я дежурил в кли-

Каунас, 8 октября 1944 года.
После лечения в госпитале

нике два дня подряд. В ночь на девятое мая, когда я спал в комнате дежурного, на улице вдруг раздалась стрельба. Это слушатели академии устроили салют на крыше соседнего здания общежития.

Прибежала дежурная медсестра Крашенинникова, содрала с меня одеяло и закричала: «Георгий Дмитриевич! Вставайте скорее, ведь Победа! Победа!» Уже никто не спал, больные и персонал на радостях обнимались. А пациентами были в основном раненые, которые долечивались по поводу разного рода осложнений. Утром решено было отметить День Победы. Лаборатория выдала спирт, который развели водой до «сорокаградусной» водки. Послали в Елисейевский магазин купить бутылочку шампанского (тогда по коммер-

ческой цене она стоила 500 рублей), а также по пирожному на каждого врача — по 50 рублей за штуку. Сварили картофель, и получилась по тогдашним представлениям настоящий пир. Будучи дежурным, я старался не пить. После отбоя уложить больных было невозможно.

Ночью пришла гардеробщица и испуганно сообщила, что прибыл начальник политотдела генерал П. И. Мазепов. Я спустился вниз, отрапортовал ему, что я дежурный врач, и тут же заметил, что генерал находился под хмельком. «Доктор, посмотрите, что это у меня вскочило на руке». Я увидел фурункул на тыле кисти и попросил генерала подняться в перевязочную. На обратном пути к выходу нам попадались полупьяные больные, которые давно должны были бы спать. «Вот видите, товарищ генерал, никак не могу уложить больных». — «А ничего, доктор, — ответил Мазепов, — ведь день Победы, пусть гуляют!» У меня на душе отлегло...

...Великая Победа была оплачена не только жизнью, но и здоровьем десятков миллионов граждан СССР. После войны на улицах тяжелых калек видно не было — их содержали в специальных пансионатах, один из которых располагался на острове Валаам. А сколько осталось покалеченных судеб, вдов с малолетними детьми, одиноких матерей, все еще надеющихся на возвращение чудом уцелевших детей. Теперь все это забыто или забывается по мере того, как уходят из жизни свидетели великой трагедии.

Да, это была великая трагедия, так как она поглотила миллионы работоспособно-

го населения, перемешала народы. Как хвост урагана, она уже после войны вызвала волну репрессий, сыска и подозрительности. Все бывшие в плену были сосланы в лагеря. Как пособники фашистов были высланы со своей исторической родины целые народы. А ведь в тот солнечный день, когда мы праздновали Победу и когда мимо клиники проходили маршем возвращавшиеся войска, казалось, что наступили светлые времена свободы мысли, свободы слова... Разумеется, нашу победу одержал народ своей кровью, своей смекалкой и самопожертвованием. Но во всех делах, а тем более в военных, важна хорошая организация. Не надо забывать, что нападение фашистской Германии было вероломным, внезапным. Это привело к захвату почти половины территории Европейской части страны и почти всех промышленно важных ее районов.

Было четко налажено массовое производство танков, самолетов, пушек, снарядов, так что к концу войны они смогли легко подавлять сопротивление Вермахта. В этом была еще одна заслуга и всего советского народа, и его вождей.

Так, именно во время войны родились плеяда талантливейших полководцев и гений маршала Георгия Константиновича Жукова, появление которого на том или ином фронте означало прорыв и победу.

Соединение идей великого государства, организация тыла и фронта, а также воля народа к изгнанию врага обеспечили ВЕЛИЧАЙШУЮ ПОБЕДУ и избавление всего мира от фашизма.

НИКОЛАЕВ Василий Иванович

Родился 2 февраля 1922 года. Участник Великой Отечественной войны в составе Ленинградского фронта, младший сержант. Награжден орденом Отечественной войны I степени, и медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и еще 17 памятных медалями. В «Авангарде» работал с 1953 по 1991 год, начальник отдела, награжден знаком «Почетный радист».

17 июля 1941 года я был призван в армию и направлен в школу младшего комсостава Ленинградского фронта, которая находилась в поселке Токсово (летний лагерь). После месячной подготовки был направлен на фронт под Невскую Дубровку в состав отдельного разведывательного артиллерийского дивизиона. Зимой фронт стабилизировался, и нас, оставшихся в живых, вернули в Ленинград доучиваться. Голодная учебная зима 1941–1942 годов. После окончания школы служил в составе подразделений Ленинградского фронта, которые прорывали блокаду Ленинграда.

18 января 1943 года была прорвана блокада Ленинграда. Войска должны были развивать дальнейшее наступление. Однако на пути встал мощный узел сопротивления немцев — 8-я ГЭС. Множество дотов и дзотов, возведенных вокруг, делали его неприступным. Как выяснилось позднее, два десятка танков с ходу хотели пробить брешь для наступления пехоты, но были остановлены и подбиты. 48-й артполк располагал

мощными 152-миллиметровыми пушками-гаубицами. Ему и поручили подавить огневые точки противника. Для корректировки огня направили меня и еще одного сержанта. Снабдили нас рацией. При подходе к вражеским дотам, мы увидели танки. Обрадовались: сейчас уточним у танкистов далеко ли до позиций противника. Но танки оказались подбитыми, и никаких танкистов не было. Осмотрелись и отчетливо увидели впереди черные амбразуры (на фоне снега) немецких дотов. Расположились за одним из подбитых танков, смонти-

ровали рацию, включили ее на штыревой антенне и начали связываться с артиллерийским полком. Противник нас довольно быстро засек и открыл ураганный огонь по танкам. Осколки от снарядов и отбитых частей танков летали в воздухе со страшным воем. Мы выключили рацию, и стрельба вскоре затихла. Что делать? Танки плохое прикрытие. Увидев недалеко какой-то бугорок, поползли к нему. Оказалось, это глубокая воронка — то ли от мощного снаряда, то ли от авиабомбы. Заползли в нее, определили направление и выбрали направленную антенну. Очень удачно, быстро связались со своим полком, и тут же посыпались снаряды на вражеские доты. Противник открыл по нам огонь. Один из осколков угодил мне в бедро. Командование полка попросило держаться. Выходит подмога. Помощь пришла быстро, меня доставили в медсанбат, а оттуда в госпиталь. После лечения был 14-й стрелковый полк, затем тяжелое ране-

ние под Красным Бором. Длительное лечение. Был демобилизован. Вернулся в Ленинград. Жилплощади нет, родных и знакомых тоже. Выживал как мог.

Через 55 лет в октябре 1997 года раздался телефонный звонок: «Василий Иванович, вы были на фронте в составе 48-го артиллерийского полка. «Да, даже ранен». «Берите справку и паспорт, приезжайте в Приморский РВК. Вас давно разыскивает медаль «За отвагу»».

Так я стал обладателем второй медали «За отвагу», удостоверение к которой подписано Президентом Российской Федерации Б. Ельциным.

Родина-Россия

*Есть страны «сказочно красивы»
На фоне пальмовых ветвей.
Но нет такой, как ты, Россия,
Милее, ближе и родней.
И сердце защемит до боли,
В бескрайнюю ступив красу,
Ковер с цветами в русском поле,
В хрустальных искорках росу.
К реке протоптана дорожка,
У горизонта с синевою
Стоит березка вся в сережках,
Слегка качая головой.
С природой слиться воедино
И пить бальзам цветочный вволю,*

*Почувствовав частицею неотделимой
С тем пенем жаворонка в поле.
И нет желанья для меня важнее
Под этим небом серо-синим,
Желаю, Русь, судьбы добрее,
Чтоб обрела спокойствие и силу.
Я верю — обретешь покой,
И небо будет ярко-синим,
Поют пусть жаворонки над тобой,
Я верю в сильную Россию.
Ты — Родина моя, Россия,
Тобою я всегда горжусь,
Ты дорога мне, всех красивей,
Живи в веках и славься, Русь!*

*Лидия Арсеньевна КОСАРЕВА,
житель блокадного Ленинграда*

Лучший воздушный разведчик

НИКУШКИН Василий Лаврентьевич

Родился 13 октября 1922 года. Участник Великой Отечественной войны в составе Тихвинского, Ленинградского и 3-го Белорусского фронтов, капитан-летчик. Награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени, Отечественной войны I степени, медалью «За победу над Германией» и еще 16-ю памятными медалями. В «Авангарде» работал с 1968-го по 1990 год, начальник бюро кооперации.

Василий Лаврентьевич Никушкин, по признанию командира нашего полка, считался лучшим разведчиком. От него требовалось большое умение и мужество, чтобы под огнем вражеских зениток произвести точную аэрофотосъемку. Изучение самолета Пе-2р, освоение полетов в сложных метеорологических условиях, усовершенствование техники пилотирования вплоть до высшего пилотажа — этот титанический труд позволил летчику Никушкину совершить 158 боевых вылетов, вылетов, из которых временами приходилось чудом выходить живым, имея до 43 повреждений на самолете. Свыше 100 вылетов — по программе воздушной разведки.

Воздушному разведчику запрещалось брать с собой бомбы, чтобы не быть мишенью для неприятеля. И только после того как доставленный разведывательный материал и ценные донесения были использованы командованием Воздушной армии для нанесения мощных боевых ударов по аэродромам противника и другим важным объектам, разведчик мог чувствовать, что он совершил нужное и важное дело.

В каждом полете были свои особенности и трудности. В 1944 году, когда наш полк стоял в районе Сумска, а военные действия проходили вблизи Нарвы, самолет В.Л. Никушкина вылетел на разведку в район Пярну, где базировались фашистские самолеты. Огнем вражеской артиллерии самолет был подбит. Горел правый мотор, и, несмотря на то что бензин был перекрыт, дым валил, оставляя шлейф. 215 километров над вражеской территорией на

одном моторе пролетел самолет. 43 минуты экипаж боролся со стихией в воздухе, была опасность перегрева мотора и взрыва, но наши героические летчики «дотянули» до своего аэродрома.

В 1944 году фашисты начали строить в районе Котки стартовую площадку для запуска ракет фау-1 и фау-2. Выступая перед авиаторами, А.А. Жданов предупреждал об опасности: «Нельзя допустить, чтобы хоть одна ракета упала на Ленинград». Необходимо было засечь эту площадку. Направили самолет капитана Никушкина, который прикрывали самолеты 14-го гвардейского истребительного полка. В районе Выборга возник воздушный бой с фашистскими истребителями. Уходя из него, Василий Лаврентьевич впервые «перевернул» Пе-2 — совершил фигуру высшего пилотажа! Потом сумел вернуться и сфотографировать в 12 километрах северо-западнее Котки стартовую площадку, которую наша авиация дальнего действия немедленно уничтожила. Ленинграду уже не надо было опасаться вражеских ракет.

В боях на Курской дуге

ОЛЬШАНСКИЙ Владимир Яковлевич

Владимир Яковлевич Ольшанский родился в марте 1924 года в Киеве. В 1937 году в связи с переводом отца по службе вся семья переехала в Харьков.

Володя окончил девять классов, последние годы учился в Нахимовской спецшколе. С детских лет он увлекался морем, влекла его к себе флотская служба, он много читал, очень любил историю и литературу, мечтал свое будущее связать с морем.

С началом войны в 1941 году семья была эвакуирована в Омск. Там Владимир повстречал трех друзей по спецшколе. Ребята написали письма в Москву с просьбой направить их в военноморское училище, но получили отказ. Тогда они обратились к начальнику Гидрографического управления ВМФ контр-адмиралу Лапушкину (это Управление было эвакуировано в Омск), и он направил их в Тихоокеанское высшее военно-морское училище.

Три недели добирались ребята до этого училища и в августе 1942 года были зачислены в него на подготовительное отделение.

В декабре 1942 года курсанты подготовительного отделения были направлены в Москву и оттуда в 18-й воздушно-десантный корпус. Старшина 2-й статьи Владимир Ольшанский был переаттестован на старшего сержанта и назначен помощником командира, позднее стал командиром взвода разведки 806-го стрелкового полка.

Еще будучи школьником, Володя занимался в Доме пионеров в кружке самбо. Эти умения пригодились ему, и он обучал самбо бойцов своего взвода.

В составе этого полка Владимир участвовал в боях на Курской дуге.

«Я часто вспоминаю те бои, — делится ветеран. — Как-то мы увидели впереди идущий на нас немецкий танк. Прыгнули в заранее вырытую в земле щель. Танк прошел по самому краю щели, обвалив землю, но никого из нас не задев. Когда танк проехал, я бросил

него противотанковую гранату, но она, к сожалению, до танка не долетела. Этот случай был примером и мне, и взводу: он показал, что с танками можно вести борьбу.

16 июля 1943 года во время одной из передышек после боя я наткнулся на находящиеся в засаде троих пулеметчиков. Они сидели в пшеничном поле по левую сторону дороги, а по другую сторону поле было скошено. Солдаты показали на находящихся в ста метрах впереди них немцев. Вдруг со стороны скошенного поля я услышал стон: «Бойцы! Бойцы!» Пулеметчики сказали, что там, наверно, лежит их раненый комбат.

Я попросил одного пулеметчика прикрыть меня огнем из автомата и пополз в ту сторону. И действительно, там лежал раненый комбат. С трудом я перевалил бойца на свою плащ-палатку, один ее конец зажал в зубах, а второй держал рукой и также ползком потащил плащ-палатку с комбатом назад к пулеметчикам. Даже не помню, сколько

времени я полз, но все же дотащил раненого, его перевязали. Я пополз к своим окопам и вдруг почувствовал сильный удар в руку, стало очень горячо во всем теле, и из раны полилась кровь. Оказалось, что меня ранило разрывной немецкой пулей.

Я продолжал ползти к своим, пока не потерял сознание. Очнулся и почувствовал, что девушка-санструктор перевязывает меня, а потом я, опираясь на нее, добрался до леса. Там меня подобрала солдата, на телеге привезли в деревню, положили в избе на солому. Затем автомашиной с другими ранеными отвезли в медсанбат, а оттуда в госпиталь в Тулу».

В эвакогоспитале в Туле Владимира Яковлевича долго лечили, так как повреждения от разрывной пули были серьезные и рана заживала медленно.

В апреле 1944 года он был выписан из госпиталя, признан инвалидом 2-й группы

Великой Отечественной войны и демобилизован из армии.

Еще один случай из фронтовой жизни вспоминает Владимир Яковлевич:

«Нас, четверых разведчиков, послали на задание взять “языка”. Ночью мы проползли через сделанный для нас в колючей проволоке проход и далее ползком еще около 800 метров, пока не увидели ячейку, в которой сидели два немца. Одного мы убили ударом приклада, а второго поволокли по земле лицом вниз, притащили пленного к своим.

Нам повезло, все прошло тихо, без единого выстрела с обеих сторон, и пленный не издал ни одного стога или крика. Позднее выяснилось, что он был в шоке, без сознания».

Ратный труд Владимира Яковлевича Ольшанского удостоен ордена Отечественной войны I степени, ордена Славы III степени, многих медалей.

«С возвращением!». Яна Аликина, 11 лет, ДДЮТ

На втором Белорусском...

РОДИОНОВА Надежда Ивановна

Надежда Ивановна Родионова родилась в сентябре 1922 года на Урале в городе Ирбит. Отец — инвалид войны 1914–1918 годов, мама занималась домашним хозяйством, воспитанием восьмерых детей.

В 1935 году семья, спасаясь от голода, переехала в Йошкар-Олу. Здесь Надя окончила 10 классов средней школы.

15 ноября 1942 года по комсомольскому набору Надежда была призвана в армию. Младшим сержантом, радистом-разведчиком в составе 30-го Отдельного дивизиона спецсвязи из Подольска она попала на 2-й Белорусский фронт. Позднее с января по июль 1945 года служила в 290-м Отдельном батальоне связи.

С боями Надежда Ивановна прошла Белоруссию, Украину, Польшу, дошла до Германии.

«Особенно трудные бои стояли за Краков, — рассказывает Надежда Ивановна. —

Мы были очарованы этим старинным польским городом. И всю его красоту фашисты хотели полностью уничтожить, стереть с лица земли. Город уже был подготовлен к взрыву. Во многих местах и объектах Кракова немцы заложили заряды взрывчатки.

Вести артиллерийский огонь по городу было трудно, так как можно было повредить дворцы и памятники архитектуры Кракова. Город был взят штурмом. Ценой нема-

лых потерь в город просочились наши штурмовые группы, которые решили исход боев в нашу пользу. Для немцев наши действия стали полной неожиданностью.

Краков был спасен. Потом, продвигаясь по городу дальше на Запад, мы любовались его красотами.

Нелегкие бои шли также и за другой старинный польский город — Лодзь».

За мужество, проявленное при освобождении города Лодзь, Надежда Родионова получила грамоту от командира части. Участвовала она также в боях за Варшаву и Познань.

За свой ратный труд Надежда Ивановна Родионова награждена правительственными наградами, в том числе орденом Отечественной войны II степени и многими медалями (более полутора десятка), знаком «Фронтовик». В 2005 году она награждена Президентом Белоруссии медалью «За освобождение Белоруссии».

Фронтвые подруги. Н. И. Родионова слева

Память сердца

Девушка в военной шинели

САВИНОВА Анна Михайловна

Говорят, у войны не женское лицо. Но сколько отважных девушек, узнав о нападении врага, просились на фронт, шли воевать за Отечество. Так же поступила и Анна Михайловна Савинова.

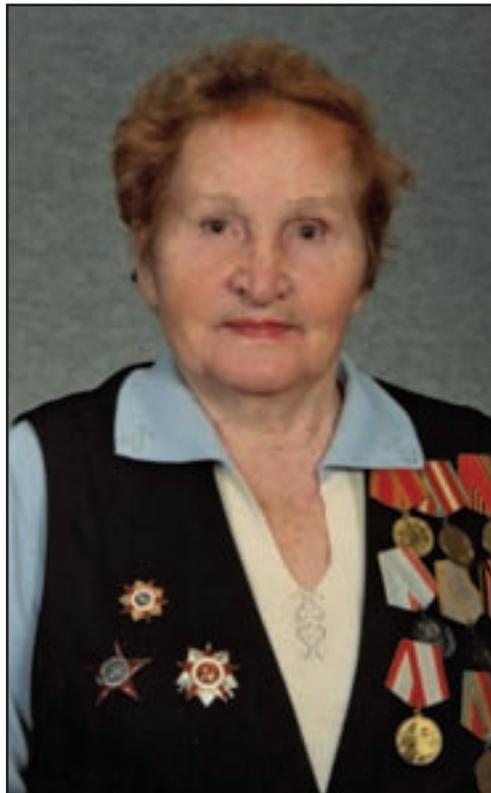
Анна Михайловна родилась в январе 1918 года в одной из деревень Калининской области. Окончив 7 классов средней школы, она уехала в Ленинград — поступать в Ленинградский техникум советской торговли. По окончании техникума Анна работала бухгалтером в Республиканском банке города Рига.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Фашистские войска стремительно приближались к Риге.

Аня по вольному найму поступила на работу бухгалтером в Управление Командующего артиллерией Прибалтийского военного округа, позднее Северо-Западного фронта.

«Наш эшелон держал путь до Пскова. Мы ехали в вагоне-теплушке под непрерывными обстрелами вражеских самолетов. Я тогда впервые встретила смерть лицом к лицу, она на нас сыпалась с неба. Этот кошмар мне не забыть никогда, — рассказывает Анна Михайловна. — Земля и небо дышали огнем. Эшелон останавливался. Люди выпрыгивали из вагонов, бросались враспынную, кто куда, а их расстреливали с самолетов».

Наконец состав прибыл в Новгород. Необходимо было подсчитать наличие боепри-

пасов (снарядов, мин и тому подобное) в каждой армии, входившей в состав фронта, списать расстрелянные боеприпасы, составить отчет, сделать заявки на новые.

Дни и ночи напряженной работы на пределе сил и возможностей: «Мы все буквально валились с ног от усталости, засыпали сидя, но понимали, насколько важной была наша работа, и мы ее выполняли, понимая, что другим не легче».

Однажды руководство Ани Савиновой заявило, что она — вольнонаемный работник — занимает капитанскую должность, и предложило аттестовать ее на офицера. Она согласилась и с февраля 1943 года стала лейтенантом административной службы.

Когда фронт перешел в наступление, работать стало еще труднее и опаснее. Отныне фронт был все время в движении и боеприпасы не завозились, а распределялись прямо «с колес» на станциях, куда прибывали эшелоны со снарядами. А фашисты в это время пытались бомбить и обстреливать эти станции. Достаточно было одного прямого попадания в эшелон — и вся железнодорожная станция с составами взлетела бы на воздух.

Окончание войны и победа нашей армии застали Анну Михайловну в Риге.

Еще недавно она под огнем самолетов врага распределяла на станции вагоны со снарядами между армиями фронта, на грани жизни и смерти, рискуя собой. Еще недавно единичные фашистские бомбардировщики,

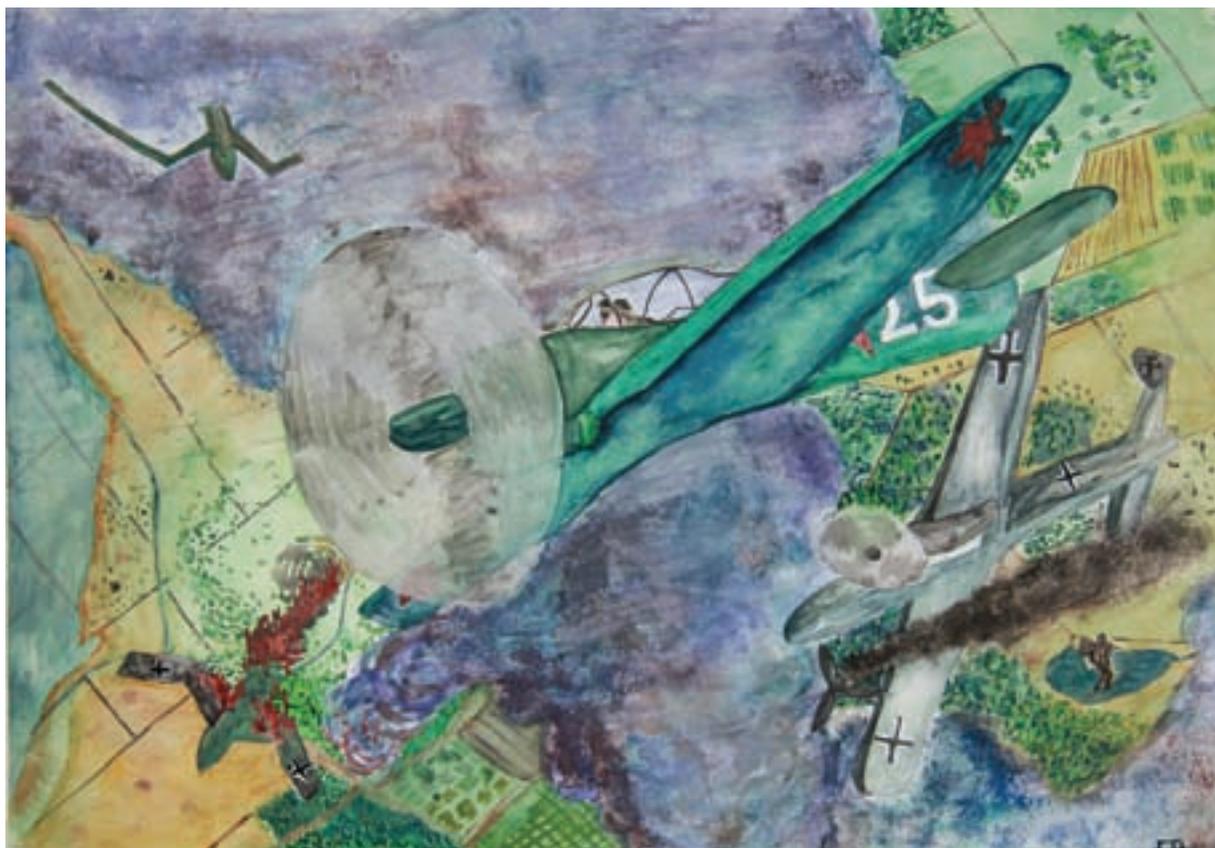
прорвавшиеся сквозь наш заслон, сбрасывали на станцию бомбы, которые, к счастью, не попали в эшелоны с боеприпасами. И вдруг дежурный сообщил об окончании войны, о нашей Победе! Наступила тишина, от которой все давно отвыкли.

А потом все выскочили на улицы, обнимались, радовались, смеялись. Известие о Победе было неожиданным, хотя все о нем давно мечтали.

И, как точно напишет поэтесса Юлия Друнина:

«Мы возвращались к жизни от войны,
Благословляя каждую минуту».

Ратный труд Анны Михайловны Савиновой отмечен орденами Красной Звезды (за освобождение Риги), Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги» (за участие в Спас-Демянской операции).

«Воздушный бой». Виталик Проскуряков, 13 лет, ДДЮТ

САРАФАНОВ Александр Александрович

Александр Александрович Сарафанов родился в марте 1926 года в деревне в Ярославской области. В 1928 году он с семьей переехал в Ленинград, где окончил 7 классов средней школы.

В августе 1941 года пятнадцатилетним подростком он поступает на работу на завод «Судомех» учеником разметчика, позднее работает там же фрезеровщиком.

Отец в 1941 году ушел на фронт и погиб.

Саша с матерью работали на заводе. Они испытывали все ужасы блокады. Жили практически при заводе, ночевали в кочегарке, спасаясь от холода и бомбежек.

В октябре 1943 года его призвали в армию. После предварительной подготовки и обучения во 2-й Учебно-стрелковой бригаде Александр Сарафанов в качестве бронейщика в составе 1376-го стрелкового полка участвует в боях за освобождение Прибалтики.

7 октября 1944 года в бою под городом Тукумс в Латвии сержант Сарафанов был контужен взрывной волной при разрыве вражеского снаряда. Лечился в медсанбате и через месяц снова возвратился в свою часть.

Александр Александрович достает листок бумаги. Это документ войны — боевая характеристика разведчика, сержанта Сарафанова,

написанная карандашом и подписанная его командиром батальона. Александр Александрович рассказывает, как комбат писал ее на колене, подложив под лист командирскую сумку. Это своеобразное представление на награждение, повествующее о подвиге. Комбат подробно описал, как сержант Сарафанов в окопе со своим напарником заметил идущий на них вражеский танк, пропустил его, затем бросил в его заднюю часть бутылку с зажигательной смесью. Танк загорелся, выскочивший из него экипаж был перебит меткими выстрелами сержанта.

Награду Александр Александрович не получил, по-видимому, представление где-то затерялось.

Позже Александр Александрович за участие в одном из боев был награжден медалью «За отвагу». За участие в боях по овладению городом Шауляй ему вручили благодарность Верховного Главнокомандующего страны.

Далее его служба проходила в отдельном батальоне связи радиотелеграфистом, начальником радиостанции.

Он имеет более полутора десятка правительственных наград, в том числе орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда».

«Теряли мы друзей, родных, но веру не потеряли в Родину свою»

СВИРКО Владимир Иванович

Эти прекрасные слова поэта Николая Рыленкова отражают судьбу ветерана Великой Отечественной войны Свирко Владимира Ивановича.

Родился он в одном из сел Белоруссии. В 1935 году, когда Володе было 10 лет, в семью пришла беда. В их дом явились люди в военной форме, приказали быстро собираться, погрузили в теплушки и вывезли с конвоем на спецпоселение в казахские степи. В 1937-м отца арестовали, а через некоторое время расстреляли (позднее реабилитировали).

Горечь, страх и обида за потерю отца, поломанную жизнь, унижительный статус спецпоселенца наполняли душу Володи. Но он твердо верил в то, что жизнь расставит все на свои места.

Пришло время, Владимир получил справку об освобождении из мест спецпоселения и поехал устраиваться в школу фабрично-заводского обучения в Караганду, где его и застала война. Шахтерские специальности давали право на бронь, но его сердце рвалось на фронт. В результате он с тремя приятелями тайком, без документов отправился в город Павлодар, за тысячи километров от Караганды. Шли пешком целый месяц, спали где придется, питались ящерицами, но все же дошли.

Перед Павлодарским военкомом предстали исхудавшие, голодные, больные и оборванные парни с просьбой призвать

их в армию и отправить на фронт. Обычно военком подобных беглецов отправлял обратно, домой, но вид этих ребят, их честный, молящий взгляд тронули военного комиссара. Он вызвал своего офицера, приказал накормить ребят и устроить их на работу и проживание, пообещав заняться ими после совершеннолетия.

Парням выдали кожаные тапочки, досыта накормили, устроили на жительство и на работу в речное пароходство.

Военком сдержал свое слово — осенью призвал их в армию и направил в Тамбовское пехотное училище.

Спустя несколько месяцев училище ночью подняли по тревоге и объяснили, что с учетом обстановки на фронтах армия нуждается в добровольцах. В числе желающих досрочно попасть на фронт был и сержант Свирко.

В июне 1943 года дивизия, в которую попали курсанты, оборонялась под Белгородом.

Глубокой ночью немцы после артподготовки первого эшелона обороны перешли в атаку, но после жестокого боя нашей контратакой немцы были отбиты. Вместо убитого командира взвода командование принял Владимир Свирко, но во взводе после атаки из 40 человек осталось только 12. И снова немецкая атака, не поднять головы — с колокольни строчил немецкий пулемет. Владимир взял у убитого снайпера

винтовку с оптическим прицелом, и после третьей попытки пулемет умолк.

Владимир дал команду: «Приготовиться к атаке», приподнялся, и вдруг резкий удар по ноге, разодранный сапог, кровь. Его наскоро перевязала санинструктор и попросила ползти через ржаное поле в балку, где расположился медсанбат. Володя полз очень медленно, нога была словно чужой, мешала ползти. После очередной передышки перед ним вдруг возникла рыжая голова немца в рогатой каске с наставленным на него дулом автомата. «Все, конец!» — мелькнуло в мозгу, но неожиданно немец повалился на бок и упал. Недоумение раненного Володи рассеял вышедший из ржаного поля наш солдат, заявивший, что давно охотился за этим фрицем.

В медсанбате его прооперировали. Ногу удалось сохранить. Владимира перевели в госпиталь. После излечения он попал в авиацию, прошел подготовку, стал воздушным стрелком-радистом бомбардировщика. Он участвовал в четырех вылетах на бомбежку Берлина. В один из вылетов от вражеской пули его спас парашют, в котором она застряла, но от удара о борт он получил контузию.

После победы над Германией он в составе своей части участвовал в войне с Японией, стал начальником связи эскадрильи, получил офицерское звание.

Владимир Иванович Свирко награжден орденом и многими медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», нагрудным знаком «Ветеран воздушной армии».

Солдатская песня

(53-й мотострелковой бригады 5-й танковой армии)

*В тяжелое время Великой борьбы
С фашистскою темною силой
Немало дорог мы с боями прошли
Во славу Отчизны любимой.*

Припев:

*Вперед же, на Запад — вперед!
Добьем ненавистного гада!
Прохоровка, Знаменка — славные бои!
Наш народ и партия к победам привели!*

*Родина-мать, снаряжая сынов,
Оружье дала нам не даром:
Огнем и гранатой мы гоним врагов,
Громим их внезапным ударом.
В веках не забудет народ
дела боевые бригады...*

Припев:

*Георгий Дмитриевич НИКИТИН,
инвалид 1-й группы
Великой Отечественной войны*

Центральный! Справа по курсу слышу шум винтов

СИНДАЛОВСКИЙ Лев Ефимович

Лев Ефимович Синдаловский родился в 1927 году в одной из деревень Калининской области.

В 1934 году он переехал с родителями в Ленинград, окончил там шесть классов средней школы.

В начале войны был эвакуирован в город Троицк Челябинской области, где работал в колхозе, затем переехал в Кировскую область, там окончил 8-й класс и вернулся в Ленинград. В 1944 году Льва призвали в армию. Он попал в Отряд подводного плавания Краснознаменного Балтийского флота.

Первый свой поход совершил на подводной лодке Щ-303 на Балтике в качестве гидроакустика. Не раз по переговорной системе в подлодке слышался его доклад: «Центральный. Справа по курсу слышу шум винтов. Удаление пять кабельтов. Акустик».

Позднее ходил на подводных лодках «Малютка-205», затем на более совершенных лодках.

Дважды отмечал свой день рождения на глубине. Было приятно, когда командир поздравлял с днем рождения по переговорному устройству и весь экипаж лодки слышал это поздравление, а затем кок (повар) преподносил ему праздничный пирог.

Лев Ефимович служил командиром отделения гидроакустиков до 1952 года. Последнее время его служба проходила в Балтийске (бывший Пиллау) Калининградской области.

В Балтийске он окончил десятый класс школы, в 1953 году уволен в запас. Был избран первым секретарем Горкома ВЛКСМ Балтийска, работал в этой должности два года. Перед этим получил звание младшего лейтенанта, затем — лейтенанта. Дважды избирался депутатом Балтийского Горсовета.

После этого вернулся в Ленинград и работал в объединении «Красная (Северная) заря» сначала инженером, затем начальником участка. В 1959 году окончил вечернее отделение Электромеханического техникума. Его технический участок был лучшим в Выборгском районе Ленинграда. Об этом была опубликована большая статья в журнале «Звезда» № 12 за 1961 год.

Ратный и мирный труд Льва Ефимовича Синдаловского отмечен пятнадцатью правительственными наградами, в том числе орденом Отечественной войны II степени, нагрудными знаками «Ветеран ДКБФ», «60 лет последнего военного призыва», «25 лет Победы в Великой Отечественной войне».

СОКОЛОВ Павел Васильевич

Павел Васильевич Соколов, уроженец Псковщины, окончил в Ленинграде 7 классов средней школы, затем ремесленное училище в Гдове. В начале войны он был эвакуирован в Свердловск (ныне Екатеринбург), где работал, а в декабре 1943 года был призван в армию.

После полугодового обучения в школе младших авиаспециалистов был направлен на фронт в качестве воздушного стрелка-радиста 12-го Гвардейского Гатчинского ордена Суворова III степе-

ни полка авиации дальнего действия, в котором он служил до увольнения в запас. Полк не входил в состав какого-либо фронта, а находился в подчинении Верховного Главнокомандующего и выполнял задачи по бомбежке важных объектов в ходе войны.

За период службы в полку во время войны с мая 1944 по май 1945 года Павел Васильевич Соколов участвовал в 79 боевых вылетах.

Летать приходилось на самолетах Ли-2 (экипаж — 6 человек, потолок 3000 м, скорость 220–230 км/час). Вооружение состояло из трех пулеметов ШКАС: над фюзеляжем в хвосте и двух бортовых (правый и левый) пулеметов калибра 7,62 миллиметра. Во время полета стрелок-радист, передав информацию по радиации, мгновенно мчался в хвост самолета и там метался от борта к борту, наблюдая, не появилась ли цель — атакующий вражеский самолет. На бомбежку вражеских целей обычно брали тонну бомбового груза (четыре бомбы по 250 кг или две — по 500).

В конце войны бомбили Кенигсберг (ныне Калининград) и Берлин.

На пути к цели наших бомбардировщиков встречали истребители врага, а над линией фронта и над целью — снаряды немецких зениток.

Наши самолеты маневрировали в воздухе, уходя из зоны вражеского огня, но были случаи, когда теряли в бою своих товарищей.

Часто с задания возвращались с пробоинами в фюзеляже и крыльях или с иными повреждениями.

По ночам техники латали пробоины, делали нужный ремонт, готовя самолет к следующему вылету.

Находиться в самолете, когда на тебя несутся огненные трассы пуль, выпущенные из вражеских истребителей, или когда вокруг рвутся зенитные снаряды врага — не для слабонервных.

Но, как говорит Павел Васильевич, в этот момент не думаешь о страхе, все мысли только о том, как поразить вражеский истребитель.

«В самом начале 1945 года — делится своими воспоминаниями Павел Васильевич, — на наш аэродром под Вильнюсом налетели фашистские самолеты и основательно бомбили его. Силы врага были на исходе, поэтому дрались они ожесточенно, чувствуя свой конец.

Во время бомбежки, я спрыгнул в воронку на краю летного поля, бомба упала рядом, и меня засыпало землей. Остался торчать только один сапог. По нему меня нашли и

откопали. Все, к счастью, обошлось, я остался жив».

В марте 1945 года во время бомбежки Павла Васильевича Соколова ранило в руку и в ногу.

От медсанбата и госпиталя он отказался, так как после госпиталя обычно попадаешь не в свою часть, а на пересыльный пункт.

После излечения его перевели на должность мастера по вооружению в своей же части, где Павел Васильевич прослужил до мая 1951 года.

В 1951 году старший сержант Соколов был демобилизован, вернулся в Ленинград, поступил на военный завод, где 32 года проработал старшим мастером, стал автором нескольких рацпредложений, ветераном труда завода.

Ратный труд Павла Васильевича Соколова отмечен целым рядом правительственных наград, в том числе орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина».

Ветераны-ленинградцы

*Вы из Испании вестей
С тревогой ждали, со слезами,
Вы в семьи брали их детей.
А в сорок первом встали сами.
Окопы рыли для солдат,
И вместе с ними в бой ходили,
И их из боя в медсанбат
На плащ-палатках выносили.
В блокаду в братьев и в отцов
Вы веру, мужество вселяли,
В обстрел не прятались с постов,
Шатаясь у станков стояли.*

*С победой дождались мужчин,
И забываться стали раны,
У глаз прибавилось морщин,
И звать вас стали: ветераны.
Прошли вы жизни путь большой,
В дороге поистратив силы,
Но так же молоды душой
И все по-прежнему красивы.
Порой вам стул уступят. Пусть!
И пусть с усами ходят внуки.
Вы не пускайте в сердце грусть.
Мы вам за все целуем руки.*

*Николай Петрович ХУХАРЕВ
инвалид 2-й группы Великой Отечественной войны*

«И еще раз о войне...»

СОЛОВЕЙ Александр Федорович

Давно известно, что чем старше становится человек, тем чаще ему вспоминаются юные годы и молодость — это довоенные годы и Великая Отечественная война.

Мы жили на Украине близ города Николаев, куда переехали из Винницкой области, спасаясь от голода.

Отец и мать работали в колхозе. В семье уже было четверо сыновей, когда родился я, пятый. Мы все любили друг друга, жили дружно, хотя и трудно.

Отец, Федор Андреевич, умер в тридцатых годах, и мать, Агафья Никитична, стала главной опорой семьи. Шло время. Сыновья подрастали, становились самостоятельными, и жизнь пошла легче. Но началась Великая Отечественная война...

В июле 1941 года мне исполнилось пятнадцать лет.

После освобождения Николаевщины я вместе с другими сверстниками был призван в действующую армию Варваровским РВК Николаевской области. К тому времени я еще не достиг восемнадцати лет, поэтому меня спросили, согласен ли я быть досрочно мобилизованным, на что дал ответ: «Конечно, да!»

Все ребята были направлены в 52-й учебный полк Гороховецких лагерей. Предполагалось в течение шести месяцев сделать из новобранцев младших командиров, но уже в августе мы были подняты по тревоге.

Как положено в таких случаях, мы вскочили и начали накручивать обмотки, но зашел командир роты и сказал, что можно не

спешить и одеваться спокойно.

После некоторых формальностей нас построили, сделали переключку, выделили большие круглые котелки, и своим ходом мы направились на станцию, где стоял составленный из товарных вагонов эшелон.

Перед посадкой нам выдали «НЗ» — «неприкосновенный запас» продуктов, после чего последовала команда: «По вагонам!», и мы покатали вперед, на запад. Первая остановка — Москва, где всех повели в столовую и накормили очень вкусным обедом.

Далее ехали практически без остановок. «Вперед, на Запад!»

Достигнув лесов Белоруссии, эшелон остановился, нас выгрузили, построили и тут же появились «покупатели» от различных воинских частей 173-й стрелковой дивизии 3-го Белорусского фронта.

Первым подошел к нам майор пехоты, потом выяснилось — начальник разведки дивизии.

Пройдя вдоль строя, он остановился перед нашим первым взводом первой роты и, указывая жестом, попросил выйти из строя восемь человек. Построил и задал вопрос: «В разведке служить желаете?» Ответ был один: «Так точно!»

Под его командой мы прошли километров восемь и успели как раз к ужину. Нам тоже предложили присоединиться, и мы не стали отказываться.

Наблюдая за процедурой ужина, мы заметили, что каждый из подошедших к по-

ходному котлу, за которым стоял упитанный повар, подставляя свой котелок, произносил фразу «на одного» либо «на двоих».

Безусловно, все мы, подходя со своими котелками, говорили: «На двоих!». Я был последним и, подходя к котлу, тоже сказал: «На двоих!» Повар расхохотался.

Тогда майор, глядя ему в глаза, серьезно задал вопрос: «Что ты смеешься?» — и тот ответил, что из прибывших на пополнение восьми человек я уже восьмой, но так же, как и все предыдущие, тоже попросил на двоих. Майор усмехнулся и сказал: «Корми, ты же видишь, какие они».

Далее, после курса подготовки выполнения диверсионных и разведывательных операций, начались боевые будни.

Утром мы получали задания, днем готовились к их выполнению, а ночью шли подрывать доты и дзоты, захватывать «языка», наблюдать за расположением воинских частей противника и тому подобное.

Когда мы приходили на задание на передовую, наши однокашники, интересовались, где мы дислоцируемся. Как правило, мы располагались недалеко, но всегда за каким-то леском или оврагом. Нам завидовали, но узнав, куда и зачем мы направляемся, как правило, отвечали: «О нет, да ну его...»

Утром 6 ноября 1944 года начальник разведки объявил задание: «В честь 27-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции устроить немцам салют!» Это значило, что нужно произвести одновременный подрыв огневых и заградительных точек противника. От нас требовалось подготовить фугасы, скрытно ночью заложить под назначенные объекты, а затем по команде, как правило, выпущенной ракетой, одновременно привести фугасы в действие.

Получив приказ, мы приступили к выполнению задачи и неожиданно заметили странное поведение старшины еще довоенного призыва. На вопрос, что случилось, он с гру-

стью поведал, что получил письмо от жены, в котором она умоляла его беречь себя, писала, что война подходит к завершению и они с сыном очень ждут его, но как же тут можно уберечь себя, если надо выполнять такие опасные и ответственные поручения.

Он запел песню, которую я услышал впервые, но запомнил на всю жизнь: «Не для меня придет весна...» Он выполнил задание, подорвал свой фугас вместе с собой и окружающими его немцами.

И еще один случай запечатлелся в памяти. Это было уже под конец войны. Наши войска стояли на пороге Восточной Пруссии. Перед нами последний польский город Суволки. Для сбора необходимой информации была отправлена полковая разведка, но она не вернулась. Тогда послали нас.

Наша группа в составе четырех человек на рассвете подошла к окраине городка. Решили выяснять обстановку в ближайшей хате.

Вышедший к нам хозяин сообщил, что ему ничего не известно, но ночью он слышал шум моторов. В следующей хате нам рассказали что, проходя утром около магазинов на окраине площади, видели четыре трупа советских солдат.

Мы доложили по радиации обстановку и получили приказ дожидаться прихода своих. За это время мы решили похоронить погибших.

Позаимствовав у местных жителей инструменты, стали рыть могилу тут же на площади, около церкви.

Закончив с ямой, мы стали укладывать в нее усопших, и в это время показалась колонна наших войск под командованием майора.

По походе чувствовалось, что солдаты очень устали, ноги у них еле передвигались. Поравнявшись с нами, майор остановил колонну около подготовленной могилы, развернул ее фронтом к яме и произнес речь, от которой у всех присутствующих были слезы на глазах.

Запомнилась фраза «Спите спокойно. Мы не забудем вас, мы отомстим за вас!»

После команды: «Смирно, направо, шагом марш!» солдаты ушли вперед.

Уходили они с площади твердым строевым шагом, который мы слышали еще долго.

Такое забыть нельзя!

До сих пор не покидает меня мысль при случае посетить это место. Иногда я думаю: «А сохранилась ли могила солдат, которых мы так любовно и торжественно похоронили?»

26 января 1945 года во время очередной боевой операции на Кенигсбергском направлении я был тяжело ранен.

Первая помощь мне была оказана в медсанбате. Переливание крови сделать не удалось, не оказалось нужной группы. Хирург сказал: «Молодой — выдержит». Я выдержал и был переведен в эвакогоспиталь №38/8 города Иваново, где провел несколько месяцев, там же встретил и День Победы.

В свои 18 лет за 6 месяцев Великой Отечественной войны я прошел леса Белоруссии, Литву, Польшу. На моем пути последним городом Польши был город Сувалки, а первым городом Восточной Пруссии — Гольдан.

После Победы я еще несколько лет служил в рядах Советской армии. После демобилизации испытал немало трудностей но все удалось преодолеть. Я получил высшее образование и защитил диссертацию. Была интересная и ответственная работа. У меня хорошая семья. 10 лет возглавлял Общество ветеранов войны и труда МО Пискаревка.

Как и всех фронтовиков, память о войне никогда меня не отпускает. Во время посещения Центрального музея Великой Отечественной войны (на Поклонной горе в Москве) на одной из памятных досок я нашел упоминание о своей 173-й стрелковой дивизии 3-го Белорусского фронта.

Разведка

Посвящается разведчику 3-го Белорусского фронта А. Ф. Соловьеву

*Вспоминает ветеран, причем нередко,
Годы боевые, что провел в огне,
И друзей — солдат из фронтовой разведки,
С кем пришлось служить на той войне.*

*Вспоминает ночи темные, бессонные,
Изредка лишь в небе всполохи ракет,
И стоят в глазах тоска и грусть бездонные,
Что ребят с тобою тех уж нет.*

*Маскхалат белеет на снегу невидимо,
Помогая скрытно под «колючку» лезть,
Неизвестность встретит неожиданно,
Впрочем, всех опасностей не чести.*

*Проползли «нейтралку», чуть передохнули.
Снег под сапогами фрица заскрипел,
Небольшая схватка. Тишина. Вздохнули.
Кляп уже во рту, «язык» чуть захрипел.*

*И опять бесшумно, словно привидения,
Поползли, как тени, вновь к своим назад,
Возникают в памяти, точно сновидения,
Лица всех своих разведчиков-солдат.*

*Вспоминает ветеран и братство фронтовое,
Разведроту, где пришлось служить,
3-й Белорусский, время грозное.
Это невозможно никогда забыть.*

*Леонид Силантьевич РАХАЛОВ,
участник Великой Отечественной войны*

СОЛОВЬЕВ Николай Александрович

Родился 10 мая 1924 года. Участник Великой Отечественной войны в составе Ленинградского, Карельского, 3-го Белорусского фронтов, капитан артиллерист. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и еще 15-ю памятными медалями. В «Авангарде» работал с 1958 по 1994 год, начальник конструкторского бюро.

26 июня 1941 года я был призван в сформированный из молодежи и хозяйственного актива Парголово-ского района Ленинградской области 87-й истребительный батальон Ленинградского фронта. Батальон нес патрульную службу, принимал участие в возведении оборонительных сооружений, оборудовал посты ВНОС (Воздушного Наблюдения Оповещения и Связи) и нес на них службу. В конце августа и начале сентября батальон принимал участие в боевых действиях в районе Белоострова.

Летом 1942 года молодежь 1924 года рождения была из батальона переведена в 78-й запасной полк на станции Токсово. На базе этого полка в сентябре была сформирована месяце 35-я отдельная лыжная бригада. В начале ноября, после подготовки и обучения, бригада была переведена в состав 67-й армии, и расположилась на побережье Ладожского озера для охраны Ладожской трассы и стала готовиться к прорыву блокады. Во время прорыва блокады батальон участвовал в огневой поддержке наступающих частей 67-й армии.

В начале 1943 года наша бригада была переведена в состав 53 армии в район Колпина. И вместе с другими частями, принимавшими участие в прорыве блокады, участвовала в наступательных боях по освобождению поселка Красный Бор и ряда прилегающих к нему пунктов с целью расширения коридора после прорыва блокады и обеспечения безопасности сообщения с Ленинградом. 11 февраля 1943 года я был в этих боях тяжело ранен, вытаскен с поля боя на волокуше и направлен в госпиталь в Ленинград, а впоследствии

эвакуирован в город Череповец.

В мае 1943 года я был выписан из госпиталя и направлен в военное училище в Архангельск. После окончания училища, летом 1944 года, был направлен на Карельский фронт в стрелковый полк. В составе этого полка проходил службу в должности командира взвода и батареи, участвовал в наступательных боях по освобождению Карелии.

В ноябре 1944 года, после освобождения Карелии от финских и немецких войск, полк, в котором я служил, был переведен на 3-й Белорусский фронт в Восточную Пруссию в состав 31-й армии и стал готовиться к наступлению на Кенигсберг. В середине января 1945 года мой полк перешел в наступление в районе Мазурских озер в направлении на Ангенбург и Кенигсберг. В этих ожесточенных боях 24 января 1945 года я был тяжело ранен, лечился в госпиталях Инстенбурга, Вильнюса и Казани. В сентябре 1945 года я был выписан из госпиталя и демобилизован по инвалидности, вернулся в Ленинград.

В боях за Родину

СТАЮНИН Виктор Алексеевич

Виктор Алексеевич родился в 1922 году в Костромской области в крестьянской семье.

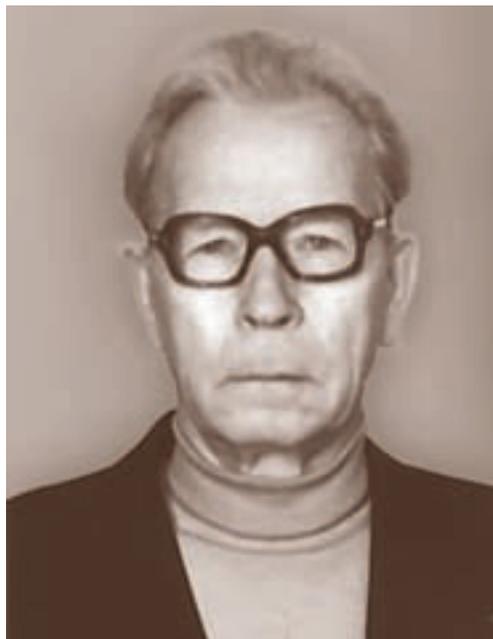
В 1933 году его семья переехала в Ленинград, где Виктор окончил семь классов и в 1937 году поступил в школу фабрично-заводского ученичества при Невском заводе им. Ленина. По окончании учебы он работал модельщиком на этом же заводе.

В 1941 году его призвали в армию и направили в город Горький (теперь Нижний Новгород) в запасной артиллерийский полк. Там он прошел соответствующую подготовку, получил звание сержанта, затем старшего сержанта.

В январе 1942 года в должности командира минометного расчета 120-миллиметрового миномета в составе 408-го минометного полка он уже воевал с фашистскими захватчиками на Калининском фронте.

В декабре 1942 года он был направлен в Смоленское артиллерийское училище в городе Ирбит Свердловской области. По окончании училища в звании лейтенанта, в должности командира огневого взвода 122-миллиметрового орудия он оказывается в бою в составе 1-го Прибалтийского фронта.

«И снова бои, тяжелые — легких боев не бывает, кровопролитные, но уже не оборонительные, а наступательного характера. По-

бедный марш с боями по Прибалтике. Орудие моего огневого взвода крушило опорные пункты, блиндажи, узлы связи, доты и дзоты врага, уничтожало живую силу противника, не раз приходилось вести прямой наводкой огонь по танкам, отражая танковые атаки. Эти бои на всю жизнь запечатлелись в памяти. За эти бои я был награжден двумя орденами Красной Звезды.

Победа и конец войны застали меня под Либавой (город и порт Лиепая), — продолжает Виктор Васи-

льевич, — Для меня это было долгожданное событие. Моя воинская часть прибыла на передовые позиции для замены другой воинской части.

Меня поразила необычная тишина. Не было никакой стрельбы, а солдаты свободно ходили по брустверу траншей. От них я и узнал об окончании войны и капитуляции Германии».

В 1946 году Виктор Алексеевич демобилизовался, а затем до 1956 года снова служил в армии.

Боевой путь В. А. Стаюнина отмечен целым рядом правительственных наград, в том числе орденом Отечественной войны II степени.

После увольнения в запас, он возвратился в Ленинград и работал модельщиком 6-го разряда в научно-производственном объединении «Ленинец».

СТЕПАНОВА Зоя Ивановна

Родилась 1 января 1924 года. Участница Великой Отечественной войны в составе Ленинградского и 2-го Белорусского фронтов, вольнонаемная. Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и еще 10 памятных медалями. В «Авангарде» работала с 1951 по 1982 год, регулировщик измерительных приборов.

Летом 1941 года я ощутила, что такое бомбежка. Я находилась в отцовском доме в поселке Старая Ладога. Все спали. Проснулась от грохота, было 6 часов утра. Дом содрогнулся, я ожидала, что сейчас на меня рухнет потолок. Чтобы бревна не упали на мое лицо, я натянула на лицо одеяло. К счастью, обошлось. Бомба упала недалеко от дома. А в другой дом бомба попала, и он сгорел. Немецкие самолеты летали на бреющем полете. Немцы стремились завладеть городом Волхов (ГЭС, крупный железнодорожный узел, мост) и Новолодожской флотилией.

Зимой 1942 года я была на лесозаготовках около станции Пупышево. Пилили лес для Дороги жизни. Работа очень тяжелая. Было холодно, голодно и трудно, в лесу по колено снега.

Весной 1942 года я поступила по вольному найму в производственный отдел авиамастерских. Принимала и оформляла в ремонт радио- и электроприборы, самолетные винты. Через некоторое время мы были переведены на казарменное положение.

В 1943 году, после небольшого отдыха, нашу часть направили в город Новозыбков

Гомельской области (2-й Белорусский фронт). Хочу описать одну ночь в этом городе.

Незадолго до этого город освободили от немцев. На станции было сосредоточено большое количество боеприпасов, продовольствия и товаров, вагонов с ранеными, двери которых были закрыты. Ночью началась страшная бомбежка. Немецкие бомбардировщики с использованием осветительных ракет совершали налет за налетом. Взрыва-

лись бомбы, боеприпасы и, конечно, возникали пожары. Трудно даже представить картину происходящего и судьбу раненых.

Наша часть располагалась неподалеку от станции. Жертв в части не было, только был поврежден стенд, на котором проверялись моторы. Мы, девчата, почувствовав, что дом содрогается, выскочили на улицу и побежали в сарай, где у хозяина была вырыта яма. А в соседнем доме взрывной волной 3-летнюю девочку забросило на дерево, и она погибла.

Наша часть со временем окрепла, выросла и стала называться Авиационной ремонтной базой. В ней стали производить капитальный ремонт самолетов. Потом часть передислоцировали в Брест, Польшу (Познань), где для меня и закончилась война. Когда мы ехали по Германии (на автомашинах), встречали американцев, которые поднимали руки, приветствуя нас, и кричали: «Русь, Русь!»

С 1945 года наша часть вошла в состав группы Советских оккупационных войск в Германии.

На рейхстаге я оставила свою роспись!

ТЕПЛОВ Дмитрий Александрович

Дмитрий Александрович Теплов родился в августе 1925 года в Пензе.

В 1930 году выехал в Москву, в 1932 году — в Ленинград, затем в Пензу и далее в Кострому. К началу войны он окончил девять классов средней школы.

В Костроме 16 октября 1941 года он стал бойцом истребительного батальона. В декабре 1942 года поступил во Второе ленинградское артиллерийское училище, эвакуированное из Ленинграда в город Белорецк (на Урале, в Башкирской АССР). По

окончании училища в 1944 году в качестве командира огневого взвода служил в 61-м гвардейском артиллерийском полку 28-й гвардейской Харьковской Краснознаменной стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта. С этим полком прошел он с боями по фронтовым дорогам.

«Воевал я в районе города Бендеры на реке Днестр, — вспоминает Дмитрий Александрович, — командовал огневым взводом 122 миллиметровых пушек-гаубиц, а позднее, в связи с выбытием из строя офицерского состава (боевые потери), был назначен командиром огневого взвода 76-миллиметровых пушек, то есть на самые передовые позиции. В одном из боев был ранен, но так как кости не были задеты, был на излечении при ПМП (полковом медпункте).

Бои в Приднестровье, в нынешней Молдавии, были тяжелые, артиллерия, которой мне пришлось командовать, сво-

им огнем поддерживала продвижение вперед боевых порядков нашей дивизии».

В августе 1945 года Дмитрий Александрович служил командиром учебного взвода Отдельного учебного артдивизиона той же дивизии, затем старшим офицером батареи 61-го гвардейского пушечного артиллерийского полка в Одесском военном округе.

С 1947 по 1952 год был слушателем Военно-транспортной академии. После окончания академии служил в штабе фло-

та, в Управлении военно-транспортной службы при Сахалинском морском пароходстве, с февраля 1962 года — начальником Военных сообщений Тихоокеанского Военно-морского флота, позднее начальником кафедры Военной академии тыла и транспорта. В феврале 1982 года ушел в отставку.

Капитан I ранга Дмитрий Александрович Теплов, участник Великой Отечественной войны, ветеран Тихоокеанского флота награжден орденами Отечественной войны I и II степени, многими медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За освобождение Кореи», «Серебряной медалью Болгарии», «Ветеран 28 гвардейской Харьковской Краснознаменной стрелковой дивизии», «275 лет Тихоокеанскому флоту», «За победу над фашистской Германией в войне 1941–1945 годов», «За победу над Японией», «300 лет Российскому флоту», Ленинской юбилейной медалью, многими юбилейными меда-

лями, нагрудными знаками «За дальний поход», «Почетный работник морского флота» и другими.

О нем неоднократно упоминается в изданиях по истории службы военных сообщений (ВОСО).

Ему присвоено ученое звание — почетный профессор ИЭПС.

Даже на заслуженном отдыхе он активно включается в ветеранскую работу. Он участвует во многих мероприятиях, издает свои наблюдения по прежней деятельности, как крупный специалист ВОСО в 2002 году выступал с докладом на Всероссийской военно-практической конференции. Он член Совета ветеранов Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии.

Ветеранам Отечественной войны с фашизмом посвящается...

*Нам жизни пути выбирать не пришлось,
Их для нас начертала война,
Легких дорог нам тогда не нашлось,
А было в избытке и слез, и труда...*

*Жизнь разное нам преподносит,
Вероятно, такая судьба,
Быть в боях, где смерть всех косит,
Вот за что на груди ордена.*

*Мы на фронтах себя не щадили,
Да и ран не считали тогда,
Сколько слез о погибших пролили,
Отчего на висках седина.*

*Ведь совсем молодыми мы были,
Чуть за двадцать было тогда,
Рано мужали, по-военному жили,
Но любить хотелось всегда.*

*За победу, за мир воевали,
Ждали — кончится скоро война,
О семье, о детях мечтали,
К мирной жизни стремилась душа.*

*Многих нет, а мы с тобой живы,
Войны ветеранами чтит нас страна,
Возможно, в делах уже не строптивы,
Но с гордостью носим свои ордена.*

*Жизнь сложилась для нас не простою,
Но не хнычем мы даже сейчас,
Знаешь, друг, давай выпьем с тобою,
Ведь огонь наш еще не погас.*

*Выпьем за то, что живем и жили,
И за то, что Победа была,
Мы, наверное, с тобой заслужили,
Чтобы дом был у нас и Россия жила.*

*Евгений Петрович КОЗЫРЕВ,
житель блокадного Ленинграда*

Гвардия штурмует Кенигсберг

ТЕПЛОУХОВ Анатолий Иванович

Давно отгремели последние залпы Великой Отечественной войны, завершившейся Победой нашего народа над фашистской Германией.

Но события той кровопролитной войны навсегда врезались в память ее участника Анатолия Ивановича Теплоухова. В составе прославленного гвардейского полка прошел он боевой путь по нелегким фронтовым дорогам.

Анатолий Иванович родился 1 января 1925 года в одной из деревень Марийской АССР. «Родился и сразу встретил Новый год», — шутит он. Отец Анатолия — рабочий лесопилки. У Анатолия было еще две сестры.

В 1934 году Анатолий Иванович переехал в город Зеленодольск Татарской АССР, где окончил 7 классов средней школы и поступил в ремесленное училище для обучения специальности слесаря-лекальщика.

Учиться было нелегко, бытовые условия были неважные, никогда не наедался досыта, но молодой организм и привитые с детства трудовые навыки помогли преодолеть все трудности.

После окончания училища в мае 1943 года Анатолий был призван в армию и направлен в Гороховецкие военные лагеря под Нижний Новгород. Оттуда его направили для прохождения службы в 43-й гвардейский стрелковый полк в должности артиллерийского разведчика (полковая артиллерия).

В обязанности артиллериста-разведчика входило засекать огневые точки противни-

ка по вспышкам от выстрелов вражеских орудий. После чего наша артиллерия вела по ним огонь с целью их уничтожения, поскольку они мешали продвижению нашей пехоты.

В составе этого полка Анатолий с боями дошел до Восточной Пруссии, участвовал в тяжелых кровопролитных боях при штурме города и крепости Кенигсберга.

«На второй день штурма фашистской крепости Кенигсберг (ныне город Калининград), 6 мая 1945 года, меня осколком разорвавшегося снаряда ранило в левую руку, — рассказывает Анатолий Иванович. — Я тогда почувствовал очень сильный удар и резкую боль, едва не потерял сознание. Вся жизнь промелькнула у меня перед глазами, подумал было, что встретился лицом со смертью. Но гвардеец спасет своих, даже рискуя своей жизнью, — таков закон гвардии! Ко мне сразу подбежали два наших солдата, быстро перевязали руку и на плащ-палатке вытащили с поля боя, доставили в полковой медпункт. Ранение у меня было тяжелое, с повреждением нерва, сухожилий и мышц. В полковой санчасти мне сразу оказали квалифицированную медицинскую помощь, а затем отправили на излечение в госпиталь.

Этот последний бой у меня до сих пор перед глазами. Кенигсберг был окутан черным дымом. Земля вокруг крепости ходила ходуном, вставала дыбом от разрывов снарядов. Враг, предчувствуя свою близкую гибель, ожесточенно сопротивлялся. Наши

войска также несли огромные потери, но продолжали упорно штурмовать крепость, сужая кольцо вокруг Кенигсберга и приближая конец фашизма».

За участие в этом бою Анатолий Теплоухов была награжден медалью «За отвагу», медалью солдатской доблести и героизма.

В госпитале Анатолий Иванович пробыл с апреля по сентябрь 1945 года, а 21 сентября 1945 года он был признан инвалидом 2-й группы Великой Отечественной войны и демобилизован из армии. Так для него закончилась война.

После демобилизации Анатолий Иванович возвратился в город Зеленодольск, поступил в судостроительный техникум, в 1949 году с отличием его окончил и был направлен на работу в Ленинград на Петрозавод. Здесь он проработал 40 лет, вначале помощником начальника цеха, затем конструктором. В 1989 году ушел на заслуженный отдых.

Его ратный труд удостоен орденом Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу» и еще полутора десятком других медалей, нагрудными знаками «Фронтовик», «Гвардия» и другими наградами.

«Город сражается». Анна Ефремова, 10-й класс, лицей № 150, ДДЮТ

Путь-дорога до Берлина...

ТИМАКОВ Александр Александрович

Родился 1 ноября 1926 года. Участник Великой Отечественной войны в составе Приморской армии, 1-го Белорусского фронта. Старший сержант, инвалид 2-й группы. Награжден орденом Отечественной войны I степени и медалями «За победу над Германией», «За отвагу» и еще 20 памятными медалями. В «Авангарде» работал с 1950 по 1991 год, слесарь-электромонтажник, наладчик СТО, «Почетный радист СССР».

Если было бы можно не сокращая, не вытирая украдкой слез, рассказать о каждом эпизоде жизни в блокадном городе, об эвакуации, о долгих фронтовых дорогах, обо всех послевоенных штрихах его биографии, которая оказалась навсегда связана с судьбой нашего объединения!

Война застала его 14-летним парнишкой. Учился на токаря при заводе им. Карла Либкнехта. Трудовая школа началась для него с обтачивания донышек для снарядов. Работали в три смены. Добирался домой до Московского вокзала пешком, чуть живой от голода и холода. Среди ленинградцев, эвакуированных в Пятигорск в 1942 году, был и Александр с матерью. При местном Осоавиахиме он поступил в школу радистов.

Не случайно 16-летнему пареньку, редактору стенной газеты при школе, комсомольскому активисту в горкоме партии предложили вступить в действующую армию радистом для особых спецзаданий на

Северо-Кавказском фронте, разведчиком-радистом для сбора в тылу врага необходимых сведений о немецких войсках.

И покатились для Александра Тимакова с 1943 года нелегкие фронтовые пути-дороги до самого Берлина. Закончил войну в звании сержанта, начальником радиостанции. И лишь в 1950 году возвратился из Германии домой в Ленинград. Сразу устроился в объединение (тогда оно называлось НИТИ), которое находилось у Финляндского вокзала. Поступил работать радиомонтажником.

Радиомонтажником и на заслуженный отдых его проводили в 1991 году. Солидным оказался не только трудовой стаж ветерана. Был за эти годы и секретарем парторганизации цеха, и членом парткома объединения, и членом президиума профкома, и членом совета ветеранов при Калининском райкоме ВЛКСМ, и депутатом Калининского райсовета Ленинграда.

Ушел из жизни 18 ноября 2004 года.

ТОПИЛИН Иван Иванович

Донской казак и фронтовик Иван Иванович Топилин 31 год посвятил службе в Вооруженных силах страны. Прошел боевой путь от рядового до полковника.

Все воспоминания ветерана о войне слились в одну бесконечную дорогу. Дорогу боев и сражений. «Пол-Европы отшагали, пол земли, как в той песне поется, — говорит Иван Иванович с гордостью. — Луганск, Донецк, Полоцк, Симферополь, Севастополь... Гнали фашиста с нашей земли».

Иван Иванович Топилин родился в 1924 году в Ростовской области, на казачьем хуторе Елкин. Хутор состоял из тысячи дворов протяженностью около трех километров.

В 1935 году его отца репрессировали и выслали в Караганду, в 1938 году к месту ссылки отца выехала мать с двумя детьми. Дома на хуторе остался Иван с младшим братом и старшей сестрой. Детям пришлось рано стать самостоятельными. Позднее они перебрались в станицу Манычская.

В войну они оказались в оккупации. В феврале 1943 года станица была освобождена от немцев, и девятнадцатилетний Иван Топилин был призван в армию.

После соответствующей подготовки, обучения военному делу, уже в июне 1943 года, в качестве минометчика одной из частей 50-й Гвардейской дивизии он воевал на фронте под Ворошиловградом (Луганском), затем на реке Миус, участвовал в боях по освобождению Донбасса, Харцизска, Ясиновской.

Часто яркими вспышками встают в памяти ветерана отдельные эпизоды военных лет.

Вспоминает ветеран, как они ночью с боем вошли в Донецк и как радостно со слезами, утром жители города встречали солдат, как освободителей.

«Это огромное счастье — видеть, как люди радуются своему освобождению, и разделять с ними это событие», — говорит Иван Иванович.

С горечью ветеран вспоминает фронтовые дороги: «Грязь, пот, окопы и самое страшное — потеря боевых друзей. А какие тяжелые

бои шли под Макеевкой! Думали, что никто из нас уже не выживет в этом аду».

В сентябре 1943 года Топилин получил легкое ранение в ногу. К счастью, кость не была задета осколком, и боец очень скоро снова встал в строй.

После госпиталя минометчиком одной из частей своей 51-й армии Иван Топилин оказался в боях в Запорожье. В январе 1944 года он получил второе ранение в ногу, и снова — госпиталь.

В марте 1944 года после госпиталя вновь были бои под Перекопом, Турецкий вал, участие в освобождении Крыма в качестве командира расчета 120-миллиметрового миномета. Бои шли в тяжелых погодных условиях: метели, вьюги, снежные заносы.

«16 апреля мы дошли до внешнего обвода Севастополя (18–20 км от города), — рассказывает Иван Иванович. — В ночь на 9 мая 1944 года мы подошли к окраине Сева-

стополя, другая сторона города была в огне, там обосновались немцы.

Ночь стояла лунная. Наш летчик на самолете У-2, пролетая низко над Севастополем, громко кричал нам: «Вы кто?» Из-за шума мотора ответа он не услышал и улетел. Ночью наши войска захватили железнодорожную станцию.

Утром наступила тишина, а днем — снова пальба: это немцы скопились на мысе Херсонес. Они убили нашего парламентаря, после чего были уничтожены артогнем с нашей стороны.

Вечером 9 мая мы ушли в Симферополь, затем эшелонами были переброшены в Белоруссию под Полоцк и далее на 1-й Прибалтийский фронт».

Окончание войны Иван Иванович Томилин, сержант, командир взвода, встретил под Либавой. Затем последовала учеба на курсах в Горьковской (Нижегородской) области,

звание младшего лейтенанта и служба командиром учебного взвода в городе Осиповичи в Белоруссии. С 1947 по 1954 год служил в 3-м Воздушно-десантном корпусе командиром минометного взвода. Совершил пятьдесят шесть прыжков с парашютом.

Затем прошел Высшие офицерские курсы, получил должность командира батареи.

В 1959 году Иван Иванович с отличием окончил Артиллерийскую академию в Москве, 2 года провел в командировке на Кубе, затем преподавал в Ленинградской артиллерийской академии до выхода в отставку.

После ухода в отставку 19 лет он посвятил мирному труду, работал инженером-электроником в «Пластполимере».

За свой ратный труд Иван Иванович Топилин награжден орденами Славы III степени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени и 16 медалями, в том числе «За боевые заслуги».

День памяти и скорби

*В июне в сорок первом, как пожаром,
Войной была охвачена страна,
Днем памяти и скорби ведь недаром
Та дата в нашей жизни названа.*

*Война несла нам смерть, и кровь, и горе
И в каждый дом, и в каждую семью,
И шла она на суше и на море,
Солдат шел в бой за Родину свою.*

*Год сорок первый был для нас тяжелым,
Мы бились насмерть, не забыть тех лет,
Мы оставляли города и села,
С укором женщины глядели нам вослед.*

*Под сапогом солдат земля горела,
Он с боем шел дорогою войны.
За Родину, за правое то дело
И погибали Родины сыны.*

*Шли в гимнастерках, мокрые от пота,
Соль проступала сзади, на спине,
Шли сквозь огонь, снарядов грохот,
Чтобы с Победою прийти на той войне.*

*Леонид Силантьевич РАХАЛОВ,
участник Великой Отечественной войны*

ФИЛИППОВСКИЙ Владимир Николаевич

Участник Великой Отечественной войны в составе 1-го Украинского фронта, младший лейтенант, инвалид войны 1-й группы. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией», «За отвагу» и еще 10 памятных медалями. В «Авангарде» работал с 1956 по 1985 год, начальник сектора.

После окончания Ленинградского военно-инженерного училища, эвакуированного в город Кострому, в начале осени 1944 года я был направлен в штаб 1-го Украинского фронта, проходившего тогда по югу Польши. Там меня назначили командиром саперного взвода 807-го стрелкового полка 304-й дивизии. Полк занимал участок передовой линии фронта и готовился к его прорыву с последующим наступлением на позиции противника. Необходимо были сведения о численности и вооружении противостоящих немецких частей.

Командование полка приняло решение получить их от «языка», которого предстояло захватить у немцев, проведя разведку боем. Для этого необходимо было предварительно освободить от мин участки наших и немецких минных полей, то есть сделать в них проходы для свободного продвижения нашей разведки к траншее противника.

Выполнение этой работы поручили моему взводу. Таким было мое первое боевое задание, одно из тех, которые остаются в памяти каждого из нас на всю жизнь.

Сложность и опасность задания состояла в том, что работать предстояло ночью, а оба

минных поля (наше и немецкое) проходили по нейтральной полосе на некотором расстоянии от своих передовых краев обороны. Причем, если у меня имелась карта расположения нашего минного поля и было известно, где и из каких мин оно состоит, то о вражеском минном поле у нас не было никаких сведений.

Предполагалось (и это впоследствии подтвердилось), что оно состоит из мин натяжного действия, когда мины устанавливаются на столбиках, непосредственно у самой земли, на некотором расстоянии друг от друга. Между соседними минами натягивается тончайший тросик, соединенный с чекой мины. Так что стоило едва задеть его, и мина взрывалась.

В указанном месте я и бойцы взвода попластунски поползли по нейтральной полосе в сторону противника. Нейтральная полоса представляла собой жнивье со сложенными по полю, еще не убранными скирдами снопов. Если сделать проход в нашем минном поле не составляло труда, то для выявления немецкого поля пришлось довольно долго, медленно и осторожно ползти, с трудом преодолевая каждую пядь земли.

Никогда не забыть стрекотания сверчков, свист и светящиеся стрелы пролетающих над головой трассирующих пуль немцев, изредка постреливающих в сторону услышанного порой шума.

Уже стали слышны немецкие голоса, когда наконец мне,двигающемуся чуть-чуть впереди товарищей, удалось нащупать зама-

скированный в жнивье тросик. Минное поле было обнаружено. По моей команде тросики были перекушены, мины обезврежены. Проход мы обозначили установленными с двух сторон рядами снопов, после чего вернулись в часть.

О выполнении задания я доложил командиру полка, разведрога удачно провела разведку боем и привела «языка». Полученные от него сведения помогли в дальнейшем прорвать фронт и продолжить наступление.

Я был несказанно рад, что так удачно удалось выполнить первое из порученных боевых заданий. Это был один их эпизодов моего участия в Великой Отечественной войне.

«Зима пришла на Невский Пятачок». Артем Шатилов, 9-й класс, лицей №95, ДДЮТ

На войне, как на войне

ЧЕКМАСОВ Николай Кузьмич

Николай Кузьмич родился в крестьянской семье в одной из деревень Орловской области.

Николай с детства мечтал стать летчиком, в его понятии — человеком героической профессии. Но жизнь распорядилась иначе. Из-за близорукости, к службе в авиации он оказался непригоден. В октябре 1940 года Николай Кузьмич был призван в армию. В армии, как известно, не выбирают ни род войск, ни военную специальность, есть понятие — приказ, который выполняется беспрекословно. Служить Николай Кузьмич попал на Дальний Восток, в Приморье, в Усть-Сунгарский укрепрайон. В августе 1941 года он получил первое офицерское звание техник-интендант 2-го ранга. В 1944 году после окончания интендантских курсов он назначается на должность начальника ПФС (продовольственно-фуражного снабжения) дивизиона связи Резерва Главного командования.

Практически наиболее боеспособной оказывается воинская часть, личный состав которой кроме хорошей боевой подготовки хорошо и вовремя накормлен, обут, одет, полностью обеспечен оружием и боеприпасами. Фронтовики прекрасно знают, с какими трудностями доставлялись на передовую горячая пища или сухой паек, табак, патроны и снаряды. Они также знают, что орудия без снарядов и танк без горючего превращается в никчемную глыбу металла. Часто продовольствие, боеприпасы, обмундирование доставлялось на фронт под огнем противника

и интенданты, так же как и бойцы, погибали и получали ранения.

Будучи военнослужащим, Николай Кузьмич не жаловался на тяготы и лишения службы, а легкой она не была.

Однажды за 600 км от воинской части он получил продукты на армейском складе, их загрузили в товарный вагон и пожелали ему счастливого пути. Это задание стало для него полной неожиданностью, поскольку предполагалось, что продукты в часть доставят без него.

«И вот представьте себе картину: на улице 56 °С мороза, в вагоне холодно, нет ни капли воды, колбаса и хлеб из сухого пайка заledenели и превратились в камни, на остановках нельзя оставить вагон без охраны, да и неизвестно, когда тронется состав, и такое путешествие длилось несколько суток. Я этот случай запомнил на всю жизнь», — делится воспоминаниями ветеран.

Николай Кузьмич рассказал, что снабженцам часто приходилось проявлять здоровую инициативу, для того чтобы доставить что-то дополнительное к рациону личного состава: заводили огороды, где сажали картофель, капусту и другие овощи, откармливали свиней, организовывали сбор брусники, лов рыбы и многое другое.

В должности интенданта Николай Кузьмич принимал участие в войне с Японией. По его словам, военным приходилось нелегко. Театр военных действий представлял собой безводную пустыню, поэтому вода доставля-

лась на передовую по норме на каждого человека. По этой же причине не всегда удавалось доставить свежее мясо, оно портилось и приходилось переходить на консервы, не лучше дело обстояло и со свежими овощами.

Стояла августовская жара, войска с боями продвигались по выжженной солнцем пустыне, преодолевая сопки. У солдат от пота на спине сквозь гимнастерки выступала соль. А за войсками на небольшом удалении двигались интенданты, выполняя свои задачи по обеспечению войск.

После завершения войны с Японией и ее капитуляции Чекмасов служил в Монгольской Народной Республике, где ему очень пригодился военный опыт.

Затем последовала учеба в Академии тыла. Далее — служба в должности начальника ОВС (обозно-вещевого снабжения) в городе Лиде в Белоруссии, затем — служба в группе войск в Австрии, после этого в адъютантуре (то же, что аспирантура на гражданке),

преподавание в Академии тыла и транспорта, служба в качестве старшего офицера в Туркестанском военном округе, наконец, В 1966–1977 годах — вновь в качестве старшего преподавателя в Академии тыла и транспорта в Ленинграде.

Уйдя в отставку после 37 лет военной службы, он, будучи уже гражданским человеком, продолжил преподавание в той же Академии, а затем работал старшим научным сотрудником в Научно-исследовательском центре Вооруженных сил страны.

На его счету более 200 научных трудов. Его трудовой стаж, включая военную службу, составляет более 50 лет.

Николай Кузьмич Чекмасов — участник Великой Отечественной войны, полковник в отставке, кандидат военных наук, доцент, кавалер более двух десятков правительственных наград, в том числе двух боевых орденов, медалей «За боевые заслуги», медали МНР и других.

9 мая — День Победы

*Поздравляем с праздником особым,
Ни с каким другим совсем не схожим!
Не забудет этот день вовек
Живший в сорок пятом человек!
Это праздник «со слезами на глазах»,
Так говорят о нем в стихах.
И это правда — с радостью Победы
Нам не забыть утраты и все беды.
Снова, как и с лишком шестьдесят,
Земля одела вновь весны наряд,
И лица всех улыбками цветут,
Солдат же ветеранами теперь зовут.*

*А сколько их в войне той полегло?
Забывать об этом просто нелегко.
На свете и сейчас семей немало,
Где сердце ждать солдат не перестало.
И среди тех, кто выжил в той войне,
Уж многие давно в сырой земле...
Их так осталось мало среди нас,
Что каждый как рубин или алмаз!
Вот что хочу сказать я вам, друзья:
Ведь забывать об этом нам нельзя!
Пусть память цепко все хранит,
И в каждом наша совесть пусть не спит!*

*Вера Васильевна КИСЕЛЕВА,
житель блокадного Ленинграда*

Память сердца

ШАБАРОВ Геннадий Яковлевич

Геннадий Яковлевич родился 26 июля 1927 года. Семнадцатилетним юношей в 1944 году был призван в действующую армию в зенитный Артиллерийский полк Ленинградского фронта.

В январе 1945 года Геннадий Яковлевич участвовал в освобождении от гитлеровцев города Варшавы — столицы Польши.

Однажды, будучи на боевом задании, получил в спину от снайпера «подарок». Его спас рюкзак на спине и фляга в нем, в которой и застряли осколки. Этот трофей до сих пор хранится у нас в семье в именном отцовском портсигаре, с которым Геннадий не расставался все годы службы.

В Советской армии Геннадий Яковлевич прослужил более семи лет: с 1944 по 1951 год.

После демобилизации поступил работать строймастером в Ленинград-Витебскую дистанцию гражданских сооружений Ордена Ленина Октябрьской железной дороги и одновременно учился в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта имени В. Н. Образцова на строительном факультете, который и закончил в 1956 году.

По службе он прошел путь от строймастера до главного инженера, а затем до технического инспектора ЦК Профсоюзов железнодорожного транспорта.

Он был коммунистом. Имел активную жизненную позицию. Неоднократно избирался в местные Советы депутатов трудящихся

депутатом Московского райсовета. Получил высшее политическое образование и много лет был пропагандистом, вел кружок экономического всеобуча. Активно участвовал вместе с ветеранами в проведении Уроков мужества в школах.

Он участник и ветеран Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, ветеран противовоздушной обороны, награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы», «XXX лет Советской армии и флота», «В память 250-летия Ленинграда», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Вооруженных сил», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В. И. Ленина», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», «60 лет Вооруженных сил СССР» и другими юбилейными медалями.

Несмотря на большие трудности в военные годы и мирное время, Геннадий Яковлевич был доброжелательным к людям, спокойным и уравновешенным, хорошим организатором, очень собранным, с характером исключительной силы, воли, мужества, к тому же веселым (хорошо пел, сочинял стихи, играл на балалайке). Был мастером на все руки, все умел сделать, за что бы не брался. В семье с ним было легко, просто и надежно.

Умер он 31 марта 1984 года на 57-м году жизни.

ШАНИН Геннадий Иванович

Родился 11 июля 1924 года. Участник Великой Отечественной войны в составе Степного, Брянского и 1-го Белорусского фронтов, рядовой. Награжден орденом Славы III степени, двумя орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалью «За победу над Германией» и еще 17 памятными медалями. В «Авангарде» работал с 1981 по 1993 год, начальник медико-санитарной части.

Много лет прошло с тех пор, как закончилась та тяжелая война — Великая Отечественная. Сложно вспомнить те дни и ночи, которые легли черной траурной лентой на мою жизнь и страну. Для всех простых людей она возникла неожиданно, внезапно. Мы, жители славного города Ленинграда, жили и наслаждались жизнью и ничего не знали о надвигающейся на нашу страну беде. Она пришла 22 июня 1941 года. А 11 июня — мой день рождения, мне семнадцать. Закончил девятый класс, впереди радостные летние каникулы.

Жили мы на Фонтанке, дом 53. Отец работал, мать домохозяйка. Братьев и сестер не было. Учился я хорошо, любил школу.

19 июня 1941 года родители отправили меня на летний отдых в Ярославскую область, Угличский район, в деревню к бабушке, откуда родом мои родители и куда я ездил каждое лето. Приехал на место двадцатого, а через день война. Бабушка жила одна, и мне пришлось все мужские заботы взять на себя. Война призвала мужское население на фронт. Надо было что-то предпринимать и мне, как-

то определяться в наступившей сложной жизни. К осени Ленинград оказался в блокаде, отца призвали в армию, мать и родная тетя остались в городе. Фронт к осени приблизился к городу Калинину (Твери). Мы слышали, особенно вечером, артиллерийскую канонаду на западе. Шли тяжелые бои на Калининском фронте. Местное население часто направляли на оборонительные работы под город Углич, мы рыли окопы, траншеи, противотанковые рвы. Жили в палатках, питались из армейской полевой кухни. По причине ухода на фронт мужчин

Павловская машинно-тракторная станция для пополнения кадров трактористов начала набор юношей для подготовки по этой специальности. Меня приняли на курсы, но они оказались под Угличем, куда я по ряду причин поехать не мог. Тогда мне дали учебник устройства трактора и сказали «учи, осваивай сам, у тебя образование позволяет это делать». Что я и сделал. Экзамен по трактору сдал на отлично и был зачислен на должность тракториста. Это было правильное решение. Практику вождения «боевой» машины осваивал в местной бригаде трактористов. А весной 1942 года выехал на работу в поле. Жили в сарае, спали на сеновале, кормили нас отлично, работали день и ночь. За работу мне дали трудовую грамоту, чем я и сегодня горжусь, это своеобразный аттестат моей трудовой зрелости. Работал все лето до самого призыва в армию.

24 августа 1942 года нас, троих юношей, вся деревня провожала. Мы были молоды и

не ощущали того, что было видно на лицах женщин, девушек. Двадцать километров на телеге — и мы в городском военкомате города Углича. Началась военная служба. Неделю нас учили ползать по-пластунски на берегу Волги, а потом отправили учиться в Новгород-Волынское пехотно-минометное училище в город Ярославль. Учился специальности минометчика. За год я должен был освоить науку, как надо воевать в должности командира взвода. Тяжелая была учеба и служба. Подъем в 7.00, завтрак, а еды не хватало. Все время хотелось есть. Особенно тяжелы были полевые занятия — ползали в старых шинелях, ноги в ботинках с обмотками. В сапогах было бы хуже, снег в голенище забивался. Я как-то подсчитал, что во время учебы я намотал и размотал двенадцать километров обмоток. Так проучился я до марта 1943 года, когда по причине тяжелой обстановки на фронте нас срочно расформировали и погрузили в товарные вагоны и отправили куда-то на юг. Слухов по эшелону ходило много и ничего конкретного — военная тайна. Кончилась курсантская жизнь, впереди фронт, но мы были молоды, пели под гармошку песни, рассказывали солдатские байки, и на душе было легко.

Через несколько дней пути привезли нас на станцию Лазаревка. По распределению попал на должность наводчика 122-миллиметровой пушки-гаубицы. Полк был на конной тяге, шестерка лошадей тащила орудие весом в шесть тонн. Моя дивизия прибыла с Калининского фронта, понесла большие потери в людях и технике. Недели через три лошадей отправили в тыл, а их заменили на большие тягачи марки «студебекер» производства США.

Шло лето 1943 года. Орловско-Курская битва. 17 июня мы прибыли в Орловскую область и заняли боевые позиции. Это был памятный день: начало моего боевого пути по дорогам войны. До нас на этом поле был жестокий бой, и не дай Бог такое видеть.

Обязанность наводчика орудия — правильно наводить его на цель, поражать ее выстрелом. Обслуживали орудие по штату семь человек, а фактически пять, не хватало людей. Приходилось много грузить и разгружать снаряды. Сколько их прошло за войну через мои руки, невозможно подсчитать! В пути сидели и спали на ящиках в кузове. По прибытии в точку назначения отцепляли орудие, приводили его в боевое положение, разгружали из кузова ящики со снарядами и машину быстро отправляли в укрытие, а сами брали лопату и начинали земляные работы: углубление для пушки, яму для снарядов, а потом ровики для себя на случай обстрела. Горы земли я переверотил для спасения себя и техники. Бывало по-разному: только разгрузим автомобиль, установим пушку, как поступает команда «отбой» и новый переезд. Наша стрелковая дивизия наступала в составе войск Центрального фронта. Командовал фронтом Рокоссовский, а потом Жуков. Полк был мобильный, и нас гоняли по всему фронту. На Орловско-Курской дуге наша дивизия осуществляла большой прорыв пехоты и занятие важных стратегических пунктов. За отличную стрельбу в этих боях меня наградили орденом Славы III степени — мой первый орден. Эти ордена только что ввели как награду.

Мы продвигались на запад... Наш полк на механизированной тяге бросали в горячие точки фронта, теперь это был 1-й Белорусский фронт. Даже ненадолго заглянули в Литву. Как-то в хороший летний день батарея развернула боевые позиции в ржаном поле. Полдень, обед. И вдруг около нас разорвался фугасный снаряд. Итог — трое убиты, двое остались целы, среди них и я. Повезло, так бывает на войне. Страшно? Да, очень страшно, когда на глазах гибнут люди. Это чувство сложно передать на бумаге. А что видел при переезде с места на место — жуть. Ощущения войны хорошо отражены на картине Вереща-

гина «Апофеоз войны» которая находится в Русском музее нашего города. Но война есть война, и приказ командира надо выполнять.

Среди брянских, белорусских лесов мы чувствовали себя гораздо лучше, ведь лес отличное укрытие, маскировка. Очень тяжело было, когда с техникой приходилось преодолевать болотистую местность. Ведь в буквальном смысле, подобно репинским бурлакам, тащили на своих плечах эту тяжелую технику. Были и канаты, и, реже, лебедки на автомобиле, но основная сила — сила солдата. И что главное: не болели. Бог хранил, он был на нашей стороне и нам помогал. Спали и зимой постоянно на улице, на открытом воздухе. Были палатки, но ими не всегда можно было воспользоваться, тогда рубили хвойные ветки, клали ровно на землю, потом стягивали с автомобиля брезент, покрывали им все это, а второй половиной укрывались. По ночам выставляли двух солдат на охрану. Но такой комфорт не всегда удавался, чаще спали в движении на ящиках со снарядами в кузове машины. Ведь по ночам, когда темно, мы меняли огневые позиции, а иногда и вообще не удавалось поспать. Однажды при переезде нашего орудия на ухабе с передка вылетел солдат и попал под колесо пушки. Поднялся, упал. Когда мы подбежали к нему, он уже не дышал.

Обстановка на фронте к концу 1943 года для нас улучшилась, передовые части успешно продвигались, фашистов гнали с нашей территории. Был освобожден Минск. Раздробленные части, отдельные отряды, группы противника разбрелись по лесам, и нам, артиллеристам, было сложновато в этой обстановке. Как-то нам сообщили партизаны, что по дороге в нашем направлении движется большая колонна немцев. Быстро были приведены в боевое положение наши орудия, и при приближении противника прямой наводкой был открыт ураганный огонь из всех четырех пушек. Враг такого не ожидал, было

много убитых, пленных. Позже за этот бой многих наградили, меня — орденом Красной Звезды. А второй орден Красной звезды я получил после штурма Берлина.

Стреляли без передыху, стреляли в основном с закрытых огневых позиций и от наводчика зависел результат ведения огня. Поразному складывалась обстановка на фронте: были минуты затишья, спокойствия, когда под боевую гармошку пели песни, а если появлялся спирт, то и частушки. Любимая тема среди солдат была кто как познакомился и женился. Фантазии здесь было, хоть отбавляй. А мы, молодые, безусые, слушали и до упаду хохотали. Ведь в батарее нас молодых было четверо наводчиков, а остальные солдаты постарше. А еще были письма. Письма на батарею присылали регулярно. Письма согревали и вселяли надежду. А жить так хотелось!

1944 год. Перешли границу и вступили на территорию Польши. Варшаву наша дивизия обошла с юга, тяжелых боев не вели, стреляли мало, больше ехали. Противник отступал. Все трагические события при Варшаве совершились раньше. В Польше 11 июня 1944 года я отметил свое двадцатилетие. Выпили по чарке фронтового спирта. Чем-то закусили и пошли спать, а спать солдату хотелось постоянно. Там же потерял еще двоих близких товарищей, они погибли от осколков разорвавшегося снаряда. Похоронили их на безымянном склоне, остался срубленный нами христианский крест на могиле. А их родным пошло сообщение: «Пал смертью храбрых в боях за Родину». И сколько таких сообщений получили наши люди в годы Великой Отечественной войны! Вечная память всем им, ушедшим из жизни! Мало нас, бывших фронтовиков остается, время берет свое, а очень хотелось бы видеть могучей и благополучной нашу Россию, а наш трудовой народ, потомков участников той войны, счастливыми. В те далекие годы в землянке, окопе

мы все мечтали о лучшей жизни, о большом счастье. Ветераны состарились, некоторые стали инвалидами. Таких в фаэтонах надо возить, а мы о достойной пенсии мечтаем.

В 1944 году с тяжелыми боями освободили Польшу и наша славная Советская армия вступила на территорию Германии. Боевой дух у нас был на высоте: враг отступает, бежит. Соппротивление оказывает в основном на водных рубежах (Висла, Одер).

Весной 1944 года наши части с боями взяли город Франкфурт-на-Одере. Вперед были те Зееловские высоты, которые позже пришлось штурмовать нашим передовым частям. При переправе частей через реку Одер — а это многоводная широкая река — противник нас постоянно обстреливал, переправа нарушилась и одно орудие нашего дивизиона утонуло. На плацдарме место было болотистое, да еще стояла весна, окапываться не представлялось возможности. Не стреляли, чтобы не выдавать своего местоположения, ведь впереди на высотах был противник и все просматривал. Все перемещения войск производились только ночью, в темноте. Шло накопление войсковой силы для предстоящего броска на высоты и Берлин. Однажды ночью немецкая разведка захватила (убила) офицера штаба нашего дивизиона с планшеткой, где на карте было нанесено расположение наших батарей. Вовремя данная нам команда сменить местоположение спасла и технику, и нас от гибели, так как утром по этим местам был такой обстрел, что земля оказалась вся перепаханной от разрывов фугасных и осколочных снарядов. Я видел все это своими глазами.

И вот 16 апреля в 5 часов утра заговорила артиллерия, через наши головы летели снаряды дальней артиллерии. Вперед пошли танки, пехота. Много пришлось тогда поработать и артиллеристам. Приблизительно только моим орудием было выпущено шестьсот снарядов. Часа через три мы смени-

ли огневую позицию, так как в прорыв устремились наши части, и продолжали стрелять в сторону противника. Танки с пехотой ушли вперед. Враг отступал. К концу дня 17 апреля Зееловские высоты были взяты. В последние дни апреля наш полк оказался западнее Берлина, и в какой-то деревушке 9 мая мы узнали, что война закончилась. Мы победили! Ура! Великая Победа! В честь победы мы много стреляли из карабинов и кричали: «Да здравствует Победа!» Окончена война. Жив, здоров, молод, значит, увижу Ленинград!

К нам в батарею как-то приехал офицер штаба. Он отбирал солдат на Парад Победы в Москве. Для этого надо было иметь: рост не менее 172 сантиметров и три боевых ордена. Я по этим параметрам подошел, и меня для подготовки направили в Берлин в специально сформированный для этой цели батальон особого назначения. Командовал батальоном генерал-майор. Ежедневно нас выводили на площадь и мы отрабатывали идеальную строевую подготовку. Маршировали до дикой усталости. Но по каким-то причинам (говорили, что перед нами отправили большой отряд в Москву), нас задержали, и мы участвовали 7 сентября 1945 года в параде в Берлине. На трибуне был наш боевой маршал Георгий Константинович Жуков и первые заместители командующих союзных войск США, Англии, Франции. Этот парад называли «забытым», о нем не сообщали средства массовой информации. И только 9 мая 2004 года по телевидению показали. Был такой парад, и я в нем участвовал. Политическая обстановка в то время осложнилась, на трибуне не было де Голля, Монтгомери, Эйзенхауэра.

Демобилизован из Вооруженных сил был 6 декабря 1946 года и прибыл в родной Ленинград в конце этого месяца. Так закончилась моя боевая служба, на долю которой выпала война. Впереди была жизнь, учеба.

Спасибо судьбе, что она подарила мне семьдесят лет жизни.

Ласковые руки и доброе сердце

ШЕВЯКОВА Мария Михайловна

Ласковые руки и доброе сердце — так о Марии Михайловне отзываются все, кто ее знает.

Шевякова Мария Михайловна — участник Великой Отечественной войны, блокадница, ветеран Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова в Санкт-Петербурге.

Родилась она 20 апреля 1920 года в одной из деревень Калининской (ныне Тверской) области в семье крестьянина. Семья была многодетной (мальчик и четыре девочки), жили бедно, едва сводили концы с концами.

Маша окончила 6 классов сельской школы. В 1934 году переехала в Ленинград и поступила учиться в двухгодичную школу медицинских сестер, по окончании которой в 1941 году поступила на работу в Военно-медицинскую академию им. С. М. Кирова. 14 сентября 1941 года она была призвана в армию, служила рядовой, медсестрой эвакогоспиталя № 1117 при академии.

И так ежедневно до конца войны ее ласковые руки оказывали первую медицинскую помощь раненым, делали перевязку, а доброе сердце стремилось всеми способами облегчить боль и страдания раненым воинам.

Опыт и знания подсказывали ей, как много значат для пациента доброе слово, прочитанное письмо из дома, глоток воды, вовремя сделанный укол обезболивающего.

С теплом в душе отзывались солдаты о своей палатной сестре, уважали и ценили ее. Приходилось ей выезжать в полевые госпита-

ли, принимать там раненых, оказывать им медицинскую помощь и доставлять в эвакогоспиталь, где их распределяли по палатам.

«После сражений раненых бойцов было особенно много. Иногда нам, девушкам-медсестрам, приходилось переносить на носилках по 150 солдат.

Бывало, что при переполненных палатах раненых помещали в коридорах. Иногда не хватало одеял, и тогда их накрывали матрасами. Не хватало воды — собирали на улице снег и растапливали его. Также мы

варили для больных отвар из березовых почек и настой из хвои.

Часто оставались ночевать в госпитале, чтобы не идти в нетопленную квартиру. Чтобы согреться, ложились спать на протопленную плиту».

В академии Мария Михайловна работала палатной медсестрой, затем фельдшером и далее старшей медсестрой.

В 1942 году ранило саму Марию Михайловну. Бомба с вражеского самолета попала в баллон с газом, баллон взорвался, и разлетевшиеся осколки попали в нее.

Ратный и мирный труд Марии Михайловны Шевяковой отмечен Орденом Отечественной войны II степени, многими медалями, в том числе «За оборону Ленинграда», «Ветеран труда» и другими, также в 1976 году она награждена нагрудным знаком «Отличник соцсоревнования» Министерства обороны СССР, в 1971 году — «Отличник здравоохранения» Министерства здравоохранения СССР.

Тридцатьчетверки идут на запад

ЮСУПОВ Хафиз Ибрагимович

Хафиз Ибрагимович Юсупов родился в Башкирской АССР.

В ноябре 1943 года был призван в армию, проходил службу в Учебном танковом полку.

С октября 1944 года в должности наводчика орудия прославленного танка Т-34 в составе 19-го танкового корпуса воевал в Прибалтике, с боями шел на запад, освобождая нашу страну от фашистских захватчиков.

Юсупов участвовал в боях в Курляндском котле по ликвидации Курляндской фашистской группировки. Бои шли тяжелые, кровопролитные. По рассказам ветерана, немцы долго питали иллюзии, считая себя непобедимой нацией. Попав в окружение, они отчаянно сопротивлялись, пытались вырваться из «котла», но безуспешно. Танковый корпус, в котором служил Хафиз Ибрагимович, громил врага. Покрывая огнем позиции противника, уничтожал его живую силу и технику и все более сужал кольцо.

В одном из таких боев 23 декабря 1944 года Юсупов был тяжело ранен (осколочное ранение головы) и находился на из-

лечении в военном госпитале в городе Елгава в Латвии.

После выхода из госпиталя Юсупов служил и воевал в составе 140-го артиллерийского полка. В апреле 1945 года, незадолго до окончания войны, Хафиз Ибрагимович снова был ранен в бою, получил осколочное ранение лица и правой кисти. На этот раз его направили в военный госпиталь в Ленинград.

После госпиталя он снова служил в танковых частях до октября 1950 года.

В октябре 1950 года старший сержант Юсупов был демобилизован, приехал в Ленинград и поступил на работу в паровозное депо кочегаром паровоза. Затем окончил вечернюю среднюю школу, курсы машинистов, работал помощником машиниста, а с 1963 года — машинистом, в 1981 году ушел на заслуженный отдых, на пенсию.

Хафиз Ибрагимович Юсупов — инвалид 2-й группы Великой Отечественной войны, ветеран труда, ветеран-железнодорожник, награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги», многими другими правительственными наградами.

Это нельзя позабыть!

ЯКОВЕНКО Зоя Григорьевна

Яковенко Зоя Григорьевна родилась 8 марта 1923 года в Ленинграде. В 1940 году она окончила 10 классов средней школы и поступила работать на завод «Краснознаменец».

До войны Зоя жила с матерью. В мае 1941 года мать поехала в Псков навестить больную сестру.

Когда началась война, Зою с группой комсомольцев направили на оборонные работы под Лугу, там она участвовала в строительстве Лужского оборонительного рубежа. Комсомольцы рыли противотанковые рвы, ставили надолбы.

Возвратившись в Ленинград, Зоя узнала от соседней, что матери дома нет, от сестры из Пскова она так и не вернулась. Мать и дочь встретились только в декабре 1945 года. Все это время мама вместе с семьей сестры находилась в оккупации.

Зоя вернулась на свой завод, перешла на казарменное положение, так как состояла в санитарной дружине при МПВО завода. Работала она по 12 часов в смену без выходных.

С октября после работы Зоя с группой девушек, таких же, как она, работниц завода, ходила в больницу им. Мечникова ухаживать за ранеными. Больница была далеко от завода, чтобы сократить путь, шли по шпалам.

Также этим тоненьким, хрупким девушкам на пронизывающем ветру в тридцатиградусный мороз приходилось расчищать железную дорогу на территории завода и чистить от снега взлетную полосу аэродрома в Ковалеве.

Питались они в столовой завода, там по талонам давали хлеб. Хлеб резали на кусочки, сушили их на «буржуйке» и ели понемногу, запивая кипятком.

В июне 1942 года случилось ужасное: у Зои украли продовольственные карточки. Это означало одно: девушку ждала неминуемая мучительная голодная смерть. Она лишилась скудного пайка, благодаря которому жизнь в ней еще теплилась. Но просто так сдаваться на волю случая — было не в характере девушки. Зоя

пошла в райвоенкомат и попросилась добровольцем в армию.

В числе 30 девушек она попала в воинскую часть ПАХ-83 («Походная автохлебопекарня-83»), входившую в состав 67-й армии Ленинградского фронта.

В августе 1942 года часть перебросили на Ново-Ладожский канал. На новом месте быстро поставили большие палатки для печей, штаба, склада, столовой и жилья и сразу занялись выпечкой хлеба для армии. За хлебом приезжали автомашины из частей, получали по весу хлеб, укладывали в ящики, грузили и уезжали.

Хлеб пекли в специальных печах-прицепах к автомашинам. Печь нагревалась первое время электричеством от движка, а потом ее стали топить дровами. Дрова также приходилось заготавливать самим. Спали урывками, посменно, никогда не высыпались. В палатках было сыро и холодно. Зимой тесто месили на морозе, руки немели от жуткого холода.

Кроме того, девушки ходили в караул: охраняли часть, рыли щели для укрытия при налете авиации противника.

Выпекать хлеб стало еще сложнее в период прорыва, а затем снятия блокады Ленинграда. Условия и режим работы изменились, стали еще строже. Все необходимо было делать очень быстро, снабжать фронт хлебом в максимально короткие сроки.

После Синявинских высот и освобождения Шлиссельбурга походную автопекарню перевели в поселок Морозовка. Немцы бесконечно обстреливали поселок и позиции из орудий. Однажды снаряд разорвался внутри двора, где были развернуты их палатки. Пять девушек убило. Зое повезло: ее с подругой взрывной волной отбросило через открытую дверь и ударило о стену внутри склада. Обеих девушек контузило.

Затем последовал переезд под Красное Село, и снова палатки, окопы и работа без сна и отдыха.

Далее были Кингисепп, Нарва, Таллин. После окончания войны в июне 1945 года часть перевели в поселок Парголово, а 2 августа 1945 года последовала демобилизация и возвращение домой, в Ленинград.

9 мая 1945 года

Зоя Григорьевна — кавалер 16 правительственных наград, в том числе ордена Отечественной войны II степени, медалей «За оборону Ленинграда», «Ветеран труда» и других.

Молодежи

*Остановись и уступи дорогу!
Идет войны прошедшей ветеран,
Идет, хромает, палка на подмогу.
Он под Берлином ногу потерял.*

*Он на протезе. Ты не замечаешь,
Сидишь, а рядом он стоит.
О! Неужель того не понимаешь,
Таким, как он, весь мир тебе открыт.*

*Фронтвиков, ребята, уважайте,
Их мало остается к этим дням,
И где б вы ни были, им место уступайте,
Ведь все, что есть у вас, они все дали вам!*

*Евдокия Артемьевна КУКУШКИНА,
участник Великой Отечественной войны*

Память сердца

**Выстояли!
Победили!
В блокадном
кольце**

Старушка

Услыхав по радио про юбилей блокады,
Загрустила старая, вспомнив все о ней,
Про подруг-товарок, славу Ленинграда,
Про дела давно минувших дней.

Из коробки-«сейфа», что в шкафу запрятана,
Вынула старушка желтые листки:
Справочки архивные чести незапятнанной,
Документы мужества, душевной красоты.

Чуть подслеповато вчитываясь в строки,
Унеслась старушка далеко назад.

Вспомнила про голод, холод и жестокий
Артострел, бомбежку, блокадный Ленинград.

Вспомнила былое и подруг-товарок,
С кем трудилась вместе у станка,
С кем на крыше цеха много «зажигалок»
Потушила, верная долгу до конца.

Потеряла всех она, и родных, и близких,
Сиротой живет теперь, словно перст одна,
Мужа и родителей, сыновей и дочку
Унесла навеки страшная война.

Распрямилась старая, плечики расправила:
Все ж не зря мы прожили свой житейский век,
На передний край борьбы нас судьба поставила,
Пережили больше мы, чем может человек.

И на дне коробочки — с ленточкой зеленою,
Потемнев от времени, скромная медаль,
Долго, многолетия ею береженная,
Навевает бабушке грусть, тоску, печаль.

И живет старушка скромно, незаметная,
Ни на что не жалуясь, средь болезней, бед,
Жизнь у ней нелегкая, доля неприметная,
Коротает век свой русский человек.

Ничего не просит, ничего не надо ей,
К трудностям привыкла издавна она,
Хочется старушке в юбилей блокады,
Чтобы не забыла и о ней страна.

И пока на свете есть еще старушки,
В ком привычка к трудностям крепка,
В ком патриотизм не убить из пушки,
Будет жить Россия на века!

Леонид Силантьевич РАХАЛОВ,
участник Великой Отечественной войны

АЛИМОВ Анатолий Семенович

Так начиналась война

В первые недели войны Толиного отца, совсем еще молодого мужчину, мобилизовали, определив в разведывательно-диверсионный отряд. Ушел за линию фронта — и больше никто никогда и ничего о нем не слышал: обычная судьба солдата первых лет войны...

На руках у мамы оставался одиннадцатилетний Толя, две его сестренки и бабушка. А над Синявином всю шла воздушная война: немцы регулярно бомбили пороховой завод в поселке имени Морозова, а наши прикрывали его яростным огнем зениток и истребителей. Поселок засыпали осколки снарядов, его затягивало дымом горящих зданий и самолетов. Но несмотря ни на что, война казалась мальчишкам веселой, почти игрушечной: они восторженно наблюдали за воздушными боями, бегали смотреть на сбитый фашистский самолет, втайне надеясь изловить проклятого немецкого аса. Словом, весело было до тех пор, пока в один из августовских дней, когда Толя с ровесниками играл на улице в полухулиганский «пристенок», испуганный зенитным огнем немецкий пилот не сбросил бомбовый груз практически прямо на ребятешек. Страшные взрывы потрясли центр Синявина, и Толя со всех ног бросился домой. Там его встретили выбитые окна, разлетевшаяся в щепки кухонная мебель, причитающая бабушка. Но особенно врезались в мальчишескую память разбросанные по земле сушившиеся на ниточках грибы. В тот же вечер мама приняла решение эвакуироваться в тыл.

Семья собрала нехитрые пожитки и отправилась в Шлиссельбург, откуда беженцев вывозили баржами по Ладоге на Большую землю. На пристани семью Алимовых застала очередная жестокая бомбежка. Вспоминая ее, Анатолий Семенович произносит одно только слово: «Ад!» Баржу, на которую они было погрузились, разнесло близким разрывом бомбы. Толю вытащили из воды, зацепив багром за одежду. А вот родные в наступившем столпотворении

потерялись, и отыскать их в смертельном хаосе не было никакой возможности. Напрасно мальчик кричал, хватался за юбки чужих теток — ни матери, ни бабушки, ни сестренки!

Тут кто-то в огромной кипящей толпе закричал: «Немцы, немцы идут!» Мгновенно вспыхнула паника. Отчаявшись найти родных, Толя увязался за группой солдат, было их примерно человек сто. Оставшиеся без командования и практически без оружия, они решили во что бы то ни стало найти хоть какую-нибудь боевую часть Красной Армии и примкнуть к ней. Голодного, испуганного, мокрого мальчишку, потерявшего в хаосе бомбежки семью, решили взять с собой, чтобы в ближайшем свободном от немцев населенном пункте сдать его на руки властям.

Однако поход в поисках своих растянулся на много месяцев! Голодные и холодные, днем и ночью пробирались солдаты с мальчиком лесами Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. Питались мороженой клюквой, высохшими грибами, пили чай (естественно, без сахара), заваренный на жухлых листьях и мерзлых ягодах. Кстати,

вкус его по сей день кажется Анатолию Семеновичу необыкновенно, неповторимо прекрасным!

Несколько раз натыкались на колонны сытых, отменно вооруженных немцев, иногда до них доносилось эхо коротких ожесточенных боев. Неподалеку от Мги, спрятавшись на опушке леса, наблюдали, как немцы конвоируют наших пленных. Души бойцов сжигало отчаяние и бессилие — сил и оружия вступить в бой и спасти своих явно не доставало.

К концу осени добрались до деревни Невситино, которая располагалась неподалеку от знаменитой станции Дно, в глубоком немецком тылу. Однако оккупанты в ней гарнизона не оставили. Местные жители приняли окруженцев радушно: напоили и накормили, дали возможность отдохнуть как следует. В ответ на расспросы солдат сообщили, что в деревне Радча базируется партизанский отряд. Было принято решение двигаться туда, но по дороге Толю пришлось оставить в деревне Рогозно — никто не верил, что тяжело заболевший во время голодного и холодного похода пацан выживет.

Однако деревенские выходили Толю. Простая пища, ласковое обхождение и относительный покой сделали свое доброе дело. Так бы и дожидался мальчик в глухой деревеньке прихода наших, но жизнь распорядилась иначе. Вскоре за ним пришли партизаны: отряду позарез был нужен разведчик.

Жизнь на войне

Таких мальчишек в годы великой войны было немало. Толина жизнь текла, можно сказать, по стандарту военного времени: малолетний оборванец с сумой на плече обходил окрестные деревни, села, железнодорожные станции, выпрашивал по домам кусочки хлеба и заодно примечал, где стоят немецкие гарнизоны, какова их численность, какой военной техникой они располагают.

«Базой» для маленького разведчика служил дом деда Костюка, который выдавал его односельчанам за своего городского внука, застигнутого на летних каникулах войной. Это не добавляло радости в жизни мальчика: деревенские относились к городским с высокомерием и презрением.

Впрочем, жизнь в оккупированной деревне была бы вполне сносной, несмотря на присутствие немецкого гарнизона. Оккупанты не только не обижали, но даже иногда прикармливали маленького Толю. Однажды один из высокомерных фрицев как бы в шутку, пнул мальчика ногой под зад, тут же другие немецкие солдаты за Толю вступились. Время от времени ночью в деревню являлись партизанские посланцы и давали Толе очередное задание...

Разведка — дело опасное для взрослого человека, но мальчишке было легче выпутываться из самых сложных ситуаций. Так, однажды в деревне Сущево, неподалеку от железной дороги, где Толя разведывал подходы для партизанских подрывников, его схватили эстонские солдаты, состоявшие на регулярной воинской службе в вермахте. Уличить мальчишку в помощи партизанам они не сумели, но все-таки заставили вместе с другими подозрительными личностями разного возраста разгружать вагоны с хлебом. Анатолий Семенович до сих пор с удовольствием вспоминает, как тогда здорово удалось поесть!

Впрочем, продовольствия на оккупированной немцами территории хватало: педантичные захватчики наладили отменное сельскохозяйственное производство, используя дармовую рабочую силу, в числе которой оказались не только местные жители: к ним присоединились жители пригородов Ленинграда и неудачно эвакуировавшиеся горожане. Не работать на оккупантов было нельзя — моментально следовало неотвратимое и жестокое наказание. Вот и выходит, что трудолюбивые советские граждане кормили вра-

жескую армию, себя, свои семьи, беженцев и, конечно же, партизан.

Ходить по деревням Псковщины и Новгородчины приходилось в любое время, подвергаясь постоянной смертельной опасности. Иной раз она возникала совершенно неожиданно. Однажды мальчишке пришлось заночевать у знакомого крестьянина. Глубокой ночью немцы — то ли с испугу, то ли перебрав самогонки — принялись пускать осветительные ракеты. Одна из них упала на соломенную крышу хозяйского дома. Потушить пожар не было никакой возможности, и сонный Толя едва выбрался из пылающей хаты.

А как-то раз в одной из деревень случилась трагедия, достойная пера Шекспира: два немецких солдата влюбились в русскую де-

«За хлебом...».

Виталий Землянухин, 7-й класс, школа №633, ДДИУТ

вушку. Один из них решил расправиться с соперником, представив дело так, будто тот погиб от руки местных жителей. Немецкое командование приняло провокацию за чистую монету и приняло решение расстрелять все мужское население деревни независимо от возраста. И только внезапное раскаяние преступника спасло жителей от зверской расправы.

Так прошли почти все военные годы. По подсчетам Анатолия Семеновича, он с нищенской сумой на плече «обработал» в Псковской, Новгородской и Ленинградской области более шестидесяти деревень!

Но вот в ходе Великой Отечественной намечился перелом, и у подростка и сильно повзрослевшего Толи появилась новая «узкая специальность». Его отряд базировался неподалеку от деревни Жехловицы, и каждый раз, перед тем как партизанам предстояло подрывать состав противника, они отправляли Толю на разведку. Он бродил по тропам и грунтовым дорогам, пробирался на станции железной дороги, вызнавая места засад, расположение немецких опорных пунктов, маршруты охранников, и по собранным им данным подрывники прокладывали свой маршрут. И не приведи господь ошибиться! Платой за ошибку могла стать жизнь боевых товарищей да и его собственная, мальчишеская — время было военное, прямолинейное в своей суровости.

Конец войне!

Партизанская война закончилась для Толи в марте 1944-го. Когда его отряд соединился с действующей армией, бойцы посадили Толю в кузов американского «студебекера», поинтересовавшись предварительно, куда его следует отвезти. Сомнений не было никаких — в Ленинград! Может быть, там объявится отец или мама с бабушкой и двумя сестренками. На худой конец, в городе жили еще четырнадцать родственников! И невдо-

мек было Толе, что никто из оставшихся в блокадном городе родных не сумел выжить...

В Гатчине «студебекер» остановился на контрольно-пропускном пункте. И тут выяснилось, что никто из партизанских командиров не удосужился выписать Толе хоть какую-нибудь справку! Впрочем, понять их можно: годы напряженной борьбы с оккупантами, радость воссоединения со своими, которого ждали два с половиной года, — до бюрократических ли тут процедур?

Мальчишку, у которого не было совсем никаких документов, определили в детский дом. Однако подросток, прошедший огонь войны, воду вражеских тылов и медные трубы победы, не мог и не хотел спокойно отъедаться на казенных харчах. Вскоре с согласия детдомовского руководства он устроился на работу: Гатчину начали потихоньку восстанавливать, и он быстро обучился крайне необходимой профессии — печному делу. А когда вместе со всеми радостно отпраздновал Победу, отпросился в Ленинград — очень хотелось учиться.

Управление трудовых резервов первым делом направило его на медицинскую комиссию — с целью установления возраста! Понятно: ведь у него не было ни одной бумажки, удостоверяющей личность и возраст. Медики определили почти точно — 14–15 лет, и вынесли приговор: работать может, но поступать в ремесленное училище рановато. Такая постановка вопроса обидела Толю: воевать и работать — самое время, а вот учиться — погодить надо! В управлении вняли мольбам мальчишки и «завысили» возраст на один год, выписав все необходимые документы. Так для Толи Алимова после четырех лет скитаний началась «легальная» жизнь!

В мирные дни

В Ленинграде Толя не обнаружил ни отца, ни матери с сестрами, никого из многочисленных родственников. Следы одних

окончательно затерялись в войне и эвакуации, другие погибли в суровые дни блокады. Оставшийся совершенно одиноким мальчик перебрался в Сестрорецк.

Мирное время оказалось насыщенным: параллельно с ремесленным училищем пришлось наверстывать пропущенные годы учебы в вечерней школе. К тому же надо было зарабатывать, чтобы жить, и он пошел работать на Инструментальный завод имени Воскова. А в 1948 году нашлись мама и обе сестренки! И жизнь сразу стала замечательной. Хотелось двигаться вперед, расти и радоваться жизни. Накопившаяся за военные годы жажда знаний привела Толю в Индустриальный техникум, который он закончил с отличием.

Далее последовал знаменитый Военно-механический институт, после окончания которого его приняли на работу в очень серьезный «почтовый ящик». Именно с этого момента у Анатолия Семеновича началась стабильная жизнь. Даже на пенсию он ушел в 1990 году с этого же предприятия, правда, проделав в одних и тех же стенах путь от простого инженера до главного технолога оборонного научно-производственного объединения.

Алимов был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне — сказались «печные работы» в Гатчине! Далее последовали юбилейные медали в честь годовщин Победы, многочисленные Почетные грамоты и дипломы, аккуратно укладывавшиеся в папки с дипломами техникума и вуза, со свидетельствами об изобретениях и рационализаторских предложениях.

Партизанские годы своей жизни Алимов воспринимает не как подвиг, а как большое несчастье, свалившееся на его семью и на весь наш народ. И не прятаться надо было от этой беды, а бороться с нею. Что и сделал одиннадцатилетний мальчишка Толя Алимов, волею судеб на два с половиной года погрузившийся в страшный котел войны.

Мальчишка из блокады

АМУР Геннадий Иванович

Геннадий Иванович родился в январе 1932 года в Ленинграде. В июне 1941-го его отец ушел добровольцем в армию, воевал в качестве санинструктора на Ленинградском фронте в районе Пулковских высот.

Начало войны застало Гену на каникулах у бабушки. Родители каждое лето отправляли мальчика в деревню набираться сил перед новым учебным годом. Но в этот раз по просьбе родителей бабушка срочно отправила внука из Копорья обратно в Ленинград.

Позднее Гена узнал, что немцы сожгли деревню, а жителей, в том числе и его бабушку, расстреляли.

Фронт подходил все ближе к Ленинграду, и Гену в составе большой группы детей эвакуировали поездом до станции Буй, а далее на крестьянской телеге отправили в одну из ближайших деревень. Без дела дети не сидели, работали: драли лыко, учились плести лапти.

События на фронте очень волновали ребят. Гена с двумя приятелями решили бежать. «Сидя в тихой деревне и плетя лапти, Родине не поможешь», — рассуждали дети. В августе мальчишки на перекладных добрались до Ленинграда. В городе они попросились на оборонные работы и по мере своих сил помогали взрослым.

В начале сентября сомкнулось вражеское кольцо, и Ленинград оказался в блокаде. Голод, холод, ночные бомбежки, отсутствие света и воды. В коммуналке их осталось трое: он с матерью и переселившаяся к ним со-

седка. Внешне Гена выглядел намного старше своих лет: эдакий маленький старичок. Ему, как и другим детям блокады, пришлось рано повзрослеть.

Несмотря на постоянное чувство голода, он с ребятами дежурил на крыше дома, тушил «зажигалки» или сбрасывал их с крыши вниз.

Геннадий Иванович рассказывал, как однажды они с мальчишками поймали немецкого летчика. Наш истребитель сбил немецкий самолет, летчик спустился на парашюте, зацепился стропами за карниз и повис.

Ребята задержали его и отвели в милицию.

В другой раз Геннадий предотвратил беду: благодаря ему друзья чудом избежали смерти. Был очередной авианалет. Немецкий мессершмитт пролетел совсем низко над крышей, где ребята дежурили. Геннадий наблюдал за самолетом в морской бинокль, подаренный ему дядей и с которым он не расставался. Мальчик увидел, как истребитель разворачивается и летит обратно в их сторону. «Убегайте», — крикнул Гена. Ребята молниеносно попрыгали в слуховое окно. Затаившись на чердаке, они лишь услышали, как снова очень низко пролетел самолет, осыпая крышу градом пуль.

Позднее Гена с матерью работали в обувной артели. Мать шила сапоги, а он помогал, был подмастерьем.

Мать часто болела и вскоре совсем слегла. Геннадий сам ходил отоваривать продовольственные карточки. Однажды вместо сахара ему дали маленькую шоколадку. В тот день

по дороге домой на остене одного старинного здания он увидел изображения ликов святых. До войны огромная икона была заключена досками, теперь же доски отодрали, пустили на дрова. Гена был атеистом, но тут его как током ударило, он вдруг почувствовал, что нужно остановиться и помолиться. Не зная молитв, своими словами он просил Бога спасти маму от смерти. Придя домой, они вместе с соседкой уговорами заставили маму съесть принесенную им шоколадку. То ли шоколадка помогла, то ли искренняя молитва, но с того дня мама быстро пошла на поправку.

Как-то на улице с Геней случился голодный обморок. Санитары посчитали его мерт-

вым и хотели отвезти тело в морг. Мимо проходила женщина, остановилась, проверила пульс и возмутилась: «Заживо хоронить?» Еле живого подростка отправили в Очаковскую больницу. Несколько дней Гена без сознания пролежал в больнице. В это время причитающуюся ему пайку хлеба медсестры добросовестно откладывали в прикроватную тумбочку. Весь хлеб сохранился — ни ребята, ни персонал не тронули ни кусочка. После лечения Гену отправили в «санаторий», так называли лечебное учреждение, где ребят ставили на ноги после дистрофии...

После снятия блокады родного города, Гену наградили медалью «За оборону Ленинграда». Ему было тогда всего 12 лет.

10 января 1943 года. Ребята — пациенты этого санатория (во втором ряду сверху, третий слева — Гена)

АНДРУКОВА Алла Николаевна

Хочу поделиться воспоминаниями моей мамы и моими личными.

За неделю до войны к нам привезли из Севастополя мою двоюродную сестру, ей было пять лет. И так, когда началась война, нас у мамы было трое: моя старшая сестра Кира — 14 лет, я — 2,5 года, и пятилетняя Майя.

Отцу тогда исполнилось 33 года, он был профессиональный военный. Но на фронт отца не взяли, и он остался в блокадном Ленинграде, работал. Отец был красивым, высоким и очень крупным мужчиной, он ослабел первым, стал отекать, заболел цингой, у него выпали зубы. В апреле 1942 года ему удалось «устроиться» в запасной латышский стрелковый полк. Их повезли под Москву, мы получили 2 письма, он уже не мог ходить, а в мае 1942 года пришло извещение, что он умер от болезни сердца. Конечно, это было следствие блокады. Мы жили в Московском районе у Фрунзенского универсама, на Заозерной улице, рядом на Смоленской улице был морг, а на Киевской улице — Бадаевские склады, которые 8 сентября 1941 года разбомбили.

В войну мама работала у Балтийского вокзала, где ремонтировали танки, а сестра Кира следила за нами. Кира запасала топливо (дети бегали за дровами к разрушенным бомбежкой деревянным домам) и отоваривала карточки. Перед уходом она сажала нас с Майей в тамбур между входными дверями, это место считалось безопасным во время налетов, в бомбоубежище детей было во-

дить некому. А когда мама была дома во время налетов, мы все вместе собирались в тамбуре, мама нас обнимала и говорила: «Если убьет, то всех сразу, вы без меня не выживете».

Ели дуранду, называли ее шоколадкой. Иногда мама приносила луковичку, ее делили на четверых и ели сырой. Мне было так голодно, что я пыталась грызть палехскую шкатулку из картона, на ней до сих пор остался отпечаток моих зубов.

В нашей коммунальной квартире из соседей в живых осталась только бабушка, ее сын служил под Ленинградом и изредка навещал мать. Перед смертью она попросила маму, чтобы ее помыли. Мама с Кирой мыли ее у печки в кухне в корыте (благо на кухне осталась дровяная печь, это было наше спасение), а бабушка целовала маме руки. Соседка умерла и неделю лежала в квартире, пока не приехал ее сын. Он похоронил мать за буханку хлеба, а нам оставил ее карточки. Нам повезло.

На улице нам с Майей часто приходилось видеть, как на санках или на куске фанеры возили покойников. И у нас с ней была такая игра: привязывали замотанную в тряпки куклу к фанерке, тащили ее за веревку по коридору и кричали: «В гобику» (в гробике). Мама нас за это ругала. Не дай Бог детям играть в такую игру! Мы все время сидели под столом и там играли, боялись бомбы.

В 1942 году на Пасху нам дали талоны в баню. Мама нас повела мыться. Позже

она говорила, что немец в этот день страшно бомбил и мы прятались в подворотнях. В бане все удивлялись, глядя на нас: «Дети, дети!» Мылись все вместе, женщины и мужчины, и никто не стеснялся, помыться — это было такое счастье!

Мама очень боялась за нас, особенно за Майку, она была постарше меня и пошустрее.

Моя подруга Люда (мы жили на одной лестничной площадке) в блокаду совсем ослабла, она не могла ходить, не держала голову, голова болталась на плече. Ее бабушка обреченно говорила: «Пусть уж Люда умрет, может, хоть Аля выживет» (ее стар-

шая сестра). Люда сидела в подушках и все время кричала: «Беба, беба» (хлеба, хлеба). Спаслись они благодаря тому, что в августе 1942 года их эвакуировали.

Отец еще в апреле писал, чтобы мы не уезжали. Он видел, как эвакуированные месяцами лежали на вокзалах, так как вперед пропускали воинские эшелоны. Но в конце августа маме сказали, что, если не уедем, нам не дадут карточек, лишние рты городу не нужны.

В эвакуацию нас отправили в Марийскую республику. К нашей семье там относились хорошо. Помню, как мы скребли ложками мороженное козье молоко. А в июне

1944 года мы уже снова были в Ленинграде: маме «сделали» вызов от завода. Но приехав в Ленинград, нам снова не дали карточек, сказали: зачем приехали? Вас никто не звал!

Тогда мама повела нас в Московский райсовет, посадила в кабинете директора и сказала: «Немец не убил, так что, теперь детям с голоду умирать?» Карточки выдали, а нас с Майей даже устроили в детский сад.

После войны наши дома ремонтировали немцы. Здания были огорожены металлическими прутьями, мы кувыркались на них, как на турнике. Немцы кивали: «Киндер». Когда я шла гулять, мама всегда давала мне

хлеб для немцев. Они мастерили из фанеры раскрашенные домики-копилки. Позвонят в дверь и показывают копилку. Мы купили одну. Однажды в 1946 году я приподняла этот домик ножиком и долго собирала копейки на соевый сырок. В послевоенные годы особенно сильно хотелось чего-нибудь вкусенького. Все вещи мы обменяли на еду во время войны, у нас ничего не было.

В 1947 году за Майей из Севастополя приехал отец — он служил в бригаде торпедных катеров — и привез нам морской паек: шоколад, американскую колбасу в баночках. Такое это было счастье! Я до сих пор помню вкус этой колбасы.

«Блокадный хлеб». Валерий Амосов, 8-й класс, лицей №95, ДДИОТ

Скромный труженик войны

БЕЛОБОРОДОВА Вера Александровна

Вера Александровна Белобородова родилась в 1925 году. У родителей было четверо детей. Вера росла в атмосфере любви и заботы. Война разрушила счастье семьи, принесла горе и беды.

На фронте пропал без вести отец, погиб младший брат. В блокадном Ленинграде от голода умерли старший брат и сестра, их похоронили на Серафимовском кладбище.

Мать в блокаду работала в подсобном хозяйстве в больнице им. Мечникова, затем помогала восстанавливать разрушенные бомбежками дома. Подростком Вера получала иждивенческую карточку, ей полагалось 125 граммов хлеба.

В 1943 году семнадцатилетнюю Веру вызвали повесткой в райвоенкомат. Ей выдали паспорт, перевели на казарменное положение. Веру и других девушек обучали военному делу, готовили к отправке на фронт. Но в военкомате, только взглянув на слабеньких, худеньких девчонок, начальство приняло решение оставить их в городе: ну куда таких на фронт, под пули?!

Вера стала работником военно-вещевого склада (бывшие Митрофаньевские склады на Средней Рогатке).

«С боевых частей фронта приходили вагоны с военным обмундированием. Мы их разгружали. Грязные, окровавленные вещи перебирали. Затем развозили по прачечным. Чистое белье везли на ремонт в мастерские, которые находились в Петропавловской кре-

пости. Там одежду латали. Свежее и отремонтированное белье забирали и вновь отправляли на Ленинградский фронт», — рассказывает Вера Александровна.

В конце войны Вера познакомилась со своим будущим мужем, офицером-фронтовиком.

Василий Александрович приехал на побывку к своему другу в Ленинград. И так получилось, что в гостях у его друга оказалась Вера. Хрупкая, стройная, с бездонными голубыми глазами девушка запала молодому офицеру в душу.

А вернувшись с фронта,

Василий Александрович сделал Вере предложение.

Вместе они прожили 60 счастливых лет, вырастили и воспитали двоих детей: сына и дочь. У них уже взрослый внук, подводник, служащий на Северном флоте. Растет правнук, школьник.

В День Победы Вера Александровна Белобородова всегда вспоминает 8 мая 1945 года, как она дарила цветы нашим воинам-победителям, проходящим мимо ее дома на улице Куйбышева. Вспоминает, как счастливы были люди, как они плакали и смеялись, как радовались тому, что эта страшная война наконец закончилась, и как горько оплакивали своих родных, не вернувшихся с фронта.

Веру Александровну наградили медалями «За победу над фашистской Германией», «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Вспоминая блокаду

БЕРКОВИЧ Валентина Алексеевна

Валентина Алексеевна Беркович (девичья фамилия Пелихова) родилась в октябре 1922 года в Ленинграде. Ее отец погиб на Гражданской войне, незадолго до ее рождения. Заботы о воспитании дочери легли на плечи матери.

Все 900 дней блокады Валентина прожила в Ленинграде.

В начале войны вместе со своими одноклассниками Валентина работала в пожарной дружине при школе. Дежурила на крышах, помогала тушить зажигательные бомбы.

В 1942 году она окончила 10 классов средней школы и поступила на курсы медицинских сестер при Ленинградском педиатрическом институте.

Валентина решила отправиться на фронт, в действующую армию в качестве медсестры. Но ее оставили работать в Ленинградском ордена Трудового Красного Знамени педиатрическом институте. Педиатрический институт был почти что вторым фронтом, и медперсонал был бронирован от призыва в армию.

«Палаты института были переполнены, — рассказывает Валентина Алексеевна. — Под палаты даже приспособили другие помещения больницы. В основном сюда поступали дети — дистрофики, цинготники. Они были похожи на скелеты, обтянутые кожей. Дети еле двигались, постоянно впадали в апатию, у многих шатались зубы, на теле проступали цинготные пятна. Маленьких пациентов лечили и ставили на ноги».

При институте работала молочная кухня, где по направлениям врачей отпускались льготные продукты для грудных детей. В условиях крайней нужды медперсоналу приходилось нелегко. Специалистов не хватало. Но, как признается Валентина Алексеевна, жизнь обретает смысл, когда на твоих глазах, казалось бы, совершенно безнадежный ребенок возвращается к жизни. Это дорогого стоит.

В ноябре 1943 года Валентина Алексеевна поступила в Ленинградский политехнический институт.

В 1950 году получила специальность инженера-экономиста.

Валентина Алексеевна — ветеран труда. Ее труд отмечен 12 правительственными наградами, в том числе медалью «За оборону Ленинграда».

В годы блокады Валентина Алексеевна вела дневник. В тетрадке с потрепанной обложкой и надписью фиолетовыми чернилами: «Дневник. 1941–1942» собраны переживания страшных событий юной девушкой, потерявшей в блокаду родных и близких людей.

Пожелтевшие от времени листы исписаны четким и разборчивым почерком.

Дневник представляет интерес, так как повествует о страшных блокадных днях глазами юной девушки, непосредственного очевидца этой тяжелой поры, жившей, учившейся и работавшей в блокадном Ленинграде.

22/ХІІ-41 г. Не хотела начинать новую тетрадь в таком удручающем настроении, ну что делать, все ждем лучших дней. На фронтах положение улучшилось — наши перешли в наступление и заняли ряд городов. Ленинград пока в капкане, взят нашими Тихвин, очищена дорога до Волхова, но ленинградцы улучшений не видят. Буду писать о себе. Сидим, как и большинство, на голодном пайке, т. е. форменным образом ничего не имеем. Ночами надо отстаивать очереди, чтобы получить какие-нибудь 200 г крупы. Получаем по 125 г хлеба. Похудели жутко, хорошо еще не пухнем. Но уже ноги еле носят, шатает, ломит в суставах. Сил нет, совсем нет! Останутся живы самые счастливые. В какое тяжелое время живем! Много смертностей, особенно мужчины не выносят. Умер дядя Роберт, Ф. И. Кезельберг. Анатолия нашего убило снарядом, уже похоронили...

...В школе «занятия» идут. Начинаем с 10 ч. и сидим, мерзнем до 12, чтобы только проглотить тарелку жидкого, почти вода, супа. Трубы лопнули, и холод в школе жуткий. Ставят времянки, ну когда они будут готовы? Конечно, в знаниях мало продвижений. Ум притупел, и нет ничего удивительного. От голода сходят с ума, едят кошек, собак, конина — деликатес и также дуранда, о существовании которой раньше и не слыхали. Ну, довольно, может быть, станет лучше!

28/ХІІ-41 г. Умер Котя, несколькими часами раньше умер его отец. Что-то ужасное! Так много умирают. Все больше мужчины. Жаль Котю, очень жаль. Но чем же помочь горю? Люди мрут, как мухи, это совсем ни для кого сейчас не удивление. Идут, падают и замерзают на дороге. Но скоро все будет хорошо. Живем надеждами. И так до Нового года...

31/ХІІ-41 г. Два часа осталось до Нового года — что-то он нам принесет! Настроение приличное. Ожидаем улучшений и только улучшений. На фронтах дела идут хорошо. По последним известиям, взяты крепость Керчь

и город Феодосия, восстановлена дорога Тихвин — Волхов...

1/І-42 г. С Новым годом!

Постелили белую скатерть на стол. Ради Нового года съели сразу 400 грамм хлеба на троих, правда, это выдача уже за первое января, ну мы всегда берем на день вперед. Вот и Новый год.

Сегодня первый день каникул. Ходила в школу кушать суп. Морозы стоят жуткие, сейчас -25°C . Целыми днями стоим у печки, топим два раза в день и согреться не можем. Чтобы еще написать, нечем заняться, свет еле дышит. Сейчас мама затопит печь, так приятно смотреть в огонь.

6/І-42 г. Морозы спали. Второй день температура не ниже -15 . Вчера совершали путешествие в театр им. М. Горького. Там устраивался праздник новогодний для старших классов. В 11 ч. вошли в главный зал и заняли свои места. Встретил нас джаз-оркестр и мы с блаженством развалились в креслах. Пообещали показать «Дворянское гнездо», предварительно извинившись, что артисты поверх театральных костюмов будут одеты в своих зимних пальто. Началось первое действие, вдруг зал, другой, за ним третий — на сцене смятение. Спектакль прервал артиллерийский обстрел. Пришлось 40 мин. высидеть в бомбоубежище. Потом все же посмотрели первое действие, а после него предложили нашей и шувазовской школе пойти пообедать, так как очень далеко идти...

12/І-42 г. Голод донимает. Эгоизм и жадность в высшей степени. У меня слезы на глазах, кажется, что мама коке отрезала толще кусок хлеба. Что делать? Хочется кушать. Я уже не живу, а засыпаю на ходу. Еле двигаю ногами и руками. У моих старушек, нет, они моложе душой меня, больше энергии. Они хлопчут, все чем-то заняты. Я же как кислое молоко, от печки ни полшага. С начала месяца в магазинах нет ничего, кроме хлеба... Я никогда не отличалась полнотой, но сейчас вдвойне

тоньше. На днях, передевая чулки, испугалась ног, все висит, ничего не держится на теле. А еще холод. О, этот ужасный холод! Морозы стоят -30 . Ложимся спать с утюгами, а голова чуть не покрывается инеем, застывает форменным образом, сегодня лягу в шапку. Ложимся спать часов в 7–8 вечера, так как темно, нечего делать. Нет воды, приходится ездить за Скобелевский и там выкачивать подземную. Ну как мы переживем? Есть надежды? Как вы думаете, все живые люди? Да переживем, наверное, люди живучи...

19/I-42 г. Немного ожили. Мама на днях получила 400 г муки и 800 г пшенной крупы — наша норма. Но, кажется, еще до конца месяца будет прибавка. Также большая надежда на прибавку хлеба, наверное, получ. по 300 г, какое было бы счастье! Такой оказывается чудный суп с пшеном без мяса, без масла. Почему мы раньше такой не варили? А каша? Также на воде и довольно жидкая, но очень вкусная, или болтушка из дурандовой муки — все вкусно. Сегодня в школе получили по две тарелки рисового отвара без масла и даже без соли, что в

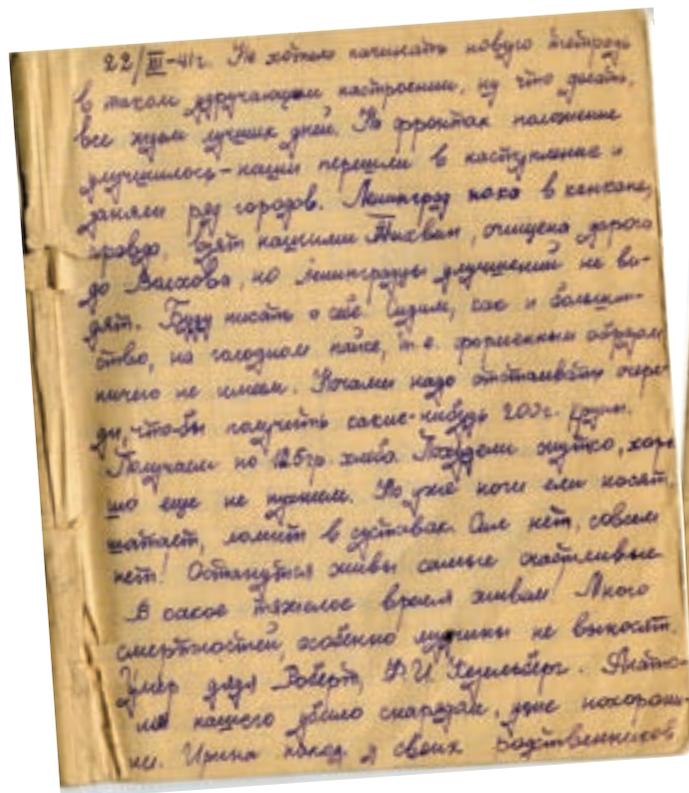
мирное время в помойку выливалось, но сейчас это так вкусно. В Ленинград, кажется, начали поступать продукты. Скоро дела поправятся. Сегодня, говорят, за хлебом очередь человек в 20 была, не больше. Но с транспортом никакого сдвига. Кока сегодня ходила на Невский пешком, так как идет перерегистрация карточек продовольственных и идти была необходимость.

Я надеюсь, что не умру, да и смешно не иметь этой надежды, тогда заранее нужно в могилу ложиться. У меня большие мечты на будущее. Я стараюсь мечтать по утрам, чтобы не думать о пище...

26/I-42 г. Вся жизнь сосредоточена около печки. Топим ее три раза в день и суедемся около нее целый день. Она заканчивает топиться — и кажется, что и жизнь замирает. Печь обогревает, печь кормит, она и освещает.

Слава тебе, печка, не найду словечка,
Как благодарить, лучше затопить!

Проснулась в 7 ч. утра, наши уже не спят... Восемь пробило, и мама поднимается, идет за хлебом и узнать, не привезут ли чего в гастро-

1941 г.

1943 г.

ном. Кока поднимается в 9 и затопляет печку. Возится около нее в пальто (мы целыми днями пальто не снимаем — холодно), разжигает, кипятит чайники. В 10 поднимаюсь я и сразу к печке. И так мы у печки кипятим подряд три чайника, ждем маму. Кока, доставая чайники, обжигает руки, старается поправить свет копилки и разливает горячее, т. е. клоповное снадобье — вонь ужасная. В двенадцать мама является, собираемся пить чай, подогреваем. Мама хочет достать, но обрывается ручка, и кипятком заливает себе все колени, живот, но счастье, что сто одежек и она успевает часть сбросить, не дав промочить все до основания. Что ж, ждем согревания следующего... Мама поехала с санями и ведрами добывать воду. А мы так уж давным-давно пользуемся артезианскими качалками, которых на Удельной всего две. Не дописываю, так как кока затопила печку. Скорее в нее сунуть свой нос.

3/II-42 г. Положение Ленинграда несколько не улучшилось, вернее, жители не видят этих улучшений, есть они, нет?

За хлебом приходится выстаивать кошмарные очереди, за продуктами также, да и бывают в неделю раз, два. С 27 до 31-го так и вовсе были без хлеба, городской водопровод не дал воды, и стояли хлебозаводы. Мама в поисках хлеба потеряла два дня и на второй только в двенадцатом ночи из города принесла муки. Пекли блины на соде, а надмазка — вазелин. Вкусно, но, конечно, невыгодно. Ели дуран-

ду, и я ею опять испортила желудок... Перерыв с хлебом очень подействовал, вернее, подорвал последние силы и выдержку. Особенно что-то с мамой, мы даже боимся за нее. До сих пор она была крепче и бодрее нас, но сейчас она нехорошо себя чувствует...

В школе, конечно, занятий нет, так, наверное, этот год уж и будет потерян — обидно. Ну ладно, только бы пережить, такая масса умирает с каждым днем. Сегодня похоронили дядю Павла Муцянку, его дядю и Ф. Михайлова, всех троих сразу. Мы так слабы и нужно было достать хлеб, что не могли даже сходить проститься. Пока идешь до Второго Муринского и обратно, обязательно встретишь нескольких человек умирающих, замерзающих и множество гробов, а часто и возы покойников. Люди стоят в очереди за хлебом и, не дойдя до прилавка, падают от изнеможения...

1/III-42 г. Вот и до весны дожили. Состояние паршивое, так как больше полмесяца болеет мама. Было воспаление правого легкого, уже пошла на поправку, но вдруг два дня опять лежит с температурой 40, и бывают приступы, как при лихорадке. Врачей не хватает, лекарств нет — жутко. Вся надежда на Бога, я ему верю, он помогал. С питанием в феврале немного улучшилось, т. е. выдали почти все вовремя с небольшими прибавками крупы. Что-то март покажет. В школе начали заниматься. Поставили в классе времянку, относительно тепло. Педагоги постепенно тоже начинают поправляться. Занимается с нами Юрка Козырев. Жутко похудел, но хорошо, что еще жив пока. До этого я нас с ним во сне видела в красных костюмах. Дают по две тарелки супа, немного приличный стал. Уроков чаще по 2–3 бывает.

4/V-42 г. Произошло за это время очень много перемен. Я работаю уже вторую неделю в трампарке им. Калинина в п. с. о. в ночь и вечер, а утро занимаюсь в школе. Тяжело, но сносно. Рабочая карточка, а это много значит...

Жизнь после смерти

БИЗЮЛЕВА Татьяна Васильевна

Мать уже устала чувствовать.

Временами казалось, что она умерла, но вдруг сознавала, что ее куда-то ведут, с ней кто-то заговаривает. Она пытается вслушаться, понять, о чем говорят, но в глазах, словно застывший кадр на жутком экране: ее мертвый сыночек на руках, а девятилетнюю Танюшку, которая была такой хорошей маминной помощницей, добрые дяденьки-санитары, опухшие от голода, как-то утешают ее, а сами несут

легонькое тельце доченьки к страшной пирамиде. Когда они положили ее поверх других, мать потеряла сознание.

Она не сошла с ума только потому, что при каждом взгляде на застывший кадр страшного экрана теряла сознание, а когда оно к ней возвращалось, мозг сверлила единственная мысль: и Танюшки больше нет...

И снова обморок.

Очнулась окончательно, когда очутилась в большой комнате, перегородженной простынями на отдельные помещения. Ей объяснили, что из осажденного Ленинграда по льду Ладожского озера ее эвакуировали и теперь она в безопасности — война далеко, она в городе Уфе, где много эвакуированных ленинградцев. Работают на авиационном заводе, эвакуированном сюда еще до блокады.

У нее не было сил даже удивиться, как она попала сюда, — снова вспомнилась Танюшка, которой больше нет...

Вокруг были люди, у которых такие же невыносимые потери, но надо было держаться, не просто держаться, а браться за работу.

Работы было очень много — вся обстановка спрашивала: «Что ты сделал для победы над врагом?»

И она работала на Победу...

Легонькое даже для изнуренных голодом и холодом санитаров тельце девочки они аккуратно положили на верхушку уже не пугавшей их пирамиды трупов. Их подвозили закутанных в простыни на саночках, выносили из близлежащего госпиталя. Санитары работали...

Вдруг, поднося очередную жуткую ношу, они услышали тихий стон. Прислушались. Стон слышнее — словно маленький ребенок плачет от боли. Подошли ближе. Девчужка, что лежала сверху, стонала и даже открыла глаза, а громадная крыса медленно отползала от ребенка.

Удивленные санитары положили труп, что несли, на землю, взяли на руки девочку и понесли в приемный покой, у которого так тяжело и скорбно трудились.

В полутемном помещении девочку положили на топчан. Она увидела черные обмотки на распухших ногах, испугалась и потеряла сознание. Очнулась, когда к ее лицу поднесли мисочку, в которой был крошенный хлеб, и так вкусно пахло теплой водичкой и мягким хлебом. Санитары решили накормить голодного умирающего ребенка.

Но тут в приемный покой вошел кто-то большой в белом полушубке и почему-то громко и сердито крикнул: «Отставить кормление! Давайте скорей на стол!»

То ли от крика, то ли оттого, что ее куда-то быстро понесли, она потеряла сознание.

Очнулась, а доктор в белом халате уже мыл руки: «Ну, голубушка, крыса тебя не съела, только попробовала, какая ты вкусная. Рану мы, где надо зашили, где надо йодом помазали, поболит и перестанет, зовут-то тебя как?»

— Таня...

И стала Таня выздоравливать в госпитале. Кормили ее понемножку-понемножечку, все время хотелось есть, но строгие сестрички следили, чтобы все было по правилам, и она потихоньку поправлялась. Вот уже вставала, то кому-нибудь водички подаст, подушку поправит. И вскоре из госпиталя ее перевели в детский дом. Там были осиротевшие дети, многие перенесшие ранения. Воспитатели говорили, что скоро их вывезут из города, пока по Ладогe можно ездить.

Таня не помнила, по Ладогe ли их везли, или сразу на поезде, но приехали они в уральский город Уфу — так было определено Таниному детдому.

Как-то, идя с подружками из школы, разглядывала город непохожий на родной, в котором жила в самом центре — возле самого Елисеевского, напротив садика, где царица Екатерина в окружении героев. Задумалась...

Вдруг идущая навстречу женщина прямо перед Таней падает бездыханная. Девчонки испугались, отскочили, а Тане эта женщина в незнакомой одежде показалась знакомой.

— Мамочка, — вдруг узнала Таня.

Упавшую в обморок женщину подняли, пытались успокоить. Она рыдала и все не могла поверить, что перед ней ее Таня, которую она видела мертвой. Ведь не может же быть так неотлично похожих двух незнакомых девчушек, — сверлила мозг предательская мысль.

— Нет, это моя, только моя Таня, она помнит, как с братиком ходила за детским питанием, а молочную кухню разнесло снарядом

и она подбирала разбитые бутылочки, в которых хоть на дне оставалась капля пищи. Она помнит нашу скромную новогоднюю елочку, точно рассказывает, какие на ней были игрушки. Ну конечно, это моя Танюша.

Скоро Танюшу мама взяла из детдома, и они вместе стали жить в большой комнате, которую эвакуированные ленинградцы разделили простынями на несколько кают — были среди них кронштадтцы, помнили свои морские словечки.

Жили дружно, Тане нравились кронштадтские мальчишки, которые только и мечтали скорее уехать домой — реэвакуироваться, так это называлось.

Январь 1944 года, когда не стало наконец блокады; ленинградцы заметно ободрились, некоторые засуетились, уверенные, что вскоре вернуться в Ленинград. Может быть, это случилось не очень скоро, детям — Танюше и мальчишкам, с которыми она сдружилась, — путь до родного дома был, как в песне, — и не близок, и не скор.

Все-таки приехали домой — Танечка с мамой в центр города, мальчишки в родной Кронштадт. Разошлись пути. Таня пошла в школу, как все школьники, помогала хоть что-то сделать для победы. После седьмого класса, уже ощутив себя достаточно образованной и взрослой, пошла на фабрику им. Кирова, научилась плести сети — маскировочные, для тральщиков, рыболовные — всякие были нужны, и подростки трудились, хоть на маленький свой шажочек приближали Победу.

Побежали после Великой Победы быстрые Танины годочки. Невзначай встретила своего уфимского соседа — кронштадтского мальчишку. Уж теперь не мальчишка — Сергей отслужил срочную, красавец — заглядишься. И загляделась. Да вскоре и замуж за него вышла, переехала в Кронштадт да и осталась в нем на всю жизнь.

БЛИНОВА Мария Ивановна

Мне было 19 лет, когда началась война. В то время я работала табельщицей на заводе «Арсенал». В 1941 году нас отправили на оборонные работы. Мы копали рвы прямо под бомбежками. Немцы вели себя нахально — старались бить там, где видели большую скученность людей. Очень много людей погибало. Мы голодали. Вечером нас отпускали домой. Мы рисковали быть убитыми, но оставались ночевать там же, в траншеях, потому что болели ноги, идти не было никаких сил.

А однажды с самолета нам сбросили целую корову. Это, видимо, наши постарались, знали, что люди работают голодные. Мы все похватали ножи и отрезали себе по кусочку мяса. Это был праздник!

Голодали ужасно. Мы с мамой с 6 утра занимали очередь в булочную за хлебом. Одевались, как чучела, даже в одеяла закутывались, чтобы не мерзнуть по нескольку часов на морозе.

У мамы отказали ноги, и ее эвакуировали в Казань. В эвакуации она и умерла. Брат пропал без вести на фронте, я одна осталась.

В августе 1942 года меня мобилизовали в МПВО (местную противовоздушную оборону) Ленинграда в качестве командира звена медико-санитарной роты.

Город бомбили постоянно. Как только нам сообщали о бомбежке, мы бегом неслись к очагу поражения. Там разгребали завалы, откапывали раненых, грузили на носилки, оказывали им первую помощь.

Однажды в конце 8-й Советской была страшная бомбежка. Мчимся туда — на одном плече сумка с медикаментами, на другом — противогаз. Тяжело и страшно. Над головами режут самолеты, сбрасывают бомбы на жилые дома. По дороге девочке из нашей части оторвало пятку осколком от снаряда. Прибежали, а там тьма раненых. Крики и стоны, кровь. Всюду разбросаны части тел.

Бомбой отрезало четверть дома. Я поднимаю глаза. А на втором этаже — комната обставленная, диван,

пианино, а за пианино сидит мертвая женщина — руки на клавишах, словно наигрывает что-то. Видимо, ее взрывной волной оглушило, так она и застыла.

Санитары ходили по квартирам, собирали трупы умерших от голода. Это было тяжело — заходить в чужие квартиры, из страха найти там покойника. Мертвых заворачивали в простыню, выносили на улицу, складывали на обочину, откуда их забирал грузовик.

Иногда в кровати рядом с мертвой матерью находили закутанного в тряпки чуть живого ребенка. Таких детей несли в жакт, откуда забирали в Педиатрический институт, где их лечили от дистрофии, ставили на ноги, а затем передавали в детдом.

Когда я вспоминаю те страшные годы, сама не понимаю, как мы, худенькие, ослабленные девчонки, смогли все вынести на своих хрупких плечах. Ведь это сколько сил нужно было! И вагоны разгружали, тяжеленные бревна носили. А когда в 1943 году войска Красной Армии прорвали блокаду,

нас тут же отправили в Гатчину восстанавливать железную дорогу. Шпалы, рельсы перетаскивали. Все нужно было делать быстро, чтобы поскорее пустить поезда.

Ночевали там же, на земле, под открытым небом. Рубили в лесу еловый лапник, стелили его на землю, накрывали его шинелями. Десять девушек, ложились в ряд, накрывались оставшимися шинелями и по команде переворачивались.

Как только железную дорогу отремонтировали — стали прибывать составы с ранеными, прямо к Невской лавре, там находился госпиталь. Раненых грузили на носилки и несли в здание. На шею надевали лямки и привязывали к ручкам носилок, чтобы не уронить человека, если рука откажет. Солдат мы раздевали, мыли и передавали солдат на руки врачам-хирургам.

Мы с девочками очень дружные были, помогали друг другу. У нас была командир взвода — женщина. Мы все на нее равнялись. Такая она была статная, и голос у нее мощный. Как крикнет: «Песню запе-е-вай!» И мы тут же подхватываем: «Ладога, моя Ладога...»

А однажды ночью нас разбудили дежурные, объявили, что война закончилась. Сколько было тогда слез, сколько радости! Прыгаем, орем, обнимаемся! Так все ждали Победу и так верили в нее!

Ратный труд М. И. Блиновой отмечен правительственными наградами, в том числе орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», нагрудным знаком «Фронтовик» и другими.

Блокада

*Сковала лютая зима
Осадный Ленинград...
Все туже мертвая петля! —
Кольцо сжимает враг...
Мороз и голод леденил
Упорство душ, сердца,
Страх от привычки притупил
Терпенье без конца...*

*Не люди — тени горожан —
Стояли насмерть ВСЕ!
И смерть косила по домам,
На улицах, везде...
В глазницах вольная Россия —
К победе путь!
И жертвенность, как талисман, —
За близких и за Русь...*

*Александр Дмитриевич ГРОМОВ,
участник Великой Отечественной войны*

Девчонка из блокадного города

ВАСИЛЬЕВА Александра Алексеевна

Александра Алексеевна Васильева родилась в апреле 1926 года в сельской местности в Калининской (ныне Тверской) области.

В 1928 году семья переезжает в Ленинград. Здесь проходит детство Александры. До начала войны девочка успевает окончить 7 классов средней школы (8–10-й классы она закончила значительно позднее в вечерней школе).

В начале войны отец ушел на фронт. Вскоре они с мамой узнали о его героической гибели. В июне 1942 года умерла мама, и 15-летняя Саша осталась сиротой. Так она и прожила блокаду одна в безлюдной квартире. Одному Богу известно, как не сломалась, выжила.

Через несколько дней после смерти мамы, 30 июня 1942 года, Саша уже работала станочницей на заводе им. Калинина. Вскоре, освоив свою специальность, она получила 4-й разряд. Завод был военный, выполнял заказы фронта, на нем делали взрыватели для «катюш».

Александра была на казарменном положении, получила рабочую карточку (250 граммов хлеба в день). За перевыполнение нормы иногда получала «стахановский талон» на ужин. По такому талону передовики получали кашу и компот. До сих пор не

может она понять, из чего варили этот компот, явно не из фруктов. Хлеб тоже был суррогатный, с примесями.

Работать было трудно, по 12, а иногда и по 16 часов в сутки, без выходных и отпусков. Кроме того, Александра состояла в медико-санитарной команде в МПВО завода.

Александра Алексеевна очень хорошо помнит радость людей, когда ночью по заводскому радио объявили о прорыве, а через год — о полном снятии блокады Ленинграда. На

следующий день на заводе был митинг; работникам завода было выдано по килограмму муки, чтобы люди смогли отпраздновать такое радостное событие.

На заводе Александра Алексеевна Васильева проработала 20 лет.

В 1962 года она перешла на работу на завод им. Кулакова, выпускавший приборы для кораблей ВМФ. Трудовой стаж ее составляет более 45 лет.

Ее труд отмечен рядом правительственных наград, в том числе, медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

ВОРОНЦОВА Нина Сергеевна

Воронцова Нина Сергеевна родилась в декабре 1929 года в Псковской области. В Ленинград семья Воронцовых переехала в 1939 году.

За несколько дней до начала войны отца призвали в МПВО. Рабочих завода, на котором работала мама, отправили рыть противотанковый ров на Лужский рубеж, туда же вывезли и детский сад, в котором воспитывались Нинины братик и сестренка. Школу, где учились 11-летняя Нина с братом,

отправили под Мгу, в деревню Заделье — считалось, что там безопаснее. Однако уже в августе детей вернули в город. Всю дорогу состав со школьниками непрерывно бомбили.

8 сентября 1941 года замкнулось кольцо блокады вокруг Ленинграда. Нина помнит чудовищную бомбежку города и как клубы черного дыма заволокли небо — то горели Бадаевские продовольственные склады, где были сконцентрированы все продовольственные запасы города. Ходили разговоры, что продуктов в городе осталось совсем мало и вскоре ленинградцам будет нечего есть. Но никто не верил этому, считали, что это просто слухи. Вскоре были введены продуктовые карточки.

Зима 1941–1942 годов была невероятно суровой. Вдобавок не было света, воды, отопления. Наступил голод. В декабре 1941 года в голодных муках умерла Нинина бабушка. Встал вопрос — как похоронить родного человека? Нина с матерью свезли ее на санках на Охтинское кладбище, где хоро-

нили людей в братской могиле. Денег в семье не было. За похороны пришлось отдать хлебную карточку.

Чтобы не замерзнуть, Нина с матерью приносили с пожара обгорелые доски, ставили их за шкаф для просушки, а затем эти-ми огарками топили печку-буржуйку, которая давала тепло, пока топилась.

Наступивший 1942 год ничего не изменил. Все те же холод, голод, бомбежки и артобстрелы, пожары, кровь, стоны, смерть и 125 граммов хлеба с опил-

ками. Булочная открывалась в шесть часов утра. Люди с ночи занимали очередь за хлебом. Мать приносила хлеб домой, делала на булке зарубки и делила всем поровну. Она считала, что кому судьбой предназначено выжить, тот выживет. Смертность в городе резко возросла. Люди умирали дома, на улице, на работе. За первые 4 месяца блокады в семье Нины умерли от голода бабушка, два брата и сестра. Нина считает, что выжила она только чудом. Жилось им с матерью очень трудно, они шили простыни и наволочки для МПВО, стирали белье. Мать сильно болела и часто лежала в больнице, тогда девочке приходилось совсем туго — не было денег, чтобы выкупить хлеб. В мае привезли домой умирающего отца, и через несколько дней он скончался. Вскоре слегла и мать, работать она уже не могла.

В 12 лет Нина пошла работать на военный завод, где делали мины и гранаты для фронта. Завод выделил их семье 2,5 сотки земли в районе дачи Безобрезова. Нина получила на заводе рассаду и по наущению

мамы сажала капусту, свеклу, салат, редис, морковь. Огород им здорово помог. Нина засолила бочку капусты. Овощи девочка носила матери в больницу, дарила врачам, умоляла спасти маму.

После прорыва блокады всех подростков, которым не было 14-ти лет, направили на учебу в школу. Нина училась только на «отлично». Летом школьников послали на огороды. Дети состояли на казарменном положении, работали с раннего утра и до позднего вечера: сеяли, пололи, убирали урожай. Домой их отпускали только на субботу. Нор-

мы на сельхозработах были большие, Нина успешно справлялась, она с детства была приучена к труду. За работу девочке дали грамоту и 400 рублей. На эти деньги можно было купить 1 кг хлеба!

В декабре 1943 года всем ребятам выдали медали «За оборону Ленинграда».

На выпускной бал в школе мама перешила Нине свое ситцевое платье и дала свои поношенные, но еще приличного вида парусиновые туфли. Выпускной, считает Нина, стал началом ее новой жизни. Жизни без войны.

«Война». Анна Нестерова, ГОУ № 535, ДДЮТ

Я счастлива тем, что у меня были такие достойные родители

ГАВРИЛЕНКО Борис Яковлевич

Мой отец, Борис Яковлевич Гавриленко, родился в 1910 году в городе Богодухов на Украине в многодетной семье (у него было еще четыре сестренки). Он окончил среднюю школу. Чтобы помогать родителям содержать семью, отец совсем юным работал в типографии. Затем он сдал экзамены и поступил в Ленинградский кораблестроительный институт, который окончил в 1935 году, после чего был распределен в организацию «Судобетонморстрой» в Ленинграде.

В 1937 году папа, будучи еще очень молодым человеком, стал начальником отдела, а в 1939 году — главным инженером этого предприятия. В мае 1941 года он был назначен на должность заместителя министра морского флота СССР. Вся наша семья — папа, мама, старший брат и я, собралась в Москву, но помешала война.

Война изменила всю нашу жизнь, вмиг разрушила все планы, надежды. Отец записался в добровольческие отряды, но его не взяли, так как был приказ из Москвы назначить Гавриленко Бориса Яковлевича ответственным за эвакуацию всех сотрудников организации на Большую землю.

В невероятно нелегких условиях, самолетами и по железной дороге, он отправлял на восток имущество и часть сотрудников с их семьями.

Мы должны были улететь последним рейсом, но за нами самолет не прилетел, так

как началась блокада. Оставшись в Ленинграде, сотрудники продолжали работать. Голод брал свое. У меня началась водянка, у папы распухли ноги так, что уже не помещались в ботинки, и он стал носить валенки, которые мама разрешила, чтобы папа сумел втиснуть ногу.

В начале 1942 года отца назначили главным инженером на Астраханскую судостроительную верфь. Нам предстоял долгий путь. Мама не хотела уезжать, потому как понимала, что папе очень тяжело будет перенести длительный переезд. Но приказ есть

приказ и мы двинулись в путь. Мы выехали в феврале 1942 года, квартиру нашу забронировали, но, к сожалению, когда мы вернулись в Ленинград, ее уже заняли соседи.

Мы ехали по Дороге жизни. Вдруг машина, идущая впереди нашей, ушла под лед Ладоги. Это было жуткое зрелище. Нас сковал страх, в любой момент и наш грузовик могла постигнуть та же участь. Но обошлось.

В Астрахань мы добирались поездом. Наш состав попал под обстрел. Очень много людей тогда погибло. Папа до Астрахани не доехал. Он умер в дороге, это все были последствия голода. Мы его похоронили в Ростове Великом Ярославской области. Я и мой брат тоже были на пороге смерти. Умирали от дистрофии. Мы лежали в разных больницах, и бедная мама бегала от одного к другому. Мы остались живы.

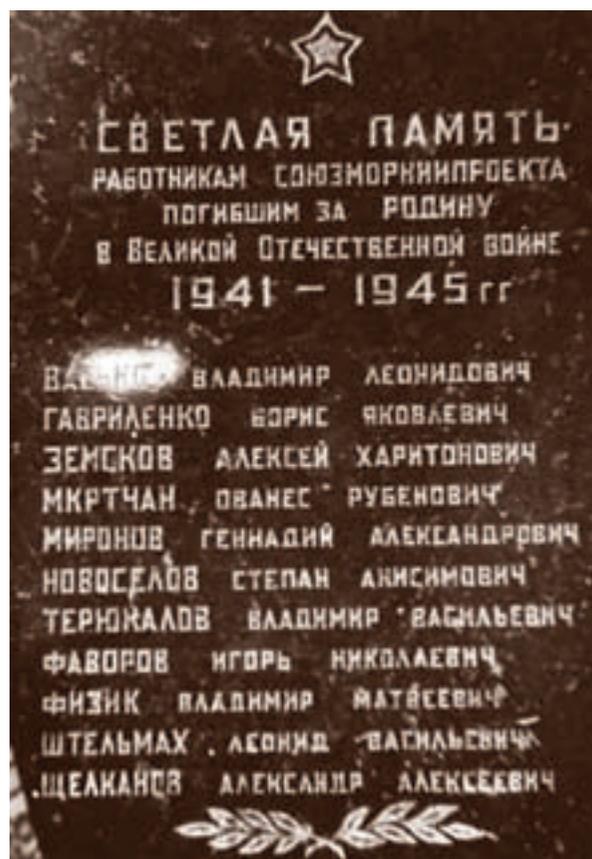
Мой отец считается погибшим на боевом посту. В Москве при Министерстве морско-

го флота СССР была мемориальная доска с фамилиями заслуженных работников морского флота, погибших в Великую Отечественную войну, и там стоит фамилия моего отца. Этого министерства уже нет и мемориальная доска теперь находится на здании «Союзморниипроект» около станции метро «Аэропорт». Я раньше ездила туда часто и возлагала цветы, но сейчас это уже невозможно.

В 2004 году я обратилась к директору Пискаревского кладбища с просьбой внести в Блокадную книгу имя моего отца, но мне отказали, так как он умер не в Ленинграде. Я считаю, что это несправедливо. Ведь он очень многим спас жизнь и сам очень достойно прожил свои 32 года.

Каждый год я прихожу на Пискаревское кладбище и кладу цветы на плиту «1942 год». Конечно, поминаю своих родителей и очень счастлива тем, что у меня были такие родители.

Маленькая санитарка

*Она стояла с санитарной сумкой,
И руку детскую повязка обвила,
Объятая заботливою думой,
На санпосту дежурила она.
Она стояла у родного дома,
Как и боец серьезна и смела.
И замечал прохожий тихо, скромно –
«Как кукла санитарочка мала».
Но девочке той было не до кукол,
В ушах лишь слышалось: война, война, война.
О том звучали метронома звуки
И шла народа гневная волна.
Она одним стремлением горела,
Любовь к родному городу зажгла.*

*И защищала город, как умела,
И помогала взрослым чем могла.
Война была ей вовсе незнакома,
А годы детские безоблачно текли.
И вдруг снаряд и взрыв сильнее грома
Все заволок в пороховой пыли.
Она лежала с санитарной сумкой,
И руку детскую повязка обвила,
Объятая заботливою думой,
Фашистами убитая была.
Я девочку запомнил как в тумане
С застывшим выражением лица.
В какой-то миг ее не стало с нами,
Ей память вечная, ей слава без конца!*

*Игорь Григорьевич ГОРБЕНКО,
житель блокадного Ленинграда*

Блокадная закалка

ГОЛУБЕВА Ираида Ивановна

Коренная ленинградка Ираида Ивановна Голубева родилась в январе 1929 года. Известие о том, что началась война, застало двенадцатилетнюю Ираиду на отдыхе в детском лагере.

«Однажды ночью мы проснулись от грохота оружейной канонады и сразу поняли, что произошло что-то страшное, непоправимое. Мы с подругами решили срочно возвращаться домой. Кое-как, на телегах, добрались до железнодорожной станции. Но сесть в поезд не было никакой возможности, мимо проходили только воинские эшелоны. И от вида открытых товарных вагонов с солдатами на душе становилось тяжело и смутно.

Наконец нам повезло. На станции случайно остановился товарный состав, мы залезли в пустой вагон и утром были на Московском вокзале в Ленинграде».

Ираида жила с матерью и братом на Нижегородской улице (ныне улица Лебедева), около Финляндского вокзала. Мама ждала ребенка. Детей и беременную жену отец оставил.

Ираида Ивановна хорошо помнит, как в начале 1942 года в их двухэтажный деревянный домик попала зажигательная бомба и он сгорел. «Мы спешно выносили пожитки, рискуя сгореть заживо. А после пожара мы сидели во дворе на узлах со спасенными вещами и тихонько плакали. Нас пригласила к себе жить мамина знакомая.»

Ираида Ивановна говорит, что в первую блокадную зиму они выжили просто чудом.

«Мы очень скоро привыкли к бомбежкам, чувство страха притупилось, и мы перестали спускаться в бомбоубежище по тревоге. Но к страшному чувству голода привыкнуть было невозможно. Мы просто сходили с ума, и в голове бесконечно крутилась только одна мысль: чем бы набить желудки. 125 граммов хлеба были ценнее золота. Пайку резали на маленькие кусочки, посыпали солью, сушили на буржуйке, а затем сосали. Старались мусолить во рту сухарик как можно дольше».

Десятилетний брат Ираиды ходил на вокзал, ждал приезда и разгрузки воинских эшелонов, затем звал сестру, вдвоем они подметали между досок пол, собирали мусор вперемешку с крошками в пакетик, отдавали матери, и та варила болтушку.

За водой Ира ходила на Неву с чайником и ведром, на веревочках через парашют опускала их в прорубь. Спускаться на лед она боялась, видела однажды, как женщина упала вниз головой в прорубь и утонула.

Как и многие ленинградцы, Ираида дежурила в жакте, на чердаках и на крыше, выносила из квартир покойников во двор, куда за ними приезжал грузовик.

У подруги мамы, которая приютила семью Ираиды, умер брат. Ира и убитая горем сестра на двух санях везли покойника на Богословское кладбище. Там его зарегистрировали, дали свидетельство о смерти и велели оставить труп за будкой у калитки, обещали похоронить его в братской могиле. За похороны отдали полбуханки хлеба и пол-литра водки.

Мать до родов не работала, и Ира раз в месяц продавала одну пайку хлеба (125 граммов) за 60 руб.

9 февраля 1942 года мама рано утром разбудила Иру и срочно послала за водой. Ее брат с зажженной коптилкой стоял в изголовье матери, а хозяйка квартиры принимала роды. Когда Ира возвратилась с водой, она услышала писк ребенка, увидела завернутое в одеяло маленькое существо. Ей сказали, что у нее теперь есть сестричка. Хозяйка квартиры пожевала дуранду, положила в тряпочку и сунула ребенку в рот, тот почмокал и затих. Иру послали в поликлинику в Ломанском переулке за врачом. Врач пришла, осмотрела маленькую, дала справку о рождении и справку на получение молока, так как молока у истощенной матери не было.

Ира ходила в райисполком на улице Комсомола за метриками на сестру, но ей их не давали, потому что она была несовершеннолетней. Девочка заплакала, сказала, что прийти больше некому — брат еще младше, мать лежит больная, а малышка плачет голодная. Тогда регистраторша кивнула: «Да. Понимаю», зарегистрировала новорожденную и выдала свидетельство о рождении. Имя сестре Ира придумала сама, назвала ее Зиной.

Оттуда Ира пешком пошла в Литовский переулок — в Педиатрический институт. Вошла в будку, стоящую у калитки, там женщина взяла направление от врача, дала поллитровую бутылку молока и наказала всегда приносить бутылку взамен. Теперь ее обязанностью стало ходить за молоком для сестренки. Иногда молоко было желтого цвета — гороховое, иногда синего — соевое.

Однажды, когда Ира гуляла с малышкой, проходящие мимо военные дали ей сухарик, в другой раз угостили большим куском сахара. Счастье было — не описать!

Позднее семья Иры получила в Финском переулке две смежные комнаты. Както пришли управдом с милиционером, требовали эвакуироваться на Большую землю, но мать отказалась — дети не перенесут длительного переезда.

В 1943 году с питанием стало полегче. Их семье дали клочок земли на проспекте Мечникова. На участке они сажали картошку, заготавливали на зиму.

Тем же летом умерли брат и мама. Спасти их врачи не смогли. Для Иры смерть родных стало страшным потрясением, девочка осталась с сестренкой Зиной на руках, которой она стала вместо матери. И вопреки всему девочки выжили.

Память

*Балтийский ветер за окном
И неба черный бушлат —
вот вечный памятник Сынам,
что после битвы снят.
Последний крик полтрука,
последний в жизни миг;*

*ты правильно всю жизнь прошел,
и в смерти ясен лик.
О, если б я смогла поднять,
обнять и воскресить всех, кто
погиб в эту войну.
Без них так тяжело жить.*

*Светлана Викторовна ГЛЕБОВА,
житель блокадного Ленинграда*

Память сердца

Ленинградская блокада в дневниках и письмах очевидцев

ГОНЧАРОВА Ольга Петровна

Когда началась война, мне было всего полгода. Жили мы на территории больницы имени Мечникова. Мой папа, Петр Симонович Костенко (1905 года рождения), работал там начальником электростанции. Мама, Глаголева Екатерина Петровна (1927 года рождения), работала врачом-педиатром в яслях. Папа и мама многое рассказывали, а также писали в своих дневниках и письмах о блокаде.

Началась война с фашистской Германией. Больница имени Мечникова была перепрофилирована в сортировочно-эвакуационный госпиталь № 2222. Вокруг госпиталя были построены платформы-рампы со сходнями, а к ним подведена железнодорожная ветка. Когда прибывали эшелоны, раненых выгружали на платформы и перевозили в санитарные пропускники, а потом распределяли по павильонам. В павильонах № 10 и 14 распределяли раненых пленных немцев. По свидетельству папы, они вели себя высокомерно, как победители. В коридорах павильонов от палат к процедурным были проложены рельсы, по которым ходили вагонетки с носилками. Ежедневно в определенный час ревели сирены и по радио объявляли начало воздушной тревоги. Самолеты начинали бомбить район Ржевка–Пороховые, район больницы и железную дорогу, которая связывала город с Ладожским озером.

Все, кто мог самостоятельно, передвигаться, уходили в бомбоубежище. По счаст-

ливой случайности на территорию госпиталя не упало ни одной фугасной бомбы. Зато зажигательные бомбы попали в подсобное хозяйство, в лебедку, которая запускала в лесу аэростаты.

Пожары тоже случались: горели электростанция, павильон № 26 и другие сооружения. Одна бомба касательно попала в детские ясли № 446 на Пискаревском проспекте, разрушив стену и обнажив перекрытия. Жутко и страшно было видеть кровати с

младенцами, стоящие на перекрытиях этажей. К счастью, пострадавших в этот раз не было. Когда кольцо блокады замкнулось, начались самые трудные времена. Подступал голод. Люди использовали любые возможности, чтобы достать, что-нибудь съедобное.

Около станции Пискаревка на территории овощной базы работал крахмальный завод. Голодные люди собирали осадок крахмала из стоков после промывки картофеля. Из этого крахмала приготавливали лепешки, блины. Их обменивали на еду и одежду. Мама говорила, что поздней осенью 1941 года кто-то вспомнил, что около овощной базы были закопаны отбросы капусты. Люди потянулись туда, откапывали эту полусгнившую массу и готовили из нее щи. Мама тоже туда пошла за капустой, но при виде этого месива не смогла преодолеть брезгливости и тошноты.

С началом войны были введены карточки на продукты и промтовары. Мяса не было, вместо него выдавали яичный черепаший

(американский) порошок, очень вкусный и питательный, вместо сахара — конфеты, иногда сгущенное молоко. Все это в очень ограниченных количествах. Весной, когда вылезла травка, мама с бабушкой собирали крапиву, лебеду. А осенью снимали с веток красную рябину.

Напротив овощной базы была деревня, небольшое кладбище и пустыри с огородами. Умерших жителей города свозили туда. Зимой рыть рвы было уже не под силу, и тогда трупы просто сваливали на землю. Так за морозную зиму образовались целые горы трупов, засыпанные снегом. Весной, когда все растаяло, трупы оголились. Были созданы специальные бригады из жителей близлежащих районов. Люди копали рвы и сваливали в них погибших.

Электростанция в госпитале №2222 работала на жидком топливе, поэтому электроснабжение института и госпиталя сохранялось дольше, чем в городе. Наконец и мазут закончился. Рядом стояло много паровозов. Папа использовал свои знания, соединил шесть паровозов, подогнал их к электростанции. Паровозы топили углем, который сохранился с довоенных времен, и они стали вырабатывать пар для электростанции, которая, в свою очередь, обеспечила теплом и электроэнергией госпиталь и общежития персонала. Продукты кончились, овощи померзли, папа на свой страх и риск принял решение раздать по квитанциям сотрудникам электростанции и телефонной станции остатки померзших овощей (кормовую свеклу, морковь, капусту) из подсобного хозяйства. Это его решение могло иметь тяжелые последствия.

Когда кончилось топливо, в павильонах и общежитии установили печки-буржуйки. С целью экономии тепла и света всех раненых бойцов и офицеров было решено спустить с этажей в подвалы-бомбоубежища. Носилки и раскладушки ставили на бойлеры, на трубы и около них. Медицинского персона-

ла катастрофически не хватало. Часть людей умерло, многие лежали с дистрофией. Главный врач госпиталя попросил маму поработать терапевтом. Дежурных врачей кормили военным пайком. Давали талоны на мясо, на крупу, на консервы (из США), на сгущенное молоко. Мама опасалась, что не справится, так как до этого работала только педиатром. Но возможность получать военный паек сыграла решающую роль. Она согласилась.

При лечении раненых использовалось все возможное: отвар из елок, глицерин, глюкоза и прочее.

Мама вспоминала, что в бомбоубежищах было темно, больные лежали у стен коридоров. Обход начинался с того, что раненых дергали за ногу и спрашивали: «живой?» Умерших выносили. Питание везли из кухни (отдельное здание) по улице и через бомбоубежища. Персонал кухни часто оставался ночевать прямо на плите. Обычно емкости с пищей везли два сотрудника и закрывали их своими телами, так как в темноте к тележке тянулись руки голодных раненых. Были случаи, когда обеды воровали.

Уже в мирное время однажды по радио шла передача, посвященная ветеранам войны. Выступал некто Цыбин, который благодарил маму и считал, что она спасла его от смерти.

Многие погибшие от голода сотрудники института были похоронены при содействии моего папы на Богословском кладбище по-человечески — в гробах.

В свидетельствах о смерти писался один и тот же диагноз: «от ослабления сердца», а не от дистрофии. Это тщательно скрывалось. На станции было тепло, и выдавали продовольственную рабочую карточку. Папа организовал эвакуацию жен, детей научных сотрудников института, студентов. Принимал участие в разборках деревянных построек, и в дальнейшем по талонам раздавал их нуждающимся сотрудникам как дрова.

*Петр Симонович Костенко.
1938 г.*

Однажды после разгрузки товарных вагонов на станции Кушелевка сил не хватило добраться домой. Знакомый оставил его ночевать у себя. С каким благоговением он вспоминал кружку кипятка, которую он пил в доме этого знакомого.

Из дневника папы

...Завод имени Карла Маркса. Разбитые цеха, разбросанный инструмент, ящики и прочее. На пути к станции Пискаревка на обочине дороги лежат завернутые в простыни, одеяла «куколки»-трупы. Пятитонная машина, с верхом груженная замерзшими голыми, полуголыми трупами. Часть их свалилась на землю. Шофер куда-то ушел. Детские саночки желтенькие, с них свисает голова без шапки, ноги в тряпье. Лицо красивое, мальчишеское, юное. Я почему-то думаю: «Ведь хо-

лодно, а он без шапки». В павильоне №26 на втором этаже в общежитии кровати на коридорах. На них люди. Живые? Мертвые? Никто на это не реагирует, безразлично скользят взглядом. На всех лестницах лед, помои...

...Пожар в 26-м павильоне. Это печи-буржуйки. Приехали пожарные, вернулись с пожара в городе. Безучастны, не спешат, медлят. Нет горючего, дали горючее. Не работает насос, насос запустили. Шланги замерзли, отогрели шланги. Жители павильона №26 переносят свои пожитки в павильон №24. Бросают одежду, чемоданы в окна. Кто-то копается в камере хранения в вещах студентов. Пожар залили. Сгорела крыша и несколько комнат. Уже светает. Пожар окончательно потушили. Кругом грязь. Одежда, ноги грязные, мокрые. Холодно. Кружится голова...

...Телефонистка Мария Михайловна, дельная, решительная женщина, мгновенно оповестила всех, кого надо, о пожаре.

За электростанцией, под огромными земляными валами резервуары емкостью более 30 тонн с мазутом. Неужели сгорят? Какой густой едкий дым, как густая взвешенная сажа, горячая, удушающая. Истерические крики о помощи. Тащим на тележке к месту пожара, к люку в подвал огнетушители. Рабочий теряет сознание. Приказываю бросить тележку и вытаскивать его из задымленного машинного зала. Забелин обследует с двух сторон, нельзя ли загасить со стороны котельной. Пожарные возятся с помпой. Как все медленно. Наконец через дверь сварочной подтянули шланги. Мой незаменимый единственный электрический фонарь. Он везде нужен, лишь он один может светить в бескислородной среде. Я ползу к котлам, к топкам. Светом указываю пожарным, куда лучше направить струи воды, пены. Пожарный задохнулся. Вытащили еле живого. Я заблудился в дыму. Ужас. Обрывки мыслей. Животный страх. Силой воли заставляю себя успокоиться. Голова у холодного пола, дыхание болезненно. Ползу прямо, думаю — вы-

ход, а там ревущее пламя у котлов. Я заблудился. Надо влево. Ужас. Какая-то лестница. Назад. Силой заставляю себя не двигаться, думаю. При волнении дышишь интенсивнее. Надо спокойнее. Пополз, щупая попадавшие предметы. С большими усилиями выполз к выходу. Голова кружится, в горле дерет. Снова к машинному залу. Пожарные не разрешают раскрывать двери подвала. Большая тяга. И без этого из подвала валит густой черный дым. Шланг с брандспойтом тащу в подвал. Пожарный задохнулся, уполз. Я вспомнил про противогаз, который мне подарил Б.И.Зубков. Как хорошо в нем! Обнаруживаю брошенный шланг с брандспойтом. Вода из него хлещет по полу машинного зала. Шланга не хватает. Помогают Шорохов и еще кто-то. Я спускаюсь в кошмарно жаркий люк с брандспойтом. Вот очаг пламени. Река огня по полу подвала. Направляю на пламя струю воды. Страшное шипение, густой обжигающий пар охватывает меня. Едва успеваю выскочить из люка. Бью струей сверху. Снова спускаюсь, бью струей на ручей огненного мазута, на стены. Основной огонь я задавил паром. Все с разных сторон тоже спускаются. Пожар потушен. Суетятся пожарные, смотрят, нет ли еще очагов горения. Бреду домой. Далее в главную контору, писать объяснительную...

В первых числах сентября 1941 года папа был командирован по делам службы на Волховскую ГЭС. Когда возвращался обратно, кольцо блокады замкнулось. Об этом времени у него сохранились очень тяжелые воспоминания. У него было ощущение, что немцы вот-вот ворвутся в Ленинград. Кругом хаос. Навстречу ему брели растрепанные раненые бойцы. Один рассказывал, как он впервые побывал в бою, как было страшно и как их командир бросал гранаты и защищал раненых. Очень тревожило то, что никто его не задерживал, не было постов, не спрашивали документов. Впечатление удручающее. Рубили

лес. В воздухе летали самолеты, шел воздушный бой, а особого звука не было. Вдруг один самолет упал. Чей он был?

В городе было много беженцев из оккупированных поселков и городов. Из пригородов гнали скот: лошадей и коров. Их скопилось огромное количество в роще у кольца трамвая № 14.

Зимой 1942 года мама очень плохо себя чувствовала. У нее был выявлен туберкулез легких, но выезжать из Ленинграда не разрешили.

К этому времени папа уже похоронил трех родственников, умерших от дистрофии. Первым умер дядя мамы Гук Константин Карлович, внук архитектора Тона. Он жил в Дровяном переулке, в центре города, с женой и ее матерью. В детстве он переболел полиомиелитом, поэтому ходил на протезах.

Екатерина Петровна Глаголева.
1938 г.

Мама договорилась с двумя женщинами, чтобы они за хлебные карточки (на два килограмма) и кусочек жмыха помогли перевезти дядю к ним в больницу. На следующий день они на саночках повезли его через весь город, через сугробы, под бомбежками. На середине дороги женщины стали ругаться последними словами и хотели бросить маму с дядей. Пришлось пообещать добавить им талоны на хлеб. Спасти дядю не удалось. Через месяц умерла его сестра Маргарита Карловна. Она за месяц до смерти пришла в семью мамы и сказала: «Я пришла к вам умирать».

В августе 1942 года папа принимает решение: эвакуировать оставшихся в живых. Собрав тюки, свез маму, меня и бабушку (матину тетю) на Финляндский вокзал. Он был разбомблен. Железную дорогу восстановили, а вместо платформы сделали деревянные настилы. Желающих выехать из Ленинграда была тьма.

Папа прощался с семьей навсегда. Эвакуируемым предстояло добраться до города Пензы, где жила моя бабушка Надежда Карловна Глаголева, мать моей мамы. Но прежде нужно было под нескончаемыми бомбежками переплыть Ладожское озеро. Потом сделать несколько пересадок: в Кобоне, в Шарье, в Котельничье Кировской области и в городе Горьком. Это было невероятно тяжело, только молодость и желание выжить помогли справиться со всеми трудностями переезда.

В обязанности мамы как врача эшелона входило обходить вагоны, выявлять больных, оказывать первую помощь, умерших снимать на станциях. Когда поезд подъезжал к любой станции, люди выскакивали на платформы, хватали все, что можно было съесть. Потом ложились на полки, и у них начинались понос, рвота. Многие тут же умирали. Началась дизентерия.

Часть тюков еще в Шарье была сдана в багаж, а часть вещей была при себе. Когда началась посадка, на перроне было столпотво-

рение, люди брали приступом подходивший состав. Бабушка со мной стояла с вещами, а мама пыталась втиснуться в вагон, и безуспешно. В темноте она услышала крик: «Где здесь Глаголева?» Это командир с бойцом пришел ей на помощь. Они с силой протолкнули висящих на подножке людей в вагон и впихнули бабушку с вещами. Меня передали по рукам вглубь вагона. Мама последней уцепилась за поручни вагона. Безумно боялась потерять дочь. После этого страх перед любой посадкой в поезд сохранился у нее навсегда.

Папа остался в блокированном Ленинграде, в тревоге за свою семью, не досыпая, не доедая. С мамой они договорились писать друг другу не реже двух раз в неделю. Письма шли с перебоями, иногда по 17 дней, не все достигали адресата. Письма просматривались военной цензурой, все запрещенное вымарывалось. Ни в одном письме не было упоминаний о бомбежках, а если изредка и встречались, то в иносказательной форме. Например, в июне 1943 года: «Пожалуй, несколько часов не проходит без более или менее близких звуковых эффектов».

Работать приходилось с утра до ночи, до изнеможения. Работы, как он писал, всегда больше, чем физических сил. «Требования все растут, а рабочих все меньше, материалов все меньше и меньше».

В редкие свободные часы навещал близких и знакомых, помогал им дровами, оплачивал квартплату, хлопотал о броне на жилплощадь эвакуированных родственников, доставал нужные документы, вставлял стекла и фанеру в окна вместо выбитых при бомбежках. Зарплата у него была не бог весть какая, 300–400 рублей. Дополнительно подрабатывал (мастерил аккумуляторные фонарики) и посылал деньги семье, матери и сестре в Днепропетровск. Занимался огородом (весной 1942 года всем сотрудникам института выдали наделы земли рядом с институ-

*Екатерина Петровна
и Надежда Карловна Глаголевы.
1938 г.*

том от сорока до ста квадратных метров), сажал картофель, морковь, капусту. Это было большим подспорьем.

Трогательны его письма к маме, где он пишет, как они перед новым 1944 годом помогали в детском саду иллюминировать елку. Он называл детский сад «очаг имени Ольги Петровны». Детский сад тогда называли очагом. Я в это время в Пензе болела дифтерией. Он знал, что такое дифтерия, потому что в свое время потерял брата и сестру от этой страшной болезни. Находясь под гнетом тревоги, страха за своего Олика, он нашел маленькую сосенку вместо елки, сделал гирлянду маленьких лампочек, повесил вместо елочных игрушек на сосенку всякие электротехнические детали, ботиночки Олика и тому подобное.

Вот так он встретили Новый 1944 год. Он постоянно хотел есть и очень боялся, что эти же ощущения испытывают его родные.

В одном из писем жене он писал: «Скажи откровенно, бывают ли вечера, когда, ложась спать, ты хочешь кушать? Является ли лучшим лакомством для вас хлеб, сухари? На-

едаетесь ли вы по желанию или ограничиваете себя?»

Мама в письмах посылала ему сушеный лук, а позднее посылали сухари, макароны и другие продукты. В апреле 1944 года мама приехала в Ленинград в командировку на 10 дней, сопровождая эшелон подростков из ремесленных училищ. Она вспоминала эту поездку как кошмарный сон. Подростки были постоянно голодны, неуправляемы. На станциях они выскакивали из вагонов, воровали пирожки, еду у продавцов, подсовывали им фальшивые деньги-куклы.

Письмо папы от 27.01. 1944 года.

«Сегодняшний день знаменательный и как будто обязан быть безвозвратным в отношении бомбежек, артобстрелов, ужасного голода и нашей разорванной с тобой жизни. Только что я из города. Уже третий час ночи, но возбуждение не проходит. Приехал трамваем! В 12-м часу, так как разрешили движение до часа ночи. Уезжал в город, не знал ничего, а когда возвращался, услышал, что будет важное сообщение.

По радио передали, что наши войска взяли новые города и населенные пункты. Потом начался грохот орудийных салютов. Сел в трамвай, поехал на Невский проспект. Оживление, больше, чем всегда, народу. При ярком свете ракет на фоне черного неба выделялись контуры Фондовой биржи, Петропавловской крепости, Невы. Мне так хотелось, чтобы ты была рядом! А мне не радостно, почти безразлично. Когда же мы увидимся? Моя дорогая милая Катя! Я что-то устал, мало энергии. Надоело напряжение во всем...»

Победа была близка! В мае 1944 года мама, бабушка и я вернулись в Ленинград.

Ветеран с Малой Охты

ДАВЫДОВ Евгений Алексеевич

Коренной ленинградец Евгений Алексеевич Давыдов родился в январе 1929 года. Все 900 дней он провел в осажденном немцами городе.

«Война почувствовалась на следующий же день, когда в семье стали приходиться повестки.

Мы жили на Малой Охте, и во многих семьях был заведен такой порядок: муж работает, а жена дома на хозяйстве и занимается детьми. Теперь же становилось очевидно, что, после того как отца заберут на фронт, заботы о содержании семьи лягут на женские плечи. Воздух буквально был пропитан тревогой и волнением.

Уполномоченный из жилконторы в первый же день оповестил жильцов о собраниях. На малой Охте все дома были деревянной постройки и могли легко загореться при попадании зажигательной бомбы. На собраниях составлялся график дежурства на чердаках. Помню, что на углу Сергеевской и Митрофаньевской улиц поставили орудия. Были вырыты землянки, чтобы было куда нырять во время бомбежки.

На чердаке дежурили в основном подростки, берегли матерей.

Однажды во время дежурства на чердаке я наблюдал в окошко страшную картину. Прямо на нас летели три вражеских самолета. По самолетам открыли огонь зенитки. Самолеты подлетели совсем близко. От звука винтов на чердаке был сильный резонанс. Воздух качнулся, все вокруг затряслось. С самолета с ревом летела бомба. Ухнул взрыв.

Бомба попала в 151-ю школу, там в то время находился госпиталь. Когда все стихло — мы с ребятами побежали смотреть. Нас туда не подпустили, но говорили, что погибло очень много людей.

В этом госпитале работала моя сестра. По счастливой случайности она оказалась в тот момент дома.

Также мы работали на оборонительных сооружениях, копали щели, случалось, что прямо под обстрелами.

Часто с неба сбрасывали листовки. Я и сейчас помню

их содержание:

*Ленинградские дамочки
Не копайте ямочки.
Таночки поедут
И раздавят ямочки.*

Это было психологической атакой. Хотели напугать нас, деморализовать. Мы с ребятами эти листовки собирали и сжигали.

К зиме стало совсем плохо с продовольствием. Мы с отцом ходили на совхозные поля, перекапывали молодой снег, в надежде найти сколько-нибудь промерзших картошин или капустных кочерыжек. Что-то находили. От голода стало умирать много людей.

9 января 1942 года умер муж моей тети, оставил жену с четырьмя малолетними дочерьми. Отец ходил за 5 км в деревню Кудрово, там он менял вещи на овес, рыбную муку, рожь, дуранду. Это нас немного поддержало.

Весной отца забрали на фронт. В начале войны его не брали, так как у него было пло-

хое зрение. Теперь же была тотальная мобилизация.

А я пошел на завод «Северный пресс» учеником слесаря, мне тогда было 13 лет.

Завод здорово бомбили. Бомбы попадали в дома. Всюду были пожары. Люди плакали.

Снятие блокады Ленинграда было для нас тяжелым событием. 24 января под Колпином при форсировании реки Ижоры погиб мой папа.

Я помню, как в те дни стоял жуткий гул и вой. То «катюши» стреляли. И зарево было огромное. Никто ничего не знал — немцы это наступают или наши. Моя мама с тетушкой вышли на улицу и стали молиться: «Храни Господь вас всех, родненькие».

А после тех боев от папиного товарища пришло письмо, в котором он рассказал как погиб папа».

Евгений Алексеевич Давыдов награжден 15 правительственными наградами, в том числе медалями «За трудовое отличие», «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Мальчишки на войне

Кончив школу,
мальчишками шли на войну,
В сорок первом
собой заслонили страну.
Мы по горло
насытились этой войной,
Единицы из нас
возвратились домой.
В бранном поле
подчас и в неравном бою,
За Отчизну мы жизнь
отдавали свою.

И стояли мы насмерть,
ни шагу назад,
За страну свою бились
не ради наград.
В день начала войны
в память лет огневых,
Мы погибших помянем
друзей фронтовых.
С кем сроднила война
нас всех на года,
Кто остался мальчишкой
уже навсегда.

Леонид Силантьевич РАХАЛОВ,
участник Великой Отечественной войны

Память сердца

Память сердца и души

ИСАКОВЫ Зоя Николаевна и Борис Анатольевич

Была ужасная пора, о ней свежо воспоминанье ...

А. С. Пушкин

Я ненавижу войну, я перенес ленинградскую блокаду, нацистские обстрелы мирных жителей, я был очевидцем героизма, с каким защищали советские люди свою Родину, с какой непостижимой стойкостью сопротивлялись врагу.

Д. С. Лихачев

Мы — Исаковы Зоя Николаевна (в девичестве Степанова) и Борис Анатольевич — с начала 30-х годов жили в Новом Рабочем поселке в соседних домах.

До войны семья Степановых состояла из семи человек — папы, мамы, бабушки, дедушки и троих детей: Лизы (1926), Зои (1930) и Валентина (1937).

В семье Исаковых было пятеро: папа, мама и трое детей: Вова (1924), Галя (1926) и Борис (1930).

Лиза и Галя учились в одном классе, так же как и Зоя с Борисом. Пришла война. У детей она вызвала сначала любопытство и интерес, ведь радио и газеты внушали уверенность в разгроме врага малой кровью, могучим ударом и на его территории. Но уже через несколько дней настроение стало меняться, горькая правда об отступлении Красной Армии вселяла чувство тревоги и страха, хотя надежда о скором переломе ситуации еще не покидала нас.

С началом войны наш Новый Рабочий поселок стал быстро пустеть. Военнообязанные мужчины и женщины были мобилизованы и ушли на фронт. Многие женщины поступили на заводы: ОХК, «Краснознаменец», «Пятилетка», заменив ушедших на фронт мужчин. Детвора больше не играла в групповые игры.

В семье Степановых в первый же день объявления войны отец, Николай Степанович, работавший на заводе «Ленхимпищепром», был мобилизован в МПВО (местную

противовоздушную оборону), а в 1943 году призван в действующую армию — на фронт. Он участвовал в боях на Ораниенбаумском плацдарме в составе 131-й пехотной дивизии полковника Романенко, где погиб 14 января 1944 года, в первый день операции «Январский гром» — по полному освобождению Ленинграда от блокады возле деревни Порожки. Мама — Александра Мироновна — продолжала работать на заводе №5 «Краснознаменец» в цеху по производству тротила.

В семье Исаковых отец — Анатолий Михайлович — работал на Охтинском химическом комбинате в цеху по производству взрывчатых веществ. До войны мама, Ольга Александровна, работала на заводе ОХК в цеху, где делали целлулоидные игрушки, но из-за закрытия цеха, она перешла на службу в домохозяйство №60 по месту жительства. Старший брат Вова записался добровольцем в пожарную часть на ОХК. Летом 1942 года он был призван в армию, прошел подготовку на курсах младших командиров и ушел на фронт. Участвовал в боях по освобождению Украины, форсировал Днепр. Дважды был ранен. Погиб 26 апреля 1945 года в районе города Опава в Словакии.

Примерно через неделю после начала войны все поселковое население было мобилизовано на рытье окопов-укрытий от бомбежек. Окопы копали на горке между сосен, напротив дома №19. С энтузиазмом включились в эту работу и подростки.

Борис вспоминает один эпизод: «Каждой паре человек было дано задание откопать один марш. (Окоп был в виде змейки, высотой выше роста взрослого человека, и марш простирался от поворота до поворота на 3–5 метров.) И когда мы с напарником почти заканчивали работу и выбрасывали землю с самого дна на бруствер, то оказались стоящими лицом друг к другу. Моя лопата поднялась, может быть, на полметра от земли, и тут другая лопата догнала мою и ударила

ее снизу. Свою лопату я не удержал, и она вместе с землей полетела мне в лицо. Лезвие рассекло бровь над правым глазом. Я почувствовал, как лицо заливают кровью. Кровь на лице смешалась с землей, вид у меня был ужасный. Все работавшие сбежались на крик моего партнера. Думали, что у меня вышибло глаз. Поволокли к врачу. Там промыли лицо и, к счастью, обнаружили, что у меня только сильно рассечена бровь, которую пришлось зашивать. Шрам остался до старости».

В конце июля из-за опасности потерь среди мирного населения во время бомбежек Ленинграда, руководством города было принято решение о начале эвакуации детей вглубь страны.

Зоя вспоминает: «В июле нас, детей и школьников с учителями, погрузили в теплушки на Московском вокзале и повезли по железнодорожной ветке, идущей на станцию Пестово. Разгружали детей из эшелонов в разных пунктах, так что я оказалась на станции Хвойная, а сестра Лиза с братом Валентином на станции Кобожа.

Места, где нас высадили и разместили, не были приготовлены для длительного проживания больших групп детей. Над районом уже появлялись немецкие самолеты. Сопровождавшие нас учителя стали говорить о необходимости вернуться в Ленинград. Но составов никто организовать не мог. За детьми стали приезжать родители. Видимо, кто-то сообщил в Ленинград о сложившейся ситуации. Маму, которая хотела приехать за нами, непустили с завода. Но, к счастью, в нашей группе были дети соседки по дому. Она смогла приехать, забрала своих детей и меня. Лиза с братом случайно попали в эшелон с военными моряками, который шел в сторону Ленинграда, и они также смогли добраться домой. Вернулись ли все дети в Ленинград, или кто-то так и остался в этой глуши? Трудно однозначно ответить, так как уже 29 августа немецкие войска захватили станцию

Мга и железнодорожная связь Ленинграда со страной была прервана».

А город уже готовился к обороне. На окна в домах поселка по диагонали наклеили бумажные кресты и закрыли светомаскировочными шторами. Начались бомбежки. В лесу за поселковым продовольственным магазином разместили военно-морской склад боеприпасов, а за ним, вдоль железной дороги от Колтушского шоссе до Ковалевского аэродрома, населением и военнослужащими был вырыт противотанковый ров. На обочинах дорог появились бетонные надолбы, а в некоторых местах и противотанковые ежи из рельсов.

Немецкие войска подходили к городу. Становилось все тревожнее. Ночью над городом повисли аэростаты. Вокруг заводов появились зенитные батареи с прожекторными установками.

Несколько дней над городом висел густой дым и пахло гарью. Горели Бадаевские продовольственные склады. На продукты ввели карточки. Начались обстрелы. Но серьезных попаданий и разрушений в районе Ржевки, к счастью, до весны 1942 года не было.

Однако наступала зима. Нормы выдачи продуктов, и главное — хлеба, уменьшились. Жизнь в поселке замирала. В школе с осени были размещены военные, поэтому занятия так и не начались.

С декабря хлеб в магазин привозили поздно и с перебоями. Очереди занимались

с вечера. Однажды Зоя получила по карточке конфеты, которые были изготовлены с добавлением опилок, и еще какие-то продукты. Когда она вышла из магазина с кульком в руках, к ней подошел мальчик, бывший одноклассник, вырвал этот пакет из рук и убежал. Никто из старших даже не пытался его догнать, настолько люди были ослаблены голодом.

Чтобы получать 500 граммов хлеба, старшая сестра Зои — Лиза в 16 лет пошла работать паровщицей на военный завод.

Зимой участились случаи смертей от дистрофии. Школьникам начали выдавать соевое молоко и шроты. В январе с продуктами стало совсем плохо. Школа закрылась, и занятия, которые некоторое время проводились на квартирах учителей, тоже прекратились. Дети умирали. Семьи, у которых были огороды и держалась домашняя живность, оказались в лучшем положении. Правда, к зиме животных уже съели, но остались корма (отруби, жмыхи).

Так было у Степановых и Исаковых. Голодную зиму они перенесли легче. Но в январе 1942 года у Степановых умерла бабушка, заболел отец. В феврале или марте в семье Исаковых родился мальчик, не прожив и трех дней, ребенок умер.

Да, несмотря на тяжелейшие условия, в Ленинграде рождались, выживали и умирали дети. Здесь хочется привести стихотворение Валентины Васильевны Колесниченко под названием «Блокадничек»:

*Ленинград давно в кольце блокады,
Люди умирают на ходу,
А в санчасти медсестра в тетради
Пишет: «Мальчик. Мать еще в бреду.
Назван Владиславом.
Рост нормальный.
Вес хороший. В общем, молодец!»
Только взгляд у девушки печальный —
Знает, не придет его отец.
Он погиб на Пулковских высотах*

Так теперь выглядит дом в котором жила семья Степановых во время войны

*В том последнем для него бою,
Не дожив три месяца всего-то,
Чтоб увидеть копию свою.
Он погиб, а продолжение рода
Спит спокойно, вопреки войне.
Смерти неподвластна мать-природа,
Неподвластна! Нет! Она сильнее!*

В январе Александра Мироновна решила навестить мужа в МПВО и взяла с собой Зою. Трамваи не ходили, поэтому шли пешком. Чтобы сократить путь на улицу Красина с Рябовского шоссе, пошли по дорожке через Пороховское кладбище. На другой стороне кладбища вдоль Горелого ручья увидели вырытые траншеи, которые наполнялись трупами, трупы, завернутые в простыни, лежали и вдоль дороги. Умерших людей привозили сюда со стороны города на грузовых машинах. Было очень жутко и страшно.

Самую ужасную трагедию жители поселка перенесли в конце марта 1942 года. Обстрел района начался вечером 28 марта. Но жители, привыкшие к стрельбам на полигоне, думали, что это учебная стрельба, и спокойно вечером легли спать. Утром в 6 часов произошел взрыв, поднявший на ноги всю округу. Это взорвались стоявшие на путях станции Ржевка вагоны с боеприпасами.

В квартире Степановых, выходящей окнами в противоположную сторону от станции, вылетели стекла и рамы, попадала мебель и наклонилась стенка со стороны коридора.

Все жители выбегали из дома с детьми на руках, не знали, где укрыться. Раздавались взрывы, летели колеса, нераззорвавшиеся снаряды, какие-то металлические детали, горящие деревянные предметы.

В квартире Исаковых, расположенной в северной половине дома, вылетели все рамы и стекла. Стенка, в которой проходил дымоход от кухонной плиты, рухнула в комнату. Потолки осыпались. К счастью, никого из обитателей дома серьезно не ранило.

Последствия взрыва ужасали. Нужно было срочно оказывать помощь пострадавшим и восстанавливать жилые помещения. А тем, кто остался без крова, нужно было искать пригодное жилье хотя бы для временного проживания.

Вот что сообщила о Ржевском взрыве Лидия Максимовна Позднякова, в настоящее время она проживает в Казани. «У меня об этом страшном событии своя память. В то утро мы проснулись на рассвете от ужасного грохота, непрерывных взрывов. Вылетели окна с рамами, выбило двери, мебель качалась, тяжелую бронзовую люстру сорвало.

Хорошо, что мы в это время вышли на улицу и стояли толпой у сараев, а над нашими головами летели большущие нераззорвавшиеся снаряды и врезались в снег. Если бы хоть один из них сдетонировал, от нас бы ничего не осталось.

Одна женщина заглянула в окошко маленького сарайчика и говорит: Там лежит мертвая девочка. Я тоже посмотрела и узнала свою подружку и одноклассницу Зину Кузьминскую. Когда взрывы закончились, мы вернулись домой и поняли, что жить здесь невозможно. Проемы окон мама с бабушкой завесили одеялом и ковром, дверь прислонили. И мама отправилась на Пороховые, где и записалась на эвакуацию.

В начале апреля мы выехали на грузовиках на Ладогу. А по дороге нас обогнало несколько грузовых машин с мертвыми телами. Сначала мы решили остановиться в Калининской области, нас пригласил один старик к себе в деревню. Там мы прожили до июля и потом с друзьями, с которыми подружился в дороге, отправились в Казань. Здесь тоже было очень нелегко, но мама побоялась возвращения в Ленинград».

Вот что сообщалось в оперативной сводке №440094 штаба противопожарной службы МПВО Ленинграда от 29 марта 1942 года о последствиях той трагедии:

«В результате взрыва и вследствие возникшего пожара полностью уничтожены огнем 4 двухэтажных жилых дома, 4 одноэтажных барака, лесопилка, здание столовой и ряд мелких построек. Частично пострадали два двухэтажных жилых дома и два одноэтажных складских здания. Уничтожено взрывом около двадцати и пострадало около четырехсот зданий, около семидесяти единиц железнодорожного подвижного состава».

Несколько другой оттенок случившегося дан в рапорте командования Ржевского полигона: «По недосмотру на станции Ржевка скопилось большое количество вагонов с амматолем, предназначавшимся для снаряжения минометных мин. Противник, обнаружив необычное скопление вагонов вблизи полигона, нанес по нему мощный артиллерийский удар 240-миллиметровыми орудиями, вызвав одновременный подрыв семидесяти вагонов с боезапасом. В результате взрыва на полигоне и в окрестностях было убито и ранено свыше 1000 человек, выведена из строя железнодорожная станция и причинены значительные разрушения самому полигону».

Наступало лето, нужно было думать о следующей зиме. Зоя вспоминает: «Несмотря на все трудности с питанием, наша мама сумела сохранить некоторые семена, а главное — картошку на посадку. С сестрой Лизой и братом Вале́й мы вскопали огород и посадили картошку. До нового урожая собирали разные травы. Из мокрицы и лебеды пекли лепешки и варили зеленые щи.

Летом 1942 и 1943 годов со школьными учителями мы ездили на трамвае в госпитали, в палатах читали раненым стихи и пели песни. Встречали нас бойцы приветливо и радостно, а провожали с благодарностью, просили приходить снова».

Зима 1942-1943 года выдалась холодная. Отопление в зданиях школы было печное. Из-за отсутствия обслуживающего персонала в школе нам, детям, приходилось самим

возить дрова на больших санях со склада, который располагался недалеко от школы на берегу реки Лупы с въездом со стороны улицы Коммуны.

Зоя вспоминает, что в одну из таких поездок за дровами случилась трагедия. В сани с дровами врезалась автомашина, одна девочка погибла, а остальные получили травмы и контузии. Печи в школе тоже топили дети.

Но все равно в классах было очень холодно и, чтобы чернила не замерзали, мы уносили их домой, а писали на газетах и оберточной бумаге.

Несмотря на все трудности, Ленинград боролся и выстоял, сражался, помогал армии гнать врага с родной земли до его логова и добиться Великой Победы!

«Победный салют на Дворцовой...».

Нигар Гусейнова, 4-й класс, школа №93, ДДЮТ

«Страна, надейся на “потерянных”, Они тебя не подведут!»

КРЫЛОВ Георгий Иванович

Георгий Иванович Крылов родился в мае 1929 года в Ленинграде. Вместе с родителями и младшим братом Николаем он проживал на 8-й Советской улице. Его отец был киноработником, мать — медицинской сестрой. В довоенном Ленинграде прошло безмятежное детство Георгия. Война внесла свои неожиданные коррективы в жизнь подростка и всей его семьи.

Опустела их большая квартира: соседи либо ушли на фронт, либо эвакуировались. Отец ушел в народное ополчение, но был отозван из армии во фронтовую студию кинохроники, позднее он участвовал в создании фильма «Ленинград в борьбе». Мать была на казарменном положении, работала в военном госпитале.

Война застала Георгия за городом. Мальчик находился на каникулах, в гостях у дяди-железнодорожника. В Ленинград он попал в августе. Домой добрался с нашими войсками, прорывавшимися из окружения.

Георгий жил вместе с мамой, братом и двумя своими тетями на Большой Спасской улице. Рядом, в Институте ЦКТИ им. Ползунова, работала мать. Вместе с матерью и сотрудниками института Георгий участвовал в создании оборонительных сооружений: рыл противотанковый ров в районе нынешней станции Ручьи. Почти все мужчины института ушли на фронт, остались только очень пожилые и женщины. Вместе

с ними Георгий занимался военной подготовкой.

Очень тяжелой была первая блокадная зима 1941-1942 годов. Чувство голода не оставляло ни на минуту, стали опухать ноги, появились вялость, апатия, все время хотелось спать.

Некоторые ошибочно считают подростков военных лет потерянным поколением. Позднее, после войны Георгий Крылов писал об этом в своих стихах:

И грезы детства шоколадные,

*Не возвратились больше к нам,
Но вечны в памяти блокадные,
Те крохи хлеба, каждый грамм.*

...

*И я могу сказать уверенно
За нас, познавших бой и труд:
«Страна, надейся “на потерянных” —
Они тебя не подведут!*

В трудностях характер Георгия закалялся. Как и все мальчишки блокадных лет, он делал все, что было в его силах: помогая взрослым, по ночам дежурил в конторе жакта и на крыше своего дома.

После этой зимы, когда фронт немного стабилизировался, их квартира превратилась в общежитие или пересыльный пункт. К ним постоянно приходили ночевать сослуживцы матери по госпиталю, военврачи, медсестры, старые друзья, воевавшие на Ленинградском фронте.

Гости подкармливали братьев, делились с ними куском хлеба или ложкой каши, что значительно облегчало им жизнь, особенно когда мать была на работе в госпитале, а тетя — на дежурстве.

После прорыва блокады в 1943 году четырнадцатилетний Георгий поступил на работу на Ленинградскую киностудию научно-популярных фильмов, в то время фронтовую киностудию, одновременно он учился в школе рабочей молодежи.

В 1944 году была полностью снята блокада Ленинграда, а в мае 1945 года нашей Победой завершилась Великая Отечественная война. Георгий Крылов продолжал свою работу на киностудии учеником художника, помощником, ассистентом оператора.

С 1950 по 1953 год служил в армии. Затем работал кинооператором в спецлаборатории, потом, до ухода на пенсию, в СДТУ (средства диспетчерского и технологического управления) в качестве радиомеханика спецсвязи.

Георгий Иванович Крылов награжден 11 правительственными медалями, в том числе «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», дипломами I степени на Ленинградском кинофестивале малого кино 1964 и 1966 годов, рядом дипломов и грамот за производственные успехи.

У Георгия Ивановича еще в молодости проявился талант поэта. В 50-е годы были опубликованы его стихи в ряде армейских газет, позднее в журнале «Крокодил» и в

Георгий перед началом войны

других изданиях. Вышли в свет также несколько сборников его стихотворений и рассказов.

Георгий Крылов — почетный член Межрегионального союза писателей Северо-Запада, член Межрегиональной писательской организации Северо-Запада России.

КРЫЛОВА Тамара Александровна

В 1941 году я закончила отличницей 1-й класс. Когда началась война, младшие классы эвакуировали из города в Малую Вишеру, но там начали бомбить раньше, чем в городе. Моя тетя успела с последним поездом забрать нас с братом домой. Отец мой работал на военном заводе, и их эвакуировали в Сибирь. Он прислал нам вызов, и мы собрались к нему ехать: карточки отоварили, упаковали вещи, но в последний момент мама сказала: если умирать, то дома, — и мы остались в городе. Потом мы узнали, что на Ладоге эшелон, с которым мы должны были ехать, немец разбомбил и все погибли. И папа думал, что и мы погибли. А нас Бог уберег.

8 сентября сомкнулось кольцо блокады. Немец подошел очень близко. Бомбили день и ночь. Мы, дети, помогали взрослым. На площади Искусств было кольцо трамвая № 20, туда привозили песок, а мы с мамой развозили этот песок по домам, таскали на чердаки и дежурили, гасили «зажигалки». Зима началась рано, в ноябре уже стояли сильные морозы — до 30°, снегу навалило много, это нас спасало: воды в городе не было, она замерзла в трубах, мы топили снег — и пили, и мылись, и стирали. За водой ездили на Неву, в прорубях черпали ковшом, набирали полные ведра и привозили домой на санках. Снег разгребали, чтобы по тропкам пройти, а по обе стороны росли сугробы. Наступил страшный голод, холод, темнота! Чтобы топить буржуйку, ломали сараи, обогревались. А светила нам коптилка (фитилек как у лам-

падки). Окна очень тщательно загораживали, чтобы не было даже маленькой щелочки, иногда дворник, делая обход, свистел, чтобы плотнее загораживали. На улице стояла такая темень, что мы вынуждены были прикалывать на грудь фосфорные значки, чтобы не наткнуться друг на друга. Если подержать немного такой значок у огня, он начинал светиться в темноте светло-голубым пятнышком. Весь транспорт встал, не было тока.

Но самое страшное в блокаду — это голод. Детям давали по 125 граммов хлеба в день, а взрослым — по 250. За пайкой стояли ночами, надевая на себя даже одеяло, чтобы не замерзнуть. Однажды мама ушла в булочную и долго не возвращалась домой, стояла в очереди на Жуковского, ждала, когда привезут хлеб. А я во всем доме осталась одна, все соседи эвакуировались. Мне стало страшно, и я вышла ждать маму во двор. Под воротами уже несколько дней лежал мертвый молодой солдатик. Мертвых повсюду было много: сядет человек отдохнуть в сугроб — и все, больше не встает!

Уже темнело, когда пришла мама, хлеба она так и не взяла, заняла очередь и пришла меня проведать. Я очень озябла, дверь не отпереть, ключ не поворачивается. Руки замерзли и, чтобы их отогреть, я на них пописала, думала отогрею, а они еще сильнее болели, и я плакала. Мама меня успокоила, затопила буржуйку и хотела идти опять за хлебом, но по радио объявили тревогу и мама осталась со мной, а когда закончилась трево-

га, мама вернулась за хлебом, но ни очереди, ни булочной уже не было. Бомба попала в дом и все погибли, а маму опять Бог уберет, правда, остались в тот день без хлеба.

Мы жили у Московского вокзала, немец бомбил день и ночь. Мы уже не успевали ходить в бомбоубежище и оставались дома: сиделись у капитальной стены и молились.

Голод был ужасный: съели всех собак и кошек на улице. Ели даже крыс, их было тьма, грызуны объедали трупы и были очень здоровые и упитанные.

У нас был кот Сенька, но жил он у соседей, нам было нечем кормить животное, а соседям жилось полегче, им давали на работе дополнительные пайки. Я брала Сеньку, когда мама возила на санках эвакуироваться людей на Финляндский вокзал. С котом мне было не так страшно, и мы вместе ждали маму. Ей за работу давали кусочек хлеба или жмых, и мы его сосали, как конфетку. Мы с мамой пилили людям дрова по вязанке. Было очень тяжело тянуть пилу, но чувство голода было еще тяжелее, и мы зарабатывали этим немного хлеба или соевых лепешек. Я до сих пор помню вкус этих лепешек, ничего вкуснее в своей жизни я не ела. Уходя на работу, соседка часто просила прибраться в ее комнате и помыть посуду, а я прежде вылизывала эти тарелки из-под вишнегрета, а потом мыла (до сих пор в глазах эти красные тарелки) и была благодарна за это. На Новый год мне подарили сосновую веточку, и я ее нарядила. Был праздник. Так мы встретили новый 1942 год.

Взрослым на талоны давали 0,5 л водки к празднику и горсть махорки. Мы все меняли на хлеб.

3 февраля у меня день рождения. Не знаю, как маме удалось уберечь две ложки риса, и она сварила жидкой каши. Было очень вкусно.

Весна была теплая. Появилась травка. Пустили трамваи, и мы с мамой поехали на

трамвае № 12 на Охтинское кладбище. Снег еще везде лежал, а на могилах пробивалась травка, и мы нарвали травы на зеленые щи. Мама варила щи из травы и воды, иногда добавляла туда уксус — получались кислые щи! Снег таял, из сугробов торчали замерзшие люди. Их надо было поскорее увозить с улиц и вытаскивать из квартир. И дети и взрослые, на фанере за веревку вывозили трупы к Греческой церкви (на этом месте теперь БКЗ). Там грузили тела в трамвай и увозили. Снег был очень грязным. Нечистоты всю зиму выливали в люк, они замерзали, на улицах вырастали горы нечистот. Немец надеялся, что у нас начнется эпидемия и мы все передохнем. Но хотя мы были голодные и слабые, все это быстро убрали. Была такая чистота, что немец очень удивился: в таких трудных условиях могли выжить и очистить город. Когда же стало таять, то из люков экскременты поперли наоборот в унитаз, а мы жили в подвале и нас затопило.

Нас переселили на 2-й этаж в квартиру военнослужащего. Семья его эвакуировалась, а когда сняли блокаду, они вернулись, а мы опять — в наш подвал. Появилась вода: из водопровода на панель вывели трубу. Со всех сторон люди тащили черную от копоти посуду, самовары и прямо на дороге чистили и мыли. Однажды летом уже я пошла за хлебом в булочную на Лиговке, напротив вокзала. В очереди мне сделалось плохо (голодный обморок). Я очнулась на ступеньках у входа, куда меня посадили, и сразу схватилась за карточки. Они были на месте, за пазухой, я их всегда прятала, а то случалось, что даже из рук вырывали хлеб. Но были и честные люди. Однажды к Новому году всем, у кого были дети, дали талоны на мандаринки. А мама потеряла эти талоны. На карточках мы всегда писали адрес и нашу фамилию. И вот пришел старый человек, он разыскал нас по адресу и отдал карточки, сказав, как же ребенок останется без по-

дарка. Мама и я его очень благодарили, даже предлагали ему помощь, убрать в квартире, но он отказался.

А к празднику 1 Мая 1942 года детям на карточки дали две маленькие булочки. Мама велела их продать, а на эти деньги купить хлеба. Сдоба стоила дороже, и хлеба выходило побольше. И вот я хожу по Мальцевскому рынку, тут ко мне подходит мужчина в штатской одежде и спрашивает: продаю ли я булочки. Я ответила: да. Он сказал, что я спекулянтка, отобрал булки и повел в пикет при рынке. Там сидел милиционер, стал меня допрашивать. Я очень плакала, все объяснила, но он посадил меня за барьер, сказав, что за спекуляцию меня посадят в тюрьму. Я сидела долго. Вдруг пришел их главный, спросил, а эта что тут делает? Я ему все рассказала, не переставая плакать.

Он велел меня немедленно отпустить, прикрикнув на своих: «Нашли спекулянтку». Меня отпустили.

Зиму 1941-1942 годов мы не учились, но в июне мы снова пошли в школу. За 2 месяца прошли 2-й класс, потом август отдыхали, а 1 сентября пошли уже в 3-й класс. Так что мы наверстали программу, хотя было очень трудно.

Газеты писали: немец опять удивлен, что голодные дети могут учиться, а мы собой гордились. Эти 2 месяца мы ходили в школу на Невский, за кинотеатром «Колизей». При объявлении тревоги мы спускались в бомбоубежище, а потом возвращались к занятиям. Но однажды нас долго не выпускали, даже когда все закончилось. Оказалось, что на площади Восстания снаряд попал в трамвай. Было много жертв и крови. Приехали пожарные, и пока все трупы не убрали и не смыли кровь, никого не пропускали. И перепуганные за нас родители ждали на площади Восстания, а мы их — в школе.

Весной мы раскопали землю из-под сараев, посадили овощи. Нигде не пропал ни один клочок земли: в садах, скверах, на Марсовом поле — везде были огороды. Так что с питанием стало полегче. На зиму насолили капусты. Открыли кинотеатры. Показывали фильмы, а когда была тревога, фильм прекращали, всех отправляли в бомбоубежище, а потом опять продолжали показ.

Зима 1942–1943 годов тоже была холодной, но мы учились. Прежде чем начать урок, дети пилили дрова во дворе, затем несли в класс, топили печь и садились за парты в пальто, платках, валенках. Руки коченели, и чернила замерзали. Теперь в школьную программу нам ввели военное дело. Мы ползали, бросали гранаты, бегали как могли. В нашей школе на улице Восстания 8 был госпиталь, и мы ходили выступать перед ранеными: пели песни, читали стихи. Солдаты были очень довольны.

Поздно вечером 18 января 1943 года по радио объявили, что прорвали блокаду. Ленинградцы сонные, закутанные в одеяла, выходили на улицу. Родовались, целовались и обнимались чужие друг другу люди. Эту радость трудно передать словами.

Немец стал отступать, но не переставал бомбить. Когда враг отошел подальше и 27 января 1944 года сняли всю блокаду, мы начали восстанавливать город. Мама перешла работать на стройку, а я в свободное от учебы время приходила к ней на работу и помогала: месила раствор, его в ведрах на лебедке поднимали наверх. А в обед мы ходили в

столовую (им давали дополнительные талоны на соевые лепешки, и она меня угощала). Столовая была на углу Невского и Марата, сейчас это вестибюль станции метро «Маяковская».

После снятия блокады мы быстро восстановили город. И сейчас, когда я приезжаю в свои родные места — на площадь Восстания и на любимый Невский проспект — я не стесняюсь, плачу, ведь здесь мне знаком каждый дом. Нас, блокадников, остается все меньше. Скоро мы все уйдем из жизни. Дорогие наши потомки, берегите наш прекрасный город. Не дайте уничтожить его красоту.

«Последние крохи». Анастасия Подгайная, 6 класс, школа №89, ДДЮТ

«Нам в сорок третьем выдали медали, и только в сорок пятом — паспорта...»

КУРУШИНА Вера Александровна

«В блокадных днях мы так и не узнали: меж юностью и детством где черта?..» — Эти строки из стихотворения известного поэта Юрия Воронова полностью относятся к Вере Александровне Курушиной, которой, как и многим ее сверстникам, пришлось очень рано повзрослеть.

Родилась Вера Александровна Курушина в августе 1930 года в Ленинграде. До начала войны окончила 3 класса средней школы. В июне 1941 года началась война, принесла с собой горе и беды, лишила будущее планов и надежд.

Отец со своей организацией срочно был эвакуирован на восток страны. После устройства на новом месте он должен был вызвать к себе семью, но жизнь распорядилась иначе. Мать с Верой и ее сестрой оказалась в блокадном кольце. Вере в 1941 году было всего 11 лет.

«Первая зима в скованном морозом осажденном городе была страшной, — рассказывает Вера Александровна. — Бомбежки и артобстрелы, пожары в городе, рушащиеся дома, кровь, стоны. Смерть была с нами рядом. Люди умирали в очередях за куском хлеба, по дороге на работу, у проруби, в грязных нетопленных квартирах — вода была слишком дорогим удовольствием, чтобы мыть ею полы. Тяжести блокады не выдержали тысячи ленинградцев. Нам с сестрой повезло — мы выжили».

Летом 1942 года по указанию Ленинградского обкома партии студенты вузов и техникумов, учащиеся училищ и школ были направлены на прополку и уборку овощей в совхозах и колхозах области. Школа, где училась Вера, направила всех школьников с 5-го по 10-й класс на сельхозработы.

Вместе со своим классом Вера работала на прополке и уборке овощей в поселках Пери, Солнечное, Мяглово. «Мы очень старались, работая в совхозе. Пережив голодную зиму, понимали, насколько важно запастись продуктами. Собрали для фронта и для жителей блокадного Ленинграда много овощей и очень гордились этим».

Вспоминая один случай Вера Александровна не может удержаться от слез.

«В совхозе на выходные нас отпускали домой. Однажды осенью, мы с одноклассниками возвращались в Ленинград из поселка Мяглово пешком по Колтушской дороге. Путь неблизкий. Шли голодные и уставшие. В это время по дороге ехала машина, в ее открытом кузове на досках-скамейках сидели солдаты. И, представляете, те солдаты, увидев нас, детей, еле передвигающих от усталости ноги, стали кидать нам свои пай-»

«В совхозе на выходные нас отпускали домой. Однажды осенью, мы с одноклассниками возвращались в Ленинград из поселка Мяглово пешком по Колтушской дороге. Путь неблизкий. Шли голодные и уставшие. В это время по дороге ехала машина, в ее открытом кузове на досках-скамейках сидели солдаты. И, представляете, те солдаты, увидев нас, детей, еле передвигающих от усталости ноги, стали кидать нам свои пай-»

ки. Пайков было много. В них были сахар и огромные, величиной с буханку, черные сухари. Какими же были вкусными эти сухари! Мы жадно ели по дороге. Половину, ко-

Из блокады родом

*Суперфосфат, суперфосфат
 Был словно рядовой солдат
 В тяжелой обороне Ленинграда.
 От взрывов, дыма и огня
 Покоя не было ни дня,
 И стал суперфосфат огню преградой!
 Он занял пост на чердаках
 С кистями, с ведрами в руках,
 Огнеупорным слоем лег на балках
 деревянных.*

нечно, к радости родных, я принесла домой. Это был самый дорогой подарок в моей жизни».

Летних каникул у школьников блокадных лет не было, сельхозработы стали их нормой жизни: летом работали, а зимой — учились.

Вера с ребятами дежурила в жакте. Ее задачей было ходить по квартирам, выявлять умерших, оставшихся без родителей детей и сообщать об этом управдому. Во время бомбежек она вместе с другими подростками дежурила на чердаке дома, тушила «зажигалки», хватала их специальными щипцами и опускала в бочки с водой или засыпала песком из ящиков.

Если во время занятий в школе случались бомбежка или обстрел, учительница по русскому языку и литературе вела класс в бомбоубежище и читала им поэму Пушкина «Медный всадник», отвлекая детей от страшной действительности.

В конце 1943 года Веру и весь ее класс вызвали в роно, там поздравили и вручили им в торжественной обстановке медали «За оборону Ленинграда».

Вера гордилась своей медалью. Получить такую высокую награду — великая честь!

*Дома спасая от пожаров,
 От бомб фашистских — «зажигалок»,
 Он побеждал огонь врагов незваных!
 И в День Победы над врагом
 Нельзя не вспомнить нам о нем,
 Что вместе с армией, с народом
 Ученых-химиков отряд
 В Победу внес свой скромный вклад —
 Суперфосфат, суперфосфат,
 он из блокады родом!*

*Игорь Григорьевич ГОРБЕНКО,
 житель блокадного Ленинграда*

ЛЕПИНЬ Зоя Александровна

Зоя Александровна родилась в ноябре 1924 года в селе на Вологодчине. В 1929 году она вместе с родителями переехала в Ленинград. В семье росло четверо детей, у Зои были сестра и два брата.

Еще перед войной родители планировали всей семьей поехать к маминной сестре в деревню в Ярославскую область. Мать закупила гостинцев для сестры: пшено, овсянку и сахар. Но в июне 1941 года началась война, и семья осталась в Ленинграде. Эти небольшие запасы очень поддерживали семью в первое время блокады. Мать экономила, для приготовления пищи брала по маленькой горсточке крупы, чтобы хватило подольше. Скоро запасы еды иссякли.

Когда началась война, Зое было 16 лет. Жили они недалеко от Смольного, в одном из домов на улице Красной Конницы.

В июле 1941 года старший брат ушел добровольцем в армию, в первом же бою он пропал без вести.

Зоя Александровна хорошо помнит, как тяжело переживали это известие родители: «Мать все время плакала. Мы надеялись, что брат все еще жив и вернется домой, если ранен. Поэтому об эвакуации и речи быть не могло, все ждали брата с фронта».

Младший брат эвакуировался с военным заводом в Саратов. Когда он узнал о гибели старшего брата, тоже ушел добровольцем в армию, как он писал — чтобы отомстить за смерть брата. А в августе 1943 года в бою под Харьковом погиб и он.

На углу улицы Красной Конницы и Суворовского проспекта стояло большое красивое здание секретного НИИ. Раньше там работал инженером старший брат Зои. С началом войны этот НИИ эвакуировали, а в здании разместился военный госпиталь.

«Как-то, — рассказывает Зоя Александровна, — немцы забросали госпиталь зажигательными и фугасными бомбами. Здание было полностью охвачено пламенем. Пожар продолжался несколько часов. Погибло много людей — раненых солдат. Некоторые выбрасывались из окон и все равно погибали. Все происходило на наших глазах. Было невозможно близко подойти к тому пеклу, чтобы помочь. Это было страшное зрелище. Сквозь пожарище были слышны крики и стоны. От здания остались только стены. После войны завалы разбирали пленные немцы, здание было восстановлено».

Зоя Александровна не любит вспоминать пережитые в осажденном городе годы, но, признается она, воспоминания о том кошмарном времени преследовали ее всю жизнь.

«Весной 1942 года во дворе нашего дома, скопилось много нечистот, так как канализация не работала, и вода была на вес золота. Вместе с соседями, которые могли хоть немного двигаться, мы рубили лед с нечистотами и складывали в большие ящики. Затем их грузили в сани, отвозили к Неве и сбрасывали грязный лед в реку».

Весной всех подростков собрали в школе № 155 на Греческом проспекте, организовали

из них отряд и направили на сельхозработы в совхоз «Ручьи». Там они пололи грядки с морковью. «Когда поспел урожай, — вспоминает Зоя Александровна, — к полям было не подступиться, их охраняли сторожа с винтовками. На уборку моркови нас не пустили, а послали собирать картофель и капусту. В виде поощрения школьникам разрешали брать домой зеленые капустные листья. Мама называла их хряпой и эти листья солила.

Мы проработали весь сентябрь и октябрь. Спали в бараках на нарах, домой отпускали редко, только чтобы помыться».

В следующем году отряд снова работал на хозработах в районе станций Ольгино — Лахта. В декабре 1943 года всех школьников Зоино отряда наградили медалью «За оборону Ленинграда».

Зоя Александровна помнит и тот день, когда была прорвана блокада Ленинграда:

«Перед этим, артиллерийская канонада длилась непрерывно дни и ночи. Мы ждали, затаив дыхание. И наконец — радостная весть о прорыве блокады».

А через год, в январе 1944 года, город освободили полностью.

Черемуха

*В войну я видела такой пейзаж,
Но эту красоту не передать словами,
Запечатлеть бы на холсте —
и в Эрмитаж,*

*И любоваться можно бы годами.
Но с точностью все то отобразить,
Всю гамму красок нежных кружев,
Лишь первоклассный мастер
должен быть,*

*Особый дар в себе лишь обнаружив.
Земля вся вспахана воронками,
Вокруг разбросаны куски металла,
А рядом рощица черемухи в сторонке,*

*Как в сказке, в белом облаке стояла.
В округе жалкие деревья-старички,
Без крон стволы стояли остро,
Как будто бы природа вопреки
Сопоставляла красоту уродству.
Святая, видно, добрая рука
Сажала саженцы, наверно.
Туманом белым буйно расцвела
Черемуха одновременно.
Вся рощица была в цвету,
Была уверена, спокойна,
Как будто знала, что такую красоту
Не смеют искалечить войны.*

*Лидия Арсеньевна КОСАРЕВА,
житель блокадного Ленинграда*

Что я помню о блокаде

ЛОМАГИНА (Яшина) Валентина Федоровна

Когда началась война, мне было всего шесть с половиной лет и, вероятно, поэтому день 22 июня 1941 года не запомнился мне страшным.

Был солнечный, теплый воскресный день, и мы с родителями и братьями были в зоопарке. Когда по радио объявили о начале войны и взрослые встревожились, заплакали, заторопились домой — я ничего не понимала.

Войну я увидела позже. Этим летом 1941 года, вероятно, в июле, родители были мобилизованы на оборонные работы, а нас — детей — впервые отправили в загородный детский лагерь куда-то в район Любытино. И вот буквально через несколько дней отсюда все бежали под бомбежкой и обстрелами обратно в город.

Не знаю, каким чудом удалось бабушке собрать и сохранить нас и привезти в Ленинград, на родной Васильевский остров, на улицу Наличную, дом 78. Теперь этих домов нет. Здесь было общежитие Балтийского завода, и состояло оно из четырех двухэтажных деревянных зданий барачного типа.

Под фонтаном между домами в начале войны находилось бомбоубежище, а зимой 1941–1942 годов, когда люди перестали спускаться в бомбоубежище, на этом фонтане установили зенитную батарею.

Семья наша состояла из 6 человек. Папа и мама работали на Балтийском заводе, бабушка вела хозяйство и занималась детьми. Старшему брату Толе было девять лет, он окончил 1-й класс, младшему Юре было четыре года, мне — шесть с половиной.

Мы занимали большую комнату в трехкомнатной квартире на втором этаже, очень светлую, там было много комнатных цветов, в основном фикусы и олеандры.

Осенью 1941 года отец ушел в народное ополчение и погиб уже в ноябре 1941 года.

Осень того года мне запомнилась бесконечными очередями. Мальчиков бабушка оставляла дома, а меня всегда брала с собой, и до наступления сильных холодов мы с ней проводили часы в очередях то Га-

ванского универмага, то Стеклянного рынка.

А еще в это время в ДК им. Кирова давали детям дополнительное питание, манную кашу, и мы с братом Толей за ней бегали. Я в качестве «охранника», чтобы брат по дороге кашу не съел. Бегать приходилось иногда и под обстрелом и бомбежками, от которых мы прятались во дворах.

Дрова из сарая перенесли на кухню. Запасы керосина уже закончились, поэтому круглая печка-голландка в комнате стала и средством обогрева, и возможностью согреть воду и что-то сварить. Когда она топилась, мы облепляли ее, прижимаясь спиной к теплой печке.

Бабушка всегда старалась изобрести что-то съедобное: вымачивали листья фикуса и варили их, пекли лепешки из кофейной гущи на касторовом масле, варили студень из столярного клея. Однажды она обнаружила коробку табака (отец курил и всегда сам набивал папиросы табаком). Сначала

бабушка пыталась приучить нас к курению, якобы оно заглушает голод, но ничего из этого не вышло. Тогда у солдат она обменяла этот табак на дуранду. Какой божественно вкусной казалась тогда дуранда!

Помню, какой темной стала наша прежде светлая комната из-за светомаскировки при слабом свете коптилки, и эти страшные тени на стенах...

Тиканье метронома из постоянно включенной «тарелки» радио, вой сирены и слова: «Внимание, воздушная тревога!..» Это значило, что надо одеть детей, впотьмах спуститься по темной скользкой лестнице вниз и бежать в убежище. А там холодно, сыро, темно. Только задремлешь — отбой. И так по несколько раз за вечер-ночь.

В конце концов бабушка сказала: «Никуда не пойду, буду умирать в своей кровати».

Так мы (как и большинство жителей наших домов) перестали ходить в бомбоубежище, но до сих пор звук метронома вызывает во мне тревогу.

Помню поездки за водой на санках с кастрюлями и бидоном по обледенелым дорожкам, когда и половины воды до дома не довозили.

Мы были детьми, и, конечно, мы играли.

Помню, что я из своей пайки хлеба «варила супчик» — крошила хлеб в чашку с кипятком, подсаливала и ела.

Бабушка давала нам много лоскутков, и мы занимались кройкой и шитьем одежды для моей куклы.

Мальчишки в августе-сентябре 1941 года в ясную погоду бегали по крышам наших деревянных сараев, наблюдая за «воздушной обстановкой».

Однажды старший брат прибежал домой со страшным ревом и криком: «Не буду летчиком, буду танкистом!» Он увидел горящий, падающий на землю самолет. Ревел от

боли (отбил пятки при прыжке с крыши) и обиды — сбили наш самолет.

Бабушка посылала Толю на охоту за кошками или голубями, но ему никогда ничего поймать не удавалось.

В декабре были 3 дня, когда карточки совсем не отоваривали, есть было совсем нечего, и мама пошла за помощью к своей сестре в Веселый Поселок.

Маме было всего 30 лет, на распухшие ноги не налезала никакая обувь, поэтому ходила в так называемых «шубенках» — это такой чулок, сшитый из шубы овчиной внутрь, и галошах. У маминой сестры Евдокии Ивановны было пятеро своих детей, младшая Галя, 1940 года рождения. Но в то время Веселый Поселок был почти деревней, многие держали кур, огороды. Чего только не делает женщина ради спасения своих детей! Она прошла этот путь по занесенному снегом, холодному, темному городу и принесла в литровом алюминиевом бидоне полбидона ржи, полбидона квашеной капусты и луковицу. Возможно, что это спасло нас тогда от голодной смерти.

А 24 марта 1942 года нас эвакуировали по ледовой дороге через Ладогу.

Бабушка умерла по дороге, а ей было всего 50 лет, младший братик умер по приезде на место эвакуации.

1 апреля, ровно через неделю после нашего отъезда, было прямое попадание в наш дом.

После войны мы с братом пытались отыскать следы наших домов, но безуспешно. Похоже, что на этом месте был построен четвертый автопарк.

Мама вернулась в Ленинград в сентябре 1945 года, снова на Балтийский завод, а нас с братом привезла в январе 1946 года

Я окончила школу, затем ЛИТМО и работала с 1958 года до пенсии в НИИ завода им. Козицкого.

Воспоминания мальчишки из блокадного Ленинграда

МАМАЕВ Виктор Яковлевич

До Великой Отечественной войны наша семья (мама — Трусова Лидия Васильевна, папа — Трусов Иван Федорович, который воспитывал меня с трех лет, годовалая сестренка Танечка и я) проживала в Колпине в Рабочем поселке (Лагерное шоссе, д. 52). В мае 1941 года мне исполнилось семь лет, и я уже был готов к школе. Моя мама работала учительницей начальных классов в школе №8, и я часто сидел на ее уро-

ках, когда детский сад по каким-то причинам не работал. Отец, приезжая после учебы в Военно-морской медицинской академии (ВММА), проверял выполненные мною домашние задания и часто, сравнивая мои знания со знаниями восьмилетнего племянника, говорил: «Читаешь и пишешь ты лучше, но считает лучше Валентин».

Солнечный воскресный день 22 июня 1941 года детвора встретила возбужденно и даже радостно, узнав о начале войны. Еще через несколько дней мы с любопытством и восхищением наблюдали, как из ворот Ижорского завода выезжали новенькие броневики. Отец в это время только что закончил ВММА и был направлен в действующую армию санитарным врачом 8-й авиабазы ВВС КБФ (аэродром Низино, недалеко от Петергофа). В один из июльских выходных дней мы с мамой ездили его навещать. Чуть позже маму стали посылать под Мгу на рытье противотанковых рвов, она брала меня с

собой, оставляя сестренку с нянечкой.

Вскоре начались налеты немецкой авиации. Объявлялась военная тревога, во время которой дворник выгонял всех из дома и заставлял прятаться в окопах, вырытых поблизости. Я брал сестренку на руки, и мы бежали к укрытию.

Однажды я наблюдал, как немецкий истребитель зашел в хвост низко летящему У-2, дал одну очередь, наш самолет задымился, немец сделал второй заход и добил его. Зенитчики,

располагавшиеся на противоположном берегу реки, молчали, очевидно, не хотели выдать своего местоположения.

Вскоре немцы приблизились к Колпину и мы перебрались в газоубежище, размещавшееся в цоколе школы, предварительно закопав свои пожитки близ дома (вскоре дом сгорел, а пожитки разграбили). Однако долго оставаться в газоубежище было опасно, и мама решила перебраться в Ленинград. Однажды она отвела меня к вокзалу, а сама вместе с сестренкой пошла на огород, накопать картошки в единственный из предметов домашнего обихода, оставшийся у нас, — чайник. В это время начался обстрел Ленинграда. Снаряды проносились где-то над нашими головами. Я испугался и захныкал. Ко мне подошел железнодорожник, погладил меня по голове и успокоил. Теперь при воспоминании о начальных днях войны я с благодарностью вспоминаю этого доброго человека.

В Ленинград мы перебрались вчетвером. Мама взяла с собой и Эллу — девушку-соседку, старшая сестра которой эвакуировалась с семьей из Ленинграда заблаговременно, не взяв ее. Какое-то время жили в эвакуопункте на набережной реки Фонтанки, 36, недалеко от Невского проспекта (ныне здание, где размещаются газетные залы Российской Национальной библиотеки). В то время поблизости еще продавалось дешевое, но уже невкусное мороженое на сахаре. Помню, что в эвакуопункте находились и беженцы из Прибалтики.

Как-то, сразу после переезда из Колпино в Ленинград, мы были в гостях у тети, которая вместе с сыном жила поблизости, на улице Рубинштейна. Там нас застала тревога, и мы побежали прятаться в бомбоубежище, находившееся в доме Толстого. Возвращаясь после отбоя тревоги, мы встретились с отцом, который заехал на «санитарке» к сестре. Оказалось, он несколько часов назад буквально вырвался из лап немцев, которые уже занимали аэродром Низино. На машине были следы от немецких пуль.

Затем мама получила разрешение поселиться в комнате брата отца на Шлиссельбургском проспекте. К тому времени дядя вместе с семьей уже эвакуировался с военным заводом в Уфу.

Помню, как в один из солнечных дней сентября мы ехали на трамвае к Лапину Ювеналию Васильевичу, младшему брату мамы, который работал на заводе «Большевик» и жил вместе с семьей (женой и сыном Леонидом) поблизости от завода. Вдруг объявили тревогу, трамвай остановился, пассажиров высадили. Это было где-то на проспекте Обуховской Обороны.

В небе над Ленинградом двигалась огромная армада самолетов. Мы пытались их сосчитать, но истребителей было так много, что это было невозможно. Немцы

бомбили Бадаевские склады. Вскоре резко снизились нормы по отовариваемым карточкам и наступил голод. Мы въехали в комнату, где, кроме репродуктора на стене, ничего не было, а за деньги, если бы они у нас даже были, в магазинах из продуктов уже нельзя было ничего купить. Кроме того, наша семья состояла только из иждивенцев, которые по карточкам получали минимальные, сначала 300, а затем и 125 граммов хлеба.

В сентябре-октябре по Невскому проспекту еще ходили трамваи. Однажды мама ездила в Новую или Старую деревню, точно не помню, на перекопку овощей, но поездка не оправдывала затрат, и в дальнейшем от этих поездок она отказалась. Я также пользовался трамваем, катаясь зайцем до Московского вокзала и обратно, когда меня отпускали погулять.

В первое время проживания на Красной площади (ныне Александра Невского) мы ходили в баню на территории Александроневской лавры. В один из походов мы наблюдали, как во время тревоги зенитная батарея, располагавшаяся поблизости, обстреливала в вечернем небе немецкие самолеты. Чуть позже посещения бани прекратились, так как водопровод уже не работал. Когда Нева замерзла, я самостоятельно, а было мне тогда всего лишь семь лет, ходил все с тем же зеленым чайником к проруби за водой.

С нами рядом в коммунальной квартире проживала соседка, которая работала в военном госпитале. Когда начался голод, она иногда приносила нам, детям, кое-что из еды. До сих пор я не имел возможности отблагодарить ее за это.

У Карамзина есть такая мысль: «Дети войны всегда взрослеют быстрее, чем их сверстники, чье детство пришлось на мирное время, и гораздо выше ценят истинные глубинные понятия: добро, красоту». Мое

поколение — военное, послевоенное — видело много такого, что мгновенно превращало мальчишек и девчонок во взрослых людей.

Постоянное чувство голода заставляло думать о еде и толкало меня к походам к булочной. В один из таких походов я затащил к нам в квартиру мужчину, который менял дуранду на ценные вещи. Я знал, что у мамы сохранились старинные серебряные часы ее отца. Для мамы часы были дороги, как последняя память об отце. Она сказала, что мы все равно умрем, дуранда нас не спасет, и не стала менять часы (сейчас они находятся у старшей дочери, которой я их передал как эстафету поколений).

Помню такой эпизод. Из булочной, располагавшейся в полуподвальном помещении одноэтажного здания напротив нашего дома, выходил паренек, в руках он нес хлеб с довесочками (очевидно на всю семью). На выходе из булочной стояла, как мне тогда показалось, огромная (очевидно, опухшая) женщина. Она уже его караулила. Когда он поднялся по ступенькам на улицу, она выхватила у него довесок и затолкала себе в рот.

Хорошо помню мамину подругу, учительницу, тетю Таню Михалеву. Она работала в школе где-то недалеко от Измайловского проспекта. Чтобы поддержать как-то нас, она достала мне билет на новогоднюю елку в ее школе. На празднике присутствовали «федюнинцы» — военные с фронта. Теперь, по прошествии многих лет, я думаю, что это были представители из армии генерала Федюнинского. Они привезли с собой подарки для детей. Достался подарок и мне.

Еще один из запомнившихся эпизодов. В январе или феврале 1942 года к нам во двор вошел военный с лошастью. Лошадь заболела, может быть, тоже была голодная и не могла идти, а военному обязательно надо было прибыть в срок в воинскую часть. Он

попросил жителей присмотреть за лошастью. Не успел он далеко отойти от дома, как набежали люди и разрубили ее на куски. Эту картину мы наблюдали из окна своей комнаты.

В начале января 1942 года по пути в Кронштадт к месту своей будущей службы к нам зашли дядя Юва и его товарищ. Тогда мы его видели в последний раз. Он пропал без вести в декабре того же года. Сейчас фамилия Лапина Ювеналия Васильевича занесена в Книгу памяти Невского района.

В феврале Элла пошла отоваривать карточки. При возвращении на нее напали ремесленники и отобрали карточки. Мы были обречены на смерть и умерли бы, если бы не отец. Он в это время служил в Приютино и

иногда по делам службы бывал в Ленинграде. Он приехал к нам на «санитарке» и сообщил, что из части должна идти через Ладожское озеро машина на Большую землю и есть возможность, может быть, последняя, эвакуироваться. Ранее мать отказалась улететь на самолете, и была права — он был сбит. И вот очередная возможность. На этот раз она согласилась.

Отец привез нас в Приютино. Там нас и еще несколько семей погрузили в кузов грузовой машины, и вот в ночь машина тронулась в путь. Проснулся я ночью оттого что машина остановилась, у нее отвалилось колесо. С трудом колесо закрепили, и мы благополучно добрались до другого берега. В Волхове нас погрузили в товарный поезд, с армейских кухонь стали подвозить еду, но в этот момент налетели немецкие самолеты. Поезд тронулся и помчался без остановок до города Буя. Немцы обстреливали состав, но на этот раз все обошлось. В Бую Элла пошла за кипятком и отстала от поезда. А мы поехали дальше и доехали до города Уральска. С марта 1942 года по июнь 1944 года мы жили в Западно-Казахстанской области, у хороших людей — в семье матери Ту-

жилкина Ивана Федуловича. Он в это время был на фронте и пропал без вести. Но после окончания войны вернулся — израненный, но живой.

А мы в июне 1944 года реэвакуировались и в августе 1944 года вернулись в Ленинград. Так как жить оказалось негде, то маме пришлось ехать работать на станцию Сиверская, где ей от облоно дали 2 комнатки в деревянном доме № 17 по Южной улице. Вскоре тяжело заболела Танечка, сказалась блокада. Первого декабря 1944 года Танечка умерла в больнице им. Раухфуса в Ленинграде, похоронили ее на Волковском кладбище. В Книгу памяти ее занести не разрешили, как Таню Савичеву, так как нельзя было доказать, что причиной ее смерти стала блокада. А вот фамилию своего родного отца, Мамаева Якова Александровича, который не подлежал призыву в армию по причине тяжелой болезни и умер от голода в феврале 1942 года, поместить в Книгу памяти Куйбышевского района мне удалось.

Сейчас, по прошествии лет, я удивляюсь, как мама психологически выдержала это трудное время, глядя на голодных детей и не в силах ничем им помочь.

Победный тост

*Фронтовики-друзья! Мой тост за вас,
Кто шел в атаку под свинцовой вьюгой,
Кто смерть в бою видал не раз,
В атаке ощущая локоть друга.*

*За тех, кто бил фашистов под Москвой,
Крушил врага в окопах Сталинграда,
Громил его под Курскою дугой
И прорывал блокаду Ленинграда.*

*За тех, кто в мае штурмовал Берлин,
За всех живых и жизнь отдавших.
Мой тост за вас, фронтовики,
За вас, Отчизну отстаивавших!*

*Леонид Силантьевич РАХАЛОВ,
участник Великой Отечественной войны*

Моя жизнь в блокаде

МАШИНИСТОВА Нина Георгиевна

Суббота, 21 июня 1941 года. Мы, школьники, в этот день получали аттестаты зрелости об окончании 132-й средней школы Ленинграда. Бал, веселье, мечты. Гуляли по городу, на Неве выпускники встречали новый день.

Утро. Все мечты и планы рухнули в одночасье. Война.

Я пошла работать в Дзержинско-Куйбышевскую контору связи инструктором по эксплуатации. По роду своей работы мне приходилось много ходить по городу. У меня был пропуск, разрешающий находиться на улице во время бомбежек и обстрелов.

Я была свидетелем и очевидцем многих трагедий и бед на улицах города.

На моих глазах рухнула часть дома на Моховой улице. Попала бомба. Я стояла на противоположной стороне. Была совсем рядом, когда снаряд угодил в трамвай. Это произошло на углу Лесной и Литовской улиц, было много убитых. Видела, как разорвалась фугасная бомба на улице Петра Лаврова рядом с трамвайной остановкой. Страшная трагедия. Были убитые, раненые. Несколько раз наблюдала воздушные бои над городом, видела как был сбит самолет. Смотреть на все это было больно и тяжело.

Дежурила в госпитале, чем могла помогала раненым. В госпитале была палата №6, такая же, как описано у Чехова.

18 января 1943 года. Вечер. Радио передало сообщение о прорыве блокады. 19 января осажденный город выглядел празднично. Го-

род украшен флагами. Незнакомые люди, встречаясь, целовались, поздравляли друг друга с победой. Пусть до победы еще далеко. Война не кончена. Бомбежки продолжаются. Но город ожил.

В Доме культуры Выборгского района шел балет «Эсмеральда», помню, как вдруг здание качнулось: рядом была сброшена бомба. Балет продолжался, танцевала Наталья Сахновская.

В театре Музыкальной комедии я смотрела оперетту Оффенбаха «Перикола» и другие комедии. Слушала оперу «Пиковая дама» — ее ставил объединенный

коллектив артистов. Партию Полины пела Луговая. В Большом зале Ленинградской филармонии слушала концерты симфонического оркестра. Исполнялись произведения Дебюсси, Чайковского, Глазунова и других великих композиторов.

Хочется вспомнить, что в Ленинграде выходили газеты. Я выписывала «Ленинградскую правду» и «Литературную газету». Вся корреспонденция доставлялась своевременно и аккуратно.

Еще хочу заметить, что в 1943 году в некоторых вузах Ленинграда возобновили занятия студентов. Пример: Политехнический. А Педиатрический медицинский институт даже объявил прием студентов на 1-й курс. Туда я пошла поступать. Поступила. Мне выдали справку, что я зачислена на 1-й курс. Предъявила эту справку на работе. А в ответ: идет война, надо работать.

Вот так Ленинград жил вместе со мной.

НИКОЛАЕВА Надежда Федоровна

Я родилась в Ленинграде в 1924 году.

До войны мы с мамой и братом жили в Угольной гавани. С начала войны это была линия фронта и нас поселили в Автово в грузовом вагоне на две семьи. К зиме переселили в барак, который сразу же разбомбили. Нам пришлось переехать на улицу Декабристов, но там тоже не повезло — в дом попала бомба. Переехали на Красную улицу в помещение художника — с большим количеством окон, которые на следующий день были выбиты бомбежкой.

Так мы и скитались по городу — из квартиры в квартиру.

Мама, Алексеева Евдокия Алексеевна, работала на железной дороге. Она занесена в Книгу памяти железнодорожников, погибших на посту.

Брат был эвакуирован с ремесленным училищем по Дороге жизни через Ладогу.

Когда началась война, мне было 17 лет, я закончила 8-й класс.

В первые дни войны нас отправили в Кингисепп рыть окопы. Мы долго не могли привыкнуть к постоянным бомбежкам и обстрелам, боялись сильно. В городе дежурили на крыше школы, сбрасывали вниз «зажигалки».

В 1942 году мне пришлось пойти работать на Кировский завод, сначала учеником слесаря, затем сверловщицей, токарем. Выполняли военные заказы.

Я выглядела гораздо моложе своих лет, маленькая, худенькая девушка. До станка

не доставала, поэтому под ноги мне ставили подставку. Работали по 12 часов, без выходных, под открытым небом. Зимой морозы доходили до 40°С. Мерзли так, что зуб на зуб не попадал. Разжигали костер и грелись возле него.

Так как время было военное, нужно было выполнять задание и перевыполнять его. За невыполнение норм мастеров отправляли в штрафбатальон. Поэтому работали и день, и ночь из последних сил, чтобы не подвести своих товарищей. Свою норму я перевыполняла на 400%. Завод

ожесточенно бомбили. От бомбежки прятались в душевых. Еще долго после войны грохот разорвавшихся снарядов стоял у меня в ушах.

От голода спасались травами и кореньями. Ходили на сгоревшие Бадаевские склады, пробовали на вкус землю. Находили сладкую (горелый сахар), разводили эту землю в воде и пили.

Меня ранило осколком в ногу. Я долго лежала в больнице. Чтобы рана зажила, требовалось хорошее питание. А где его взять в блокадное время? Вердикт медиков был суровый: ампутировать! Ребята с завода стали приносить мне свою пайку сахара и поддерживали морально. Люди были отзывчивые и добрые. Многих из них уже нет в живых. Вечная им память!

Всю блокаду я прожила в Ленинграде. Получила за свой труд медаль «За оборону Ленинграда».

ПАВЛОВСКИЙ Михаил Арсеньевич

Семья наша в то время состояла из четырех человек: мама — Пелагея Ивановна (1909 года рождения), родом из деревни Кологривы Осьминского (теперь Волосовского) района Ленинградской области, швея; папа — Арсений Михайлович (1908 года рождения), родом из села Малые Ерчики Сквирского района Киевской области, коммунист, шофер 1-го класса; я, родился 8 августа 1935 года, и мой младший брат Герман, который родился 30 марта 1941 года.

Кроме того, к нам постоянно приходили и жили у нас мамаина сестра Мария Ивановна Селнова и дядя Николай Васильевич Дывак, у которых не было семей и жили они на казарменном положении. Дядя был пожарником, а тетя работала на заводе «Полиграфмаш».

Жили мы тогда в Новой Деревне на Средней улице, дом 52. Сейчас вместо Средней проложена заново Сестрорецкая улица.

22 июня 1941 года днем около нашего дома собрались все жильцы и слушали речь по радио из открытых окон. У всех был хмурый, серьезный вид. Говорил мужчина о чем-то очень важном. Сейчас я знаю, что это был В. М. Молотов. Мама объяснила мне, что это война.

Раньше мои родители говорили о финской войне и я видел наших красноармейцев, которые шли домой строем, шеренгами во всю ширину Приморского проспекта в конце марта 1940 года. Вид у них был совсем не парадный, а очень усталый. А мы с мамой в этот

день шли в Старую Деревню на деревообделочный комбинат, где работал и умер мой дед Павловский Михаил Степанович (30.03.1940 года).

Сразу после начала войны наша жизнь особо не изменилась, только отец стал редко приходить домой. Он работал шофером на трехтонке ЗИС-5 и все время был в разъездах по городу и пригородам. Был он на брони как негодный к военной службе (на правой руке у него не было двух пальцев — отпилил на пилораме, делая новый кузов для машины).

Поскольку Герман был очень мал и ему нужно было молоко, мама решила вместе со своей подругой и ее детьми поехать к своей тетке, бабушке Вере, в деревню Мышкино Осьминского района. В деревне было тихо и хорошо, особенно с едой. Но постепенно стали доходить слухи, что немцы на подходе. У бабушки Веры сын был офицер и коммунист, поэтому она собиралась уезжать, а мама с подругой решили остаться на хозяйстве, в котором было все, а главное — коза.

И вдруг в один из теплых солнечных дней августа перед вечером возле нашего дома остановились три грузовика без бортов с прицепами (ЗИС-5). Шоферы в синей летной форме, пыльные, чумазые, попросили воды напиться и сказали, что следом за ними наступают немцы и что им еле-еле удалось удрать.

Мама с тетей Нюрой мигом оценили ситуацию, схватили нас, пацанов, в охапку, посадили на платформу кузова без бортов, и мы все поехали домой в Питер.

По пути к нам много людей под село. Перед заходом солнца первая машина (а мы были во второй) свернула налево в сторону станции Веймарк. Наши шоферы стали им сигналить, но они не вернулись. Утром мы узнали, что в Веймарке уже были немцы. Остановились на ночлег в каком-то доме, где всю ночь жалили клопы. Рано утром взрослые порубили веток и завалили, замаскировали нас, сидящих в кузовах, и не зря, так как над дорогой, когда мы ехали в сторону Красного Села, летели немецкие самолеты с белыми крестами. В Красном Селе мы сели на электричку и приехали домой.

В конце лета была организована выставка первых трофеев возле Народного дома (кинотеатр «Великан», Мюзикхолл). На выставке были самолеты, танк, пушки, но это было совсем не то, что потом мы увидели в Музее обороны Ленинграда сразу после войны, пока музей не уничтожили.

Дома в один из выходных отец с дядей Колей стали рыть окоп во дворе. Все соседи отнеслись к этому скептически и с юмором. Окопчик небольшой — примерно 2 на 3 метра.

Уже в блокаду во время одной из первых бомбежек все жильцы нашего дома (кто успел и мы) так набились в этот окопчик, что дверь было не закрыть. После этого двор весь был перекопан и уже стало много окоп-убежищ.

Однажды был сбит немецкий самолет-разведчик, он упал на Серафимовском кладбище. Пленного летчика милиционеры вели по Московской улице. Это был высокий блондин в светлом сером комбинезоне. Если бы не милиционеры, женщины, бежавшие за конвоем, сделали бы немцу очень плохо.

Помню первую бомбежку. Потом Новую Деревню бомбили и обстреливали часто из-за близости Комендантского аэродрома. В то утро мама пошла за молоком к молочнице, немке-колонистке, а мы с Германом оста-

*Мама — Пелагея Ивановна
и папа — Арсений Михайлович*

лись дома, сидели на кровати. И вдруг начало трясти дом и поднялся сильный грохот. Было страшно и неприятно. Одна бомба упала во дворе дома, там вылетели все стекла. От деревянной тачки, которую порубили осколками, остался клубок щепок, а внутри него чугунное колесо.

Однажды небо в южной части города заволокла громадная дымовая туча — это горели Бадаевские склады. Дядя Коля рассказывал потом, как он их тушил. От жары расплавился сахар и тек по земле. Пожарники поливали его водой, образовывалась корка, по ней клали доски и так продвигались к очагам огня. Несколько пожарников обожглись и погибли.

Потом, уже весной, отец привозил землю с пепелища, клал ее в таз и заливал водой — это был напиток вкуснее лимонада.

Так началась блокада.

Для меня лично она обернулась проблемой с ортопедической обувью. До войны мне периодически накладывали гипс на правую ногу, а затем шили специальные ортопедические ботинки с металлическими шинами, которые изготавливали в Институте имени профессора Турнера на Лахтинской улице. Теперь этого делать было невозможно, так

как институт эвакуировали. Если бы не война, мне бы вылечили ногу.

Осенью с едой стало совсем плохо, началась гололедица. Мама с соседкой ходили на Ждановскую овощебазу (за местом дуэли Пушкина), где добывали кое-что из овощей из старых раскопанных ям — гнилую картошку и тухлую капусту.

Мама еще с лета, когда можно было что-то купить без карточек, организовала неприкосновенный запас. Это была сумка с «молнией» с сухарями, пряниками, сушками. Доступ в нее был закрыт. Когда мы уходили в окоп, мама сумку всегда брала с собой. Разжевав во рту сухарь в марле, мама совала его Герману в рот. Это его спасло, он выжил в блокаду.

В ноябре Ладога замерзла, и 22-го числа начала функционировать Дорога жизни. Отец ездил туда и иногда привозил немножко что-нибудь. Например, отруби и дуранду соевую и подсолнечную. Последняя была очень вкусная, на уровне шоколада.

Вместо супа ели тюрю — это хлеб крошенный (когда был), вода, соль, чуть подсолнечного масла. Хлеб был только по названию хлебом. На самом деле это была темно-коричневая клейкая биомасса со всякими примесями, среди которых отчетливо помню клочки газет с четко видными на них буквами и цифрами. Но и такой был лакомством на вес золота. За ним надо было выстоять в очереди в магазине, где его отрезали по кусочку строго при свете коптилки (окна были забиты). Было несколько дней в январе, когда хлеба совсем не давали.

Так как наш дом был деревянный, то основную ценную мебель (шкаф, ножную швейную машинку, патефон, велосипед) родители закопали в яму возле окопа на всю зиму. Недавно эту машинку я подарил Музею обороны Ленинграда. А шкаф и сейчас жив, стоит в гараже.

Бомбежки и обстрелы были часто. Ночью немцы «вешали» на небе много ракет на па-

рашютиках (шелковых), и было светло как днем, хоть читай. Самолеты гудели в темноте над ракетами. Мы научились отличать по звуку немецкие самолеты от наших. Звук от немецких самолетов был прерывистый: у-у-у-у, а от наших монотонный — уууууууууу.

Не могу не вспомнить наших соседей по коммунальной квартире на первом этаже. Это семья Пильщиковых: тетя Женя, ее сыновья Юра и Герман, их бабушка Елена Васильевна Бидо. Жили мы с ними как одна семья, душа в душу. Ничего не делили, не прятали друг от друга, вместе стояли в очередях в магазин, вместе мылись на кухне, как в бане, вместе молились на той же кухне при обстрелах или бомбежках (в окоп уже не ходили каждый раз — привыкли). Елена Васильевна ставила нас, пацанов, на колени и учила молитвам (вечная ей память).

Самое главное — зимой у нас в доме было тепло, так как вокруг Новой Деревни ломали дома на дрова для заводов и фабрик, поэтому дров было достаточно. В центре города этого не было, поэтому много людей там умирало не только от голода, но и от холода.

Чтобы не было цинги, пили настой из еловых веток.

К сожалению, после войны наши соседи, пережив всю блокаду, вынуждены были уехать из Питера, так как муж тети Жени дядя Петя был в плену у немцев и его выселили на 101-й километр.

Весной и летом 1942 года стало немного полегче. Уже пошла крапива, подорожник, лебеда и прочая зелень, из которых делали супы и похлебки.

Летом с пацанами ходил на Большую Невку ловить на удочку, в основном колюшку, окунь клевал редко. Колюшка — это маленькая рыбка с иголками на теле. Но это был деликатес.

Наловив пол-литровую баночку, нес ее домой, где мама молола рыбок в мясорубке и делала из них котлеты. Было очень вкусно.

Кстати, в Кронштадте этой чудо-рыбке установлен памятник на стене канала, подобно нашему чижик-пыжику. Эта рыбка и кронштадтцев спасала от голода. Памятник находится напротив футштока.

Голод помог моему отцу избавиться от жестокой язвы желудка, которой он страдал до войны. После войны он о ней забыл.

Отец работал на трехтонном грузовике ЗИС-5, сначала на обычном бензиновом, а потом на газогенераторном, работавшем на древесных чурках, которые он возил с собой в кузове. Возил всякие грузы для заводов и фабрик, дрова, а также трупы из больниц и госпиталей без гробов. Они стояли и лежали в кузове, как дрова, прикрытые сверху брезентом.

Отцу давали талоны на вино, которые мама меняла на тавот (смазку) у летчиков. На этом масле мама тушила лебеду и все, что было съедобным из растений.

Летчики жили напротив нашего дома в пятиэтажном «белом доме», обнесенном колючей проволокой. Выглядели они красивыми и сильными хлопцами. Знать, их неплохо кормили. Рядом был желтый дом, в угловой комнате которого на первом этаже была сделана амбразура для пулемета.

Вдоль правого берега Большой Невки стояли корабли. На некоторых были даже двуглавые орлы. Моряки тоже были славные, добрые ребята. Иногда даже катали нас, пацанов, на яликах до Елагина острова. Оглушительный гром стоял, когда корабли, стоявшие на Большой Неве, стреляли по немцам.

Чтобы получить вино по талонам, мы с мамой однажды стояли в очереди в гастрономе на углу Кировского и Большого проспектов (на площади Льва Толстого). Стояли долго. Холод был. И вдруг начался артобстрел. Милиция загнала нас в бомбоубежище, где было довольно уютно. Там мы и переждали обстрел.

Мама работала в артели швей-надомницей. Там ей давали заготовки — бывшую в употреблении, иногда рваную, но чисто стиранную солдатскую форму. Я помогал пороть эту форму, и из лоскутов мама шила новую форму: гимнастерки, брюки-галифе. Шила мама и солдатское белье из новых заготовок, а также солдатские рукавицы с двумя пальцами для стрельбы. Потом весь пошив складывала в мешок и пешком относила в артель на улицу Профессора Попова. Трамваи уже не ходили.

Весной 1943 года наш дом №52 сломали на дрова, а семью нашу переселили на Заднюю улицу (теперь ее тоже нет) в отдельный желтый коттедж из нескольких комнат. Родители развели вокруг дома огород, посадили всякие овощи, так как с детства знали это дело. Овощи нам хорошо помогли следующей зимой... Даже кочерыжки от капусты шли в дело. Но в коттедже мы жили только одно лето. Его разломали на дрова моряки, а нас перевезли опять на Среднюю улицу, дом 8. В этом каменном доме мы прожили до 1958 года. Без водопровода, канализации, с печным отоплением и сортиром на улице.

Дома ломали быстро. Утром начинали, а к обеду уже ничего не оставалось — все увозили. Мебель из тех домов, где никто не жил, выносили на улицу и ставили вдоль нее шпалерами. Это были старинные шкафы, буфеты, тумбочки, кровати, комоды, зеркала, пианино, рояли — вдоль улиц Средней, Дибуновской, Собировской, Школьной. Один очень красивый рояль вишневого цвета стоял на нашей улице вплоть до 50-х годов, постепенно ветшая и обсыпаясь, пока от него не остался только металлический остов.

Интересно было нам бродить по этим выставкам и руинам бывших домов. И один раз среди этой мебели нашли красивый кованный сундук, в котором оказалось много царских бумажных денег «катек» и книжечек с сусальным золотом, а также медные монеты.

Ужас войны меня преследует всю жизнь

ПЕТРОВА Маргарита Евгеньевна

Я родилась в Ленинграде, на Охте, в 1929 году, там и встретила войну.

22 июня в 6 утра, еще не зная, что началась война, мы вернулись из санатория, а в 12 часов услышали голос Левитана, который объявил о начале войны. Отец — Евгений Павлович — сразу был мобилизован, мама, домохозяйка, в первых числах июля получила повестку на рытье земляных укреплений, уехала с другими женщинами в Койвисто (ныне Приморск), а меня вместе с другими школьниками отправили в Новгородскую область, на станцию Неболчи, ожидать окончания войны как будто в пионерском лагере.

Приехав с окопов и не застав меня дома, мама отправилась за мной в Неболчи, и с помощью военных, на открытой платформе поезда, мы вернулись в Ленинград. Судьба оставшихся детей была печальна. Тех, кого родители не смогли забрать, отправили вглубь страны, и этот состав с детьми немцы разбомбили. Больше мама меня не оставляла и, получив очередную повестку на окопы, брала с собой. Мне было 12 лет, и я, как могла, помогала взрослым. Работа была тяжелая, изнуряющая, но мы очень старались. Все противотанковые рвы и земляные сооружения от Мельничного Ручья до Ржевки вырыты были нашими руками.

Когда рыли противотанковые рвы между Новым Ковалево и Ржевкой, немцы нещадно бомбили и строчили по нам с бреющего полета. Я даже видела стрелка, подсчитывающего,

сколько народа он расстрелял. Пули шлепали по взрытой земле, мама мне на голову положила лопату, чтобы не пробило. Этот ужас меня преследует всю жизнь. Мы уцелели. Следующие траншеи мы рыли в городе, на Охте, и во время воздушной тревоги ночью уходили в них. Днем дети во главе с одним старшим дежурили по графику на чердаке, гасили «зажигалки». Все чердаки были оснащены бочками с водой и ящиками с песком. Сначала щипцами мы брали шипящую бомбу, опускали ее в воду, потом в ящик с песком. Пять «зажигалок» на моем счету. Но

чью на чердак, на дежурство во время тревоги, заступали взрослые, которые возвращались с работы. Моя школа № 151 была расположена на проспекте Шаумяна. С первых дней войны школу переоборудовали в госпиталь, и уже в конце июля немцы ее разбомбили. Бомба попала в самую середину крыши, и школа долго стояла с покатыми полами, на которых кое-где держались кровати. Всех оставшихся на Охте детей направили в школу № 140, что на Конторской улице. В августе многие эвакуировались. Замкнулось кольцо блокады, но до января школа работала. Нам там давали горячее питание — небольшую поварешку жидкой каши из отрубей. Я эту кашу приносила домой. Мы добавляли туда еще воды, и получался суп. К январю многие учителя умерли, некоторые не могли ходить, и занятия в школе прекратились.

Мама была мудрым человеком, она мне организовала обучение на дому. Нам повез-

ло, что у нас была дровяная плита в кухне. Утром топили плиту, кипятили воду, пили чай с подсушенными на печке сухариками из своих 125 граммов хлеба. Затем начинались уроки. Под чутким руководством мамы я 45 минут читала классику: рассказы Чехова, Гайдара и т. п. Пятнадцатиминутный перерыв, за ним следовал урок рукоделия. Мама вырезала дырку на пятке носка или чулка, и мне нужно было их починить. Если клеточки при штопке выходили неровные, она распарывала и резала снова, и я штопала уже большую дыру. Потом шло вышивание гладью, крестиком, потом вязание крючком, затем на спицах. Мама очень боялась, что мы можем остаться лежать в кровати под одеялом и там умереть, она меня все время тормозила, заставляла двигаться. Я до сих пор не могу заниматься рукоделием, слишком тяжелое воспоминание связано с ним.

Дров было мало, их экономили, топили, только чтобы что-то сварить или вскипятить воду. В чулане мы нашли куски кожи для подметок (отец был военным и получал обмундирование), все подметки, вся портупья очень долго вымачивались, а потом варили из них студень, добавляя столярный клей. Мама куда-то ходила менять дорогие вещи на хлеб, приносила кусочек, и из него варили суп, обжаривая в олифе, которая тоже была случайно обнаружена в кладовке.

Водопровод не работал. За водой мы ходили к проруби на Неву.

В конце марта пришла повестка. Правительство города приняло решение всех, кто не может стоять у станков, эвакуировать, дав возможность оставшимся в городе выжить.

4 апреля по Дороге жизни мы выехали из города. С Охты до Финляндского вокзала шли пешком, потом нас посадили в поезд и довезли до Ладоги. На Дороге жизни были полыньи от бомбежек и обстрелов. Нас в открытых машинах с брезентовым навесом увозили в Кобону. Где бы ни останавливался

товарный эшелон с эвакуированными, к нам подходили люди, спрашивали, как там, в городе. На больших станциях мы стояли где-то в тупике, а так как туалетов не было, при остановке свою нужду справляли у поезда.

Куда двигался наш состав, мы не знали. Нас сняли с поезда на Урале, на станции Григорьевская, потому что мы были очень слабы, а покойники в вагоне были не нужны. Но мы выжили, хотя край тот не хлебный. К ленинградцам отнеслись с душой, дали карточки. Мама болела, а я ходила по полям, собирала колоски, чтобы можно было их обмолотить и сварить в печи кашу. Торжество было неописуемое, если выпадало счастье найти мышинные кладушки. Их колоски были сложены один к одному целой горкой, прямо клад.

К июню мы окрепли, надо было продолжить путь, на Урале и так много было эвакуированных. Нас отправили в Казахстан на станцию Джусали. Жара, зной, песок и арыки. Встретили нас там хорошо, но мама из-за сердца слегла. Оттуда отправили в Северный Казахстан, в Кустанай. Нам попутчики посоветовали выйти в Джамбуле — не так жарко,

горная река и много овощей. Мы вышли, и волей судеб какой-то возница нас пожалел и увез за 30–40 км от Джамбула в Киргизию.

Мы оказались в сказке. Фрукты, овощи, цены довоенные. Водитель привез к себе, его жена поместила нас в летней кухне. В сентябре я пошла в школу села Кировка. Учителями были эвакуированные преподаватели Московского университета и высланные немцы Поволжья.

Ко мне отнеслись очень тепло. У нас в классе был сын мельника, ему мама давала с собой большой кусок домашнего белого хлеба, а он приходил в класс первый и тихонько подкладывал мне угощение, я долго не могла понять, кто это делает. Его фамилия была Бондаренко.

У школы было свое подсобное хозяйство. Летом по графику мы работали на пришкольном участке. Учиться было интересно, преподаватели — высший класс, некоторые из них, не зная методики, подходили к доске, писали формулы, решали, что-то разъясняя, и мы все впитывали, и до сих пор я им очень признательна.

Исполком нам предоставил домик с садом, участком для огорода, и мы в Киргизии встретили День Победы. Раненые, прибывшие на побывку, военные, милиционеры и все, у кого было какое-то оружие (наверное, охотничье), стреляли, был митинг в центре села. Незнакомые люди обнимали друг друга, радовались победе.

Дальше был путь домой.

Какая-то поэтесса, которая была с нами в эвакуации, написала стихотворение.

*Как надоело нам скитаться,
Ритуша, в Азии с тобой,
от зноя потом обливаться
и пыль глотать на мостовой,
об огородах говорить,
барана белого кормить.
Настанет скоро день желанный,
вернемся мы на Север дальний,
где Петр над площадью парит...*

Дети этой поэтессы были на фронте, а она с двумя внуками тоже оказалась в Киргизии.

Уже в конце мая мы вернулись в Ленинград, но квартиру нашу заняли, и мы стали жить на Пороховых.

Говорят ветераны

*Пережили в жизни мы немало,
Прожито немало лет и зим,
В нашей жизни всякое бывало,
Мы гордимся поколением своим.
Мы скромны, нам ничего не надо,
След оставлен нами на земле.
К нам внимание — для нас отрада,
Жаль, его встречаем не везде.
Уделяет много нам вниманья —
Говорят о том его дела —
Наш родной Совет муниципальный
Пискаревка МО двадцать два.*

*Поздравления, подарки и наборы,
Ряд экскурсий, встречи за столом,
Ветеранские беседы, разговоры,
Книга «Память сердца» о былом.
Трудно оценить вниманье это,
Безгранично благодарны мы всегда
Нашему Муниципальному совету
Пискаревке номер двадцать два.
В вашем коллективе мы встречаем
Искренность, поддержку и добро,
Мы всем сердцем это ощущаем,
Помните: мы с вами заодно.*

Леонид Силантьевич РАХАЛОВ,
участник Великой Отечественной войны

Память сердца

ПЕТРОВ Евгений Михайлович

Когда 22 июня 1941 года началась война, среди населения города ходили слухи, что через 3–4 месяца эта война закончится. Некоторые жители стали запасать продукты, а другие, как всегда, надеялись на авось и утверждали, что не надо поднимать панику. В это время мы жили в общежитии Кораблестроительного института. Это здание расположено рядом с дворцом Кшесинской (Музей Кирова). В нем до войны проживало около 800 человек, в основном студентов. В эти дни в магазинах стало больше очередей за продуктами, и, когда немецкие войска стали очень быстро продвигаться к городу, началась срочная эвакуация населения. Моя мама отказалась от этой затеи.

Отец мой работал шофером, гараж был в нашем доме.

Когда в городе появились продовольственные карточки, стало ясно: будет плохо. Немецкая авиация уже появлялась над городом сбрасывала первые бомбы, а снаряды дальнобойной артиллерии взорвались в Петроградском районе у нашего дома и на Кировском проспекте. А восьмого сентября город был полностью окружен. Бадаевские продовольственные склады от бомбежки сгорели, и 900-дневная блокада началась.

В парке Ленина, напротив нашего дома, все время проводились практические занятия по подготовке бойцов для добровольных дружин.

Город систематически, особенно ночью, подвергался бомбежкам, а днем артобстрелам.

Осенью норма продовольствия по карточкам резко снижалась, и голод начал проявлять

себя. В наш дом из пригорода приехали семьи военнослужущих. У них еще можно было купить немного хлеба и масла, но вскоре они куда-то уехали.

К этому времени дом был отключен от электричества. Уголь, который находился в подвале, был вывезен для госпиталя. Вода в трубах замерзла, канализация не работала, и голод и холод стали нашей реальностью. Хотя в подвале дома было хорошее бомбоубежище, но в него никто не ходил, там только брали воду.

На Ситном рынке в это время можно было купить кое-какие продукты по космическим ценам. По карточкам можно было в декабре получить только 125 г для иждивенцев в день.

Непрерывные бомбежки и артобстрелы, голод и холод превратили наш дом в морг. Трупы из дома и погибших на панели перед домом уносили в помещение гаража, откуда на машинах увозили на кладбище.

Во время очередного обстрела в дом попал один снаряд и несколько зажигательных бомб, от которых случился пожар на шестом этаже. Но благодаря тому, что в подвале была вода в водопроводе, пожар потушили, а бомбы, упавшие во двор, мы погасили сами. От бомбежек страдали не только люди, но и животные. В зоопарке погиб слон. В городе говорили: если попали в слона, какой же шанс уцелеть мне!

Хотя в январе 1942 года несколько повысили норму на хлеб, народу стало умирать еще больше. Оставшихся в живых из нашего дома, наконец, эвакуировали, и в большом шестиэтажном здании мама и я остались одни. Я по-

шел в школу №82, где учились одни мальчишки. В обед нас кормили супом из хряпы или лебеды и на второе — ложка каши.

Эпидемии в городе не было, но в нашем классе заболели все, кроме меня.

В следующий сезон нас отправили на прополку овощей в совхоз «Пискаревский».

Когда возвратились домой, артиллерийские обстрелы продолжались даже больше прежнего. В ограду школы попал снаряд, и все стекла в школе были разбиты. Но никто не пострадал. Однажды напротив школы остановился танк Т-34. Это с фронта (который был в 5 км от Кировского завода) приехал отец учителя с нашего класса, дом которого был напротив школы. В этом же году этот ученик погиб в парке Ленина от взрыва гранаты в руке.

В 1941 году в декабре трамвайное движение полностью прекратилось, но уже в 1942 году после уборки улиц ото льда и снега оно было восстановлено. В городе все время все заводы работали на военные заказы, а также продолжали действовать театры и кино. Большие потери приносили населению бомбежки и особенно артобстрелы. Для обстрелов немцы выбирали места, где было больше людей, — это трамвайные остановки, больницы, госпитали и тому подобное.

Так я однажды попал под обстрел на Московском проспекте, когда ехал к Московским воротам с Петроградской стороны. Когда трамвай №3 подъезжал к Первой Красноармейской улице, все трамваи остановились, начался обстрел.

По радио, которое все время работало, было объявлено, что район подвергается артиллерийскому обстрелу: движение по городу прекратить, населению укрыться. Но все к этому привыкли и на свой страх и риск решали, что делать. Снаряды летели со стороны Московских ворот. Когда я добежал до Фрунзенского универмага, то увидел страшную картину. В районе остановки стоял полностью разбитый снарядом догорающий

трамвай, а рядом была грузовая машина, кузов которой был полностью завален трупами, и никого кругом не было. У стены дома лежал военный в луже крови. Через некоторое время я возвращался обратно. Трамвайное движение было восстановлено. Когда подъезжал к Марсову полю, снова начался артобстрел, снаряды летели через Летний сад и взрывались на Марсовом поле. Спасаясь от осколков, спустился к Лебяжьей канавке и по ее берегу побежал к Неве. Когда я подошел к Кировскому мосту, он был разведен. Буксир вел вверх по Неве какой-то недостроенный военный корабль. Когда мост свели, я пришел домой.

Ежедневно продолжались бомбежки и обстрелы города, и только после нескольких попыток прорвать блокаду наши войска 27 января 1944 году полностью освободили город. В честь этой великой победы в Ленинграде был дан салют двадцатью четырьмя залпами из трехсот двадцати четырех орудий. Вечером все ленинградцы вышли на улицы, радовались и кричали: «Ура!»

*«Да, так сложилась жизнь моя,
что в девять взрослой стала я».*

РАСПОПОВА Ингибор Александровна

Я озаглавил свой очерк двумя строчками из стихотворения моего персонажа, Распоповой Ингибор Александровны, которые наглядно отражают определенный отрезок ее жизни. Сама практика жизни подтверждает, что дети, оказавшись в сложных, экстремальных условиях, очень быстро взрослеют, мужают, буквально не по дням, а по часам, как принято говорить. Нет необходимости доказывать, что война, блокада — тяжелые, сложные испытания для человека, испытания на прочность, подчас выше человеческих сил и возможностей.

Распопова Ингибор Александровна родилась в августе 1932 года в селе Важены Подпорожского района Ленинградской области, где, по ее словам, проживал ее репрессированный (как эстонец) отец.

Через шестнадцать дней после рождения ее перевезли в Ленинград. Ей не было еще двух лет, когда родители развелись; мать работала, чтобы содержать семью, и фактически воспитанием Инги занимались дедушка с бабушкой.

До войны Инга окончила первый класс школы. В июне 1941 года началась война, а 8 сентября 1941 года Ленинград оказался в блокадном кольце.

Голод, холод, отсутствие света и воды, постоянные бомбежки и артобстрелы, пожары, смерть людей — все это пришлось испытать маленькой Инге.

Мать, дедушка с бабушкой отрывали от себя кусок хлеба, чтобы поддержать дочь и внучку. В ее детском мировоззрении ужасы войны преломлялись своеобразно, но это было тяжелое испытание для ребенка.

Война накладывала свой отпечаток и на взрослых, и на детей.

Впоследствии сама Инга, уже будучи пенсионеркой, напишет в своих стихах: «Одна земля, одна беда, одна для всех была война».

В марте 1942 года ее с матерью по Дороге жизни вывезли на Большую землю через Ладогу в село Кобоны, далее поездом вглубь страны. В итоге она оказалась в городе Нальчике на Кавказе. Через некоторое время немцы захватили Нальчик. Мать с дочерью не смогли эвакуироваться, так как дочь после блокады и длительного переезда болела, была очень слаба. Они вырыли землянку, жили в ней впроголодь, продавая вещи. После освобождения Нальчика частями нашей армии мать стала работать бухгалтером, а в августе 1944 года по вызову отчима мать с Ингой возвратились в Ленинград.

В 1945 году их семья пополнилась, у Инги появился брат.

В Нальчике, а позднее в Ленинграде Инга окончила 7 классов средней школы, в 1947 году поступила в Торфяной техникум, затем, после болезни, перешла в Энергомеханический техникум и, оставив его в

1949 году, поступила работать на завод «Союз» шлифовщицей, а затем контролером ОТК.

В 1954 году вышла замуж, родила дочь. Затем снова два года работала на заводе «Союз».

С 1959 года перешла на работу в торговлю. У некоторых людей бытует мнение, что работа в торговле — райское, теплое местечко. Это неверно, кто-то должен работать и в торговле. Важно не где, а как работать. Она проработала в одной системе 22 года, повышалась в должности и даже была награждена орденом Трудового Красного Знамени за свой труд.

Еще в школе она была октябренком, пионером, затем — комсомолкой, членом партии.

На заводе «Союз» была зам. секретаря комсомольской организации.

Труд И. А. Распоповой отмечен кроме ордена Трудового Красного Знамени семью правительственными медалями, нагрудным знаком «Житель блокадного Ленинграда», в ее трудовой книжке более 50 поощрений.

Любит И. А. Распопова хорошую книгу, театр, пишет стихи, причем неплохие, вышла в свет книга ее стихов «Мои стихи».

Немало стихотворений посвятила она войне и блокаде, стихами откликается она на все волнующие ее события в жизни страны.

Пискаревка

*От города вторая остановка —
Есть станция с названьем Пискаревка,
Здесь нет дворцов, и вверх не бьют фонтаны,
И гордая Нева не смотрит сквозь туманы.*

*Сюда свозили тех, чьи жизни забрала блокада,
Кто обессмертил на века бессмертный подвиг
Ленинграда.*

*О, сколько тысяч здесь лежат непокоренных!
Пусть ниже опускаются знамена.*

*А пламя вечное стремится в вышину —
Нельзя забыть, нельзя простить проклятую
войну!*

*Здесь все слова стократ прочней гранита!
Не молотом, сердцами в камень вбиты —
Ничто на свете нами не забыто!*

*Здесь нет чинов, и все равны, как братья,
И видим часто слезы и объятья.
Роднит нас всех великая и скромная награда —
Медаль «За оборону Ленинграда».*

И. А. Распопова

Скромный труженик военного тыла

СИДНЕВ Ростислав Андреевич

Ростислав Андреевич Сиднев родился в апреле 1928 года в Ленинграде.

Его отец работал бухгалтером, с началом войны он ушел добровольцем в народное ополчение, затем заболел и умер от голода в декабре 1941 года. Мать — швея, работала для фронта. После смерти отца они с сыном остались вдвоем.

Тяжелая блокадная зима 1941–1942 годов и лето 1942 года были страшным и серьезным испытанием для Ростислава.

В октябре 1942 года в 14 лет он поступил учеником фрезеровщика на эвакуированную из города Гатчины Ленинградской области фабрику «Граммфон», выполнявшую военный заказ фронта: выпускавшую взрыватели к снарядам.

Стало легче, так как теперь Ростислав получал рабочую карточку на хлеб и продукты, а не иждивенческую.

Работая на фрезерном станке, он быстро освоил свою профессию, чувствовал ответственность за доверенное ему дело, гордился тем, что работает для фронта.

Вместе со всеми с радостью встретил он известие о прорыве блокады, а через год, в январе 1944 года, о полном снятии блокады Ленинграда.

Также с огромной радостью встречал он и его коллеги по труду весть о Победе нашего народа над фашистской Германией, об окончании Великой Отечественной войны.

После войны без отрыва от производства Ростислав окончил с 7-го по 10-й классы вечерней школы, получил среднее образование, а затем в 1958 года вечерний Военно-механическое отделение института.

Фабрика «Граммфон» была переименована в НИИ-22, а позднее — в НИИ «Поиск» и продолжала выпускать оборонную продукцию.

Ростислав Андреевич, начав свой труд учеником фрезеровщика, прошел на этом предприятии путь инженера, старшего инженера, зам. начальника лаборатории, начальника испытательной станции.

3 июня 1991 года он ушел на заслуженный отдых, проработав на предприятии почти 48 лет, в том числе последние три года, уже будучи пенсионером.

Ростислав Андреевич Сиднев — ветеран Великой Отечественной войны (труженик военного тыла), ветеран труда, ветеран НИИ «Поиск», инвалид 2-й группы.

В его трудовой книжке немало поощрений за труд, он награжден нагрудными знаками «Победитель соцсоревнования 1973 года», «Ударник 9-й пятилетки», 11 правительственными медалями, в том числе «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», «Ветеран труда», Ленинской юбилейной медалью и другими.

СИДОРОВ Виктор Александрович

Как и большинство детей, я начал портить бумагу, едва научившись держать в руках карандаш. Недостигаемость образцов, например репродукций, печатавшихся в «Мурзилке», и почему-то памятника А. В. Суворову перед Кировским мостом, вызывала досаду и бесконечные перерисовывания.

Потом были уроки рисования в детском саду, соперничество в оформлении классной стенгазеты, одобрение и поддержка первой школьной учительницы Ольги Алексеевны Мегорской.

К концу четвертого класса позади остался еще и год занятий в изокружке Ленинградского дворца пионеров. Появились большие надежды: в числе трех кружковцев меня перевели в изостудию. Возможно, думал я, научусь рисовать и писать, как студиец Петя Горский, чьи работы, вывешенные в вестибюльной анфиладе дворца, мне очень нравились. Хорошо запомнились слова нашего преподавателя Тихомировой (к сожалению, забылись имя и отчество): «Больше работайте с натуры, наблюдайте, запоминайте». Но началась война. И перевернула все...

С 1936 года мы жили в новом доме, быт был отлажен, и моим родителям не представлялось, как придется снова начинать жизнь где-то на новом месте. Решили: из Ленинграда не уезжать.

«Наблюдайте и запоминайте...» Часто приходилось ловить себя на том, что даже в самые безнадежные дни блокады сознание на мгновения как бы вырывало меня из действительности и вдруг давало возмож-

ность взглянуть на происходящее точно со стороны. Кошунственно — это я осознавал — было видеть клубы дыма, горящие Бадаевские склады, дома в развалинах просто как натуру... Немного утешало то, что и себя я могу рассматривать в зеркале тоже как бы со стороны и даже говорить своему отражению: «Вот, может быть, и ты скоро умрешь?»

Запоминались звуки, запахи, музыка... Запоминались и откладывались где-то в глубине сознания образы блокадного вре-

мени. Конечно, у каждого ленинградца был свой круг наблюдений, охвата событий. Масштабы такого круга, безусловно, зависели от возраста. За несколько дней до начала войны мне исполнилось двенадцать лет.

Северная граница — самая близкая к Ленинграду. Поэтому отец настоял, чтобы мама со мной переехала из Лавриков, где мы снимали комнату, к знакомым, в деревню у станции Апраксин.

С началом войны мы, мальчишки, перестали «воевать» друг с другом и, вооруженные рогатками и луками, ежедневно патрулировали в окрестностях колхозного поселка. Нам никто уже не запрещал втыкать в стрелы булавки и гвозди. Поговаривали о диверсантах-парашютистах.

Несколько раз в Апраксин приезжал отец. В двадцатых числах августа навестили отца мы. Поезд прибыл в Ленинград чуть позже начала комендантского часа. Выход в город с территории вокзала был закрыт. На мощном булыжником дворе оказалось

много женщин с детьми, старухи, старики. Вокруг них узлы, чемоданы. Слышался детский плач...

В вечернем небе появляются аэростаты воздушного заграждения. По узким проходам между людьми пробирается патруль. Через плечо у патрульных незнакомые мас-

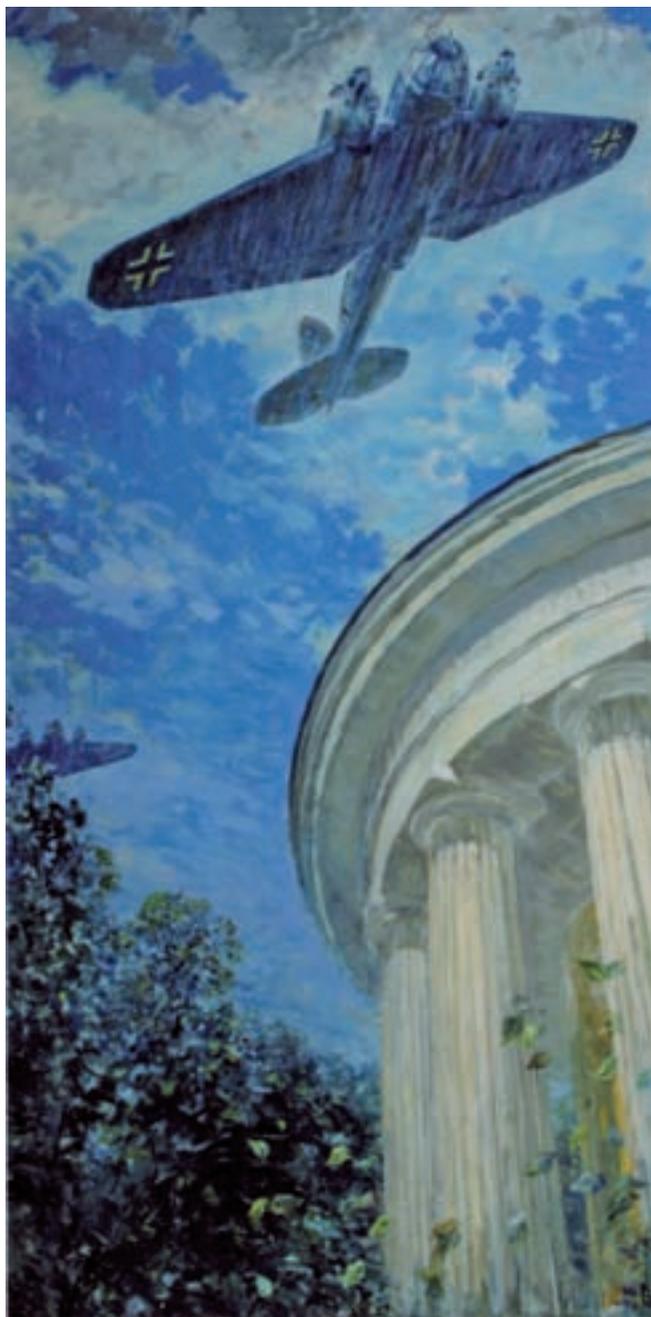
сивные винтовки с изогнутыми рукоятками затворов.

Мы сидим на своем чемодане. Ночная прохлада не дает задремать. Наконец светлеет силуэт башни вокзала и начинают проявляться цифры и стрелки часов. Постепенно исчезли с неба аэростаты. В деревянном заборе, ограждавшем вокзальный двор со стороны Лиговки (шла подготовка к строительству метро), открыли ворота.

На Невском, на Советском проспекте (ныне Суворовский) все окна расчерчены полосками бумаги. Бросилось в глаза обилие плакатов. То и дело останавливаюсь, чтобы их рассмотреть.

Через несколько дней после нашего возвращения в Апраксин начались ночные бомбежки Мги. Когда в небе загорались осветительные ракеты, у нас становилось очень светло. От домов, от людей протягивались длинные, колеблющиеся тени.

После второй бессонной ночи мы, нагруженные пожитками, шли рано утром на станцию. Шли среди высоких берез, обрамлявших дорогу. Неожиданно в тишину ворвался

Небо пригородов. Август 1941 г.

Беженцы на Московском вокзале. Август 1941 г.

дребезжащий гул, и над нами, едва не задевая верхушки деревьев, пролетел темный, с черными крестами на крыльях самолет. Показав пятнистый, буро-зеленый верх, он развернулся над деревней и вновь полетел на нас. Через застекленный нос самолета хорошо виднелись сидевшие как бы друг над другом летчики. Спустя 15–20 секунд послышался глухой взрыв.

Поезда ждали долго. Люди, скопившиеся на платформе, то и дело выходили на рельсы, смотрели вдаль. Говорили о десанте. Показался небольшой паровозик. Держась за перила, два железнодорожника показывали огромный осколок бомбы. Она, к счастью, попала в край насыпи. Вскоре пришел один из последних поездов Волховстрой — Ленинград. На нем мы вернулись в город. Оказалось, что в моей школе разместился госпиталь. Занятия откладываются. Мама днями пропадает в очередях. Отец уходит очень рано. Теперь его работа находится на Красной улице. Добираться долго. Соседи эвакуировались. Отец принес в мешке два пуда прессованных хлопковых жмыхов — дуранды. Купил, идя с работы, в фуражном магазине на 2-й Советской.

Эпизоды тех дней свежи в моей памяти, как будто все это было только вчера. Они-то и легли в основу будущих композиций.

...После первой бомбежки на углу Советского и Старо-Невского проспектов толпятся люди. Издалека видна трещина в торцевой стене, вьется дымок, работают пожарники. Видел воздушный бой в стороне Невы. Наши узнал сразу — бипланы «Чайка».

...На небольшом заводике, граничившем с внутренним двором нашего дома — с начала войны завод перешел на выпуск ручек для гранат, — забивают окна. Смотрю, как грузят на автомобили и увозят куда-то станки. Все это видно из окон кухни.

...В воскресенье утром всей семьей поехали к больнице имени Мечникова, захватив с

Обычный день

собой наволочки. Там, на окрестных полях, торчали из земли длинные стебли-кочерыжки кормовой капусты с темно-зелеными жесткими листьями, и мы присоединились к срезавшим зелень. Подходили трамваи. Все новые люди заполняли поля. Часам к одиннадцати, когда стало припекать сентябрьское солнце, кругом, насколько видел глаз, не осталось ни единого листочка. Поля пылили под ногами покидавших их людей.

...Вижу, как возвращаются с рытья окопов женщины, худые, с обветренными лицами.

...В городе еще продают мороженое — безвкусные розовые ледяшки.

*Витя Сидоров. 1938 г.
1-й класс, школа №2 Смольнинского р-на Ленинграда*

...По вечерам на внутреннем дворе занимается группа ополченцев. Колют чучело штыками, ползают по брезенту по-пластунски, учатся правильно целиться, бросают учебные гранаты из траншеи, вырытой весной поперек двора для труб центрального отопления. Разбирают-собирают винтовку и старенький станковый пулемет.

Однажды после занятий ополченцы построились со знаменем. Состоялась быстрая, деловая церемония принятия присяги. Следующим вечером они пришли с узелками за спинами. После переключки стали выходить за ворота и строиться вдоль тротуара. По-

следними вышли двое добровольцев с разобраным «максимом». Ополченцев провожали несколько женщин. Моя ровесница Майя Воронова со своей мамой провожала отца.

...Мама принесла из домоуправления и поставила у дровяного ящика на кухне три бутылки с горючей жидкостью. Их выдали, чтобы бросить из окна в фашистские танки, если те прорвутся на улицы города.

...Сигналы воздушной тревоги воют по несколько раз в сутки, почти в одни и те же часы и минуты. В нашем доме бомбоубежище было оборудовано еще в прошлом году. Потолок подвала подперт бревнами-стойками. На стойках — огнетушители, между стойками — скамейки. Окна закрыты толстыми стальными листами. На тумбочках — бачки с водой, висит розовый бумажный репродуктор.

Люди спускаются сюда с чемоданами, узлами, мешочками сухарей. Проходят через тяжелые двойные металлические двери, рассаживаются по скамьям. Многие приносят и читают продающиеся на уличных лотках книги: «Большие надежды», «Цитадель», «Сестра Керри». Хорошо слышны звонкие хлопки зениток, взрывы бомб — далеко, ближе, ближе... Пол ощутимо колеблется. Наконец отбой! Выходим. Светло. Ночь ясная, с луной и звездами, как в мирное время.

Решил рисовать разрушенное здание. Но рука не поднимается рисовать жилой дом. Нарисовал огромную дыру в красной кирпичной стене пустующего здания дореволюционных конюшен, что на углу Греческого проспекта и 9-й Советской. Несколько дней спустя в место, предсказанное моей акварелью, угодила бомба. Родители удивляются. Хорошо, что дом был нежилой!

Сопровождаю на дежурства маму. Мы следим за светомаскировкой нашего дома и дома напротив. Если в окне виден свет, определяем номер квартиры, и я бегу предупреждать жильцов. Наблюдаем за улицей, за

воротами: не проскользнет ли чужой? Наблюдают за крышами: не взлетит ли ракета?

Однажды взял на дежурство в штаб МПВО краски. Написал штаб вечером, без

На дежурстве с мамой. Ноябрь 1941 г.

людей. Горит настольная лампа под зеленым стеклянным абажуром, на стенах противопогазы, плакаты, график дежурств. В деревянном ящике в углу несколько щипцов с длинными ручками — это для зажигательных бомб.

В один из тревожных вечеров в бомбоубежище появился возбужденный электриком Лапин. «Горят “американские горы”!» — сообщил он. Воспользовавшись замешательством взрослых, несколько моих товарищей и я быстро проникли на чердак и через слуховое окно друг за другом вылезли на крышу. По небу металась лучи прожекторов, и в них видны были разрывы зенитных снарядов. И полыхало, высоко подсвечивая тучи, пламя на месте «американских гор». Шпили Петропавловской крепости, Адмиралтейства, Исаакиевский собор и колокольня на Сенной площади, башенки и трубы домов — вся панорама города была видна как днем.

5 ноября вскоре после объявления воздушной тревоги разрывы зениток стали вспыхивать, казалось, над нашим двором. Явственно доносился пульсирующий, ноющий звук мотора. Вспомнил, как во время одного из сентябрьских налетов осколок зенитного снаряда выбил папиросу изо рта управдома. Продолжал наблюдение, укрывшись под козырьком входа в котельную. Лучи двух прожекторов пересеклись, и в лучах появилась сверкающая точка. Послышалось несколько пулеметных очередей. Смолкло. Но через секунду надрывный рев мотора, от светящейся точки полетели искры. В то же мгновение погасли прожектора. Будто огонек брошенной спички полукругом прочертил небо.

Прогрохотало в стороне Таврического сада. Уже задевая за чернеющий силуэт стены, едва угадываясь в ночном небе, бесшумно снижалось пятно парашюта. Наутро радио, которое мы ни на минуту не выключали, сообщило о таране летчика А. Севостьянова. Попытался изобразить виденное. Нарисовал заводскую трубу, стену завода, огонек на ноч-

ном небе. Все было очень похоже, но кто, кроме меня, поймет, что светлая точка — это сбитый вражеский самолет, что время военное, что действие происходит в Ленинграде? Конечно, тогда я не осознавал, что столкнулся с одной из вечных проблем в изобразительном искусстве — проблемой соотношения правды жизни и правды искусства.

В ларьках «Пиво–воды» перестали продавать хлебный квас, из которого можно было варить кисель. Отца теперь надо уговаривать ходить в бомбоубежище. Он первым из нас начал сильно сдавать. Приходил с ра-

боты очень усталый и старался побыстрее лечь в постель. Берег силы.

У наших новых соседей прибавление семейства: родилась вторая дочка. Назвали ее Надеждой. Прошло еще восемь — десять дней, и стараниями родственников молодых с детьми удалось переправить на Большую землю.

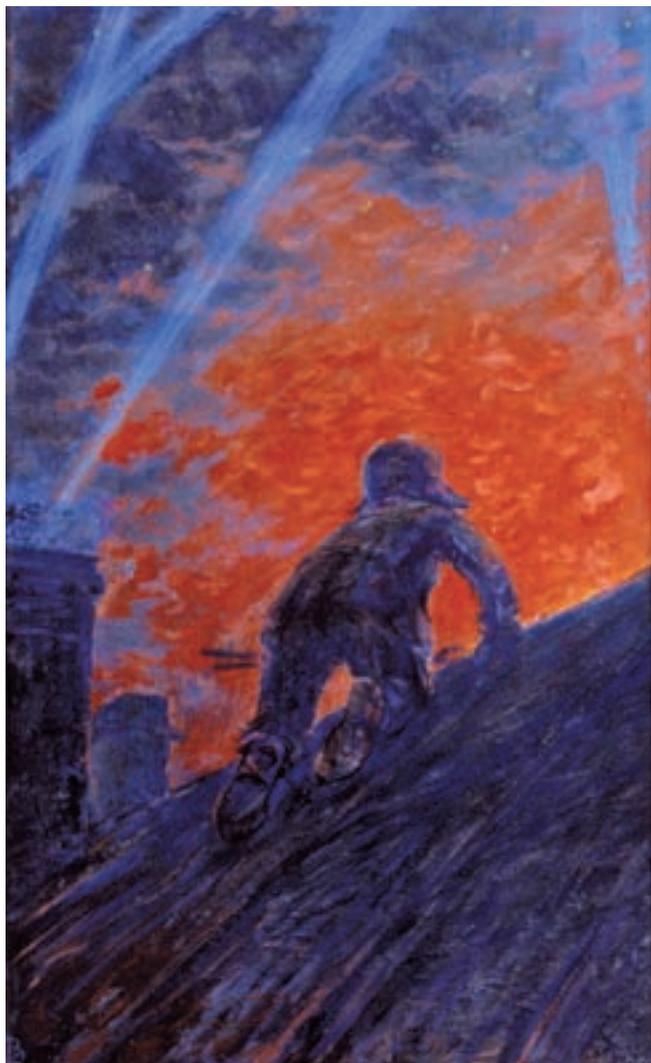
В комнатах становилось очень холодно. Мы перебрались жить на кухню. Здесь есть плита. И еще одно достоинство: кухня размещена на северной стороне дома, а значит, менее доступна для артснарядов.

Однажды, опередив маму, взявшую меня отоваривать крупяные талоны, вышел за ворота. По свежему снегу, едва прикрывавшему брусчатую мостовую, бежала рыжая лошадка, запряженная в дровни. Ямщик в тулупе держал в руках длинные вожжи. За ямщиком лежал новый, в радужных разводах, лист железа, из-под которого торчали по щиколотку босые мужские ноги. Нарисовал свою первую встречу с жертвой наступающей блокадной зимы. Лошадь и дровни изобразил на фоне нашего дома — его фасад более примечателен и узнаваем. Потом, чтобы было понятней время действия, пририсовал в углу мужчину, сжимающего в руке кусок хлеба.

Ходить на дежурство становилось все труднее. Начались сильные морозы. В штабе МПВО появился огромный овчинный тулуп для дежурных. Слева от арки дома поставлена фанерная будка.

В апреле 1944 года, примерно через два года после смерти отца от истощения и вскоре после снятия блокады, погибла мама. Ко всему исчез интерес. Напоминания о прошлом были невыносимы, и я сделал то, чего не прощу себе никогда: сжег все рисунки довоенного времени и блокадной поры. Потом сдал в школьную библиотеку почти все свои книги.

Но время, а главное, забота и материнская теплота усыновившей меня женщины, Валентины Павловны Тигуновой, вернули

Горят «Американские горы»

Встреча победителей. Июль 1945 г.

меня в реальный мир. Летом 1944 года я жил в большом, на 800 человек, пионерском лагере на станции Всеволожская. Стал художником лагерной стенгазеты. Познакомился с молоденьким старшим пионервожатым, инвалидом детства, Юрием Дегтяревым. Юра читал мне свои лирические стихи, а я пытался их иллюстрировать. Кстати, небезынтересно, что начальником пионерлагеря был известный в Ленинградской области партизанский командир Эрен-Прайс.

В конце июля старший пионервожатый показал мне заметку в «Ленинградской правде», где говорилось о возвращении из эвакуации средней художественной школы при институте имени Репина и о приеме в эту школу. Он убедил меня сделать попытку поступить туда и отпустил в город на четыре дня.

С 1 октября 1944 года я приступил к занятиям. Потребовалось, конечно, время на привыкание к особенностям специальной школы. Ежедневно кроме обычных занятий

мы еще по несколько часов занимались живописью, рисунком, лепкой, композицией. А потом надо было делать уроки.

Было голодно. Почти все одевались в случайное, порой с чужого плеча, платье. Ходили на академический двор пилить, колоть и носить дрова. Топили прожорливые печки, обмораживали пальцы за мольбертами в холодных классах. Но для нас все это было мелочами.

Мне очень нравился учебный раздел «Композиция». Когда намечалась тема будущей картины, процесс ее сочинения увлекал безраздельно, шел в любой обстановке.

В июле 1945 года Ленинград встречал возвращавшихся победителей. Был девятый час утра. От угла проспекта Майорова в сторону Дворцовой площади, выстроившись вплотную друг за другом, стояли «виллисы». В них в неудобных позах, не обращая внимания на шарканье ног и говор проходивших мимо людей, спали, набираясь сил перед парадом, усталые, пропыленные в марше на Ленинград бойцы.

К весне 1946 года созрел замысел композиции «Встреча победителей». Известно, что церемония встречи состоялась в нескольких местах: на Дворцовой площади, у временной

1944 год, июль.

Станция Всеволожская, дер. Пугарево. Пионерлагерь. Витя Сидоров в первом ряду первый слева

триумфальной арки в Кировском районе, на Театральной площади, где оркестр и хор Кировского театра при звоне колоколов исполнили «Славься!»

Когда я пытался сочинять композицию строго документально, привязываясь к этим местам, не получалось торжественности единственного в своем роде исторического события; не получалось «колокольного звона» — апофеоза Победы. Архитектура Двор-

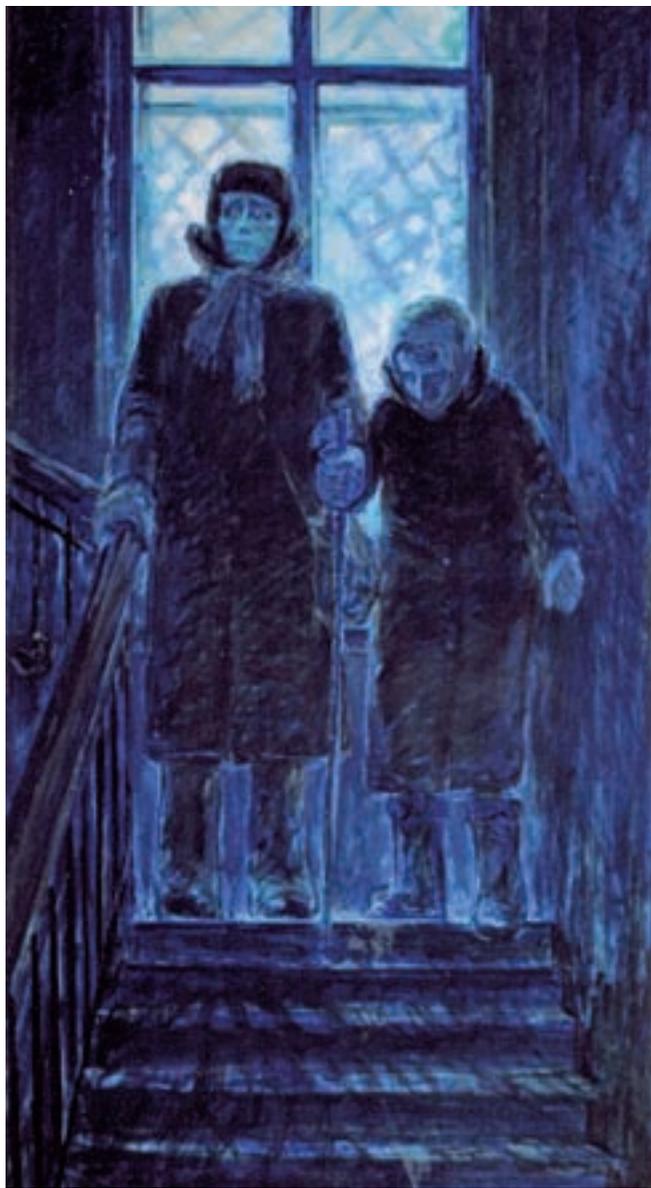
цовой площади, Театральной, просторы юго-западной послевоенной окраины города «не держали» композицию.

Тогда я погрешил документальностью и сделал фоном событий могучий Исаакиевский собор, посадил солдат на джипы, едущие через раздвигающуюся перед ними толпу ликующих людей. Писал «Встречу победителей» с настоящим вдохновением. Приходил в школу за час-полтора до начала занятий. Эта моя композиция в числе студенческих работ была напечатана в газете Института имени Репина «За социалистический реализм» в № 13 за 1946 год.

Уже во время учебы на живописном факультете, а потом на факультете архитектуры я начал подумывать о восстановлении по памяти сожженных блокадных акварелей и рисунков. Но учебный процесс отнимал много времени, и только по окончании института я смог сделать практические шаги в исполнении замысла.

Очень скоро стало ясно, что все в точности восстановить невозможно и, вероятно, не нужно. Документальный материал ценен своей неповторимостью, непосредственностью. Памяти, проверенной временем, свойственны обобщения, выделение главного. Хотелось уже, рассказывая о блокадном времени, отбирать наиболее характерные события, черты, образы, передающие настроение, дух жизни в осажденном городе.

Постепенно начал вырисовываться состав цикла композиций о блокаде. Но были и сомнения. Нужно ли вообще заниматься воспоминаниями, беречь большую память, заново переживать блокадные будни, годы тревог и тяжелых испытаний? «Нужно помнить о войне, чтобы не устать ненавидеть ее, чтобы ненависть к фашизму передавалась молодому поколению», — говорили ветераны. «Нужно помнить о подвиге Ленинграда и ленинградцев, никто и ничто не должно быть забыто», — утверждала ленинградская поэ-

*Трудные ступени. В стационар
(посвящение родителям)*

тесса Ольга Берггольц. Выходили фильмы о прошедшей войне, возводились памятники героизму людей.

В феврале 1966 года Октябрьский райком КПСС объявил конкурс на памятник для Зеленого пояса Славы Ленинграда. Памятник должен был стать у шоссе Ленинград — Пушкин, в районе речки Кузьминки.

Была организована поездка участников конкурса на место. Занесенные снегом поля, овражки, кусты... Представлялось, как начинается атака. Поднимаются из окопов, бегут по снегу бойцы. Над ними отчетливым силуэтом развернутое знамя. Стал работать над проектом, в основу которого лег образ знамени, и предложил товарищам по отделу еще два варианта памятника.

Договорились, что в девизные конверты будут помещены записки с фамилиями всех, независимо от того, кто над каким вариантом работал. В апреле жюри рекомендовало для воплощения в натуре проект монумента под девизом «Рубеж-41», разработанный мною и скульптором Черкасовым.

Товарищи помогли сделать генеральный план, рабочие чертежи, текст, помещенный на стене. Полезные советы давали ветераны. Уже в начале ноября 1966 года мемориальный комплекс «Ополченцы» был открыт.

* * *

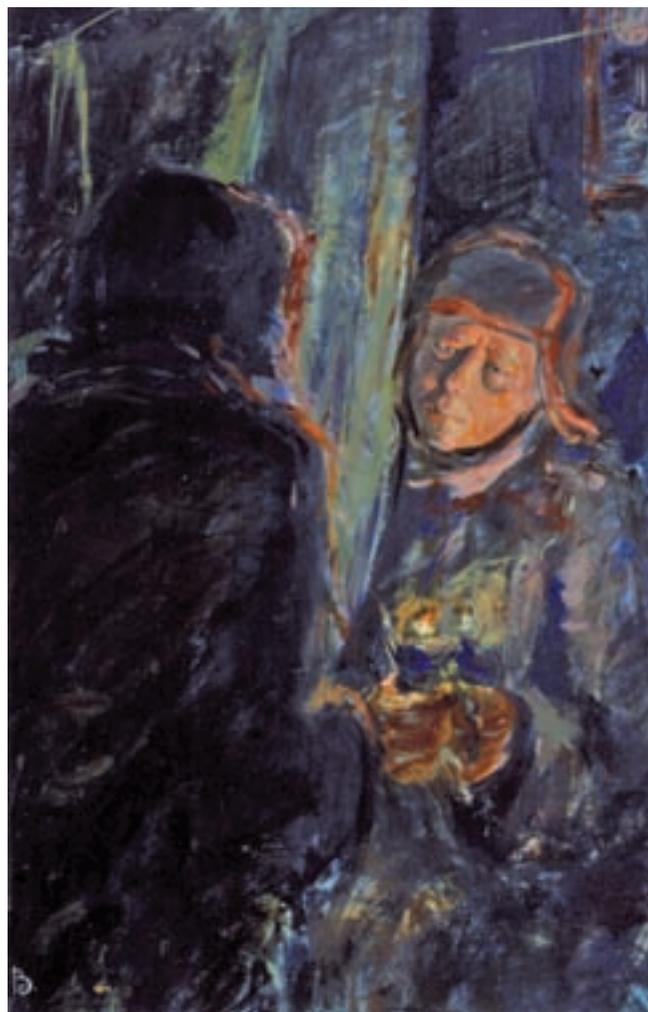
Работа над блокадным циклом, начатая еще в 1958 году, растянулась на годы. Практически все свободное от служебных обязанностей время, а в будни его оставалось не более одного-двух часов, уходило на поиски вариантов композиций: они рождались из воспоминаний.

Вот тема воды. После того как в квартирах замерз водопровод, горожане начали ходить за водой в подвальные помещения домов, где трубы промерзали медленней. Очередь в подвал-бомбоубежище дома №9/13 по 8-й Советской улице начиналась во дворе,

спускалась вниз и продолжалась в подвале. Здесь, поджигая друг у друга лучины, люди терпеливо ожидали момента, когда можно будет подставить кастрюлю, бидончик или чайник под еле различимую струйку. Рядом с краном на трубе горела поставленная кем-то коптилка-фитюлька. Под краном narосла глыба льда, пол тоже обледенел.

Когда в январе 1942 года я рисовал очередь за водой, все люди были видны со спины. Теперь же приходилось искать другую точку обзора, показывать то, зачем собрались люди, показывать их лица.

Замерзла вода в подвалах. Лопнули трубы уличной водопроводной сети. Вода вытекала

Блокадное зеркало

из люков, заполняла пространства между сугробами, разливалась, образуя катки. Теперь горожане с саночками потянулись сюда. Ковшиками, часто лежа, чтобы не упасть в воду, наполняли ведра, чайники, кастрюли, бидоны. Местом такой добычи воды для нас был люк на 6-й Советской, рядом с кинотеатром «Совет».

Запомнились блокадные зори, малиново-сизые, с дымками над крышами, промороженные стены домов, сосульки на карнизах, на выступах фасадов, обгорелые оконные проемы, морозный туман. Работая над композицией «Вода из люка», я попытался пере-

*Вода из люка
(улица 6-я Советская, у кинотеатра «Совет»)*

дать характерный для зимы 1941–1942 года городской пейзаж.

Впечатления от зимней Исаакиевской площади той поры попытался вложить в композицию «Вода с Невы». Несмотря на то что в ближних и дальних походах по городу мне уже не раз приходилось видеть мертвых людей, мальчик, лежавший трое суток на крыльце магазина в нашем доме, запомнился особенно остро. Он лежал навзничь. Льняные длинные волосы раскинулись по снегу, рядом шапка-ушанка. На мальчишке короткое, видимо, он вырос из него, пальто, серые валенки.

Был очень солнечный и морозный период зимы — начало февраля, когда тени становятся четкими, яркими, синими. Композиция нашлась как-то сразу, и сколько я ни старался ее улучшить, усилить настроение, получалось только наоборот. Назвал композицию «Дорога за водой». (Обычный день).

В двадцатых числах апреля повстречался на Советском проспекте у кинотеатра «Искра» с колонной пленных. Капризная ленинградская весна сыпала густым мокрым снегом, образовались большие лужи. Серо-зеленая толпа пленных была еще и пестрой. Пленные кутались в платки, одеяла, в какое-то тряпье, обуты были жалко и разнообразно. Привлекали внимание огромные эрзац-валенки, делающие человеческую ногу сравнимой с ногой слона. Торопливо, напрямик через лужи двигались пленные, стараясь быстрее проскочить мимо рвущихся к ним женщин и мальчишек, бросавших снежки.

В первом ряду среди пленных выделялся офицер в высокой фуражке, в шинели, с забинтованной, на перевязи, левой рукой. В правой руке у него была трость. Офицер высоко держал голову, смотрел вдаль и, казалось, совсем не реагировал на обстановку. Конвоировали колонну несколько юных розовощеких солдат в белых полушубках.

Весна, солнце, тепло, кажется, никогда не воспринимались так остро, как после блокад-

Пленные на Суворовском проспекте. Апрель 1942 г.

ной зимы. Символом весны 1942 года стал и ленинградский трамвай. Он, сверкающий краской и стеклом, со скрежетом поворачивал с Греческого проспекта к Мальцевскому (ныне Некрасовский) рынку. Скрипящее и грохочущее детище двадцатого века казалось тогда родным и милым.

Как и зимой, встречал на улице запомнившуюся по школе старшеклассницу. Она в ватнике защитного цвета, темной юбке, в солдатских сапогах. Через плечо неизменная противогазная сумка. Наверное, таким, как она, пришлось тушить пожары, спасать раненых, хоронить мертвых. Личико девушки кажется прозрачным, волосы коротко острижены.

В композиции «Возвращение тепла» я попытался воспроизвести памятные приметы ленинградской весны 1942 года. Вновь переживаю последние дни отца. В мае я рисовал его. Отец лежал на нарах, устроенных на кухне, курил. Курево притупляло чувство голода. Отец не обращал на меня внимания, рассматривал свои обтянутые бледной кожей руки. Из выцветших глаз выкатывались слезинки. Рисовал я твердым, острым карандашом, тонко и подробно. Я не знал, что отец находится в необратимой стадии дистрофии, но тут, внимательно вглядываясь в него, почувствовал страх.

Эти воспоминания легли в основу композиции «Дистрофия». Единственное домысленное на картине — лед на окнах.

Но было бы неверно отражать блокадную жизнь Ленинграда только через показ страдающий его жителей. Была борьба, была работа. Поэтому появились «Ополченцы», «Дежурство на крыше», «Ленинградские водопроводчики 1942 года». Расскажу, как появилась эта последняя композиция.

После смерти отца надо было помогать маме. Пожилой водопроводчик Михаил Иванович Марков — отец одноклассницы — взял меня к себе в качестве ученика. Зима 1941–1942 года оставила много работы для водопроводчиков. Мы меняли, паяли водопроводные трубы, ставили на них «хомуты», чистили фановые трубы. Иногда приходилось, работая в подвалах при свете «летучей мыши», ходить почти по колено в нечистотах. Тогда я очень стеснялся встретить на улице знакомых, особенно сверстников: в ватнике, в отцовских резиновых сапогах недавний школьник-отличник выглядел нелепо. Хотелось, чтобы композиция «Ленинградские водопроводчики 1942 года» стала данью уважения всем детям, работавшим в заблокированном Ленинграде, данью уважения и памяти моему наставнику.

Для вводной композиции цикла, названной «В небе пригородов», использованы впечатления от встречи с фашистским самолетом вблизи станции Апраксин. Этот эпизод показался мне символичным: он олицетворял для меня и начало сражения за Ленинград, и конец беззаботного детства.

Завершает цикл «Встреча победителей» — эскиз, сделанный еще в 1946 году и утраченный, а теперь восстановленный.

Стечение обстоятельств сделало меня одним из носителей памяти о блокаде Ленинграда, и, если в меру своих сил и способностей смогу оставить эту память людям, большего счастья мне не надо.

Вспоминая все, что пережито

СИНЯЕВА Надежда Михайловна

Мы жили в Петроградском районе, на улице Скороходова, 23. Родители работали, а я, как и большинство моих ровесников, ждала родителей с работы.

До войны (1941 год) во дворы нашего дома приходили бродячие музыканты, артисты, фотографы и так далее.

В 1940 году летом пришел фотограф, собрал нас и сфотографировал. Эта память осталась для нас на всю жизнь.

Помню, когда привозили детей из Испании, где была война, мы бегали на Кировский проспект, было много цветов.

Прошло немного времени — началась война с Финляндией.

Честно говоря, будучи ребенком, я мало понимала, что такое война. Вскоре по вечерам стали занавешивать окна. Улицы были темные, а на одежде появились светящиеся броши. В июне 1941 года мне исполнилось 11 лет, я училась в школе. Через пару недель нас всех, школьников и родителей, собрали в школе. Объявили, что пока идут военные действия, детей отвезут в Новгородскую область.

Нас увезли — там мы работали в колхозе, ходили на прополку сорняков. Когда ввели продовольственные карточки, мы это сразу почувствовали. За детьми стали приезжать родители, и постепенно наш лагерь пустел. За мной приехал папа. Домой возвращались в товарном вагоне. Приехали ночью, и нас не выпустили в город. Не-

сколько часов просидели в бомбоубежище.

И первое, что меня поразило — это висячие аэростаты над площадью Восстания. Поначалу все было любопытно, а потом стало страшно. Бесконечные завывания сирен, взрывы. В ноябре после очередной бомбежки горел сад Госнардома и зоопарк. Полыхало так, что на нашей Скороходова было светло, а это происходило вечером.

Мы жили на первом этаже, соседи сверху прибегали к нам. Было очень беспокойно, люди плакали. Мой папа Синяев Ми-

хаил Михайлович имел бронь — он работал на механическом заводе и восстанавливал разбитую после боев технику. Видя все это, он не выдержал и ушел добровольцем в народное ополчение. Вскоре нам пришла похоронка — папа погиб.

Спустя некоторое время люди привыкли к бомбежкам. Соседи перестали к нам спускаться, мы все перестали обращать

Надежда Михайловна во втором ряду третья слева. 1940 г.

внимание на тревогу, на вой сирен. Всегда знали, какой летит самолет, и терпеливо ждали отбоя тревоги. Самое страшное в войну — даже не бомбежки и артобстрелы, самое страшное — это голод.

После зимы 1941–1942 года мама слегла и мне разрешили отovarивать продовольственные карточки в столовой фабрики Луначарского, где она тогда работала. Я готовила обед: на 0,5 л воды 1 чайная ложка

распаренной пшеницы и чуть соевых жмыхов (шротов) — суп готов.

Все пережито.

В 1946 году я пошла на работу. В выходные дни нам приходилось восстанавливать парки и скверы, а по будням после работы расчищали Апраксин и Гостиный дворы. И теперь, глядя восстановленные фильмы моих лет, вспоминаю все, что когда-то пережито и пройдено.

СТАРЦЕВА Людмила Васильевна

Я родилась и жила в 200 метрах от железной дороги Ириновской линии, которая стала Дорогой жизни. Это местность между станциями Мельничный Ручей и Корнево. После прорыва блокады в январе 1943 года линию начали восстанавливать, и уже с середины 1943 года по этому пути пошел основной грузопоток продовольствия и боеприпасов в Ленинград. Все это я помню со слов моих старших сестер и матери. После войны ни одно застолье не обходилось без воспоминаний о блокаде. Вспоминали голодовку, говорили, как жили, что ели, как работали. Почему-то слово «блокада» не произносилось. Только — голодовка. Мы жили в то время так же тяжело, как и все, кто находился в блокаде. Те же мерзлые капустные кочерыжки зимой 1941–1942 года, которые выкапывались из-под снега, те же щи из лебеды и крапивы и съеденная любимая кошка.

У отца с матерью нас было 6 человек: Анна, Ирина, Соня, Маша, Катя и я — самая маленькая. Когда началась война, мне было 2 года и 1 неделя. Отец — Мельников Василий Алексеевич — работал на Ржевке, на заводе п/я-622, теперь «Краснознаменец». Там же работала и старшая сестра Анна. Все 900 дней блокады она стояла у станка. Поезда не ходили, добираться до Ржевки приходилось пешком, поэтому люди уходили на завод на целую неделю. Там же отдыхали час-другой, переводили дух и снова принимались за дело. Домой возвращались только поздно вечером

в субботу, а в воскресенье ночью снова шли на завод.

В апреле 1942 года отец пришел на выходной. Он так ослаб, что слег и больше не вставал. Он умер 19 апреля 1942 года. Отец потерял веру в свои силы и только обреченно говорил маме: «Мы все умрем». После его похорон мама нашла под его постелью засохшие кусочки хлеба. Умирая с голоду, отец сохранил этот хлеб для нас. Мама размачивала сухарики в кашу и делила поровну на всех.

Какое-то время мы продержались на папином хлебе. Маме с Ириной приходилось работать на разных работах: зимой заготавливали лес, летом рыли окопы. Мама работала так же и в похоронной команде по выносу трупов из домов. Летом 1942 года из голодающего Ленинграда потянулись беженцы. Все канавы вдоль дороги остались без единой травинки, были съедены и листья с нижних веток деревьев. Мало кто выжил из этих людей.

В 15 метрах от нашего дома находится Щегловское кладбище. Зимой 1942–1943 года перед этим кладбищем был сложен штабель из трупов. Хоронить покойников было некому, да и сил рыть мерзлую землю у людей не осталось. Когда земля оттаяла, всех похоронили в одной братской могиле. Сколько их там лежит, никто не знает. Учета не велось. Мать за работу в похоронной команде получила бутылку водки, меняла эту водку на дуранду. Эту дуранду, твердую, как камень, она рубила на полу топором на мелкие кусочки и делила между всеми поровну.

В три года я перестала ходить, отказали ноги, и меня как ослабленного ребенка устроили в детсад в совхозе «Щеглово».

Умереть мне не дали. К тому времени моя сестра Ира работала на скотном дворе. Коров было мало, молока они давали всего ничего, животные тоже были очень истощены. Каждая капля молока была на счету. Все, что производилось в совхозе, шло в Ленинград: в госпитали, больницы, детсады. Ира отжимала марлю, через которую цедились молоко, в маленькую кружку и приносила мне в детсад. Так я выжила. Сестры выжили, потому что были молоды, очень хотели жить, верили в Победу. И этот день настал. Мне было 6 лет, и я его запомнила очень хорошо. С утра все старшие были необыкновенно радостные, оживленные, куда-то бегали, суетились. Я не понимала, что происходит. Вечером все куда-то убежали. Я осталась одна стоять на дороге, маленькая, босоногая. Вокруг никого. Только со всех сторон по горизонту от Большой Романовки, Корнева, Щеглова, станции Мельничный Ручей доносилось сплошное «Ура-а-а! Ура-а-а! Ура-а-а!» И небо над Ленинградом было не багрово-красным, как во

время войны от пожарниц, а светлым, радостным, вспыхивало разноцветными огнями. То был салют. Потом появились взрослые. Они плакали, смеялись, обнимались, кричали «Победа, победа!» А мама прижала меня к себе, прошептала: «Доченька, война кончилась. Больше мы не будем голодать». Но и после войны еще долго жили впроголодь. Я помню чугунок с кашей из отрубей. Эту кашу называли у нас «месятка». Кашу уже не делили, каждый мог есть, сколько мог проглотить. Она застревала в горле. Сестры приходили, кто с работы, кто с учебы, ели эту кашу, давились ею, хохотали. Родовались тому, что молоды, что живы остались, верили и надеялись на лучшее. И жизнь постепенно налаживалась. Работали, учились, выходили замуж, рожали детей. У Иры появился жених — краснофлотец Женя. Когда приезжал Женя, чугунок с отрубями прятали, стеснялись того, что мы едим. А Женя привозил нам свой флотский паек: хлеб, макароны, консервы. Потом Ира вышла за него замуж и уехала в Ленинград.

Свои воспоминания я посвящаю памяти моей матери и моих сестер.

Этот снимок сделан 6 июля 1941 года. Первая справа стоит моя мама, дальше соседки. Я сижу слева на могиле. Девочка справа умерла в блокаду. Рядом со мной стоит сестра Катя. Снимались во время похорон старушки-соседки. Никто не догадывался, что ждет впереди

Ее не сломила блокада

ТРОФИМЕНКО Альма Яновна

Трофименко Альма Яновна родилась в марте 1923 года в Ленинграде. Отец — латыш, работал на заводе имени Карла Маркса, умер в 1941 году, мать работала там же, умерла в 1942 году. Были сестры, которые также умерли.

Альма до войны окончила 10 классов средней школы (последние два класса — в вечерней школе).

В шестнадцать лет Альма поступила приемщицей — контролером ОТК на завод имени Карла Маркса, где проработала всю войну до сентября 1945 года. В начале войны Альму перевели на казарменное положение, она состояла в МПВО завода.

Завод выполнял военные заказы для фронта, выпускал снаряды для 45-миллиметровых орудий. На завод с фронта поступали для ремонта «катюши».

«Работать приходилось в нечеловеческих условиях, — рассказывает Альма Яновна, — постоянно хотелось есть, от голода мутнело в глазах, кружилась голова, и мы теряли сознание. Снаружи громыхали взрывы. Стояли жуткие морозы. Холод был такой, что металл прилипал к рукам. Но коллектив на заводе был очень дружный, тяжелые условия жизни сплотили людей. Мы постоянно поддерживали друг друга. Чувство локтя, наверное, и спасало в те трудные времена».

В начале блокады питались чем придется. Альма вспоминает, как они ходили к Ка-

лининской овощебазе. Оттуда через забор выбрасывали гнилой картофель, он смешивался с землей, его собирали и ели, называли эту смесь «творогом». Также варили студень из столярного клея. Позднее, когда с питанием стало полегче, ели горькие шроты и дрожжевую похлебку.

«После снятия блокады, — продолжает она, — на завод пришел обоз с продуктами. Всем по рабочим местам разнесли на бумажке немного квашеной капусты и по стопке водки в честь освобождения Ленинграда от

вражеской блокады. Вот это был праздник!»

После войны в 1945 году Альма Яновна была участницей первого послевоенного парада физкультурников.

Когда окончилась война, она долгое время работала на военных заводах, последние 23 года — распредом, слесарем-сборщиком на заводе «Красный Октябрь».

Живет она со вторым сыном и его семьей. У нее внук, внучка и два правнука.

Уйдя на заслуженный отдых, 17 лет Альма проработала в Совете ветеранов завода им. Карла Маркса.

Работала она и в качестве активиста в Совете ветеранов при ЖЭУ.

Ее труд отмечен рядом правительственных наград, в том числе медалями «За оборону Ленинграда», «Ветеран труда».

Маленькая Людмила (слева) с сестрой Валентиной

Еще одно страшное воспоминание запечатлелось в памяти блокадного ребенка.

Квартира Добрыниных находилась на втором этаже, и окна выходили во двор-колодец, где были дровяные сараи жильцов дома.

Зимой 1941–1942 годов девочка видела, как незнакомые люди привозили какой-то груз и оставляли его в сараях. Когда там уже не осталось места, они стали складывать штабеля около сараев и вдоль стен дома. Ей казалось, что это дрова, и только когда груда непонятных предметов достигла высоты второго этажа, то из окна она увидела, что это мертвые люди.

В конце зимы появилась бригада рабочих, которая состояла из женщин, от слабости едва стоявших на ногах. Они тяжелым ломом долбили лед, чтобы достать тех, кто вмерз в землю, вручную грузили на машины трупы и отправляли погибших ленинградцев к месту их вечного упокоения.

Блокадники помнят, как в конце января 1942 года из-за отсутствия электроэнергии в городе не работали хлебозаводы и жителям три дня не выдавали по карточкам хле-

ба. Девочки слегли, встать с кровати не было сил. Когда мама наконец принесла хлеб, то она макала его в кипяток и горячие кусочки вкладывала им в рот.

Голод уносил силы и здоровье. Старшая сестричка очень исхудала, а Людмила, наоборот, сильно отекала, и водянка грозила задеть мозг. Мама обратилась за помощью в Педиатрический институт. Девочку госпитализировали и спасли.

В те годы институтом руководила Юлия Ароновна Менделеева, одна из крупнейших в нашей стране деятелей в области организации детского здравоохранения, активным поборником которого она была еще с 1918 года.

Именно благодаря ее усилиям и целеустремленности был создан Ленинградский государственный педиатрический медицинский институт (ЛГПМИ) и при нем ряд специализированных клиник, укомплектованных персоналом самой высокой квалификации.

В годы блокады деятельность института и клиник не прекращалась. Детей не только лечили, их старались подкормить. Ценой невероятных усилий Юлия Ароновна добивалась для детишек лекарств и дополнительно питания, топлива и электроэнергии.

Слева направо: старшая сестра Валентина, мама Александра Артемьевна и Людмила

В первом ряду первый слева отец Александр Николаевич с боевыми товарищами

Многих удалось спасти. В их числе и народного артиста СССР Игоря Олеговича Горбачева, который 15-летним подростком, умирающим от дистрофии, попал в институт и был спасен.

Ю.А. Менделева при институте сумела создать детский садик и даже дачу в Шувалово.

К сожалению, в начале 50-х годов она была репрессирована по делу врачей. Впоследствии реабилитирована, но возраст и состояние здоровья не позволили ей вернуться к прежней деятельности.

После страшной блокадной зимы 1941–1942 годов жизнь стала понемногу улучшаться. Сестра пошла в первый класс, а Людмила в детский сад при Педиатрическом институте.

В 1944 году она была вместе с садиком на даче в Шувалово. К ней приехала мама, и по ее лицу девочка поняла:

«С папой?!» — «Да!»

23 февраля 1944 года при освобождении Эстонии от фашистской оккупации Александр Николаевич Добрынин погиб, оставив вдову и двух осиротевших детей.

После окончания войны мама до выхода на пенсию работала в мастерских Педиатрического института, сестра в — НПО «Светлана», обеих уже нет в живых. Людмила Александровна окончила Торговый техникум, а затем Институт советской торговли. Много лет работала в ДЛТ. После выхода на пенсию продолжала работать в различных организациях Калининского района, в том числе и в учреждении «Кинопрокат». Муж, сын участника Великой Отечественной войны, умер несколько лет тому назад. У нее две дочери, три внука и 5-ти летняя правнучка Катюша.

Мира им всем и счастья!

ШИРЯЕВА Екатерина Никифоровна

Екатерина Никифоровна Ширяева родилась в мае 1927 года в городе Боровичи Новгородской области в семье рабочих. В семье было четверо детей.

Она окончила 8 классов, а затем ремесленное училище по специальности полиграфиста-печатника.

Известие о том, что началась война, застигло ее в спортивном лагере недалеко от дома. По соседству с лагерем находился аэродром, который в начале войны бомбила фашистская авиация. Случайно оказавшиеся в лагере журналисты вывезли оттуда группу ребят-ремесленников, привезли их в Ленинград и помогли устроиться на работу во Вторую военную типографию печатниками.

Все мужчины типографии с началом войны ушли в народное ополчение, их заменили женщины и подростки.

Типография всю войну и блокаду работала бесперебойно, несмотря на тяжелые условия жизни в осажденном немцами городе. Не было ни одного дня, чтобы был сорван выпуск газеты. Газеты регулярно поступали в воинские части Ленинградского фронта. Во время одной из бомбежек была разрушена типография, в которой печаталась газета «На страже Родины». В короткий срок ее выпуск был налажен во Второй военной типографии.

Условия были крайне тяжелыми. Одолевала усталость, клонило в сон от постоянного недосыпания и очень хотелось есть.

Когда кончилось топливо, голодные работники трудились при мерцающем свете

коптилок, вручную вращали маховики машин, печатали плакаты, листовки, брошюры, газеты. В 1943 году здесь были отпечатаны 1-я и 2-я части «Боевого устава пехоты».

Москвичи из управления, которому подчинялась Вторая военная типография, собрали более четырех тонн продовольствия и отправили его по Дороге жизни в Ленинград, это поддержало коллектив типографии.

Более подробно об истории типографии и о ее работе в годы войны в блокадном Ленинграде, о героическом труде ее работников повествует юбилейное

издание «50 лет Воениздата», в нем упоминаются и ветеран Ширяева и ее подруги.

В 1943 году Екатерина Ширяева участвовала в спартакиаде СССР. Группу спортсменов с помощью партизан переправили в Боровичи, где проходила спартакиада. Екатерина выступала как легкоатлет.

Когда объявили о выступлении команды спортсменов из блокадного Ленинграда, люди на трибунах вставали и плакали. От такой реакции зрителей у самих спортсменов комок подступил к горлу.

В типографии Екатерина Никифоровна проработала более тридцати лет. С 1975 года она работала старшим инспектором Бюро трудоустройства и в 1982 году ушла на заслуженный отдых.

Ее труд отмечен рядом правительственных наград, в том числе медалями «За оборону Ленинграда» и «Ветеран труда».

Мы родом из блокады

ЩЕДРИНА Валентина Прокофьевна

Я всегда считала, что сама никаких подвигов не совершала, просто жила в блокадном Ленинграде первые полтора года. Но, как и все, пережила холод, голод, темноту и бомбежки. Все это отразилось на моем характере. «Мы родом из блокады» — лучше не скажешь.

Немного о семье. После революции у родителей осталось шестеро детей, я младшая. В войну «роли» распределились так: старший брат — на фронте, старшая сестра — в госпитале, вторая сестра — на заводе «Красная заря», брат — токарь на заводе, другой — в ремесленном училище. А я закончила до войны 2 класса, немного в блокаду поучилась в третьем.

Испытания начались еще до официальной блокады. В июле меня и младшего брата отправили с другими детьми в Боровичи. Но где-то в августе приехала мать и забрала нас домой. И вовремя, следующий поезд уже попал под бомбежку.

29 августа умер отец (разбил паралич, теперь бы сказали — инсульт). Он говорил матери: «Меня похоронят по-божески, а твою могилу и не найти будет». Как в воду глядел...

В сентябре нас, школьников, возили автобусом в госпиталь, где-то в пригороде, во дворце: внутри помещений — узорный паркет, лепнина, позолота. Одни ребята пели перед ранеными, другие читали стихи, а я танцевала «яблочко». На обратном пути — темнота, дождь, ветер, разрывы снарядов.

Тогда впервые стало страшно...

В октябре был сильный налет немецкой авиации. Мы с мамой и братом вышли из квартиры, чтобы дойти до бомбоубежища. Вдруг — свист, вой, грохот, пламя и разбитое стекло из окна нам в спину. Мы спустились со 2-го этажа в подъезд и остановились: что делать дальше? Решили вернуться домой: будь что будет. На завтра мы с братом вышли во двор посмотреть, что же произошло. Был солнечный день, снега еще не было, но лужи уже замерзли. Оказалось, в наш дом (угол улиц

Куйбышева и Чапаева) упали 2 бомбы.

Немец, видно, метил в водокачку на Петроградской набережной да в завод «Электроприбор». Одна бомба угодила прямо в бомбоубежище. Другая не взорвалась, застряв под флигелем двора-колодца как раз против наших окон.

Группа любопытных ожидала, как бригада саперов разрядит бомбу. Жильцов семиэтажного флигеля ночью из квартир уже вывели. Мы ждать не стали, пошли домой. На кухне топили плиту, окно было раскрыто. Вдруг страшный грохот потряс все вокруг. Меня и брата отбросило взрывной волной, и мы кубарем, перескакивая друг через друга, покатались по длинному коридору до своей комнаты. Там уже было тихо, только картина упала на зеленый стеклянный абжур лампы.

Бригада саперов погибла...

Зимой братья залезали через открытые квартиры на деревянные балки, торчащие в

пролете разрушенных этажей, и спиливали ножовкой полешки на растопку буржуйки.

Где-то в ноябре в школе (№24 на Ми-чуринской улице, где с 1944 года находится спальный корпус Нахимовского училища) от мороза прорвало трубы, подвал затопило. В школу ходить перестали, несколько дней учились в бомбоубежище, но учеба все равно прекратилась...

В начале зимы ходили с братом на Неву за водой с бидончиком, чайником, карабкались по обледенелому откосу на берег (гранитного парапета возле Сампсониевского моста тогда еще не было), а спуск тоже обледенел от воды, пролитой горожанами.

Всю зиму я сидела дома, безвылазно. Сушили на буржуйке сухарики из черного глинистого хлеба, грызли дуранду, и я читала «Республику ШКИД» при свете лучины.

Весной, где-то в марте, дали свет в квартиры. Мы, младшие, не могли удержаться от хохота: какие же мы были чумазые от копоты, опухшие дистрофики.

А 17 апреля 1942 года маму с диагнозом дистрофия и дизентерия отвезли в больницу Эрисмана, откуда она уже не вышла. Старшая сестра хотела ее похоронить (в госпитале ей сделали гроб), но в больнице ответили, что маму уже свезли на кладбище, вроде — на Серафимовское. Туда, к братской могиле, мы и ходили после войны.

А в 1995 году я обратилась на Пискаревское мемориальное кладбище с просьбой выяснить, где же прах матери. Мне дали официальный ответ: лежит на Пискаревском, братская могила №14. Туда и ходим теперь...

26 августа 1942 года сестра отдала меня в детский дом. Сменили 3 адреса из-за бомбежек. Последний — Большой пр. П. С., дом

65. Ходила в третий класс. Училась хорошо, и меня даже направили в музыкальную школу, расположенную на Кировском проспекте, дом 5. Учила там гаммы, маленькие пьесы.

Весть о прорыве блокады услышала по радио. В этот момент я стояла на табурете в изоляторе, а медсестра перевязывала мне бедро, обожженное раскаленной батареей в холодном санпропускнике (в бане).

13 марта 1943 года наш детдом отправили в Ярославскую область. Ехали на грузовике по Ладоге. Туманным морозным утром спустились на лед, а ярким солнечным днем выехали на берег Кобоны. Колеса машин были наполовину в воде. В Кобоне в громадном сарае со столами из струганных досок нас накормили борщом и хлебом (кусоч грамм на 300!), серым, с поджаренной корочкой — его вкус и запах до сих пор не забыть...

В июле 1945 года сестра прислала мне вызов, и я вернулась в Ленинград.

Обращаясь в глубину лет, считаю, что жизнь состоялась, прожила ее достойно. Спасибо Советской власти, что меня — сиротку — вывела на прямую дорогу. Обычная жизнь тех времен: детсад — школа — институт — работа; октябрята — пионеры — комсомол — партия. Жила честно, работала добросовестно (Ленинская медаль, серебряная медаль ВДНХ за достижения в народном хозяйстве и другие знаки отличия).

А в детдоме в Ярославской области, где нас соединили с местным детдомом, я встретила своего суженого. Правда, поженились мы через 20 лет, но прожили счастливо еще 38 лет до его кончины... Но это уже другая история...

В фашистском плену

Память сердца

БАЛЛАДА О ДЕТЯХ ВОЙНЫ

*Мы дети войны. Нам с пеленок досталось познать беспредель невзгод.
Был голод. Был холод. Ночами не спалось. От гари чернел небосвод.
От взрывов и плача земля содрогалась. Не знали мы детских забав.
А сколько отрочеству горя досталось... Девчонки, солдатками став,
Просились на фронт и без страха сражались, держа налегке автомат.
Победа руками девчонок ковалась. Их воля не знала преград.
Ночами стояли на вахтах заводов. Им был по плечу всякий труд.
Красу их девичью щадила природа. И не было праздных минут.
Влюблялись они. Их мальчишки любили. Была их любовь родником.
Из чаши любви чистоту они пили. Глаза зажигались огнем.
Нутром оставались они недоτροги. И рвались их души в полет.
Их гнали фашисты по пыльным дорогам. И в рабство везли их, как скот.
Кому-то из плена бежать удавалось. И даже по несколько раз.
Как зрелые воины, дети сражались. Кто шел в партизаны из нас.
Себе прибавляли мальчишечки годы, чтоб их отправляли на фронт.
И не было это влиянием моды. Кому-то родным стал завод.
Станки малолетки, как крепости, брали, на цыпочки встав во весь рост.
И навыки взрослых они обретали. Со всех одинаков был спрос.
Исхожено много дорог километров. Истрачено нервов и сил.
Нам выли вдогонку сирены и ветры. Фашист нас, как зверя, травил.
Кровь брали фашисты из тоненьких веноч, спасая немецких солдат.
Мишенью детишки стояли у стенок. Злодейства вершился обряд.
А в голод спасала лишь корочка хлеба, очистки картофеля, жмых.
И падали бомбы на головы с неба, не всех оставляя в живых.
Нам, детям войны, много горя досталось. Победа наградой была.
И летопись лет страшных в память вписалась. Боль отклик у Эха нашла.*

Лина ТОМЧИ

ГРИГОРЬЕВ Евгений Тимофеевич

Я родился 22 марта 1930 года в деревне Калинково Псковской области, на границе с Латвией. У моих родителей было двое детей: я и сестра.

Первых немцев мы увидели через 1,5 месяца после начала войны. До этого мы лишь слышали, что немецкая авиация бесконечно бомбила эшелоны с цистернами, горюче-смазочными материалами на станции Зилупе, в 7 километрах от нашей деревни, на территории Латвии.

Немцы поддерживали порядок в селе. Давали указания насчет сбора зерна, доставки продуктов для отправления в немецкие воинские части.

В псковских лесах появились партизаны. Они орудовали на железных дорогах, в местах дислокации немецких войск. От их активных действий враги несли большие потери.

Немецкое командование немедленно отреагировало на сложившуюся ситуацию: организовало карательные войска СС по борьбе с партизанами.

Партизаны тайком выбирались в деревни за продуктами. С расчетом застать их там врасплох участились налеты карательных войск СС на деревни. Фашисты запугивали местных жителей. Пособников жестоко наказывали. Уличенных в помощи партизанам, каратели сгоняли на луг и там, на глазах у односельчан, расстреливали.

5 февраля 1943 года войска СС окружили псковские деревни двойной цепью, так чтобы никто не мог сбежать. Был приказ немецкого командования уничтожить всех жи-

телей, а дома сжечь. Людей сгоняли в сараи, скотные дворы и там запирали. Жителей нашей деревни загнали в котлован, по периметру которого находилось 4 пулемета. Всех до единого должны были расстрелять.

Однако нас спас приказ немецкого командования об отмене массового уничтожения, который привез из Себежа на взмыленной лошади польский офицер.

Приказ этот был доставлен за 30 минут до исполнения.

Вместо этого нам приказали собраться в условленном месте для отправки

в лагерь, предоставив 30 минут на сборы.

Перед отправлением немцы подожгли деревню. Это было страшное зрелище. Деревня вспыхнула, как стог сена. Дома, сараи, постройки — все было охвачено огнем. По улицам как безумные метались домашние животные. Они горели заживо и дико кричали.

Нас отвезли под конвоем на железнодорожную станцию Зилупе, погрузили в товарные вагоны. В вагоне было набито столько людей, что можно было только стоять, даже на корточки невозможно было присесть. Двери вагона с большим трудом закрывали несколько немцев. Один раз в сутки охрана открывала вагон. Окна были маленькие, стояла жуткая духота, люди просто задыхались от недостатка кислорода. Нас везли более 3 суток в лагерь «Саласпилс», недалеко от Риги.

Затем нас гнали пешим ходом в лагерь. У меня сердце сжималась при виде наших пленнх солдат, находящихся за колючей

провоолокой, на снегу под открытым небом. Это было 8 февраля 1943 года. Конвоиры за-прещали бросать еду военнопленным. В тех, кто ослушивался, они без предупреждения стреляли на поражение.

В лагере нам провели санобработку, помыли, продезинфицировали одежду, написали на руке номер, на который должен был каждый откликаться при проверке. Поместили в бараки. Там были деревянные нары без матрасов, на которых спали, не раздеваясь, так как было холодно, зима. В бараках находились и подсадные «утки»: агенты, которые должны были выявлять жен офицеров, комсомольцев, сторонников советской власти. В основном люди хорошо знали друг друга, но при появлении новых пленных, разговоры прекращались.

Жизнь в нас еле теплилась. Пищу есть было невозможно. Хлеб содержал 70% древесных опилок, остальное отруби. Суп — вода, если повезет, попадет гнилая картошка.

Обстановка в лагере ужасно угнетающая. С нами было много евреев, в основном из Риги и ее окрестностей. Евреи носили серые в полоску робы с шестиконечной желтой звездой на спине. На полную мощь работали газовые камеры, передвижные автомашины, газовые душегубки. В первую очередь умерщвляли евреев и военнопленных. Рядом с лагерем находился полигон со рвами, где расстреливали военнопленных. Стрельба была слышна постоянно, днем и ночью. В лагере были две виселицы. На них всегда висели несчастные узники, на устрашение, трупы не снимали по нескольку дней.

Однажды нас, детей и подростков, забрали у родителей и поместили в «детский барак». Вдоль стен барака были расположены четырехъярусные нары, а посередине во всю длину стояли столы, накрытые белой скатертью и уставленные сладостями. Чего там только не было: молоко, печенье, конфеты, сдобные булки. На нижних нарах спали самые маленькие дети, а

старшие размещались на верхних нарах. Хорошо помню, что нас было много сотен детишек. Детей построили перед накрытым столом. По другую сторону стола стояли немецкий капитан и польский офицер-переводчик. Капитан произносил длинную пафосную речь, а переводчик нам переводил. Он говорил, что теперь мы дети Германии. Нам нечего бояться, мы будем сыты и обеспечены всем необходимым. После своего вступительного слова он предложил нам отведать угощение. Дети были очень голодные, но ни один ребенок не подошел к столу, ничего из съестного не взял. Правда, маленькие тянулись к столу, но мы, повзрослее, их не пустили.

С торца барака матовым стеклом было остеклено окно, в которое подавали детей прямо на стол, а там выкачивали из них кровь, всю до последней капли.

Красивые слова и накрытый стол были для того, чтобы дети расслабились перед взятием у них крови. В первую очередь кровь брали у самых маленьких деток и дальше по старшинству.

Я спас свою двоюродную сестренку, ей было всего 5 лет, и я прятал ее позади себя, при переключке отзывался на ее номер. Переключка всегда проходила утром и вечером. Вскоре оставшихся детей опять вернули родителям. Поступила разнарядка-запрос: женщин и подростков отправили на фабрику в Ригу работать на ткацких станках, а часть пленных отправили к помещикам на сельхозработы. Я с родителями оказался у помещика.

Через много лет после окончания войны я был на экскурсии в лагере «Саласпилс», экскурсовод говорил, что из детского барака никто не вышел живым и крови было выкачано из детей более трех тысяч литров. Более трех с половиной тысяч военнопленных солдат расстреляли. Огромное количество евреев погибло в газовых камерах.

Из лагеря нас отправили в управление волости. Помещик с хутора Дзиркали Мад-

ленской волости Мартиныш Эстелиныш взял нас на хозяйственные работы.

Мы оказались на хуторе ранней весной, еще стояли морозы. Я очень тяжело заболел корью, которую подхватил в лагере, в детском бараке. Так как у хозяина были две дочери, то он боялся, что я могу их заразить. Меня положили на кухне, на цементном полу, там было немного соломы и постлана тряпка. Я лежал с очень высокой температурой, не приходя в сознание, более недели. Постоянно открывалась уличная дверь, и меня накрывало холодом. Мама работала, и даже некому было подать мне стакан воды. Ни врача, ни сестры, никакого лекарства не давали, хотели, чтобы я поскорее умер. Обстановка была хуже, чем в концлагере. Там были нары, доски, а здесь цементный пол и холод — все рядом с наружной дверью. Но Бог помог, и я выжил.

После выздоровления я пас коров и овец. Луга разлились водой, а я был обут в сандалии, ноги сводило от холода. Сапог резиновых нам не дали. Приходилось работать на тяжелых работах. Я пахал, косил, сушил сено, стоговал, тюки сена возил на хутор.

С приближением наших войск к Прибалтике было дано указание немецкого командования, чтобы хозяин отвез нас на железнодорожную станцию под расписку и сдал для отправки в Германию.

В товарных вагонах нас отвезли в Восточную Пруссию. В интернациональном лагере в Гдыне находились пленные из разных стран: поляки, русские, украинцы, белорусы, прибалты, немцы, англичане, французы, итальянцы. Русские находились в отдельных бараках, отгороженных колючей проволокой. Кормежка здесь была чуть лучше.

Лагерь охранялся часовыми, стояли охранные вышки. И вот у нас появилась идея сбежать из лагеря. Я, сестра и еще один мальчик разработали план побега. Прикинули обстановку, как установлена охрана по периметру лагеря и на воротах. Все тщательно

продумали, взвесили. Была только одна возможность сбежать. Ворота были рассчитаны так, чтобы автофургон проходил впритирку, но небольшая щель все же была. Вот мы, толстые, в эту щель и пролезли. Часовой находился с другой стороны, где сидел шофер, и нас не заметил.

Весна, тепло, цвели цветы, а нам очень захотелось вдохнуть свободы, рискуя быть пристреленными часовым на вышке.

Оказавшись на свободе в городе Гдыне, мы увидели фотографическую будку, фотоавтомат. Конечно, решили по очереди сфотографироваться. Я зашел, подставил голову, предварительно опустив 30 пфеннигов, вышел и взял 6 фотокарточек размером как на паспорт, еще влажные.

После мы оказались в порту, где увидели громадный пароход «Адольф Густов». Этот корабль вскоре был потоплен нашей подводной лодкой.

Потом мы оказались на железнодорожном вокзале, сели в электричку. Дело было днем, пассажиров в вагоне было мало. Немцы нас очень внимательно разглядывали, но не сдали, хотя нас выдавали одежда и разговор. Часа полтора ехали в одну сторону, потом обратно. Это была первая поездка в электричке. Нас переполняло ощущение свободы и чувство радости. Вечером вернулись в лагерь тем же способом, каким вышли из него.

Весной 1944 года мы попали к владельцу поместья в пригороде города Мареньвердр, в четырех километрах от реки Висла. Помещик был украинец по национальности. Еще в 1914 году он попал в плен к немцам. Женился на немке, получил много земли. Разбогател, построил для своих дочерей два сеимэтажных доходных дома. Дочери были замужем. Имели детей и молодых мужей, которые воевали на территории России.

Однажды в саду я подсмотрел, как офицер — муж дочери хозяина что-то закопал. Мое детское любопытство взяло надо мной

верх, и под большим страхом я откопал металлическую коробочку из-под чая, в которой находилось 15 немецких крестов. Этими крестами награждались немецкие офицеры и солдаты. Коробочку закопал обратно.

На помещика работали пленные: два французских летчика Мишель и Морис, два английских летчика — Джордж, имени другого не помню, женщина из Гатчины с дочерью и наша семья. Хозяин отвозил нас на лошади в поле собирать зеленые стручки гороха и фасоли для консервирования на фабрике, его хозяйство специализировалось на этой продукции. Стояла очень жаркая погода, отдохнуть в тени не было возможности: голое поле, без единого дерева поблизости. Только бидон воды и легкий платочек на голове.

Также в мои обязанности входило возить молоко на станцию за 10,5 км от дома. На ручке велосипеда размещались два бидона, по 50 литров каждый. От малого толчка велосипед падал, и надо было вовремя отскочить, чтобы не поломать ноги.

Помещик держал лошадей, коров, овец, кроликов, имел свою электрическую мельницу. Хозяйство у него было большое, но всю продукцию он сдавал государству, а сам жил на карточки. Ему разрешалось лишь в выходной день резать одного кролика для семьи и одного для работников. Это правило он четко и неукоснительно выполнял.

Мужчины и женщины работали хорошо, слаженно и не ленились, все по графику. Когда советская армия стала приближаться, нам слышны были выстрелы. Помещику было дано указание, чтобы он отступал со всеми работниками, так как он расписался в получении рабочей силы и должен до конца с нами быть. Но видя свою безысходность, он нас оставил в 12 км от города Данциг в Восточной Пруссии, где шли ожесточенные бои. Очень много тогда погибло гражданских и военных людей. Наши войска продвигались

по 150–300 метров в сутки. Мы спрятались в подвале небольшого деревянного домика. Сидели там более двух суток.

У нашего дома стояло три танка «тигр». Когда обстреливали танки, то два снаряда угодили в дом, влетели в окно, через стенку вылетели в дверь, задев крыло автотягача со снарядами, упали в песчаный пригорок, но не взорвались. После еще были два залпа «катюши», снаряды которой не долетели 15–20 метров до нашего домика. Постепенно стрельба прекратилась, слышны были отдельные выстрелы, и мы уже хотели выбираться из своего укрытия, как услышали окрик по-русски: «Вылезай». Мы вылезли из подвала и перед нами оказались наши советские разведчики с поднятыми гранатами и выдернутой чекой. Их было четверо, гранат было достаточно, чтобы я не писал своих воспоминаний. Наши воины нам скомандовали быстро покинуть этот дом и быстрее бежать с линии фронта в тыл.

Нас направили в пункт сбора для граждан, возвращаемых на родину, объединив в группы по направлению к месту пребывания, где жили раньше. Погрузившись в товарные вагоны, двинулись в путь. Проезжая Варшаву, видели, как сильно был разрушен город, но некоторые здания, стены сохранились. Минск был разрушен полностью, только торчали трубы от зданий. Здесь, под Минском, 8 мая 1945 года мы и услышали салют солдат, возвестивший об окончании войны.

Привезли нас в город Себеж, а дальше мы оказались на границе латвийской территории в деревне. Отец был в армии. Деревни все сожжены дотла, и строить дом было не из чего и некому. Мама работала за кусок хлеба сутки напролет, ведь мы с сестрой были нахлебниками. Я как мог помогал, рыбной ловлей, на удочку. Уходил с восходом солнца и приходил, когда совсем темнело. Иногда улов был приличным, и это нас выручало.

В фашистской неволе

ЯСЕНОВСКАЯ Татьяна Александровна

Ясеновская Татьяна Александровна родилась в 1935 году в городе Гдов Псковской области.

Отец ее работал в педучилище учителем физкультуры и немецкого языка, мать — домохозяйка, брат учился в школе.

Безмятежная жизнь семьи была нарушена внезапно начавшейся войной. 16 июля 1941 года Гдов был захвачен немцами.

Весь день над городом летали фашистские самолеты со свастикой на крыльях, которую местные жители называли «паук».

Эвакуироваться семья Татьяны Александровны не успела и оказалась в оккупации. В декабре 1942 года умер от крупозного воспаления легких ее отец.

В этом же году из города и района фашисты стали угонять молодежь в Германию. Они требовали взять с собой рабочую и выходную одежду, говорили, что едут на работу всего на полгода, а практически эти полгода обернулись двумя с половиной годами каторжного труда. Многие умерли, не выдержав фашистской неволи.

Татьяна Александровна очень хорошо помнит, как 27 октября 1943 года к ним домой пришли два немецких солдата с автоматами и потребовали, чтобы мать с Таней и братом быстро собрались и покинули дом. Солдаты стояли на крыльце и кричали: «Шнель! Шнель, матка!» Они потребовали взять с собой корову. Наскоро собрав вещи, мать с детьми под конвоем отправились на вокзал. Там всех людей погрузили в телячьи теплушки, а коров — отдельно в

вагон, и состав тронулся. Примерно через час пути раздался взрыв, и поезд остановился. От железнодорожных путей в лес бежало несколько человек в телогрейках. Немецкие конвоиры с криками: «Партизаны», стреляя на ходу, бросились за ними, но безуспешно. Через некоторое время немцы заменили взорванный рельс и поезд пошел дальше. Во время стоянки фашисты заставили нескольких женщин подоить коров.

Все молоко забрали себе.

Поезд остановился в Сланцах, всех высадили и разместили в бывших казармах, а поезд с коровами ушел дальше, животных больше не видели.

Затем людей посадили в другой поезд и привезли в город Алитус в Литву. Там всех разместили в пересыльном лагере, в большом помещении с четырехэтажными нарами за колючей проволокой. Народу было очень много. В этом лагере они пробыли несколько дней. Кормили сырой противной баландой, которую приносили в ведрах.

Через несколько дней снова поезд и остановка в местечке Граево в Польше, затем в Бранденбурге, где им выдали по куску хлеба, там они ночевали в костеле. Утром всех погрузили в открытые грузовики и через Берлин привезли в город Вильдао в 25 км к югу от Берлина.

В Берлине было много сгоревших и разрушенных домов.

Наконец, после двух месяцев в пути, их привезли во вновь построенный лагерь. Раз-

местили в бараках. Все окна, кроме одного, несмотря на застекленные рамы, были заколочены фанерой. В комнатах в ряд стояли 8 двухэтажных нар на 16 человек, застеленные соломенными матрацами и подушками и чем-то, напоминающим одеяло. Посреди комнаты стояла металлическая буржуйка. Мать заняла одни нары, а на вторых спали Таня с братом. Недалеко от бараков было большое кладбище, где хоронили покойников, умерших в бараках.

А затем начались тяжелые лагерные будни и такой же тяжелый, непосильный каторжный труд. Каждое утро — построение в колонну, проверка и следование под конвоем на работу на авиационный завод. Работали все, начиная с 10 лет, под контролем надзирателей с собаками. В лагере оставались маленькие дети и немощные старики, которые убирали бараки и территорию вокруг них.

По утрам привозили в больших баках жидкую кашу, давали по ложке каши, кусочку хлеба и кружку коричневой бурды, по вкусу напоминающей кофе.

На обед давали три гнилые картофелины в мундире, с серым, также с запахом гнили, соусом. Ужина не было. Все время нестерпимо хотелось есть.

Их лагерь был рабочим лагерем, а не лагерем смерти, но и в нем были случаи казни людей, за неповиновение или кражу узников вешали или расстреливали на глазах у выстроенных обитателей барака.

Таня видела, как однажды четырехлетний мальчик подлез под проволоку, а стоявший рядом охранник ударил его. Мальчик упал и умер.

В другой раз расстреляли четырех женщин. Накануне они вскрывали бург с картофелем, перебирали его, а ночью полезли и украли несколько картофелин, были очень голодными. У одной из них осталось четверо малолетних детей.

Часто над городом в сторону Берлина пролетали целые эскадрильи наших самолетов-истребителей. Тогда раздавался вой сирены и все должны были прятаться в бункере. Тревоги продолжались весь апрель 1945 года. Звуки артиллерийской канонады все приближались, все чаще пленники видели наши самолеты в небе, по всему чувствовалось, что война идет к концу, что наша армия подходит к Берлину.

В ту ночь, 25 апреля, в лагере никто не спал в ожидании скорой развязки. По шоссе, проходившем недалеко от лагеря, шла наша мотопехота. На рассвете в лагерь ворвался первый отряд советских солдат. Они искали фашистов, но все сбежали еще накануне, а дом начальника лагеря и дом охраны горели ярким пламенем.

На лагерной кухне работали итальянцы — узники из соседнего лагеря, они варили для пленников рабочего лагеря кашу.

В городе три дня шли бои, слышалась стрельба. В лагерь для порядка был назначен наш военный комендант. Всех из рабочего лагеря построили в колонну и пешком повели в город Кюстрин, там посадили в поезд и отправили на родину.

Лагерная жизнь сказалась на здоровье Тани, девочка заболела туберкулезом. На последние деньги по совету врача мама купила козу и с помощью козьего молока дочку вылечила.

**Испытание
на прочность**

Память сердца

Девчонка из блокады

*В кольце блокадном, в осажденном Ленинграде,
На Невском, в самом центре, девочка жила.*

Здесь родилась она в престольном граде

И в сорок первом еще школьницей была.

Вкусила девочка все прелести блокады:

Смерть близких, голод, холод, вьюги злобный вой,

И артобстрел, бомбежки, свист, разрыв снарядов,

Путь за водой к Неве суровой той зимой.

В квартире холод, и согреться совсем нечем,

На сердце камень, а в глазах — одна тоска.

Опухла вся, война, как груз, легла на плечи,

И кушать хочется, а в доме — ни куска.

Звук метронома и воздушная тревога,

Пожарища, аэростаты над Невой,

Зениток дробный стук, по Ладоге — дорога.

Из репродуктора желанное: «Отбой!»

Так день за днем, но все ж девчонка повзрослела,

Стал взгляд недетским и душой тверда она,

И взрослым в помощь бралась за любое дело,

И дождалась — пришло тепло, пришла весна.

Со взрослых взяв пример, оттаяла душою,

Привыкла к трудностям таких блокадных дней,

И свыклась постепенно со своей судьбою,

Хотя и кушать ей хотелось все сильнее.

И наконец снята совсем была блокада,

И радость лица озарила у людей,

И радовалась та девчонка Ленинграда,

Что дожидала до этих светлых дней.

Давным-давно уже закончилась блокада,

Давно Победою завершена война,

Уж взрослой стала та девчонка Ленинграда,

Но вспоминает те былые времена.

*Леонид Силантьевич РАХАЛОВ,
участник Великой Отечественной войны*

Труд во имя Победы

АЛЕКСЕЕВА Валентина Петровна

Валентина Петровна родилась в 1924 году в деревне Ярославской области, в 25 километрах от города Рыбинска, в большой многодетной семье.

В 1931 году семья переехала в Ленинград. Здесь Валя окончила сеиь классов школы.

В августе 1939 года пятнадцатилетняя Валя поступает на работу чертежницей на завод «Механобр».

В июле 1941 года она увольняется с завода и отправляется на оборонительные работы под Лугу.

Лужский оборонительный рубеж имел очень большое значение для защиты Ленинграда. В короткие сроки сотни тысяч ленинградцев построили 75 километров инженерных сооружений по фронту.

Для того, чтобы поставить надежный заслон на пути фашистских захватчиков, люди работали и днем и ночью, подвергаясь постоянному обстрелу и бомбежке фашистской авиации.

«Ели что придется, — вспоминает Валентина Петровна, — спали где придется. Чаше прямо тут же, на земле, укрывшись выданными нам зелеными одеялами. От непривычной работы все руки были в ссадинах и кровавых мозолях».

В связи с приближением врага они вынуждены были вернуться в Ленинград. Из Ленинграда Валя с семьей возвратилась в свою деревню в Ярославскую область. Девушка пошла работать в колхоз. Все мужчины деревни были мобилизованы на фронт. В колхозе женщины выполняли всю самую тяжелую работу.

«Пахали, сеяли, собирали урожай. Все время приходилось поднимать тяжести, носить на себе тяжелые мешки. Девушки срывали себе спины, но что делать, кроме нас, работать было некому. Однажды меня сильно задело тракторным прицепом, и я повредила позвоночник. Бог миловал, я встала на ноги».

В декабре 1942 года Валентина поступает на военный завод №8081 в Рыбинске ответственным исполнителем, а затем чертежницей.

«На заводе изготавливались мины разных калибров. Мы находились на казарменном положении, трудились по 12 часов. Конечно, питание было неважное. Иногда работников отпускали в деревню, за 25 км от города, пешком, чтобы поменять вещи на продукты».

В конце войны Валентина Петровна вышла замуж. В 1948 году молодая семья переезжает в Ленинград.

Вместе с мужем они прожили 40 счастливых лет и воспитали двух сыновей.

Труженик военного тыла

БЕЛОВ Михаил Иванович

Михаил Иванович Белов родился в марте 1925 года в одной из деревень Владимирской области. В семье кроме него было еще шестеро детей. Жили трудно. Дети с ранних лет помогали родителям.

Миша окончил 7 классов сельской школы. Затем переехал в город Ковров Владимирской области. Там он окончил восьмой класс и 19 июня 1941 года поступил работать на военный завод — сначала учеником слесаря, затем фрезеровщиком. На заводе Михаил проработал всю войну, до 21 июня 1945 года.

С началом войны завод сразу же стал работать на нужды фронта, выполнять военные заказы. Цех Михаила выпускал пулеметы системы Дегтярева.

Рабочие завода не подлежали призыву, на них распространялась бронь. Треть всех рабочих составляли подростки. К каждому прикреплялся опытный мастер, который учил их, передавал опыт.

«Трудились по 12 часов в сутки, — рассказывает Михаил Иванович. — Один раз в месяц у нас были пересменки, меняли смены с дневной на ночную.

Я делал деталь для пулемета — затвор. Работа была ответственная, требовалась точность. До станка я не доставал, поэтому я вставал на подставку-решетку, чтобы быть выше. Нормы ставили очень большие — 600 деталей за смену. Те, кто не успевал за смену, оставались сверхурочно. С трудом, но я со своими нормами справлялся.

Жили на съемных квартирах. Расстояние от дома до завода было около двух километров. Работали без выходных и отпусков. Хлеб получали по рабочей карточке. Продукты по карточке я отоваривал в магазине, но их было так мало, что все съедал еще по дороге домой.

Рабочих на заводе кормили обедом: суп из щавеля или хряпы на первое, каша или картошка — на второе. Был вечно голодный и никогда не высыпался. Всем рабочим выдали спецовки,

рабочую робу.

Когда по радио или в газетах сообщались сводки с фронта — все громко обсуждали новости, особенно радовались успехам нашей армии.

Дисциплина на заводе была строгая, за нарушение дисциплины снимали бронь и отправляли в армию, в штрафбат.

Мы, подростки, сами стремились на фронт. Мимо станции проходили воинские эшелоны. В Коврове они стояли несколько дней: войска получали оружие и затем отправлялись на передовую. Бывали случаи, когда ребята с завода, желая попасть в армию, прятались в этих эшелонах, но их всегда возвращали на завод».

После победоносного завершения войны Михаил Белов был направлен в командировку в Ленинград. Затем он перевелся на ленинградский завод «Арсенал», а в октябре 1946 года перешел на работу на Ленинградский металлический завод, где проработал до апреля 1998 года.

А было мальчишке 13 лет...

ДЕНИСОВ Петр Иванович

Петр Иванович Денисов родился в июне 1929 года в селе Жерновское Орловской (ныне Липецкой) области в многодетной крестьянской семье. Вспоминать свое детство, Петр Иванович не любит: «Очень тяжелое было время, не дай Бог кому такое пережить, — признается он. — И хотел бы забыть, но картина тех страшных дней до сих пор стоит перед глазами.

Отец был репрессирован, сидел в тюрьме. А после его освобождения мы переехали в Донецк, там жила двоюродная сестра отца. Отец устроился на работу грузчиком.

Нас у родителей было шестеро детей. Все мы жили в бараке. У папы были друзья — евреи, они жили с нами по-соседству.

В войну Украина сразу оказалась в оккупации. Я помню, как однажды к нам в барак пришли полицейские. Офицер, сутулый на вид, приказал арестовать отца и мужчин-евреев. Их увели. Потом отец рассказывал, что немцы загнали мужчин в деревянный сарай и снаружи подожгли. Сарай мгновенно вспыхнул.

Немцы сделали свое дело и ушли. А отец заметил, что один из них тайком приоткрыл дверь, тем самым дав возможность пленникам спастись. Отец тогда вбежал в дом как безумный, запыхавшийся, крикнул матери: «Одевайтесь. Быстро!» Мы наскоро побросали в тележку все самое необходимое, узлы с вещами, взяли ведро, чтобы готовить в нем пищу, и пошли, не оборачиваясь. Бежать ре-

шили в свои родные края, в село Жерновское.

Я уже не помню, сколько времени мы провели в дороге. Пешком прошли всю Харьковскую, Белгородскую, Курскую область. Скитались по деревням голодные, оборванные, одним словом — беженцы. Питались тем, что растет под ногами. Мать в ведре варила похлебку из травы, чтобы не умереть с голоду. Я побирался, просил милостыню. Помню, у меня была коричневая сумочка из клеенки. Я с ней всю войну не расставался. Люди не могли отказать голодному мальчишке, подавали конечно: кто картофе-

лину, кто хлеба кусок, кто свеклу. Все это я в сумочку складывал, а потом делили на всю семью.

Путь пролегал через Курскую область. На Курской дуге шли бои. Мы знать не знали тогда, что попали на передовую. Мы шли по верховью, а внизу находились части Красной Армии. Увидев нас, они, наверное, подумали, что это фашисты и начали палить. Мы мигом сбежали вниз. К счастью, никто не пострадал.

Дошли до какой-то деревни. Кругом ни души. Постучались в один дом — никого, дверь не заперта. Мать принялась печь топить, чтобы ужин приготовить. Я отправился исследовать обстановку. Зашел в один дом, глазам не поверил: стол накрыт, консервы, картошка дымится, хлеб. А я голодный, слюнки потекли, при виде этого изобилие. Вот и стал все со стола в свою сумочку

сбрасывать. Так увлекся, что не заметил, как в комнату вошли немцы, с собаками. Они увидели, как я с их стола продукты ворую, разозлились и натравили на меня собак. Огромные овчарки свалили меня с ног, принялись катать меня по полу. Как кошка с мышонком играет, так и те собаки со мной. А немцы только смеялись, забавлялись, питомцев своих подначивали. Еще немного — и псы бы меня растерзали. Но, видимо, есть на небе Бог. Мне повезло. Наши части вычислили расположение фашистов по дыму из трубы в той хате, где мама топила печку, и начали бомбить деревню. Нам удалось бежать.

Был еще один случай, когда меня спасло чудо. Мы с семьей дошли до станции Набережная, там нас приютила тетя Соня. Я помню, что на окраине поселка стояли зернохранилища: такие деревянные склады на высоких столбах. Я туда лазил, искал между досок щель и засыпал зерно в свою сумочку. Однажды меня поймали. Двое немцев. Один избил так, что на мне и живого места не оставалось. Потом он что-то сказал другому. Я разобрал только слово «капут». Нетрудно было догадаться, что он приказал меня расстрелять.

Этот солдат вывел меня к зениткам, вдруг остановился и на ломаном русском языке говорит: «Я словак... Ты знаешь, куда бежать? Беги!» А я еле стоять мог от боли, ноги у меня подкашивались. Он все повторяет: «Ты знаешь куда бежать? Беги». Я собрал остаток сил и побежал. А он мне вслед выстрелил два раза. В воздух.

Я прибежал домой. Захожу в хату, мать меня увидела — упала в обморок. У меня вместо лица было кровавое месиво.

Зимой 1942–1943 годов нас освободили войска Красной Армии. Отца и старшего брата забрали на фронт. А мы с матерью отправились пешком в свое село. Там мы стали жить с тетей и дядей. В селе почти не осталось мужчин, только немощные старики, женщины и дети. Все работали в колхозе. Босые, оборванные, голодные. Я пахал в поле. Руки были слабые, я не мог удержать борону. Лошадей в колхозе было мало, почти все — клячи, некоторых даже привязывали в стойле к потолку, так как они самостоятельно не стояли на ногах. За отработанный день давали кружку зерна, это спасало от голода. Весь собранный урожай шел на нужды фронта.

А однажды за работу мне дали особое лакомство: горсть жмыха от семечек. Вы не представляете, какая эта была радость — есть маслянистые выжимки!»

После окончания войны Петр Иванович уехал в Ленинград, там он поступил в школу фабрично-заводского обучения. После ее окончания с 1947 по 1984 год работал на Ленинградском металлическом заводе кровельщиком-жестянщиком, а позднее электромонтером 6-го разряда.

Петр Иванович Денисов награжден пятью правительственными медалями, в том числе «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», «За трудовую доблесть» (1965 год), «Ветеран труда» и другими.

Ее нелегкая судьба

КОНДРАТОВА Таисия Андреевна

Очень нелегко сложилась судьба Таисии Андреевны Кондратовой. Слишком много было на ее жизненном пути трудностей, невзгод, утрат, но она стойко перенесла их, выстояла, не сломалась, хотя каждый такой эпизод отзывался душевной болью. Какую надо иметь силу воли, чтобы вынести все это, а ведь она — женщина, жена, мать, бабушка, прежде всего человек, и ничто человеческое ей не чуждо.

Таисия Андреевна родилась в марте 1923 года в поселке Свирицы Ленинградской области, в семье военного. В 1925 году отца по службе переводят в Ленинград, и вся семья переезжает в город на Неве. Здесь Таисия окончила десять классов школы и в 1940 году поступила сборщицей на завод «Электрик».

В войну завод «Электрик» выпускал военную продукцию. Таисия была переведена на казарменное положение.

Отец Таисии — военный моряк — служил на эскадренном миноносце «Ленин», в одном из сражений он погиб.

Гибель отца стала страшным ударом для 18-летней девочки. Семья лишилась сильного мужского плеча, надежного тыла. Тасе пришлось рано повзрослеть. Она взяла на себя роль главы семьи. Ведь нужно было поднимать младших брата и сестру.

Первая блокадная зима стала тяжким испытанием для Таси. Она прочувствовала на себе все ужасы блокадного ада: голод, холод, отсутствие света, воды, непрерывные бомбежки и артобстрелы, горящие и руша-

щиеся дома, кровь, стоны раненых, смерть. Вой силен, извещающий о воздушной тревоге, мерный стук метронома, продуктовые карточки, 125 блокадных грамм хлеба — все это знакомо ей не по книгам и фильмам, а в реальной жизни.

В период блокады вместе со взрослыми она дежурила в жакте, выносила из квартир покойников, тушила «зажигалки».

В июле 1942 года Тася с матерью, братом и сестрой решили эвакуироваться на юг, в город Кудымкар, где жила их бабушка.

Жизнь внесла жестокую поправку в планы семьи. В дороге от истощения умерла мать. Дети сошли с поезда в Путивле. Там они похоронили маму. А потом отправились в Новую Ладугу. Там сирот приютила их тетя. Тася сразу же устроилась на работу в доки Северо-Западного речного пароходства.

Новая Ладога непрерывно подвергалась сильной массированной бомбежке с воздуха, поскольку здесь базировалась Ладожская военная флотилия.

Во время одной из страшных бомбежек осколком авиабомбы убило брата. Тетя решила отправить 14-летнюю сестру к бабушке в Кудымкар. К счастью, сестра добралась благополучно.

Тася с тетей остались одни. Девушка перешла на работу слесарем в артиллерийский отдел Ладожской военной флотилии. В 1943 году она вышла замуж. Муж служил командиром на морском охотнике Ладожской военной флотилии.

23 августа 1937 года. Таисии 14 лет

Светлой памяти К. Е. Дмитрокова

(по матери потомок Радищева)

Мне рассказал об этом ветеран,
Участник обороны Ленинграда.
На шее у собаки, увидал,
Висит медаль — блокадная награда.
Не может быть... глазам своим не веря
И сердца боль стараясь заглушить, -
Стоял он и смотрел на молодого зверя.
Кто мог такую подлость совершить?
Медаль «За оборону Ленинграда»,
Как можно этот подвиг не ценить...
Те 900 тяжелых дней блокады
Так просто на ошейник нацепить.
Хозяйка не смутилась от гнева,
Как видно, не привыкшая робеть...

— Медаль оставил дед, — сказала дева, —
И я вольна, кому ее надеть!
— Нет, не вольна, тебе я говорю,
Ты не достойна дедовой награды,
Ты погляди на голову мою,
Она бела осталась от блокады.
А сколько их, сынов и дочерей,
На Пискаревском кладбище лежат,
Погибших за тебя и за твоих детей
Здесь, защищая город Ленинград.
Мне рассказал об этом ветеран,
С кем в армии в блокаде я служила.
Об этом он в газету написал,
А я его статью на стих переложила.

Евдокия Артемьевна КУКУШКИНА,
участник Великой Отечественной войны

КУЧЕРОВА Анна Антоновна

Анна Антоновна родилась в феврале 1928 года в одной из деревень Смоленской области. Когда пришла война, отец ушел на фронт, он погиб под Брянском. Мать тянула на себе всю семью, с утра и до захода солнца работала в колхозе — нужно было поднимать четверых детей.

Анна Антоновна со слезами вспоминает свою жизнь на оккупированной фашистами Смоленской земле.

«Немцы сразу же выгнали всех жителей деревни из домов, отобрали весь скот, птицу, хлеб, сено. Пришлось копать землянку. В ней и жили. Люди обнищали, ходили в лаптях и в рванье. Голодали, собирали щавель и крапиву, варили щи. По ночам, рискуя попасть под пулю, лазали за остатками мерзлой картошки на поля.

За связь с партизанами немцы расстреляли дедушку, ему было более 80 лет. Для устрашения на казнь собрали со всей деревни детей и подростков».

После изгнания немцев со Смоленщины Аня работала в колхозе. Все мужчины воевали, в деревне остались только женщины

и дети. Работали даже подростки, наравне со взрослыми. Труд был непомерным. Пахали, сеяли, собирали урожай — фронту нужно было продовольствие. Анна Антоновна рассказывает, что вечером от усталости валялись с ног, а в четыре утра — опять за работу.

«Ни лошадей, ни вообще скота в колхозе не было. Несколько подростков впрягались в плуг и тянули его по полю. Женщины постарше держали плуг за рукоятки.»

В 1943 году Анна уехала к двоюродной тете в Ленинград и там работала на предприятиях города. Она — труженик тыла, ветеран труда, награждена правительственными медалями.

Когда закончилась война, радости не было предела

ЛЕБЕДЕВА Мария Федоровна

Когда началась война, мне было всего 13 лет. В нашей семье было пятеро детей. Мы жили в железнодорожном домике у станции Красненка Мало-Вишерского района Ленинградской области. Папа работал путейским обходчиком, а мама — рабочей на лесопильном заводе. Школы поблизости не было, поэтому учиться мы ездили в Малую Вишеру.

В 1942 году фашисты разбомбили школу. А в один из осенних дней немецкие самолеты налетели на нашу станцию. Это случилось внезапно. Небо вдруг стало совсем черным от истребителей, и на эшелоны с боеприпасами и ранеными солдатами полетели бомбы. Все, что происходило тогда, было адом кромешным. Вой и грохот разорвавшихся снарядов. Полыхающие в огне вагоны. Искраженные ужасом и болью лица. Самолеты проносились совсем низко над крышами домов. Обезумевшие от страха люди метались в поисках укрытия от огненного дождя. Потом все стихло. Было невыносимо душно. В воздухе стоял запах гари. Когда спала завеса дыма, мы обнаружили, что ни один дом в нашем поселке не уцелел. Позже нам сказали, что в день налета немцы сбросили 22 бомбы.

После этого события всем жителям пришлось уйти в соседнюю деревню. Люди ко-

пали землянки, чтобы было где зимовать. Я пошла работать в воинскую часть. Кормили нас плохо, от голода постоянно ныло в животе. Одежда совсем обветшала, и мне казалось, что на пронизывающем ветру я промерзаю до костей. Где-то совсем близко разрывались снаряды, свистели пули. Постоянное, гнетущее чувство страха преследовало нас и днем, и ночью.

После того как меня уволили из воинской части, я устроилась в столовую на станции Чудово.

Пришлось и там трудно. Поезда ходили редко, до дома далеко, ночевать оставались в столовой. Чтобы не замерзнуть, спали прямо на котлах. Работа была изнуряющая. За водой ходили на водокачку прямо под бомбежками. Воду возили в огромных бидонах на санках. Нам, девчонкам, приходилось надрывать, поднимая большие, тяжелые бочки.

Когда сообщили, что война закончилась, радости и ликования людей не было предела. Помню, что мы с криками «Ура!» высыпали на улицу. А там уже тьма народу. Все плакали от счастья, обнимались и целовались.

В 1947 году меня наградили медалью «За доблестный труд».

МАРКОВСКИЙ Владимир Николаевич

Родился 21 апреля 1921 года. Труженик тыла, блокадник. Принимал участие в героической обороне Ленинграда, курсант. Награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и еще 10-ю памятными медалями. В «Авангарде» с 1965 по 1991 год, начальник отделения, «Почетный радист СССР».

Блокадная зима врезалась в мою память навсегда. 14 июня 1941 года добровольцем поступил в

Ленинградское училище инструментальной разведки зенитной артиллерии им. Баранова — ЛУИРЗ. Два месяца отработал на оборонительных работах, заболел, попал в госпиталь и 20 августа 1941 года с диагнозом «туберкулез легких» был отчислен из училища с белым билетом. В сентябре 1941 года я поступил в Ленинградский институт киноинженеров (ЛИКИ). Институт находился на казарменном положении. Все студенты института являлись бойцами унитарной команды ПВО ЛИКИ. С сентября по апрель 1942 года бойцы нашей команды ПВО во время бомбежек и обстрелов города дежурили на зданиях и крышах, тушили зажигательные бомбы, принимали участие в разборке домов и тушении пожаров. В период с сентября по апрель нами было потушено 85 зажигательных бомб.

С конца октября в городе резко ухудшилось продовольственное положение. Немецкая армия в сентябре–октябре 1941 года не

смогла силой оружия овладеть Ленинградом. Тогда Гитлер провозгласил новый план — взять город голодом. Главную опасность для города представляло уже не наступление гитлеровцев, а голод. Ноябрь–декабрь 1941 года стали месяцами жестокого, губительного голода, надвинувшегося на Ленинград.

Гитлеровцы продолжали бомбить и обстреливать продовольственные и военные склады: горели самые большие в городе Бадаевские продовольственные склады. Запасы продовольствия в городе были почти исчерпаны.

С 20 ноября горожане стали получать самый минимальный за время блокады хлебный паек: рабочие — 250 граммов, служащие, иждивенцы и дети — 125 граммов. Правильнее сказать, это был не хлеб, а малосъедобный суррогат. Никаких других продуктов горожане не получали. Не менее тяжелым был для горожан и топливный голод: прекратился подвоз каменного угля, мазута, керосина, подача электроэнергии.

Смерть наступала людей в различных положениях: на улице — передвигались, падали и больше не вставали; в квартире — ложились спать и засыпали навеки. Хоронить было трудно, транспорт не работал. Мертвых отвозили обычно без гроба, на санках. Двое–трое родных тащили саночки по улицам. Нередко, выбившись из сил, оставляли покойника на полпути.

Работники коммунального хозяйства ежедневно объезжали улицы и переулки, подбирали трупы, заполняли ими кузова

грузовых машин. Кладбища и подъезды к ним были завалены мертвыми телами, занесенными снегом. Зима была очень холодной, морозы достигали до 20–30 градусов. Дистрофия, голод, холод в ноябре унесли в могилу свыше 11 тысяч человек. Парки, скверы были заполнены трупами, завернутыми в простыни и без них. Особенно много трупов было в парке им. Горького. Руководство города очень боялось эпидемии. Поэтому был дан приказ всем командирам противовоздушной обороны приступить к уборке трупов в парках, скверах.

Нашей команде ПВО было поручено убрать трупы в Горьковском парке. 24 декабря мы прибыли туда на грузовой машине и увидели страшное зрелище: сотни бугорков, запорошенные снегом, — это трупы людей лежали на земле. Мы вдвоем стаскивали трупы в машины, которые отвозили их на площадку напротив большого сада Госнардома,

там их складывали в штабеля, обливали соляной кислотой и жгли. Черный дым и смрад окружал все пространство. Было сожжено около тысячи ленинградцев. Рядом, на ул. Блохина, жили мои родители, которых я похоронил на Серафимовском кладбище. При въезде на Серафимовское кладбище с правой стороны я увидел громадные ямы-траншеи, в которые сбрасывали трупы.

25 декабря 1941 года я вернулся в свой институт и увидел, что наша команда ПВО резко поредела: из 35 бойцов осталось 25. Кормили 1 раз в день из продуктов, которые мы доставали из кладовых института: столярный клей, технический желатин. Мы ездили 5 раз на сгоревшие Бадаевские склады, где набирали в мешки землю и песок, пропитанные сахаром, маслом, кофе. Отстаивали в ваннах и сливали питательный напиток. Суп варили, в основном дрожжевой, и студень из клея и желатина.

Смертность нарастала так стремительно, что руководство решило увеличить норму выдачи хлеба: с 25 декабря рабочие стали получать ежедневно 350 граммов, остальные — 200 граммов хлеба. С большой радостью и надеждой на будущее встретили Новый, 1942 год.

В течение января 1942 года органы ЗАГС зарегистрировали свыше 90 тысяч умерших жителей города. Становилось очевидным, что спасти оставшееся население от гибели можно только немедленной массовой эвакуацией. 22 января Госкомитет обороны принял постановление об эвакуации 500 тысяч жителей города. Эту задачу городу помогла решить дорога по льду Ладожского озера, или Дорога жизни, как ее называл народ, по которой началась массовая эвакуация населения города.

В первую очередь вывозили стариков и детей. В период января, февраля и марта вывезено из осажденного города по Дороге жизни около 600 тысяч человек.

Близилась весна, лед на Ладоге покрылся водой, но под водой еще держал машины. В апреле одним из последних был рейс с сотрудниками ЛИКИ. Эвакуацию возглавляла унитарная команда МПВО, и проходила она через Финляндский вокзал, который был окружен военными подразделениями. Эвакуированные подходили к пропускному пункту, предъявляли эвакоудостоверения и паспорт. После регистрации, получив сухой паек, они садились в товарные вагоны и ехали до станции Борисова Грива, где всех пересаживали в грузовые автомобили, накрывали общим брезентом. Колонна двигалась на противоположный берег по льду, покрытому водой, до станции Кобона. При въезде на трассу лежало заготовленное объявление: «Проезд по ледяной трассе закрыт». Началась пурга, под брезент задувал холодный ветер со снегом, слышался гул немецких самолетов и хлопки нашей зенитной артиллерии. Через полтора часа машины подошли к берегу Кобоны.

Как только мы опустились на землю, мы почувствовали ароматный запах хлеба и кислых щей. Трудно описать то наслаждение,

которое мы тогда ощутили. Нас пригласили в теплый пересадочный пункт, где мы оставили вещи, привели себя в порядок и пошли обедать со своими котелками. В котелки каждому эвакуированному наливали щи и кашу — без нормы.

Я сейчас вспоминаю, как я в Кобоне ел чечевичную кашу и думал: когда кончится война, я буду есть такую кашу так, чтобы при этом не ощущать дна.

Вечером нас посадили в заранее подготовленные эшелоны по 60 человек в каждый вагон и отправили в глубокий тыл — город Самарканд. Эвакуация была хорошо организована: на каждой остановке было горячее питание, делали дезинфекцию вагонов, выносили больных и мертвых.

Из 60 человек на конечную станцию прибыло 45. Эвакуация длилась 1,5 месяца. В Самарканде нас встречали с духовым оркестром, больных поместили в госпиталь, а члены унитарной команды ЛИКИ приступили к организации института на новых, выделенных городом площадях.

В 1944 году вместе с институтом вернулись в Ленинград.

Тот май — победный!

*Совсем недавно это было,
Стремительно года летят,
Как много память сохранила,
Жива еще и боль утрат
В сердцах, дошедших до Победы
В великой битве над врагом,
Который жалости не ведал,
Когда пришел в наш край с мечом
Июньским утром на рассвете,
Чтобы народ поработить,
Но разве есть на белом свете
Та сила, чтобы нас сломить...*

*Четыре года длилась битва,
Но только злу пришел конец...
Мы победили не молитвой,
А миллионами сердец,
Которые сгорели ярко
В окопе, в танке, в корабле,
Как сердце молодого Данко,
Во славу жизни на земле...
И в памяти народной святы
Героев павших имена...
Тот май — победный, в сорок пятом —
Пусть светится сквозь времена!*

*Эдуард Витальевич НОВИКОВ,
житель блокадного Ленинграда*

Память сердца

В труде как в бою!

МИНИН Борис Павлович

Борис Петрович родился в 1927 году. В начале войны ему было 14 лет. Его отец служил в армии и воевал с первых дней. Борис жил с матерью, двумя братьями и двумя сестрами в деревне в 15 километрах от Новгорода.

Старший брат ушел в армию. Фашистские войска подходили все ближе к Новгороду. Мать собрала детей, и они ушли в лес, где некоторое время прятались от немцев. Место это было близко к передовой, совсем рядом рвались снаряды, грохотали пулеметные очереди. По ночам Борис со старшей сестрой, рискуя быть убитыми, выбирались на поле. Дети ползали по полю и собирали колоски пшеницы. Голод был страшнее бомбежек.

Семью обнаружили наши военные и посадили их на поезд до Мсты. В пути следования они попали под бомбежку.

Отец, служивший в авиации, был переброшен с частью в город Боровичи. Там он случайно узнал о местонахождении своей семьи. Он встретился с родными, посадил их в поезд, и через некоторое время они оказались в Вятке (Киров). Там мать встретила свою дальнюю родственницу, которая приютила их всех у себя в районном центре Белая Халуница (в 130 км от Кирова).

Мать поступила на работу в военный госпиталь. Днем она работала санитаркой, а по ночам шила одежду на заказ. Мать была хорошей портнихой.

Сначала она устроила Бориса на работу в местный собес. Пятнадцатилетняя сестра пошла работать на завод, двенадцатилетний брат

учился в школе, а младшую трехлетнюю сестренку отдали в детский сад.

Борис получал карточку служащего (600 граммов хлеба). В отделе кадров машиностроительного завода им. Ленина мать похлопотала о том, чтобы Бориса приняли учеником токаря. Эвакуированный из Николая завод выполнял военный заказ, изготавливал снаряды.

Теперь Борис получал рабочую карточку (800 граммов хлеба). Хлеб, зарплата матери, старшей сестры и Бориса, а также деньги, получаемые матерью за шитье, шли в общий котел — надо было кормить брата и сестру.

Для пятнадцатилетнего подростка труд был явно не по силам, Борис очень уставал, приходилось работать по 12 часов. Все время хотелось есть и спать. Часто он оставался ночевать на заводе, тем самым выгадывал лишние часы для сна. На заводе кормили, давали суп — баланду. Потом Борис работал грузчиком, грузил снаряды и одновременно учился на шофера, позднее, став водителем, возил эти снаряды и сам грузил и разгружал их.

В 1944 году в Белой Халунице Борис остался один. Мать с остальными детьми уехала домой в освобожденный Новгород. После войны в 1946 году Бориса Петровича призвали в армию, до 1951 года он служил на Сахалине.

За свой труд он награжден орденом «Знак Почета», шестью правительственными медалями. Он — ветеран Великой Отечественной войны, труженик военного тыла, ветеран труда.

За свой труд он награжден орденом «Знак Почета», шестью правительственными медалями. Он — ветеран Великой Отечественной войны, труженик военного тыла, ветеран труда.

За свой труд он награжден орденом «Знак Почета», шестью правительственными медалями. Он — ветеран Великой Отечественной войны, труженик военного тыла, ветеран труда.

Скромный труженик военного тыла

НЕРОСЛЕВА Евгения Никифоровна

Евгения Никифоровна Нерослева родилась в январе 1924 года в одной из деревень Невельского района Великолукской области (ныне Псковская область). Там она окончила 7 классов средней школы, а в 1938 году переехала в Ленинград, поступила в Ленинградский торфяной техникум.

После окончания первого курса Евгения перевелась в Ленинградский учебный учетно-экономический комбинат, который окончила в 1940 году, получив специальность счетовода, и была направлена на работу в Суоярвский леспромхоз.

Когда началась война, она с группой работников леспромхоза отправилась в Петрозаводск.

«До Петрозаводска добирались пешком, — рассказывает Евгения Никифоровна, — шли по бездорожью, по лесам и болотам. У меня все ноги были стерты в кровь. Есть было нечего, собирали какие-то ягоды, грибы. На ночь останавливались, отдыхали. Хотя заснуть на холодной земле было невозможно, жутко мерзли».

Из Петрозаводска семнадцатилетнюю Женю направили на работу в Коми-Пермяцкий национальный округ (ныне Пермская область), а затем, после его ликвидации, в «Коми-Пермсклес» бухгалтером участка.

Леспромхозы в годы войны также работали на нужды фронта: делали лыжи, руко-

ятки для саперных лопаток, приклады для винтовок и автоматов, заготавливали дрова и деловую древесину.

В 1942–1943 годах она работала бухгалтером детского дома в деревне Полуденное Пермской области.

В 1943 году перешла на работу на военный Юго-Камский завод № 440, который ремонтировал танки.

За свой труд в военное время Евгения Никифоровна удостоена правительственными наградами, в том числе медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», «Ветеран труда».

В 1949 году она вышла замуж. Муж — участник Великой Отечественной войны. 25 лет он посвятил службе в армии, прошел всю войну. Воевал на Западном, Брянском, Калининском и Ленинградском фронтах, награжден орденом и 15 правительственными медалями, в том числе тремя медалями «За боевые заслуги», медалью «За оборону Москвы».

Евгения Никифоровна очень гордится подвигами своего мужа. Много рассказывает о них своим внукам и правнукам. Часто показывает им документы, медали и фотографии деда. Свою работу в тылу Евгения Никифоровна подвигом не считает: «Это солдаты воевали, свои жизни отдали, чтобы нас защитить. А мы просто работали на совесть».

ТРИФОНОВ Александр Алексеевич

Александр Алексеевич Трифонов родился в августе 1930 года в городе Карчева Калининской области.

Для него, одиннадцатилетнего мальчишки, война началась со страшных фашистских бомбежек, которые накрыли город Гатчину, где в то время проживала семья Трифоновых.

«Помню, как в воздухе летали красные болванки, и на дома с воем падали бомбы, — рассказывает Александр Алексеевич. — Всем жителям приказали пройти в укрытия. Нас загнали в церковь, где мы и пережидали бомбежку. Потом к церкви подогнали грузовики. Нас погрузили в машины и увезли в Ленинград. С собой брать ничего не разрешили. Мать собрала теплые вещи для детей, но все это выбросили».

В Ленинграде Трифоновых поселили на Большой Пушкарской улице.

Отца забрали на фронт. Он погиб в 1942 году. Два брата Александра Алексеевича умерли в блокаду.

«Брат Виктор умирал на моих глазах. Чтобы получить рабочую карточку, он устроился на завод. Рабочих завода отправили на лесозаготовки. Там он получил сильные обморожения. Вернувшись домой, заболел, стал слабеть и угас совсем», — вспоминает Александр Алексеевич.

Как и многие подростки, Александр дежурил в конторе жакта и на крышах домов. Дежурные должны были тушить зажигательные бомбы, а также сообщать о любых подозрительных вещах.

«Однажды я заметил, как с башенки дома напротив кто-то пускает ракеты. Спустился

и доложил об этом охране. Среди ленинградцев были предатели. Голодных людей вербовали. Изможденные жители продавались за кусок хлеба врагу».

Также подростки делали обход по квартирам, выносили умерших людей:

«Покойников оборачивали в простыню, погружали на фанерные листы и волоком тащили к кинотеатру Великан. Оттуда их забирал грузовик и увозил на кладбище», — поясняет Александр Алексеевич.

В 1943 году его наградили медалью «За оборону Ленинграда».

9 февраля 1944 года Александр поступил на работу учеником слесаря на «Ленхлодокомбинат». В связи с тем что мальчику еще не исполнилось 14 лет, руководство хлопотало о разрешении для него на работу.

«Подросткам работать не разрешалось. Меня возили в профорганы на площадь Труда. Поскольку у меня была медаль «За оборону Ленинграда», мне пошли на уступки, разрешение на работу дали, но с соблюдением ряда условий. На деле это было невыполнимо, работали по 12–13 часов в день. Но с питанием стало полегче: я получал рабочую карточку, обедал в столовой. Чувство голода удалось немного утолить».

Александр Алексеевич Трифонов — труженик военного тыла, ветеран труда. В числе многих правительственных наград, которых удостоен Александр Алексеевич, — медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», «Ветеран труда», нагрудный знак «Житель блокадного Ленинграда».

Достойный пример для молодежи

РАШКЕВИЧ Анатолий Алексеевич

Анатолий Алексеевич Рашкевич родился в июле 1928 года в Ленинграде. Окончил 5 классов средней школы.

В начале войны отец ушел на фронт, там он и погиб. В августе 1941 года мать с двенадцатилетним сыном эвакуировалась в Казань вместе с Оптико-механическим заводом, на котором она работала.

В 1943 году 14-летним подростком Анатолий поступил сборщиком-механиком на военный завод № 237 (ГОМЗ), выпускавший снайперские оптические прицелы.

Сначала они с мамой жили в палатке, позже им дали угол за счет уплотнения жилья других семей. Анатолий, хоть и получал хлебную карточку, все время чувствовал голод и никогда не высыпался.

На заводе было много подростков, таких же, как он. Анатолий не доставал до станка, во время работы он становился на ящик, чтобы быть выше. Работать приходилось по 12 часов в смену, без выходных дней и отпусков. Когда случались авралы, то приходилось стоять у станка и по 16 часов, но зато в таких случаях давали талоны на ужин. Ужин состоял из зеленого помидора, картофеля, зеленых щей из щавеля и крапивы или чечевичной похлебки.

Позднее завод выделил им с матерью землю под огород. Они сажали овощи, с питанием стало немного легче.

Так до конца войны трудился для фронта Анатолий.

Как-то ночью, когда все спали, в стенку постучал сосед: «Вставайте, — крикнул он, — Войне конец! Победа!» Анатолий наскоро оделся, выскочил на улицу, а там уже собрались люди. Все радовались, смеялись, плакали.

В 1949 году его призвали в армию. Анатолий служил рядовым, стрелком на охране полигона одного военного научно исследовательского института.

В 1952 году он демобилизовался, приехал в Ленинград и снова поступил на работу на свой род-

ной ГОМЗ (ЛОМО), где проработал до марта 2000 года, причем последние 12 лет — уже будучи пенсионером.

Работая на заводе, Анатолий активно участвовал в общественной жизни. Однажды комсомольцы его цеха обнаружили на правом берегу Невы в районе Ладожского моста могилу погибшего в войну лейтенанта. Ребята сделали ограду из столбиков, по форме напоминающих патроны, и небольшой памятник. А позднее, в 1975 году, они изготовили на заводе и установили на могиле металлический памятник в виде березки и винтовки в ограде.

Анатолий Алексеевич Рашкевич — ветеран труда, труженик военного тыла, участник Выставки достижений народного хозяйства. Он награжден 8 правительственными медалями, в том числе «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годах», «300 лет Российского Флота» и другими.

Нелегкий труд во имя Победы

ХЛЕБНИКОВЫ Иван Григорьевич и Августина Дмитриевна

На фотографии изображена счастливая супружеская пара. Иван Григорьевич и Августина Дмитриевна Хлебниковы познакомились после войны в Ленинграде. В 2007 году пара отметила «бриллиантовую» свадьбу — 60 лет совместной супружеской жизни.

Иван Григорьевич и Августина Дмитриевна — ветераны Великой Отечественной войны, труженики военного тыла.

Иван Григорьевич Хлебников родился 2 января 1927 года в Костроме в большой многодетной семье (6 мальчиков и 1 девочка). Он окончил 7 классов средней школы.

1 января 1942 года 15-летний Ваня поступил учеником слесаря-лекальщика на завод №773. Раньше этот завод выпускал шагающие экскаваторы, а с начала войны перестроился на военный лад, выполнял заказ фронта: выпускал автоматы ППШ (пистолет-пулемет Шпагина) и авиабомбы. Для выполнения заказа собрали самых лучших специалистов со всех союзных республик страны, так как продукция завода была важной и необходимой для нашей Победы.

Ваня быстро освоил свою специальность и вскоре работал наравне со взрослыми.

На заводе была строгая дисциплина. Работали по 12 часов, получали рабочую хлебную карточку и скромное двухразовое питание в столовой. Жили на казарменном положении, все рабочие были на «брони», освобождены от военной службы. Работа была тяжелая, ответственная, требовала высокого качества выпускаемой продукции, так как принимали ее, кроме ОТК военпреды.

«Конечно, мы голодали. Зеленые щи из хряпы, что нам давали на обед, желудок не наполняли. Но мы терпели, понимали, что выполняем ответственный фронтвой заказ. А когда нам объявили, что война закончилась, я помню, что на заводе был митинг, люди радовались, понимали, что в этом есть и их вклад».

Иван работал на заводе и после войны. Позднее, в 1947 году, он переехал в Ленинград, работал мастером в ремесленном училище №5, обучал подростков трудовым навыкам специальности, передавал свой богатый опыт.

Последние 24 года работал на оборонном заводе. Поработал и в НИИ-32 в космической отрасли, 6 лет был в командировке, трудясь в 10 км от Байконура.

Его общий трудовой стаж — 62 года.

Он ветеран труда, награжден рядом правительственных медалей, в том числе медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Его жена — Августина Дмитриевна Хлебникова родилась 24 октября 1929 года в одном из сел Калининской (ныне Тверской) области.

8-месячным ребенком ее вместе с братом родители привезли в Ленинград. Здесь окончила 4 класса школы, а затем, в 1946 году, ее отправили назад в деревню, к бабушке и дедушке. Там она окончила 6 классов школы.

Когда началась война, девочка пошла работать в колхоз «Нива».

Она дергала лен, убирала хлеб, картофель, работала на молотилке, ухаживала за скотом, возила за 3 км на сдаточный пункт молоко. Вся продукция шла на нужды фронта.

«Жилось нам трудно. Не имели даже соли и мыла, приходилось изредка ходить пешком за 25 км в Ярославскую область, там меняли на мыло что-нибудь из вещей. Чай пили с сахарином, сахара мы не видели давно. В деревне мы тоже голодали, но приходилось терпеть. В блокадном Ленинграде от голода умер брат, и я понимала, что там еще хуже», — рассказывает Августина Дмитриевна.

30 мая 1945 года она с матерью вернулась в Ленинград, поступила по вербовке на ЛМЗ (Ленинградский металлический завод им. Сталина), через два месяца по переводу перешла работать на «Ленхладокомбинат», где предварительно окончила школу фабрично-заводского обучения и ремесленное училище.

В числе правительственных наград, которых удостоена Августина Дмитриевна, есть и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

У них с мужем большая дружная семья: дочь и сын, внук и две внучки, четыре правнучки и правнук.

А все-таки жизнь прекрасна!

МАКСИМЕНКО Галина Александровна

У меня было хорошее детство. Я жила в большой и дружной семье.

Бабушка — Мария Макаровна, бывшая актриса и певица.

Мама — Нина Николаевна Паперная, в 30-е годы директор Эрмитажного театра, сценарист на студии «Леннаучфильм», радиожурналист в Ленрадиокомитете.

Отец — Александр Матвеевич Флит — писатель, поэт, баснописец (он удочерил меня в 1938 году, после того, как в период репрессий расстреляли моего родного отца Федора Николаевича Чурина).

Старшая сестра Татьяна и младшая — Марина.

В июне 1941 года мы все были в Сиверской на даче. И вдруг днем неожиданно слышался гул самолета, а затем страшный взрыв. И только спустя некоторое время мы узнали, что это немецкий самолет, вторгшийся на нашу территорию, был сбит зенитчиками ближайшего аэродрома. Мы даже бегали и смотрели на останки этого самолета. Так для нас началась Отечественная война.

Мы все вернулись в город, а 8 сентября началась блокада. Старшей сестре было 20 лет, мне — 12, а младшей — 4 года.

Жили мы на улице Чайковского на первом этаже и, как я помню, при тревогах из дома никуда не выходили.

Мама всю войну и блокаду работала на Ленинградском радио вместе с Ольгой Берггольц, Лазарем Маграчевым и многими другими замечательными людьми. Для меня радиокомитет остался родным домом на всю

жизнь. Если во время блокады я приходила к маме навестить ее, то уже после войны, будучи редактором, делала много материалов, брала интервью у Ростислава Широких, Владимира Чеснокова, Виктора Бузинова и многих известных и любимых ленинградцами работников радио.

Как итог маминого участия в жизни блокадного города в 1969 году вышла удивительная книга «Подвиг века», посвященная деятельности художников, скульпторов, архитекторов,

искусствоведов в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда.

Отец всю войну находился на казарменном положении и практически сутками работал, выезжая в воинские части, дежурил в редакции газеты «На страже Родины», в которой печатал свои стихи, пародии, басни, много писал в «Окна ТАСС», а после войны вышли его книги.

В блокаду бабушка и старшая сестра были не совсем здоровы, поэтому мне приходилось делать многое по хозяйству. Каждый день я ходила в булочную за хлебом, а придя домой, раскладывала его по порциям в салфеточки, на которых сама вышила имена.

Когда мама была дома, она тихонько перекладывала кусочки хлеба из своей салфетки в детские. А я, зная об этом, через некоторое время аккуратно перекладывала обратно в мамину салфетку ее порцию.

Я очень тяжело пережила случай, когда в начале месяца в булочной у меня выхватили карточки, а поскольку народа было много, никто не сумел мне помочь остановить вора.

Положение в семье осложнилось, и мы с мамой решили продать патефон. Мы повезли его на саночках через Поклонную гору к Озеркам. Отец, узнав, что случилось в семье, несколько раз в неделю ждал меня у себя в редакции, где накладывал в баночку чечевичную кашу, которую я относила домой.

В определенные дни мы ходили на улицу Воинова, где тогда был Дом писателей, и по специальным талонам могли там покушать. С мамой мы постоянно ездили на санках за водой на Неву. В свободное от хозяйства время я занималась с младшей сестрой.

Наступили более тяжелые времена, и, учитывая открытие Дороги жизни бабушку и старшую сестру Таню отправили в эвакуацию в Новосибирск, где в войну жила наша тетя, мамина сестра и бабушкина дочь Екатерина Николаевна Смирнова.

Случилось так, что наши родные люди не доехали, и мы до сих пор не знаем, как они погибли и где находятся их останки. Это для нашей семьи было большим горем.

Но жизнь продолжалась. Рядом с нами были родители, которые, несмотря ни на что, занимались интересной и очень нужной работой. Часто в нашем доме мы слушали рассказы, стихи, музыку, и все это делало жизнь более светлой и радостной и сыграло большую роль в становлении наших характеров, а затем и в выборе профессий.

Папа Александр Флит и мама Нина Паперная

Моя сестра Марина уже 45 лет работает главным хранителем Павловского парка, и за активную и успешную деятельность совсем недавно Президент РФ Д. А. Медведев вручил ей государственную премию.

Вся моя трудовая жизнь практически была отдана служению культуре, а это около 45 лет, 15 из которых я возглавляла отделение по работе с подростками, склонными к правонарушениям, в УУРГУВД при ДК им. Дзержинского.

А с 1991 года по настоящее время я занимаюсь редакторской работой в журналах «Петербург-Классика», «Творчество юных», в газете «Вестник ветерана», который сегодня переименован в «Петербургский ветеран».

Я благодарна многим организациям, которые оценили мой труд, у меня десятки дипломов, почетных грамот, очень ценных знаков и даже орден Екатерины Великой «За заслуги и большой вклад в развитие отечественной культуры и искусства». И хочется верить в то, что жизнь прожита не зря. У меня два замечательных сына — Сергей и Александр, которые подарили мне восьмерых внуков и трех правнуков.

Жизнь продолжается, и лишь бы не было войны, а были бы в нашей жизни — мир, счастье, покой, чтобы все были здоровы. И всего этого я желаю всем нашим ветеранам, жителям блокадного Ленинграда. Чтобы наше юное поколение берегло своих родителей, бабушек, дедушек и понимало, что скоро на них ляжет ответственность за жизнь нашей страны.

Я очень благодарна председателю Муниципального образования «Пискаревка» Вере Владимировне Сергеевой за то, что она доверила мне редактирование второго и третьего томов «Память сердца». Эта работа над воспоминаниями жителей блокадного Ленинграда действительно будет Памятью сердца до конца моей жизни.

Оглядываясь на прожитую жизнь, думаю, что прожита она не зря

РАХАЛОВ Леонид Силантьевич

Издание четвертой книги «Память сердца», посвященной 65-летию Победы, которую вы держите в руках, многим обязано Леониду Силантьевичу Рахалову.

Леонид Силантьевич — не только автор очерков, включенных в книгу воспоминаний ветеранов о Великой Отечественной войне, но и один из ее основных составителей.

Впечатления и переживания ветеранов о войне, о блокадных днях тесно переплетены с его личными. Все, о чем рассказывают его герои на страницах книги, пережито и самим Леонидом Рахаловым.

Леонид Силантьевич родился 10 сентября 1922 года в Ленинграде. Детство и юность его прошли в городе Малая Вишера.

В июле 1941 года, несмотря на астигматизм, Леонид Силантьевич добровольцем уходит на фронт. Он прошел всю войну, воевал на Украине, командовал ротой, имел воинское звание старший лейтенант.

После Победы служил за рубежом в подразделениях особого риска.

Вернувшись к мирной жизни, Рахалов длительное время занимал одну из руководящих должностей в ВНИИ лесного хозяйства, сочетая основную работу с активной общественной деятельностью.

После выхода на пенсию Леонид Силантьевич все свои силы отдавал ветеранскому движению. Деятельность Леонида Силантьевича Рахалова отмечена не только боевыми

наградами — орденом Великой Отечественной войны II степени, медалью «За победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», — но и трудовыми. Имеет юбилейные медали, почетные ведомственные нагрудные знаки и другие виды поощрений.

Леонид Силантьевич Рахалов был достойным человеком и пользовался уважением жителей Муниципального округа Пискаревка. В 2008 году ему было присвоено звание

«Почетный житель Муниципального округа Пискаревка».

Большой вклад Л. С. Рахалов внес в подготовку многотомного издания «Память сердца», которое осуществляет депутатский корпус Муниципального образования Муниципального округа Пискаревка, и которое содержит воспоминания ветеранов о Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда.

К великому сожалению, в дни празднования юбилея Победы нет с нами рядом Леонида Силантьевича. Он так и не дождался выхода в свет этой книги. Но его подвижничество никого не оставит равнодушным. Он торопил время, поскольку понимал: его труд — это всего лишь малая толика того, что мы должны знать и помнить о войне.

Закончить четвертый том «Памяти сердца» мы хотим его стихотворением, которое Леонид Силантьевич посвятил 65-летию Победы в Великой отечественной войне над фашистской Германией.

С Днем Победы

*Посвящается 65-летию нашей Победы
в Великой Отечественной войне 1941–1945...*

*Фронтовики-друзья, наденьте ордена
В наш юбилейный праздник — День Победы.
Давным-давно закончилась война,
Принесшая нам горе, смерти, беды.*

*Платили за Победу дорогой ценой,
Теряли боевых друзей хороших,
Мы братские могилы оставляли за собой,
Фашистов трупы, занесенные порошей.*

*Освобождали наши села, города,
Прошли по всей Европе до Берлина,
Чтоб впредь с мечом к нам никогда
Не приходил никто отныне.*

*Как мало остается нас живых,
И с каждым годом многие уходят,
Но память о друзьях погибших, фронтовых
И память о войне с годами не проходит.*

*И в День Победы, в этот юбилей
Мы все в строю, погибшие, живые.
В кругу семьи, в кругу друзей
Припомним мы дороги фронтовые.*

*Мы все скромны, но просьба есть у нас:
Потомки, нашу честь не запятняйте,
Кто защитил вас в грозный час,
И поколениям эстафету передайте.*

*Леонид Силантьевич РАХАЛОВ,
участник Великой Отечественной войны*

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Д. А. Медведев, Президент Российской Федерации	4
Патриарх московский и Всея Руси Кирилл	5
В. И. Матвиенко, Губернатор Санкт-Петербурга	6
М. М. Сафонов, Глава администрации Калининского района Санкт-Петербурга	7
В. В. Сергеева, Глава Муниципального образования МО Пискаревка	8
Мы постараемся сделать все для того, чтобы Вы могли нами гордиться...	9
Операция Барбаросса	10
Полководцы и военачальники СССР периода Великой Отечественной войны	11
Награды Родины в Великой Отечественной войне	18
Города-герои	30
Города воинской славы	32
Город первого салюта.	33
Знамя Победы	33
Парад Победы	34
Голос Победы — Юрий Левитан	36
О чем писала газета «Правда» 10 мая 1945 года	38
А. А. Самохвалова, Председатель Совета ветеранов Великой Отечественной войны и труда МО Пискаревка.	40

В БОЯХ ЗА РОДИНУ!

Ю. И. АГАПОВ. Он защищал Ленинград (Л. Рахалов)	43
В. Н. АЛЕКСЕЕВ. От Курской дуги до Праги (Л. Рахалов)	45
В. Н. АНДРЕЕВ. Моим друзьям-спецам на добрую память!	47
В. И. БОГДАНОВ. С началом войны жизнь резко изменилась (А. Пухова)	49
В. П. БОЛОТИН. В боях за освобождение Прибалтики (Л. Рахалов)	51
Ф. Н. БУБНОВ. Вера в победу воодушевляла воинов	52
П. М. БУЗУЛУЦКИЙ С боями от Невы до Эльбы (Л. Рахалов)	53
Я. Н. ВЕЛИКИН. Я выбрал свою военную судьбу — стал разведчиком.	55
В. И. ГРИГОРЬЕВ. В тылу врага (Л. Рахалов).	57
Л. А. ГРЕЙМЕР. Освобождение каждого населенного пункта вселяло в нас уверенность в победе	60
Н. В. ДМИТРИЕВ. В боях на 2-м Прибалтийском... (Л. Рахалов)	63
В. В. ЕГОРОВА. О судьбе?! Она предсказуема или зависит от твоих желаний?!	64
И. П. ЗВЯГИНЦЕВ. На «тридцатьчетверке» до Эльбы (Л. Рахалов).	66
К. А. ИОНОВ. Огненные километры войны (Л. Рахалов).	67
А. Н. ИСАКОВ. Мне удалось написать на рейхстаге.	69
И. П. КАКУШИН. Он защищал Родину (Л. Рахалов)	71
В. К. КИЛЬ. Его фронтовая судьба (Л. Рахалов)	73
В. Н. КОРОЛЕВ. На страже ленинградского неба	74
А. Е. ЛЕВКОВИЧ. Не стареет душой ветеран (Л. Рахалов).	76
Е. П. ЛЕЙБИНА. Начало блокады я встретила хлебопеком	78
А. Е. МАКЕЕВ. Война застала меня под Лугой (М. Шабарова)	79
Ф. А. МОРОЗОВ. В белоснежных полях под Москвой (Т. Ф. Балакальчук)	83

Г. Д. НИКИТИН. Всю жизнь он помогает людям.	85
В. И. НИКОЛАЕВ. Как мы прорывали блокадное кольцо	89
В. Л. НИКУШКИН. Лучший воздушный разведчик (В. Смирнов)	91
В. Я. ОЛЬШАНСКИЙ. В боях на Курской дуге (Л. Рахалов)	92
Н. И. РОДИОНОВА. На втором Белорусском... (Л. Рахалов)	94
А. М. САВИНОВА. Девушка в военной шинели (Л. Рахалов)	95
А. А. САРАФАНОВ. В боях по освобождению Прибалтики (Л. Рахалов)	97
В. И. СВИРКО. «Теряли мы друзей, родных, но веру не потеряли в Родину свою» (Л. Рахалов)	98
Л. Е. СИНДАЛОВСКИЙ. Центральный! Справа по курсу слышу шум винтов (Л. Рахалов)	100
П. В. СОКОЛОВ. Боевой путь воздушного стрелка-радиста (Л. Рахалов)	101
А. Ф. СОЛОВЕЙ. «И еще раз о войне...» (А. Самохвалова)	103
Н. А. СОЛОВЬЕВ. Наша бригада участвовала в прорыве блокады.	106
В. А. СТАЮНИН. В боях за Родину (Л. Рахалов).	107
З. И. СТЕПАНОВА. Я оставила свою роспись на рейхстаге!	108
Д. А. ТЕПЛОВ. Ветеран Тихоокеанского Военно-Морского флота (Л. Рахалов)	109
А. И. ТЕПЛОУХОВ. Гвардия штурмует Кенигсберг (Л. Рахалов)	111
А. А. ТИМАКОВ. Путь-дорога до Берлина... (А. Пономарев).	113
И. И. ТОПИЛИН. По дорогам войны (Л. Рахалов).	114
В. Н. ФИЛИППОВСКИЙ. Мое первое боевое задание.	116
Н. К. ЧЕКМАСОВ. На войне, как на войне (Л. Рахалов)	118
Г. Я. ШАБАРОВ. Защита Отечества — священный долг каждого.	120
Г. И. ШАНИН. Мой боевой путь начался с Орловской битвы.	121
М. М. ШЕВЯКОВА. Ласковые руки и доброе сердце (Л. Рахалов)	125
Х. И. ЮСУПОВ. Тридцатьчетверки идут на запад (Л. Рахалов).	126
З. Г. ЯКОВЕНКО. Это нельзя позабыть! (Л. Рахалов)	127

ВЫСТОЯЛИ! ПОБЕДИЛИ! В БЛОКАДНОМ КОЛЬЦЕ

А. С. АЛИМОВ. Мальчишка Великой войны (В. Соколов)	131
Г. И. АМУР. Мальчишка из блокады (Л. Рахалов).	135
А. Н. АНДРУКОВА. Мы выжили благодаря мужеству моей мамы	137
В. А. БЕЛОБОРОДОВА. Скромный труженик войны (Л. Рахалов)	140
В. А. БЕРКОВИЧ. Вспоминая блокаду (Л. Рахалов).	141
Т. В. БИЗЮЛЕВА. Жизнь после смерти (К. Аникина).	145
М. И. БЛИНОВА. В рядах бойцов МПВО Ленинграда	147
А. А. ВАСИЛЬЕВА. Девчонка из блокадного города (Л. Рахалов)	149
Н. С. ВОРОНЦОВА. Это нельзя забыть! (Л. Рахалов)	150
Б. Я. ГАВРИЛЕНКО. Я счастлива тем, что у меня были такие достойные родители (Т. Белинская)	152
И. И. ГОЛУБЕВА. Блокадная закалка (Л. Рахалов)	154
О. П. ГОНЧАРОВА. Ленинградская блокада в дневниках и письмах очевидцев	156
Е. А. ДАВЫДОВ. Ветеран с Малой Охты (Л. Рахалов)	162
З. Н. и Б. А. ИСАКОВЫ. Память сердца и души	164
Г. И. КРЫЛОВ. «Страна, надейся на “потерянных”, Они тебя не подведут!» (Л. Рахалов)	169
Т. А. КРЫЛОВА. Из детей в нашем дворе осталась я одна	171

В. А. КУРУШИНА. «Нам в сорок третьем выдали медали, и только в сорок пятом — паспорта...» (Л. Рахалов)	175
З. А. ЛЕПИНЬ. Школьница из блокадного Ленинграда (Л. Рахалов)	177
В. Ф. ЛОМАГИНА. Что я помню о блокаде	179
В. Я. МАМАЕВ. Воспоминания мальчишки из блокадного Ленинграда	181
Н. Г. МАШИНИСТОВА. Моя жизнь в блокаде.	185
Н. Ф. НИКОЛАЕВА. Люди в блокаду были отзывчивые и добрые	186
М. А. ПАВЛОВСКИЙ. Как нам жилось в блокадном Ленинграде	187
М. Е. ПЕТРОВА. Ужас войны меня преследует всю жизнь	191
Е. М. ПЕТРОВ. Ленинград — город-фронт.	194
И. А. РАСПОПОВА. «Да, так сложилась жизнь моя, что в девять взрослой стала я» (Л. Рахалов).	196
Р. А. СИДНЕВ. Скромный труженик военного тыла (Л. Рахалов)	198
В. А. СИДОРОВ. На всю оставшуюся жизнь...	199
Н. М. СИНЯЕВА. Вспоминая все, что пережито	210
Л. В. СТАРЦЕВА. Мы очень хотели жить и верили в Победу	212
А. Я. ТРОФИМЕНКО. Ее не сломила блокада (Л. Рахалов).	214
Л. А. ЧЕРНЫШОВА. Меня спасли мама и Педиатрический институт (А. Самохвалова).	215
Е. Н. ШИРЯЕВА. Войну и блокаду — за печатным станком (Л. Рахалов).	218
В. П. ЩЕДРИНА. Мы родом из блокады	219

В ФАШИСТСКОМ ПЛЕНУ

Е. Т. ГРИГОРЬЕВ. Мои детские воспоминания	223
Т. А. ЯСЕНОВСКАЯ. В фашистской неволе (Л. Рахалов)	227

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

В. П. АЛЕКСЕЕВА. Труд во имя Победы (Л. Рахалов)	231
М. И. БЕЛОВ. Труженик военного тыла (Л. Рахалов)	232
П. И. ДЕНИСОВ. А было мальчишке 13 лет... (Л. Рахалов)	233
Т. А. КОНДРАТОВА. Ее нелегкая судьба (Л. Рахалов)	235
А. А. КУЧЕРОВА. Вспоминая со слезами на глазах (Л. Рахалов).	237
М. Ф. ЛЕБЕДЕВА. Когда закончилась война, радости не было предела (Л. Рахалов)	238
В. Н. МАРКОВСКИЙ. Блокадную зиму я запомнил навсегда	239
Б. П. МИНИН. В труде как в бою! (Л. Рахалов).	242
Е. Н. НЕРОСЛЕВА. Скромный труженик военного тыла (Л. Рахалов)	243
А. А. ТРИФОНОВ. Честь рабочего человека (Л. Рахалов)	244
А. А. РАШКЕВИЧ. Достойный пример для молодежи (Л. Рахалов)	245
А. Д. и И. Г. ХЛЕБНИКОВЫ. Нелегкий труд во имя Победы (Л. Рахалов)	246
Г. А. МАКСИМЕНКО. А все-таки жизнь прекрасна!	248
Л. С. РАХАЛОВ. Оглядываясь на прожитую жизнь, думаю, что прожита она не зря	250

Внутригородское Муниципальное образование Санкт-Петербурга Муниципальный округ Пискаревка

Инициатива издания
Муниципальный Совет Муниципального образования МО Пискаревка
Администрация Калининского района Санкт-Петербурга

Автор концепции и руководитель проекта
В. В. Сергеева

Ответственный редактор
Л. С. Рахалов

Редакционный совет:
Т. Ф. Балакальчук, С. Н. Мережко, Н. М. Николаева,
М. О. Орлинская, А. Ф. Савчук, А. А. Самохвалова, В. В. Сергеева

Литературный редактор
Е. А. Ветлугина

Комп. верстка, обработка иллюстраций, фото
Е. С. Липатова

Корректор
Ю. Б. Гомулина

Использованная литература:

*Рябов В.С., Чуйков В.И., Великая Отечественная. Фотоальбом. Москва, Планета, 1985.
Дроздов Г.М., Рябко Е.Н. Парад Победы. Фотоальбом. М., Планета. 1985.*

Отпечатано в типографии «НИКА».
194044, Санкт-Петербург, ул. Гельсингфорсская, д. 4/1.
Тел. (812) 331-63-43, 294-56-02 • info@ipfnika.spb.ru • www.ipfnika.spb.ru
Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Petersburg.
Бумага мелованная 170 г/м². Заказ № . Тираж 1000 экз.

Память сердца